

**КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ
ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ МОСКВЫ**

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ
В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ В 1963—1965 ГГ.**

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ
В УСПЕНСКОМ СОБОРЕ В 1966 Г.**

**НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ
КОСТНЫХ ОСТАТКОВ ЖИВОТНЫХ
ИЗ РАСКОПОК МОСКВЫ**

**ОСТАТКИ РЫБ ИЗ РАСКОПОК
ДРЕВНЕГО КРЕМЛЯ И ЗАРЯДЬЯ**

**ПАЛАТЫ НАТАЛЬИ КИРИЛЛОВНЫ
В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ**

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ МОСКВЫ В XII—XIV ВВ.

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СВЯЗИ
МОСКОВСКОЙ РУСИ С ЗАКАВКАЗЬЕМ
И БЛИЖНИМ ВОСТОКОМ В XVI В.**

ИНСТРУМЕНТЫ МОСКОВСКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ
МАТЕРИАЛОВ РАСКОПОК В ДМИТРОВЕ
1933—1934 ГГ.**

63.4 402-6

Д 73

ДРЕВНОСТИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

ММ

Издательство

«Наука»

Москва

1971

НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ

СПИСАНО

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР,
№ 167

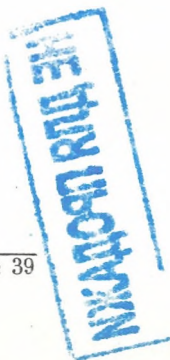
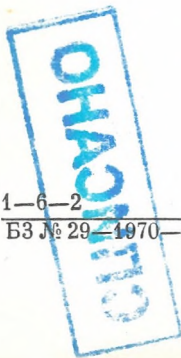
Материалы и исследования
по археологии Москвы,
т. IV

Ответственные редакторы

И. Н. Воронин, М. Г. Рабинович

1—6—2

БЗ № 29—1970—№ 39

Предисловие

Далеко в глубь веков уходит история нашей столицы. Где-то в начале ее мы видим маленький городок Москов, ничем не отличавшийся от сотен других русских городков. Летописи, на страницы которых Москов попал в середине XII в., и другие письменные источники вплоть до XIV в. упоминают о нем чрезвычайно скупо, и может показаться настоящим чудом, что этот затерянный в лесах городок менее чем за одно столетие превратился в стольный город великого княжества, сплотил вокруг себя все русские земли в их борьбе за независимость, дал свое имя огромной стране, которую в XV в. называли Московией.

Начиная с XIV в. Москва упоминается много раз в письменных источниках. Но и в период XIV—XVII вв. источники отражают в основном огромное политическое значение города. О будничном труде москвичей, о том, как именно росла и ширилась Москва, как развивались московские ремесла и торговля, как строились дома горожан и царские

хоромы, как изменялось городское хозяйство, они свидетельствуют мало.

Между тем такие сведения чрезвычайно важны для анализа исторического процесса, выводов и суждений о его закономерностях.

Поэтому наряду с анализом письменных источников все большее значение приобретает археологическое изучение Москвы, дающее в руки исследователей огромный материал по истории быта, ремесел и торговли. Объектом систематического изучения археологов Москва стала сравнительно недавно, позднее других крупных русских городов — Киева, Великого Новгорода, Владимира, Рязани. Археологическая историография Москвы по существу вся укладывается в послеоктябрьский период. Немного более сорока лет тому назад, в 1926 г., комиссией по истории Москвы были впервые поставлены систематические археологические наблюдения за земляными работами в городе (наиболее важными из них стали проведенные ГАИМК наблюдения на строительстве Московского метрополитена).

Археологические наблюдения имеют для исследования крупных городов огромное значение, позволяя составить представление как о топографии и развитии планировки города, так и о многих важных сооружениях, оборонительных и гражданских, об отдельных зданиях, об уровне развития городского хозяйства. Собранные при наблюдениях коллекции, на первый взгляд, случайных вещей при надлежащей научной обработке и систематизации, дают яркую картину быта горожан¹. Роль археологических наблюдений станет в особенности ясна, если вспомнить, что современные методы стационарных археологических раскопок пока еще очень трудоемки и даже при значительных ассигнованиях и наилучшей постановке исследований, как было, например, в Новгороде, позволяют даже за десятилетия изучить лишь незначительную часть территории города.

Наблюдения за земляными работами, ведущимися обыкновенно в различных районах, разрешают в относительно короткий срок составить представление, если не обо всей территории города, то о значительной ее части. Не случайно поэтому, что первые сборники материалов и исследований по археологии Москвы посвящены результатам археологических наблюдений².

Однако прочную источниковедческую базу для археологических исследований, проверенную стратиграфию можно получить только в результате стационарных археологических раскопок, когда со всей возможной тщательностью изучается пласт за пластом культурного слоя. При исследовании больших городов необходимо сочетание широко поставленных археологических наблюдений со стационарными раскопками важнейших районов города.

В Москве такие раскопки начались лишь в 1946 г. и с небольшими перерывами ведутся до настоящего времени. Они всегда сочетались с более широкими наблюдениями за земляными работами.

Сначала был исследован важный район в устье р. Яузы; после этого раскопки приблизились к центру Москвы: Зарядье, укрепления у Троицких ворот Кремля, наконец — сам кремлевский холм.

Археологические раскопки в Кремле имели для изучения города огромное значение. Они положили конец сомнениям историков и археологов относительно древнейшего ядра территории Москвы. Стало ясно, что таким ядром был кремлевский холм. Раскопки в Кремле, проводившиеся Кремлевской экспедицией Института археологии АН СССР и Музеем истории и реконструкции г. Москвы в 1959—1960 гг. в связи со строительством Дворца съездов, выявили древнейшие оборонительные сооружения Москвы и ее первоначальный посад. Они позволили по-новому осветить и прежние материалы раскопок в Зарядье и на устье р. Яузы, дать некоторые обобщения, касающиеся Москвы в целом.

Результаты раскопок на устье р. Яузы составили значительную часть третьего сборника материалов и исследований по археологии Москвы³. Некоторые итоги работ в Зарядье подведены в сборнике «Памятники археологии Москвы и Подмосковья»⁴.

Данная же книга посвящена в основном результатам исследования Кремля.

Накопленный материал позволяет поставить вопрос о стратиграфии культурного слоя Москвы в целом, о датировке различных его горизонтов, по крайней мере в центральных ча-

стях города. Эта проблема освещается в статье М. Г. Рабиновича «Культурный слой центральных районов Москвы». Автор рассматривает в ней также особенности распределения в культурном слое Москвы наиболее важного массового материала — керамики.

Значительные новые сведения о стратиграфии культурного слоя Москвы были получены при археологических работах, связанных с реставрацией некоторых древних зданий Кремля. Результатам этих работ посвящена статья Н. С. Шеляпиной «Археологические наблюдения в Московском кремле 1963—1965 гг.». В ней читатель найдет и первые результаты дендрохронологического анализа остатков древних московских строений. Продолжение этих работ в 1966 г. описано в статье Д. А. Беленькой «Археологические наблюдения в Успенском соборе».

Массовый костный материал из Кремля и Зарядья охарактеризован в статьях В. И. Цалкина «Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы» и Е. А. Цепкина «Остатки рыб из раскопок древнего Кремля и Зарядья». Подобные исследования, давшие весьма важные для экономической истории Москвы результаты, публикуются впервые.

В статье А. Г. Векслера «Палаты Натальи Кирилловны в Кремле (опыт реконструкции)» по материалам раскопок и архивным изысканиям восстановлены внутренняя планировка, интерьер и внешний вид одного из не существующих ныне дворцовых зданий. В этом здании протекало и детство Петра I.

Две следующих статьи посвящены торговым и культурным связям Москвы. Статья Г. П. Латышевой «Торговые связи Москвы в XII—XIV вв.

(по археологическим материалам)» основана на коллекциях, собранных при раскопках в Кремле. Исследование же А. Л. Якобсона «Художественные связи Московской Руси с Закавказьем и Ближним Востоком» построено на анализе сохранившихся художественных изделий.

Р. Л. Розенфельдт в своей статье «Инструменты московских ремесленников» возвращается к описанию некоторых предметов из раскопок в Зарядье, привлекая и находки из Тушинского лагеря под Москвой.

По давней хорошей традиции, в сборник включена и работа, посвященная археологическим памятникам Московского края⁵. Это — статья А. В. Никитина «К характеристике материалов раскопок в Дмитрове», в которой уточняются результаты давних работ Н. П. Милонова.

Таким образом, предлагаемый читателю сборник материалов и исследований по археологии Москвы, продолжая существующую серию публикаций, вводит в научный оборот обильный и разнообразный новый материал и некоторые обобщающие исследования по истории столицы.

Однако он не претендует на полноту⁶. Обработка материалов раскопок продолжается, и многие исследования еще не закончены. Продолжаются и раскопки, которые каждый год приносят новые интересные результаты. Таковы работы в южной части Соборной площади, исследования основания Кремлевской стены, ведущиеся археологами совместно с архитекторами, археологические наблюдения в нагорной части Китай-города.

В настоящее время археологические исследования Москвы ведутся несколькими научными учреждениями⁷. Здесь следует назвать Археологический отдел Музея истории и реконструкции г. Москвы, археологи-

ческую группу архитектурно-археологического отдела государственных музеев Московского кремля, археологов центральных научно-реставрационных мастерских Министерства культуры СССР и, конечно, Московскую экспедицию Института археологии Академии наук СССР. Работа их

(разумеется, не в полной мере) отражена и в настоящем сборнике.

В настоящее время уже нельзя сказать, что Москва хуже изучена археологически, чем другие крупные города СССР, и надо ожидать публикации новых материалов и исследований.

Примечания

¹ См., например: П. Н. Миллер. Московский мусор. «Московский краевед», вып. 3, 1928.

² «По трассе I очереди Московского метрополитена». Л., 1936; «Материалы и исследования по археологии Москвы», т. I. МИА, № 7, 1947.

³ «Материалы и исследования по археологии Москвы», т. II. МИА, № 12, 1949.

⁴ «Труды Музея истории и реконструкции г. Москвы», вып. V. М., 1954.

⁵ См. «Материалы и исследования по археологии Москвы», т. I—III.

⁶ Результатам археологических работ в Москве посвящена также монография: М. Г. Рабинович. «О древней Москве». М., 1964.

⁷ Археологическими исследованиями в Кремле в 1959—1960 гг. руководили: Н. Н. Воронин — начальник экспедиции (Ин-т археологии АН СССР) и М. Г. Рабинович — зам. начальника экспедиции (Ин-т этнографии АН СССР).

М. Г. Рабинович

Культурный слой центральных районов Москвы

Введение. Основным источником археологических материалов в Москве, как и на других поселениях, является культурный слой. Даже самые интересные вещи и сооружения могут быть в полной мере использованы для изучения истории города лишь тогда, когда они так или иначе связаны с его культурным слоем. Однако исследование культурного слоя Москвы на первых порах намного отстало от архивных изысканий, топографических, историко-архитектурных и чисто вещеведческих работ, на которых в основном строилась история Москвы в дореволюционный период¹.

Начало этой работе было положено только в 20-х годах нашего столетия группой московских краеведов под руководством П. Н. Миллера. Она подготовила те большие работы по изучению культурного слоя Москвы, которые были предприняты при строительстве I очереди Московского метрополитена в начале 30-х годов. Тоннели будущего метрополитена проходили тогда в ряде районов открытым

способом, а в центре, где они закладывались на значительной глубине, все же было достаточно вертикальных и наклонных шахт, пробивавших культурный слой. В результате впервые удалось получить сведения о культурном слое Москвы на значительном протяжении — от Сокольников до Крымской площади и от Киевского вокзала до современного здания Библиотеки им. Ленина. Результаты наблюдений над культурным слоем опубликованы Т. С. Пассек. Это была «попытка представить некоторую сводку материалов, полученных в результате работ... характеризующих культурный слой Москвы, с выделением хронологически различных комплексов находок. Лишь со временем при более длительном и углубленном изучении культурного слоя Москвы,— писала Т. С. Пассек,— удастся дать его полное описание»². В ее работе содержатся интересные сведения о мощности культурного слоя на разных участках трассы метрополитена, характере наслоений, их примерной

датировке и подстилающих породах. Продолжение археологических наблюдений на строительстве II очереди метрополитена не дало новых более интересных сведений о культурном слое Москвы, так как основные работы Метростроя велись на больших глубинах, где уже не было культурного слоя и где его лишь изредка удавалось зафиксировать. Но и в этих случаях культурный слой оказался настолько перемешанным, что не было возможности найти его средневековые горизонты³.

Рис. 1.

Схема археологических работ в Москве

- — стационарные раскопки;
- ▼ — работы в связи с реставрацией памятников архитектуры;
- — наблюдения за земляными работами;
- — укрепления XV—XVI вв.

Последним по времени исследованием, посвященным культурному слою Москвы в целом, является работа Ф. В. Котлова, вышедшая в свет к юбилею Москвы⁴. Эта работа содержит не только инженерно-геологическую характеристику культурного слоя, но и ряд интересных наблюдений, касающихся закономерностей его отложения и особенностей состава в зависимости от исторической судьбы тех или иных районов города. Заслуживает пристального внимания историков попытка Ф. В. Котлова классифицировать культурный слой, разбивая его на группы, объединенные топографической общностью, общностью функционального назначения или исторической судьбы (например, овраги, дороги, древние слободы и т. п.).

Со времени появления этих работ археологи провели в Москве систематические стационарные раскопки, захватившие в основном центральные районы города — Кремль, Зарядье, Заяузье и частично — Занеглименье (рис. 1). Несмотря на серьезные затруднения, о которых речь пойдет ниже, удалось исследовать несколько участков с относительно хорошо сохранившимися напластованиями культурного слоя. Изучение этих участков позволило выявить отдельные хронологические периоды образования наслоений и дать характеристику культурного слоя, соответствующую каждому из намеченных периодов. Имея эту характеристику, можно уже было найти соответствующие горизонты культурного слоя при наблюдениях за многочисленными земляными работами в различных районах города. Археологические наблюдения за земляными работами в Москве, которые систематически велись в течение всего послевоенного периода Музеем истории и реконст-

рукции г. Москвы, а иногда проводились на крупных стройках и в 1939—1941 гг., позволяют расширить территорию исследованного культурного слоя Москвы во много раз.

В предлагаемой работе подводятся итоги изучения культурного слоя центральных районов Москвы за 1946—1960 гг. В основу стратиграфической шкалы положены материалы, полученные при стационарных раскопках в Зарядье и в Кремле, проведенных нами в 1949—1951 и в 1959—1960 гг. В меньшей мере использованы результаты раскопок А. Ф. Дубынина в 1954—1961 гг., поскольку методика этих работ несколько отличалась от нашей и материалы их поэтому не всегда сопоставимы, а публикации носят пока лишь предварительный характер. Для выяснения распространенности основных горизонтов культурного слоя, выявленных при разработке стратиграфической шкалы, широко привлечены результаты археологических наблюдений, проведенных на всей территории города (но преимущественно — в пределах Садового кольца), а также данные археологических работ при реставрации древних архитектурных памятников, и геологические разрезы культурного слоя.

Сопоставление стратиграфии культурного слоя, характера встреченных сооружений и вещевых находок с соответствующими материалами, полученными при раскопках других русских городов, позволяет получить основания для датировок.

Здесь особую роль играют результаты раскопок в Новгороде Великом, проведенные в последние 15 лет под руководством А. В. Арциховского. Эти работы, масштабы которых превышают все известные нам раскопки русских городов, позволили получить огромное количество вещевого мате-

риала и классифицировать его с большой степенью точности по различным хронологическим периодам. Примененные Новгородской экспедицией методы дендротатировки и технологический анализ ряда важнейших категорий вещей имеют большое значение не только для Новгорода, но и для всех древних русских городов. Естественно, что при определении вещей и датировке слоев мы будем неоднократно обращаться в первую очередь к трудам Новгородской экспедиции, а затем и к результатам исследований других древнерусских городов.

Археологическое изучение культурного слоя центральных районов Москвы чрезвычайно осложнено тем, что эти районы в течение ряда столетий являлись в столице наиболее густо заселенными. С древнейших времен тут шло оживленное строительство зданий, промышленных и гидротехнических сооружений, а впоследствии — и укреплений. При этом позднейшие сооружения нарушали более древние горизонты культурного слоя. За все время работ нам не удалось найти участка протяженностью хотя бы в 20 м, где культурный слой не был бы многократно нарушен различными перекопами — фундаментами зданий, сооружениями городского хозяйства и просто ямами для производственных и хозяйственных отходов. Из-за незначительной площади многих раскопов далеко не всегда удается проследить точные границы перекопов, нередко только по находкам можно судить о наличии глубоких перекопов, достигающих древних слоев. Так, некоторые вещи, относящиеся, безусловно, к древнейшим горизонтам культурного слоя Москвы и свидетельствующие сами по себе о древности московских культурных наслоений, оказались в верхних пластах,

датируемых XIX и даже XX в. К ним относится, например, находка костяной ложечки в раскопе II в Зарядье. Такие ложечки находят в древнерусских городах в слоях VII—VIII вв. (Старая Ладога)⁵. В Киеве аналогичная находка сделана под фундаментом Десятинной церкви при работах Д. В. Милеева. Точно так же при раскопках в Кремле стеклянные браслеты начали попадаться еще в комплексах XIX и XX вв.

Как показали раскопки, уже с глубокой древности жилища на исследованной нами территории, как правило, строились с погребями, сохранившиеся срубы которых достигают иногда 7—10 венцов (глубина 1,5—2 м). Позднее в XIV—XVIII вв., когда в Москве стали строить церкви и укрепления из камня, а затем развилось интенсивное каменное строительство, каменные фундаменты закладывались также весьма основательно. Копали траншею для фундамента глубиной 0,7—1,2 м, в дно этой траншеи по большей части забивали сваи диаметром от 15 до 25—30 см, длиной — от 1,5 до 3,0 м. Если при рытье подпольных ям, погребов и траншей для фундаментов перекопанная земля выбрасывалась наверх, и ранние вещи попадали, как сказано выше, в более поздние слои, если при засыпке подземных частей сооружений подвалы наполнялись перемешанным материалом, то при забивке свай вместе с ними в древние горизонты могли быть втиснуты более поздние вещи. В этом случае исследователь, привыкший датировать комплексы по наиболее поздней находке, нередко может быть введен в заблуждение.

Все изложенные обстоятельства не позволяют выделить на исследованной нами территории Москвы последовательные наслоения культурного

слоя с той точностью, как это сделано, например, по строительным ярусам и пластам для Неревского конца Великого Новгорода⁶, где, заметим, до сих пор не встречалось ни погребов, ни зданий, опирающихся на многочисленные сваи.

Исследуя территорию Заяузья, Зарядья, а затем и Кремля, мы должны были вести работы в весьма сжатые сроки.

Стационарными раскопками была охвачена территория в Кремле и в Зарядье в общей сложности около 1600 кв. м. Основная часть ее приходится на район Зарядья между церковью Николы Мокрого и Зарядьевским переулком. Меньшая территория (250 кв. м) вскрыта в Кремле к северу от теремов⁷ (см. рис. 2; 3).

Раскопки велись с таким расчетом, чтобы получить возможно большее количество разрезов культурного слоя. При расширении раскопок никогда не упускалась возможность оставления бровок и снятия промежуточных профилей, да и сами раскопы закладывались первоначально небольшими площадями. Эти площади, как правило, содержали по несколько перекопов. Однако в каждом из пройденных нами раскопов выявлялись определенные прослойки и комплексы, которые можно определить и датировать более или менее точно. Они-то и легли в основу построения хронологической шкалы.

Характеристика керамики. Особое внимание при раскопках обращалось на полный отбор и фиксацию массового материала. Уже с самого начала работ была отмечена сравнительно слабая насыщенность культурного слоя так называемыми индивидуальными находками. Тем большее значение приобретал для нашей работы рядовой, массовый материал, в особенности керамика. Поэтому, уже в

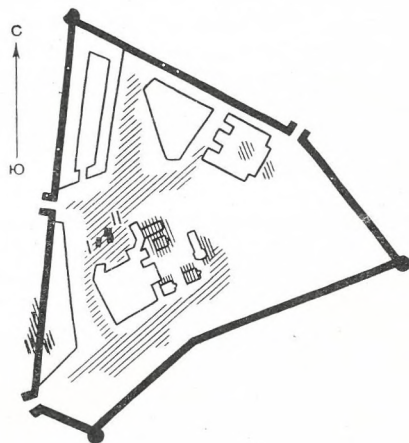

полевых условиях вся находимая керамика подвергалась первичной научной обработке. Мы стремились выделить определенные типы керамики и учесть еще в процессе работ количественное соотношение этих типов. Последнее было особенно важно потому, что, как мы отмечали, было трудно ожидать вскрытия так называемых стерильных слоев, в которых материал не был бы перемешан хоть в незначительной степени. С другой стороны, опыт изучения древнерусской керамики показал, что не только в деревнях, но и в городах зачастую переживали очень длительное время архаические формы керамики, а новые формы обычно распространялись не сразу и первоначально составляли в количественном отношении лишь небольшой процент керамики. Обилие находок керамики (они исчислялись в тысячах и даже десятках тысяч) вполне позволяло исходить при первоначальной датировке из количественного соотношения различных типов керамики. При выделении этих типов была взята за основу классификация, разработанная нами при раскопках Московской гончарной слободы в устье р. Яузы⁸. Эта классификация охватывала преимущественно поздний период (XVI—XVII вв.), и в нее пришлось в процессе работы внести целый ряд дополнений. Некоторые типы керамики, прослеженные в Гончарной слободе, вовсе не встречались в Зарядье и в Кремле. Зато в этих центральных районах города выявилось несколько новых типов керамики, в частности более древние типы, которые отсутствовали в Гончарной слободе. На соотношении типов встречающейся в той или иной прослойке керамики и основывалась предварительная датировка прослойки и соответствующих ей сооружений. Эта

датировка проверялась по вещам, встреченным в соответствующих горизонтах, по письменным источникам.

Углубляясь постепенно в культурный слой, мы встречали на первых порах преимущественно те же типы керамики, которые уже были изучены и датированы нами при раскопках на устье р. Яузы и сопоставлены с аналогичными находками как в Москве, так и в других городах.

В верхних пластах встречалось большое количество фарфоровой и фаянсовой посуды с марками преимущественно известных русских заводов XVIII и XIX вв., а также привозная иностранная посуда. Эти ти-

Р и с. 2.

Сводный план археологических работ в Кремле 1959—1969 гг.

- — раскопы (I и II);
- — археологические наблюдения 1959—1960 гг.;
- — археологические наблюдения 1963—1969 гг.

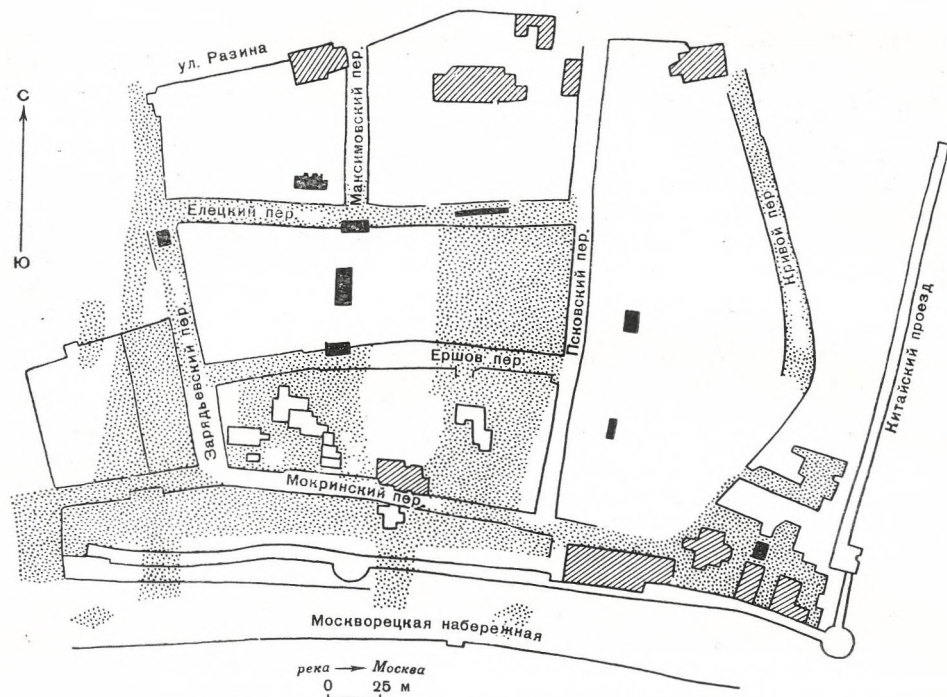

Рис. 3.

Сводный план археологических работ
в Зарядье 1941—1961 гг.

- — раскопы 1949—1951 гг.;
- — раскопы 1954—1961 гг.;
- — археологические наблюдения;
- — каменные постройки

пы керамики исключаются сейчас из нашей классификации, поскольку о них имеется обширная литература⁹, а для изучаемого нами периода (XI—XVI вв.) они не характерны. Для удобства описание типов керамики дано в том порядке, в каком они встречались при раскопках, т. е. в порядке, обратном хронологическому.

При выделении типов керамики мы руководились четырьмя основными признаками: составом глиняного теста (как основным его компонентом — глиной, так и примесями, к нему добавлявшимися), главными формами керамических изделий и их ассортиментом, орнаментацией сосудов и иной отделкой их поверхности, наконец, обжигом изделий. Описание типа керамики дается по сохранившимся или склеенным целым сосудам, но с таким расчетом, чтобы

в дальнейшем можно было использовать для характеристики слоя не только целые сосуды, но и мельчайшие их фрагменты. Поэтому основой классификации послужили не детали формовки венчика сосуда, как это делается обычно, а признаки более общие, которые можно определить, например, и на небольшом фрагменте стенки сосуда — цвет черепка, характер поверхности, особенности форм сосуда. Принятые здесь названия типов керамики в дальнейшем изложении заменены их порядковыми номерами.

1. Поливная керамика (тип 11 по нашей прежней классификации, рис. 4, 1—3). Черепок в изломе красный. Тонкий, гладкий, звонкий. Глиняное тесто с незначительной примесью мелкого песка. Поверхность покрыта прозрачной поливой обычно светло-зеленого или желтого, реже — коричневого цвета (зачастую — по ангобу). Внутренняя поверхность черепка всегда покрыта поливой, наружная — не всегда. Чаще покрытыми поливой с обеих сторон оказываются венчики сосудов и прилегающие к ним части плечиков. Можно думать, что, как и в настоящее время, распространен был обычай покрывать поливой только внутреннюю часть сосуда и его венчик, реже — и плечи, откуда полива иногда стекала при обжиге на тулово сосуда, образуя потеки неправильной формы. Но наряду с этим меньшая часть сосудов покрывалась поливой целиком, как с внутренней, так и с наружной стороны. На плечиках сосудов встречаются линейный и волнистый орнаменты. Большинство сосудов сделано на ножном гончарном круге (днище срезано ниткой)¹⁰.

Основные формы сосудов — небольшие горшки с прямым венчиком и округлыми плечами, кринки, отли-

чающиеся от горшков высоким прямым венчиком и более вытянутыми в целом пропорциями, кувшины, также с прямым венчиком, иногда сильно сужающимся книзу туловом и очень небольшим по площади дном.

Многие сосуды были снабжены крышками, которые также покрывались поливой с внутренней стороны, по закраинкам, а иногда — и снаружи.

Нам уже случалось писать, что поливная посуда господствует в культурном слое Москвы XVIII—XIX вв. и почти вовсе не встречается в более ранних горизонтах¹¹. Однако письменные источники XVII в. содержат упоминания такой посуды, в частности, записи дворцовых расходных книг о заказах московским гончарам «ценинных», т. е. поливных горшков Дворцовым приказом для обихода царя Алексея Михайловича¹². Нужно все же думать, что массового распространения «ценинная» посуда в XVII в. еще не имела. Но в обиходе зажиточных людей того времени довольно широко были распространены другие керамические изделия, покрытые поливой. Это прежде всего — изразцы, о которых речь будет идти ниже, затем подсвечники, чернильницы, костяшки для счетов, лампадки, некоторые игрушки и музыкальные инструменты. В более позднее время сюда прибавилась еще и аптечная посуда.

2. Ангобированная керамика (по прежней классификации тип 8, рис. 4, 4—8). Черепок в изломе красный, средней толщины, гладкий, звонкий. Глиняное тесто с примесью мелкого песка. Обжиг горновой. Поверхность сосудов покрыта белой массой — ангобом, приготовленной обычно из тонко растертой глины, замешанной на воде или — по некоторым этнографическим данным — на молоке¹³. Ангобировалась обычно наружная

поверхность сосудов, реже — и внутренняя. Сплошной ангоб, покрывающий пористую поверхность черепка, зачастую служил грунтовкой для поливы. Но в более ранний период он имел самостоятельное значение для декорирования наружной поверхности изделий. При этом ангобированные сосуды редко имели рельефный (линейный и волнистый) орнамент, но часто расписывались по венчику и плечам поверх ангоба темно-коричневой краской. Орнамент наносился обычно геометрический. Техника нанесения орнамента на ангобированные предметы, прослеженная этнографами в XIX в., иногда бывала несколько иной: орнамент наносился кистью, намоченной в сале, еще до ангобирования. Затем, когда сосуд покрывался ангобом, на покрытые салом места ангоб не ложился, и орнамент, таким образом, оставался цвета черепка¹⁴.

Кроме сплошного ангобирования сосудов, в древности применялся и еще один прием декорирования ангобом. На наружную поверхность сосуда пальцем или кистью наносились круглые пятна, диаметром 0,8—1 см каждое. Пятна располагались примерно в шахматном порядке, а зачастую и без всякого определенного порядка, напоминая распространенный на материи узор «горошек». Эта манера, по-видимому, предшествовала моде, описанной выше.

Большинство ангобированных сосудов сделано на ручном гончарном круге. Формы их разнообразны — кувшин, кумган, кубышка, миска, реже — горшок. Некоторые сосуды имели крышки. Ангобом покрывались игрушки, подсвечники, изразцы, музыкальные инструменты. Мы предполагали ранее, что ангобированная керамика трудно поддается датировке¹⁵. И в самом деле, она бы-

товала длительный период, но, как мы увидим ниже, эта керамика не встречается ранее XV в. В течение всего периода бытования — вплоть до XIX в. — она составляла меньшинство сосудов. Так, в гончарной мастерской на устье р. Яузы, датированной второй половиной XVII в., ангобированные сосуды и их фрагменты составляли всего 16,8% всех находок керамики¹⁶.

Лощеная керамика, найденная при раскопках в Гончарной слободе, объединялась нами в один тип с тремя подтипами — черной, красной и белой¹⁷. Анализ находок лощеной керамики из других районов Москвы показал неудобство такого чисто формального объединения в один тип красной и черной лощеной керамики и, с другой стороны, неудобство выделения в самостоятельный подтип белой лощеной керамики, поскольку, как уже отмечалось и тогда, белая лощеная керамика, является в подавляющем большинстве случаев результатом нарушения режима восстановительного обжига. И хотя известны единичные находки белых лощеных сосудов, сделанных из белой глины и обожженных в окислительной среде, мы считаем нецелесообразным выделять этот подтип в данной работе, поскольку чернолощенные сосуды по условиям восстановительного обжига могут иметь белые пятна на поверхности и поэтому дать белые лощенные черепки, которые введут нас при подсчете в заблуждение.

Рис. 4.

Типы керамики

1—3 — тип 1; 4—8 — тип 2; 9—17 — тип 3; 18 — тип 4; 19, 20 — тип 5; 21—24 — тип 6; 25—27 — тип 7; 28, 29 — тип 8; 30, 31 — тип 9; 32 — тип 10; 33 — тип 13; 34 — тип 14; 35—37 — тип 15; 38 — тип 16

345991

3. Черная лощеная керамика (по нашей прежней классификации тип 7-а, рис. 4, 9—17). Черепок в изломе серый или серовато-красноватый, звонкий, гладкий. Обжиг горновой, восстановительный. В глиняном тесте имелась небольшая примесь песка. Поверхность черная, снаружи блестящая, изнутри матовая и, как правило, не такого интенсивно-черного цвета. Вопреки заблуждению, распространенному до настоящего времени среди археологов, называющих эту керамику сероглиняной, в большинстве случаев она сделана из красной глины. Особая обработка поверхности — заглаживание ее после просушки (иногда — и после предварительного ангобирования) — и восстановительный режим обжига придают черепку из обычной красной глины серый и аспидно-черный с поверхности цвет. Неоднократные опыты показали, что если такой черный черепок обжечь в окислительном режиме (т. е. при достаточном доступе кислорода), то к нему вернется красный цвет¹⁸. Лощение было сплошным или (реже) узором в виде сетки, штрихов, петель и т. п. Иногда верхняя часть сосуда вылащивалась сплошь, а нижняя — узором. Лощение сочетается обычно с рельефным орнаментом — линейным, реже — волнистым или нанесенным различными штампами. Большинство чернолощенных сосудов сделано на ручном гончарном круге, но есть и сосуды, имеющие на днищах следы формовки на ножном гончарном круге.

Формы чернолощенных сосудов разнообразны. Это была парадная посуда для стола и иного домашнего обихода. Среди находок — небольшие горшки с прямым венчиком, миски для еды разных форм и размеров (от огромных, явно предназначенных для коллективной трапезы, до ма-

леньких, напоминающих глубокие блюда с прямым бортом), миски с ручками для варки или хранения пищи вроде современных кастрюль (ручки бывают парные, цельные, отогнутые горизонтально и одиночные, в виде полый внутри втулки, куда могла вставляться еще деревянная рукоять), широкие низкие сковороды или блюда, маленькие светильники — плоские с одной спирально загнутой кверху ручкой, кубышки — своеобразные глиняные бутылки, кувшины различных форм и размеров, кумганы с высокими носиками, рукомойники, круглые плоские фляги, большие лохани (диаметром до 40 см), лампадки, не определенные до сих пор остроносые сосудики (светильники или льячки?), крышки сосудов, наконец, фигурные сосуды для напитков в виде бочки — «кухли». Всего известно около 15 форм чернолощенной посуды. Кроме того, большое распространение получили чернолощенные строительные материалы — черепица, плитки, игрушки и даже курительные трубки. Этот разнообразный ассортимент изделий заслуживает особого рассмотрения, которому посвящена другая наша работа¹⁹. Попытаемся уточнить датировку этого типа керамики. Как нам уже случалось писать, распространение ее в Москве падает на середину (точнее — 30-е — 40-е годы) XVI века²⁰. Точной датой здесь является клад монет в лощеном кувшинчике, зарытый, видимо, не ранее этого периода, так как позднейшая из входящих в него монет чеканена при Василии III (ум. в 1533 г.)²¹. Но, видимо, отдельные чернолощенные сосуды бытовали в Москве и несколько раньше. Археологические комплексы, датированные началом XVI и даже концом XV в., содержат зачастую единичные фрагменты черноло-

щенной керамики. Так, в доме посадского человека на устье Яузы, сгоревшем, судя по находке литого креста с круглыми иконками на концах, в начале XVI в., был найден единственный чернолощенный черепок. Во второй половине XVI в. и в XVII в. чернолощенная керамика встречается часто, хотя, как нам случалось уже отмечать, никогда не преобладает над другими типами керамики. В XVIII в. она уже не так распространена среди городского материала, хотя известны прекрасно выработанные парадные чернолощенные сосуды затейливых форм²². А. Б. Салтыков считает, что тщательно вылощенные узоры на поверхности сосудов указывают по большей части на середину XVIII в.²³ Деревенское кустарное производство черной лощеной керамики сохранилось в некоторых районах РСФСР и СССР до настоящего времени.

4. Мореная керамика (по прежней классификации тип 6, рис. 4, 18). Черепок в изломе серый, редко — синевато-белый, тонкий, шероховатый (реже — заглаженный); звук глуховатый. Глиняное тесто с примесью мелкого песка. Поверхность черная, матовая (внутренняя обычно светлее наружной). Обжиг был горновой, восстановительный. Подавляющее большинство сосудов выделано на ручном гончарном круге. Сосуды, днище которых срезано ниткой, попадают в виде исключения. Формы сосудов в основном те же, что и лощеных, но менее разнообразны. Чаще встречаются горшки, реже — миски, кубышки, еще реже — кувшины. Мореных кумганов, сковород, фляг не встречено вовсе. Ввиду большого сходства процесса производства мореной и черной лощеной керамики можно принять мелкие фрагменты лощеных узором частей сосудов за

мореные; из-за этого при подсчетах к мореным относились лишь сравнительно крупные фрагменты сосудов.

Анализ коллекций, собранных в Гончарной слободе, привел нас к выводу, что мореная керамика появилась в Москве по крайней мере на несколько десятилетий раньше чернолощенной и в первой половине XVI в. была уже сравнительно широко распространена²⁴. В погребениях, покрытых плитами, датированными первой половиной XVI в., она составляет около 23% всех находок керамики²⁵. Дальнейшие исследования показали, что время бытования мореной керамики нужно еще углубить, на чем мы подробнее остановимся ниже. Мореная керамика, как и чернолощенная, изредка встречается в XVII и XX вв., а кое-где выделяется и теперь.

5. Белая керамика (в прежней нашей классификации названа грубой белой — тип 5, рис. 4, 19—20). Черепок тонкий, шероховатый, в изломе белый. Изредка встречаются и толстостенные сосуды. Поверхность серовато- или желтовато-белая. Тесто — белая глина со значительной примесью песка. Обжиг чаще всего горновой, но попадают и фрагменты плохо обожженной посуды, в изломе которых видна темная полоска недостаточно прокалившейся в середине глины. Все сосуды сформованы на ручном гончарном круге. Наиболее распространенная форма — большие кувшины для доставания воды. Реже встречаются корчаги и крупные горшки, еще реже — миски, кувшины с широким слабо отогнутым венчиком, высокой шейкой, округлым туловом и грубо прилепленной плоской или круглой с глубокими насечками ручкой. На их поверхности (у основания шейки и на плечах) чаще всего попадаетея

рельефный орнамент в большинстве случаев в виде линий штрихов, нанесенных деревянной палочкой или зубчатым колесиком на специально оставленный для этого небольшой валик. Реже — линейный орнамент, нанесенный толстой палочкой. Волнистый орнамент чаще встречается на горшках, располагаясь под самыми их венчиками.

Белая керамика делалась, по всей вероятности, из привозной глины²⁶, которая в наших местах имеется не ближе Гжели, где на ее базе развились позднее известные керамические промыслы. Один из первых исследователей московской керамики, М. В. Воеводский, справедливо относил ее появление к XIV—XV вв. «Сосуды белого обжига, — писал он, — встречаются в памятниках центральных областей, начиная с XIV—XV вв., обычно в небольшом проценте. Этот обжиг первоначально применялся для более высокосортной посуды. В более поздние периоды она становится рядовой, а лучшая посуда «томится», и поверхность ее подвергается лощению»²⁷. Материалы, собранные при раскопках в Гончарной слободе, правда, не дали ранних находок белой керамики, что и побудило нас в свое время полемизировать с М. В. Воеводским, но находка А. А. Потаповым большой корчаги этого типа, использованной в XIV в. в качестве погребка²⁸, а также находки «белых» сосудов в строительном слое Тушкова городка²⁹, датированном концом XIV в., заставляют нас теперь вернуться к точке зрения М. В. Воеводского.

Белая керамика бытовала еще и в XVIII в., хотя в этот период она встречается лишь в отдельных случаях. Гжельские залежи белой глины были, видимо, к этому времени

заброшены и для организованных во второй половине XVIII в. фарфоровых заводов белую глину, несмотря на предложения московских мануфактуристов брать ее в Гжели, ввозили из-за границы; лишь в XIX в. обратились вновь к отечественным гжельским глинам³⁰.

6. Красная керамика (по нашей прежней классификации — «грубая красная», тип 4. Н. Н. Воронин называет ее «средней красной»³¹, рис. 4, 21—24). Черепок в изломе красный или буровато-красноватый, средней толщины, несколько шероховатый, звонкий. Наружная поверхность красная. Глиняное тесто однородное, с небольшой, а иногда — со значительной примесью мелкого песка. Подавляющее большинство сосудов сформовано на ручном гончарном круге. Обжиг большей частью горновой, но встречаются и черепки в изломе темно-бурого цвета, плохо обожженные, видимо, в печи. Основные формы сосудов — горшки, кувшины, миски, плошки — светильники, подсвечники. Горшки с несколько отогнутым венчиком, выступающими плечами и усеченно-конической нижней частью тулова. Орнамент линейный, в несколько линий, расположен на плечах сосуда. Иногда он дополнен штриховым или нанесенным зубчатым колесиком. Волнистый орнамент редок. Зачастую венчик горшка несколько вдавлен в тулово, отчего плечи сильнее выступают. Кувшины большие, с прямым венчиком. Высокая шейка иногда сплошь покрыта линейным орнаментом. Тулово округлое, ручка в сечении эллипсоидная. Миски встречены двух родов — расширяющиеся кверху, наподобие нижней части горшков, но невысокие, с выпуклой крышкой с закраинками и небольшой петлеобразной ручкой.

На поверхности крышки часто был нанесен орнамент в виде спирали, расходящейся от ручки и нанесенный зубчатым колесиком. Сама такая миска ручек не имеет. Другие миски — кастрюли описанной нами выше формы с одной полкой ручкой — втулкой для деревянной рукоятки. На днищах сосудов типа 6 довольно часты гончарные клейма. Плоски — светильники и подсвечники описанных выше форм. Как нам уже случалось ранее отмечать, посуда типа 6 является наиболее характерной для культурного слоя Москвы, где она нередко составляет абсолютное большинство всех находок. Встречается она и в других городах Московского княжества. До раскопок в Зарядье древнейшая находка такой керамики в Подмоскovie была сделана Б. А. Рыбаковым в Звенигороде в слоях XIV — начала XV в. (под валом)³². В Киеве горшок этого типа найден в землянке ремесленника, разрушенной во время татарского нашествия³³. Наиболее поздние экземпляры этой посуды относятся к XVIII в. (в этих случаях они изготовлены на ножном гончарном круге), а массовое распространение ее, видимо, имело место еще во второй половине XVII в. Во всяком случае в исследованной нами мастерской гончара на устье р. Яузы второй половины XVII в. красная керамика составляет большинство находок³⁴.

7. Красная лощеная керамика (по нашей прежней классификации тип 7-в, рис. 4, 25—27). Черепок в изломе красный, средней толщины, звонкий, пористый. Тесто с примесью песка. Поверхность заглажена узором, реже — сплошь. Обжиг горновой в окислительной среде. Вся красная лощеная керамика сделана на ручном гончарном круге. Основные

формы сосудов — большие горшки — корчаги с низким венчиком и широким округлым туловом, а также кувшины. Реже встречаются обыкновенных размеров горшки, плоски — светильники и миски с крышками. Корчаги имеют обычно на плечиках рельефный орнамент — линейный и нанесенный вилкой или зубчатым колесиком. Верхняя часть сосудов лощена сплошь, ниже плечиков, вертикальными штрихами. Кувшины встречены двух видов — небольшие с высоким венчиком и округлым туловом, несколько расширяющиеся книзу. Они сделаны из хорошо очищенной глины с примесью мелкого песка и сплошь покрыты лощением, придающим им сходство с медными.

В более глубоких пластах встречаются, как мы увидим ниже, кувшины с более толстыми стенками (6—7 мм). Венчик у них низкий; плечиков нет; тулово равномерно расширяется книзу, напоминая усеченный конус. У самого днища стенки несколько срезаны, так что днище по диаметру меньше низа тулова. Ручка прикреплена почти у низа тулова и недалеко от венчика. Носок для слива помещен не напротив ручки, а несколько асимметрично, так что из кувшина удобно наливать правой рукой. Весь кувшин скорее напоминает большую кружку. Орнамент на венчике линейный, тулово лощено вертикальными штрихами. Кувшины сделаны довольно грубо, так что ясно виден спиральный налп глиняного жгута при формовке сосуда. Миски и плоски обычных форм.

Красная лощеная керамика в Москве до раскопок в Зарядье датировалась сравнительно поздним периодом. Но памятники Волжской Болгарии дают чрезвычайно сходный материал в слоях, гораздо более ранних. Так, при раскопках А. П. Смир-

нова в городах Булгары и Сувар часто встречалась керамика с темно-бурой и красноватой поверхностью, лощенная большей частью узором в виде клеток, петель, а чаще вертикальных штрихов. Реже встречаются черепки, лощенные сплошь (коллекции ГИМ, 82292, 2764, 3703, 3353 и др.). Зачастую лощение сочетается и здесь с рельефным орнаментом. Ранней датой этой керамики является X в. (более темные, бурые черепки), более поздней — XIII—XIV вв. (красноватая)³⁵. К XIII—XIV вв., по всей вероятности, относятся находки красной лощеной керамики во Владимире и в Суздале³⁶. Верхней границей бытования красной лощеной керамики является, по-видимому, XVII в. В слоях, датированных второй половиной XVII в. в Гончарной слободе, изредка попадались фрагменты красных лощеных сосудов. В слоях XVIII в. красная лощеная керамика представлена лишь курительными трубками, которые генетической связи с описанной выше посудой не имеют. Есть, однако, в Москве несколько находок красных лощеных кувшинов, днище которых срезано ниткой, что заставляет говорить о крайней дате этого типа — XVIII в.

8. Серая керамика (рис. 4, 28—29). Черепок в изломе серый или серовато-красноватый. Тесто рыхлое, с примесью крупного песка. Зачастую видна более темная полоска в середине черепка, свидетельствующая о неполном обжиге, произведенном, очевидно, не в горне, а в обычной печи. Поверхность серая, шероховатая. Основная форма сосуда — горшок с плавно отогнутым наружу венчиком (иногда имеющим с внутренней стороны выступ), выступающими плечами и туловом в виде обращенного книзу усеченного конуса. У этих горшков почти не бывает

характерных для красной керамики вдавленного венчика и приподнятых плеч. Орнамент, линейный и волнистый, расположен на плечах, а часто — на шейке горшка под самым венчиком, в ряде случаев он спускается на тулово. Волнистая линия ровная, уверенная, иногда — в несколько полос. Крышки выпуклые, с закраинками и ручкой в виде круглого валика, в котором обычно протыкались несколько отверстий для какой-то бечевы — за нее, видимо, и поднимали крышку. Орнамент линейный, в виде концентрических кругов вокруг ручки, глубоко врезаемых, зачастую — неровных.

Этот тип керамики представляется нам связующим звеном между красной керамикой типа 6 и керамикой так называемого курганного типа (10), о которой речь будет идти ниже. С последней его роднит и состав теста, видимо, приготавливавшегося из местных сортов глин, не столь богатых окисью железа, как глина, шедшая для красной керамики. До раскопок в Зарядье серая керамика не была нами выделена, и датировка ее поэтому будет еще уточнена в дальнейшем изложении нашей работы. Однако уже сейчас следует заметить, что она вовсе не встречалась в горизонтах культурного слоя Москвы, датированных временем позднее конца XV в., чем и объясняется невозможность выделить ее, например, в культурном слое Московской Гончарной слободы. Определение серой керамики по фрагментам не всегда могло быть сделано с достаточной точностью ввиду большого сходства серой и красной керамики типа 6. Поэтому при раскопках в Зарядье и в особенности в Кремле пришлось выделить в особую группу переходную керамику, иногда условно называемую «красно-серой».

Еще до того, как мы приступим к датировке серой керамики по московским материалам, стоит привести данные о распространении этой керамики в других исследованных нами памятниках московского времени. Так, в культурном слое Тушкова городка, также принадлежавшего московской княжеской семье, мы встретили серую керамику во всех горизонтах. Но в нижнем горизонте, датированном XI—XIV вв., она составляла до 50% всех находок керамики — столько же, сколько все остальные типы, вместе взятые. В строительном же слое, датированном (по находке монеты с тамгой Тохтамыша) концом XIV в., серая керамика составляла уже меньший процент — 36,4% от всей керамики, в то время как красная составляла 40%³⁷. Продолжала она встречаться в довольно значительном количестве (30—40%) и в верхнем горизонте культурного слоя, который в Тушкове датируется XV — началом XVI в.

9. Среднеазиатская керамика (рис. 4, 30—31). Черепок в изломе светлорозовый, средней толщины, звонкий. Тесто глиняное с незначительной примесью мелкого песка. Обжиг — горновой. Поверхность черепка (наружная и внутренняя) покрыта белым ангобом, сплошь расписана орнаментом преимущественно различных оттенков синего и коричневого цветов, поверх орнамента покрыта прозрачной поливой. Единственная известная нам по московскому материалу форма сосуда — чаша, расширяющаяся кверху с поддоном, по форме напоминающая современные среднеазиатские пиалы. Такие чаши до раскопок в Зарядье находили при земляных работах на территории Кремля³⁸. Сосуды этого типа часто встречаются в культурном слое городов Средней Азии и Повол-

жья в XIII — XV вв.³⁹ На Руси такие сосуды обычно привозные. Найдены (кроме Москвы) в Новгороде Великом, Старой Рязани, Переяславле Рязанском — главным образом в слоях XIII—XIV вв. Поскольку появление их здесь датируется обычно временем после монгольского нашествия, такую керамику называют неправильно золотоордынской. Делали ее вероятно, в Хорезме⁴⁰.

Наряду со среднеазиатской керамикой, в культурном слое Москвы встречаются иногда отдельные фрагменты поливных сосудов, привозных из других стран, — китайский селадон, херсонесская посуда с зеленой поливой и рельефным орнаментом, иногда — с коричневой поливой и рельефным орнаментом. Мы не выделяем их здесь в отдельные типы и не описываем подробно, поскольку в московском археологическом материале они слишком малочисленны и могут лишь свидетельствовать о каких-то не слишком регулярных и, возможно, проходивших через многих посредников торговых связях Москвы в XIV — XV вв.

10. Керамика так называемого курганного типа (по прежней нашей классификации тип 1, рис. 4, 32). Черепок в изломе темно-серый или серовато-красноватый, средней толщины; в середине обычно более темная полоска непрокаленной глины. Звук глуховатый. Глиняное тесто со значительной примесью крупной дресвы. Зачастую видны отдельные кристаллы кварца и блески слюды. Поверхность шероховатая. На ней также бывают видны блески слюды и кварца. Керамика курганного типа вся сформована на ручном гончарном круге. Обжиг печной. Единственная форма — горшок с сильно отогнутым наружу венчиком (иногда затем отгибавшимся немного внутрь), высокой

сравнительно шейкой, выступающими плечами и усеченно-конической нижней частью тулова. Орнамент линейный и волнистый, зачастую расположен в несколько полос. Волнистые линии нередко нанесены какой-то гребеночкой или образуют правильные фестоны. Иногда орнамент нанесен ногтем или вилкой. Вообще орнамент на керамике курганного типа богаче, чем на большинстве других типов московской керамики. Подобные горшки характерны для всех археологических памятников как восточнославянского, так и западнославянского средневековья, что отмечалось многими исследователями. Описанные нами сосуды соответствуют выделенному еще К. Штраусом третьему стилю⁴¹, который этот исследователь датирует XI—XIII вв. Ранняя дата подтверждается находками в таких горшках монет. «Они появились, — пишет другой исследователь, К. Шухарт, — приблизительно в середине XI в.»⁴² Некоторые новейшие исследования углубляют дату появления этой керамики, например, в Мекленбурге до середины X в.⁴³ В Подмоскowie керамика данного типа была до раскопок в Зарядье известна почти исключительно по находкам в погребениях — курганах. Распространение этого обряда погребения в земле вятичей относится, как доказано А. В. Арциховским, к периоду несколько более позднему — к XII в. Сооружались курганы в Подмоскowie еще и в XIV в.⁴⁴ В поздних курганах, относимых, по А. В. Арциховскому, к третьей стадии и датируемых соответственно XIV в., также встречаются горшки, отличающиеся обычно от ранних несколько более высокой шейкой и тщательной отделкой венчика. Думается, что даже еще до уточнения датировки керамики так называемого

курганного типа по городским культурным слоям (что мы сделаем позднее), можно предположить на основании приведенных выше материалов, что этот тип керамики существовал с середины или конца X до начала XIV в.

11. Городищенская керамика (тип 2 по нашей прежней классификации). Название дано условно, в отличие от курганной керамики, поскольку такая керамика никогда не встречена в курганах, но попадает изредка на поселениях.

Черепок в изломе темно-бурый, толстый (6—10 мм). Звук глуховатый. Глиняное тесто с примесью крупного песка. Обжиг печной, реже — горновой. Поверхность черенка темная, шероховатая. Круг — ручной. Единственная встреченная нами форма — горшок с довольно слабо отогнутым высоким венчиком и чаще всего с резкой гранью в профиле ниже шейки, при переходе к плечам. Иногда на эту грань нанесен орнамент заостренной палочкой или ногтем. Горшки этого типа встречаются довольно редко и преимущественно в слоях городищ и селищ домонгольского времени. Раскопки А. Л. Монгайтом Переяславля Рязанского показали, что этот тип даже преобладал в слоях этого памятника, датированных XII — XIII вв.⁴⁵ На территории Германии аналогичные сосуды встречены в районе Тетерова и датированы X — XII вв.⁴⁶ Датировка городищенской керамики должна еще быть уточнена, однако выделить этот тип мы считаем нужным для обеспечения большей дифференциации материала при последующих подсчетах.

12. Серая толстостенная керамика. Черепок в изломе серый или серовато-красноватый, толстый (7—9 мм). Звук глуховатый. Полоски изжаренной глины видны лишь изредка.

Обжиг горновой, реже — печной. Тесто с примесью крупного песка. Поверхность — шероховатая. Сосуды сформованы на ручном гончарном круге. Единственная форма — горшок со слабо отогнутым венчиком и округлыми плечами. Орнамент часто вообще отсутствует, но когда он вообще есть, это — обычно линейный орнамент, нанесенный, очевидно, довольно частой деревянной гребеночкой на шейку сосуда. Датировка этого типа керамики для нас по-прежнему⁴⁷ затруднительна ввиду сравнительной редкости ее находок. Можно лишь сказать, что такие горшки чаще встречаются в горизонтах культурного слоя, отложившихся после татаро-монгольского нашествия, чем в горизонтах более ранних. С другой стороны, находки керамики этого типа в слоях после XVI в. также очень редки.

13. Красная ранняя керамика (рис. 4, 33). Черепок в изломе ярко-красного, почти малинового цвета, тонкий, рыхлый. Звук — глухой. Темной полоски в изломе не видно, но обжиг, по всей вероятности, печной. Тесто с примесью песка. Поверхность темно-красная или серовато-бурая, шероховатая. Круг ручной. Единственная форма, встреченная нами, — горшок, по профилю близкий к типу серой керамики. Вообще красная ранняя керамика отличается от серой главным образом по составу теста. Она, видимо, сделана из каких-то иных сортов глины, богатых окисью железа и иными соединениями, придающими глине красный, почти малиновый цвет. От красной же керамики типа 6 красная ранняя керамика отличается и по форме сосудов, и по обжигу, и по плотности теста. Встречается красная ранняя керамика редко, датировать ее трудно.

14. Поливная ранняя керамика (рис. 4, 34). Черепок в изломе серый, розовый или серовато-красноватый, средней толщины, звонкий. Тесто с незначительной примесью песка. Обжиг — горновой. Поверхность (внутренняя и наружная) покрыта непрозрачной зеленой или желтоватой прозрачной поливой, иногда — поверх ангоба. Такая керамика встречается очень редко, но по найденным фрагментам можно предположить, что это были части кувшинов с прямым венчиком, невысокой шейкой, округлым туловом и ручкой. Такие кувшины встречены при раскопках в Белгороде и Киеве в слоях XII—XIII вв.⁴⁸ Один из них хранится в коллекциях ГИМ. Есть среди московских находок и фрагмент бокала. Т. И. Макарова, посвятившая недавно этому типу керамики специальное исследование, отмечает, что в XI—XIII вв. такая посуда встречалась во многих городах юго-западной и в некоторых городах северо-западной части Руси, а также во Владимирской и Рязанской землях. В московских находках Т. И. Макарова отмечает киевские производственные традиции⁴⁹. До раскопок в Кремле думали, что в Москве данная керамика не производилась, а привозилась сюда с юга, возможно, — из того же Киева. Но находки изделий и керамического шлака в слое XII в. позволяют предполагать, что эта керамика — местного происхождения.

15. Раннекруговая керамика (рис. 4, 36—38). Черепок в изломе темно-серый, средней толщины (5—7 мм). Звук — глухой. Тесто с примесью крупного песка, дресвы, иногда — шамота. Поверхность серая, шероховатая и бугристая от выступающей примеси. Круг ручной. Обжиг печной, слабый. Основные формы сосудов — горшок, миска. Горшки со

слабо отогнутым наружу венчиком (без последующего загиба внутрь), невысокой шейкой, округлыми плечами, усеченно-конической нижней частью тулова и толстым дном, на котором почти всегда видны следы присыпки песка и иногда имеется клеймо. На плечах неровный, глубоко прочерченный волнистый орнамент, нанесенный иногда в несколько полос, но обычно без соблюдения правильных интервалов между полосами. Встречается также линейный орнамент часто из непараллельных полос и орнамент, нанесенный различными штампами. Горшки эти сделаны на медленно вращающемся ручном круге. Встречаются изредка также миски без поддона, с довольно низким, загнутым внутрь краем. На днище их видны отпечатки досок подставки; на стенках — неровный волнистый орнамент, иногда — в несколько полос с неправильными интервалами между ними. Эти миски формировались не на гончарном круге, а на подставке. Однако наличие на них волнистого орнамента указывает, что в то время уже был известен гончарный круг.

Этот тип керамики в целом имеет, как мы видели, черты, позволяющие предположить существование его на раннем этапе развития гончарного ремесла (формовка сосудов на медленно вращающемся круге или даже на подставке, неровный, хотя и довольно богатый орнамент, слабый обжиг). Отсюда и его условное название — раннекруговая керамика.

Сосуды, аналогичные этому типу, находят, как правило, в славянских поселениях, в слоях, датированных X—XI вв. Близкие по технике изготовления горшки, хотя и не тождественные, найдены в Гнездовском могильнике как при раскопках В. И. Сизова, указавшего в качестве наибо-

лее поздней даты существования этого памятника начало XI в.⁵⁰, так и при недавних исследованиях Д. А. Авдусина⁵¹. В Новгороде аналогичные сосуды отнесены к X в. (типы II А и Б)⁵². Некоторые аналогии московской раннекруговой керамике имеются в керамике IV группы из Старой Рязани, датируемой А. Л. Монгайтом XI—XII вв.⁵³

Но наибольшее сходство московские сосуды рассматриваемого сейчас типа имеют с керамикой русских городов средней полосы. Так, в Тушкове городке в нижнем горизонте культурного слоя, возникновение которого датируется нами XI в., найдены фрагменты двух сформованных на подставке мисок. На городище и в расположенном рядом кургане с трупопожжением найдены и аналогичные московским горшки⁵⁴. Я. В. Станкевич пишет, что в нижнем горизонте культурного слоя г. Торопца «отмечены более ранние, менее профилированные сосуды с шероховатыми, грубо заглаженными стенками, иногда простейшим линейным и волнистым орнаментом, характерные для славянских памятников середины X — начала XI в.» Возникновение этого города Я. В. Станкевич датирует по крайней мере началом XI в., опираясь на упоминание купца родом из Торопца в Киево-Печерском Патерике середины XI века⁵⁵. М. Н. Тихомиров в своей работе «Древнерусские города», опираясь на это же известие, помещает Торопец в число городов, возникших «не позже XI в.»⁵⁶. Очень близкая по типу керамика была найдена и значительно южнее Москвы, в г. Вщиже, в слоях XI в. при раскопках Б. А. Рыбакова⁵⁷.

Раннекруговая керамика типа 15 генетически связана с более поздними типами московской керамики — серой

(тип 8), курганной (тип 10), городищенской (тип 11) и красной ранней (тип 13). Эти же четыре типа, как можно заметить уже из приведенного выше их описания, обнаруживают много сходства между собой. Строго говоря, их можно было бы объединить в один тип русской городской средневековой керамики, бытовавшей в XI—XIV вв. и вытесненной впоследствии в основном красной и белой керамикой. Однако, поскольку имеются те различия, о которых говорилось в своем месте, мы считали целесообразным выделить эти типы, чтобы в дальнейшем иметь больше возможностей для сравнительных статистических вычислений.

16. Амфоры (рис. 4, 38). Черепок в изломе красный, толстый (12—15 мм), звонкий, гладкий. Глиняное тесто с примесью мелкого песка. Поверхность красная. Обжиг горновой. Единственная известная форма сосуда — амфора или корчага — сосуд для хранения и перевозки продуктов, большей частью — с округлым, реже — с плоским дном, сравнительно узким горлом и двумя ручками. Орнамент линейный, во много полос. Корчаги — амфоры — находят в древнерусских поселениях и погребениях X—XIII вв.⁵⁸ Б. А. Рыбаков считал и производство их характерным для Киевщины. М. К. Каргер, отвергая основной аргумент Б. А. Рыбакова, также признает, что этот факт сам по себе «не дает оснований полностью отвергать возможность местного производства амфор в Поднепровье и, в частности, в Киеве»⁵⁹. Однако большая часть находок амфор имеет прямые аналогии в производстве византийских городов Причерноморья, в частности Херсонеса⁶⁰. Как бы то ни было, в Москве амфоры, по-видимому, не производились. До раскопок в Кремле не было известно

ни одной находки фрагмента амфоры в культурном слое города. В Кремле же найдено некоторое количество таких фрагментов. К ним мы вернемся в другом разделе настоящей работы.

В предлагаемом читателю разделе работы о культурном слое Москвы мы не задавались целью охарактеризовать сколько-нибудь полно весь ассортимент керамических изделий, бытовавших в Москве с XI по XVII в. Специально московской керамике посвящена работа Р. Л. Розенфельда⁶¹. Здесь мы лишь описали 16 типов бытовой керамики, насыщающей культурный слой города и являющейся тем массовым археологическим материалом, анализ которого служил нам отправной точкой для общей характеристики и первоначальной датировки различных горизонтов культурного слоя центральных районов Москвы. В дальнейшем мы попытаемся привести количественные данные о распространении этих типов керамики в различных слоях и сооружениях, сопоставить их с вещевыми и монетными находками и выяснить соответствующие датировки.

Культурный слой XVII—XX вв. Мы уже говорили, что обилие перекопов затрудняет исследование культурного слоя центральных районов Москвы последовательно, пласт за пластом, как это делается обычно при раскопках городов. Однако в процессе археологических работ в Зарядье, а затем и в Кремле выявились определенные комплексы, для которых оказалось возможным установить даты. Эти комплексы (как сооружения, так и некоторые прослойки культурного слоя) связываются друг с другом и в сумме могут служить для создания стратиграфической шкалы центральных районов города. Археологические работы в Зарядье

и в Кремле, а также наблюдения за культурным слоем прилегающих к ним районов показали, что напластования, слагающие культурный слой этих районов, в целом весьма схожи. Верхние горизонты культурного слоя составляет здесь бурая сыпучая супесь с весьма значительной примесью строительного мусора, средние — жирная влажная, обычно черная земля с большим количеством органических остатков, нижние горизонты образует плотный темно-коричневый грунт со щепой и навозом. Подстилающей культурный слой породой служат четвертичные отложения: желтый песок, иловатая серовато-желтая супесь, суглинок и прослойки глины. Но даже в тех случаях, когда непосредственно подстилают культурный слой песок или супесь, под ними обычно имеется довольно мощная прослойка глины, задерживающая воду. Этим объясняется наличие в центральных районах Москвы множества ключей и сильная увлажненность почвы даже на высоких местах, переходящая в низинах в настоящую заболоченность. Нижние горизонты культурного слоя поэтому были насыщены влагой, что способствовало сохранности в них дерева и органических остатков. Систематический дренаж, проводившийся со времени возникновения города за ряд столетий, несколько понизил уровень грунтовых вод, и верхние горизонты культурного слоя значительно суше нижних⁶².

Рассмотрим основные горизонты культурного слоя Москвы в том порядке, в каком они встречаются при раскопках — сверху вниз.

Первый (верхний) культурный слой состоит, как было сказано, из бурой супеси и строительного мусора — битого кирпича, извести и т. п. В нем встречаются фундаменты зда-

ний и сооружения городского хозяйства XVIII—XX вв. Вещи в первом культурном слое в большинстве случаев того же времени, но попадают и более древние (например, изразцы XVI—XVII вв., стеклянные браслеты и т. п.), так как при образовании этого культурного слоя нередко перекапываются нижележащие горизонты. При археологических работах обычно не занимаются специальными исследованиями первого культурного слоя, так как он насыщен в основном поздними остатками материальной культуры. Выбирая место для стационарных раскопок, стремятся избежать развалин сравнительно новых зданий и мощных наслоений XVIII—XX вв. Поэтому мы не будем описывать все сооружения и находки, относящиеся к верхним горизонтам первого слоя. В Зарядье и в Кремле наиболее поздними из встреченных нами комплексов, относящихся к первому культурному слою, являлись здания конца XVII—начала XIX в.; мы будем описывать эти (поздние — и более древние) комплексы в том порядке, в каком они встречались при раскопках; сначала — в Зарядье, потом — в Кремле.

Комплекс 1. Первое такое здание открылось уже в верхних пластах раскопа I в Зарядье, на глубине 0,20—0,70 м. Здесь встречены остатки белокаменного фундамента дома, выходившего, по-видимому, на тогдашнюю линию улицы, пролегавшую несколько севернее позднейшей южной границы Мокринского переулка. В кладку фундамента (положенную на известковом растворе) попали и профилированные блоки белого камня, фрагменты карниза, вероятно, от каких-то более ранних зданий, и фрагменты надгробий с жгутовым орнаментом (XVII в.),

очевидно, взятых с близлежащего кладбища. В забутовке попадаются и зеленые поливные изразцы середины XVII в. (что уже само по себе говорит о сравнительно позднем времени сооружения фундамента — не ранее второй половины XVII в.). Конструкция фундамента здесь не рассматривается: нас интересует его датировка. В слоях, сопряженных со зданием, найдено свыше сотни монет Петра I, Анны, Елизаветы, Екатерины II и Павла I (квадраты XII, XIII, XV и XXI, глубина 0,20—0,70 м). Самая ранняя монета — полушка Петра I 1712 г. (№ 6789 по коллекционной описи), самая поздняя — полушка Павла I 1797 г. (№ 6825). Подавляющее большинство монет — медные, достоинством от полушки до пятака, но есть и серебряные полуполтинники. Одна из серебряных монет — французская, Людовика XVI, чеканена в 1776 г. Можно думать, что такое скопление в одном месте мелких монет (которые отнюдь не составляли какого-либоклада, а были рассеяны в прослойках земли, в большинстве случаев несколько выше строительного слоя здания) объясняется нахождением в доме или у стены его какой-либо лавочки (их в ту пору в районе Зарядья было много). Монеты могли проваливаться в щели ее пола и оставаться, таким образом, в культурном слое. Фундамент, как это видно из профиля и плана раскопа, был врыт в землю. Траншеи его начаты на глубине пятого пласта — 0,80—1,00 м и закончены примерно на глубине 1,60 м (пласт 8). При рытье этих траншей была, очевидно, выброшена наружу земля из более древних пластов, что объясняет находки рядом с фундаментом таких же зеленых рельефных поливных изразцов, какие мы отмечали

уже в самой забутовке фундамента. Горизонт дневной поверхности времени сооружения дома отмечается довольно мощной (до 30 см) прослойкой извести, битого кирпича, бутового камня и песка в кв. XVI и XVII. В этой прослойке и в лежащих выше нее прослойках рыхлой бурой земли с большим количеством строительного мусора встречено сравнительно немного керамики. Преобладает керамика с зеленой и коричневой поливой на обеих сторонах или только на внутренней (тип 1). Встречаются также фарфор и фаянс, ангобированная керамика (тип 2) и черная лощеная (тип 3). Есть единичные фрагменты мореной керамики (тип 4), а также белой (тип 5) и красной керамики (тип 6). Поливная керамика типа 1 (без фарфора и фаянса) составляет до 20% керамического материала, собранного в первом — пятом пластах северной части раскопа I.

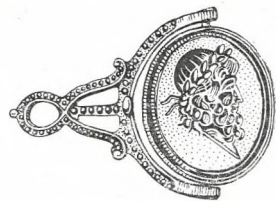
Здесь попадают также фрагменты поливных изразцов с желтым рельефным орнаментом и синей росписью по белому полю, характерные для конца XVII — начала XVIII в., и фрагменты более поздних изразцов, сплошь покрытые росписью, какие распространялись во второй половине XVIII в.⁶³ Попадались и обломки зеленых стеклянных штофов и синих помадных банок.

Из вещевых находок следует отметить небольшую подвесную печать с овальной геммой из синего кварца (рис. 5, 1). Изображения на этой гемме выдержаны в стиле классицизма и могут быть датированы концом XVIII в.⁶⁴ Дата сооружения фундамента определяется, таким образом, примерно серединой XVIII в., а бытование дома, соответственно, второй половиной XVIII в., может

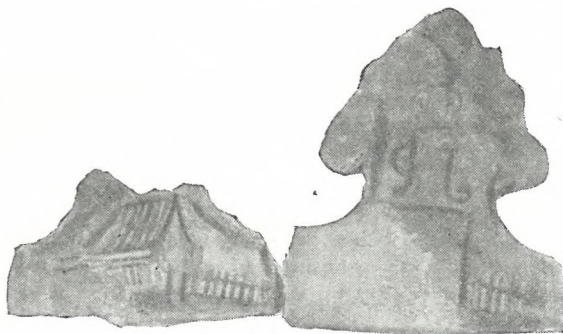
Р и с. 5.

Находки XVII—XVIII вв.

1 — печать XVIII в. (комплекс 1); 2 — обломки расписных изразцов XVIII в. (комплекс 3); 3—4 — поливные чернильницы XVII в. (комплекс 5); 5 — «красный» изразец (комплекс 6); 6 — беленые «красные» изразцы (комплекс 7)

1

2

3

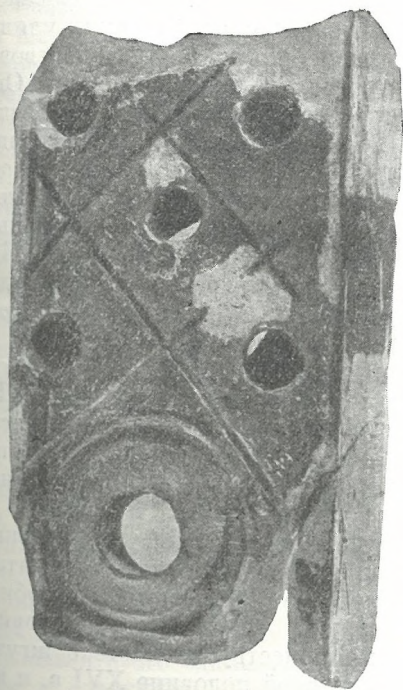

6

5 0 5 10 CM

4

быть, включая и начало XIX в. Однако можно говорить как о поздней дате лишь о первых годах XIX в., поскольку нет ни одной монеты Александра I.

Комплекс 2. Второе каменное здание XVIII в. встретилось в верхних пластах раскопа II в Зарядье. Уже в первых пластах раскопа среди развала домов, простоявших здесь до 1941 г., открылись остатки кладки из кирпича, размеры которого совершенно не соответствовали стандартам «Урочного положения» XIX в. ($27 \times 11,5 \times 8$ см; $24 \times 11,5 \times 7$ см; $26 \times 12 \times 7$ см и т. п.). Уже сама неодинаковость размеров отдельных кирпичей, их средняя между «большемерным» кирпичом XVII в. и «кирпичом Урочного положения» толщина — все это заставило предположить, что здание было построено в XVIII в. Ниже шла бутовая, облицованная белокаменными квадратами кладка цоколя, еще ниже — кладка фундамента: рваный камень на известковом растворе. Как и все фундаменты в этих местах, фундамент открытого во II раскопе здания опирается на забитые в землю сваи, поверх которых лежат продольные бревна — лаги (пласт 6). Фундамент и цоколь здания находятся в слое темно-бурой рыхлой земли, включающей большое количество битого кирпича, извести, обломков бутового белого камня. На глубине 0,40 м в этом слое найдена медная монета — пятак 1761 г. Примерно с той же глубины был вырыт и фундамент. Таким образом, сооружение дома датируется примерно 60-ми годами XVIII в.

В связанных с этим зданием современных ему горизонтах культурного слоя обнаружено большое количество поливной керамики типа 1. Гораздо меньше выявлено ангобиро-

ванной керамики типа 2 и чернолощеной типа 3. Единичны фрагменты черной мореной керамики типа 4, белой типа 5 и красной типа 6. Часто попадаются обломки бутылочно-го стекла — русских штофов и западноевропейских бутылок, иногда — с французскими и английскими надписями, а также обломки синих помадных банок и расписных гладких изразцов. Имеются и находки более ранних предметов, обозначающие, по нашему мнению, перекоп более древних горизонтов культурного слоя при рытье траншей для фундаментов или иных выработок — фрагменты «красных» и «ценинных» изразцов, пастовая красная бусина и т. п. Сооруженное в 60-х годах XVIII в. здание существовало, как видно, довольно долго, на что указывают находки предметов XIX в. (круглопроволочные гвозди, фарфор с марками Кузнецова и т. п.) и даже XX в. (например, фарфорового изолятора) в прилегающих к стене горизонтах культурного слоя. Наиболее позднюю дату читаем на найденной поблизости медной монете 1891 г.

Комплекс 3. Фундамент описанного выше здания перекрывал другой фундамент, конструкция которого была в общих чертах сходна с конструкцией первого здания (т. е. опиралась на вбитые в землю сваи и положенные поверх них продольные бревна — лаги), но имела и существенные отличия. Так, надо отметить, что сваи у нижнего фундамента расположены чаще — на расстоянии 30—40 см ряд от ряда. Они не были забиты в траншею до конца, но несколько возвышались над ее дном, благодаря чему между их верхними концами попала забутовка из белого рваного камня и мелко битого кирпича так, что лаги, лежа-

щие поверх концов свай, оказались и сверху, и снизу среди этой забутовки. Один из тяжей совсем не имеет горизонтальных лаг, и бутровая кладка фундамента лежит непосредственно на сваях. Нижний фундамент врыт целиком в черную плотную землю — второй культурный слой. Он, безусловно, древнее верхнего фундамента, так как перекрыт им и никак не связан конструктивно. Ясно, что здесь имела место даже не перестройка ранее существовавшего здания, а новое строительство на месте дома, уже в середине XVIII в. не существовавшего. Как показали последующие раскопки, этот дом простирался значительно южнее раскопа II; он открыт также в раскопах III, IV. Это были богатые хоромы с облицованным белым камнем цокольным этажом, выходившие южным фасадом непосредственно на Великую улицу. Но южная часть дома существовала, видимо, дольше северной. Она перестраивалась и расширялась еще и в XVIII в., как на то указывают находки в строительном слое, сопряженном с юго-восточной частью фундамента двух монет, чеканенных одна в 1732 г., а другая — в 1784 г. Что же касается северной части дома, то она, по всей вероятности, обветшала раньше и на ее месте во второй половине XVIII в. был выстроен новый каменный флигель. Дата сооружения древнейшей части фундамента устанавливается по находкам в его кладке (положенной насухо) фрагментов надгробий с зубчатым орнаментом и зеленых «муравленых» изразцов. Зубчатый орнамент на московских надгробиях преобладает в первой половине XVI в., существует вместе с жгутовым во второй половине XVI в. и исчезает, как известно, в начале

XVII в.⁶⁵ Но до того, когда надгробия с зубчатым орнаментом могли попасть с соседнего кладбища в фундамент строящегося здания, должно было пройти некоторое время, поскольку могилы были уже заброшены. Рельефные «муравленные» зеленые изразцы впервые появились еще во второй половине XVI в.⁶⁶, но получили широкое распространение в Москве лишь в середине XVII в.⁶⁷ Мы считаем правильным принять середину XVII в. как дату сооружения описываемого нами здания. Владельцем этого дома был выехавший из Крыма на службу московским царям князь Василий Яншеевич Сулепов⁶⁸. Во второй половине XVIII в. дом был сильно перестроен, а в конце XVIII или начале XIX в. цокольный этаж, ставший к тому времени из-за нарастания культурного слоя уже подвалом, был по каким-то соображениям (всего вернее — из-за сырости, поскольку перестал действовать устроенный еще в XVII в. дренаж) засыпан. На дату засыпки указывают находка в одном из помещений подвала (раскоп III) скопления расписных гладких изразцов второй половины XVIII в., принадлежащих к одной печи (рис. 5, 2), а также встречающаяся часто в засыпке подвала поливная керамика, фарфор и фаянс, бутылочное стекло и две монеты (раскоп IV), чеканенные в 1760 и 1798 гг. Верхние же этажи зданий существовали в несколько перестроенном виде вплоть до 1941 г., когда были снесены. Таким образом, существование и засыпка здания 3 относятся к первому культурному слою, а сооружение его — еще ко второму. Поэтому материал из прослоек, соответствующих стратиграфически времени сооружения этого здания, мы рассмотрим в следующем разделе.

Комплекс 4. Из сооружений, открытых в Кремле, к нижней части первого культурного слоя относятся остатки подклета палат, некогда примыкавших с севера к Теремному дворцу⁶⁹. В раскопах I и II и при наблюдениях за некоторыми земляными выработками строительства были открыты части фундаментов этой постройки — тяжи ленточного и столбы столбового фундамента. Тяжи были сложены из равного белого камня на известковом растворе и облицованы белокаменными блоками. В одном из них (кладка 6) был использован и обломок надгробья с зубчатым орнаментом. Столбы также облицованы белокаменными блоками, положенными на известковом растворе попеременно тычком и ложком. Внутренняя их часть заполнена белокаменным и кирпичным бутом, также на известковом растворе. Бут был прослоен горизонтальными прокладками из кирпича. Пол подвала был замощен положенными на ребро на известковом растворе кирпичами (размер — 7,5—8 × 13—14 × 29—30 см). Эти мощенные кирпичом белокаменные подклеты принадлежат хоромам, в которых жила царица Наталья Кирилловна в малолетство Петра. У нас нет точных сведений, когда построено это здание, но во всяком случае не раньше 60-х годов XVII в., когда в Кремле шло интенсивное строительство. Существовало это здание, видимо, довольно долго. По крайней мере, в засыпке подвалов найдены монеты 1800 и 1801 гг., большое количество фрагментов поливной керамики, синие поливные аптечные банки, поливные игрушки (коник-свистулька и лев), металлическая оправа горлышка стеклянного штофа. Таким образом, засыпка подвала относится к началу XIX в.

Подвал был врыт во второй культурный слой, а позднейшие перекопы на этом месте нарушили и более древние горизонты, на что указывает находка в засыпке трех фрагментов стеклянных браслетов. Возможно, что само здание палат было разрушено еще ранее — в XVIII в. Об этом свидетельствует находка в верхней части первого культурного слоя фундаментов домов, разрушенных ранее строительства гренадерского корпуса и старого здания Оружейной палаты, т. е. до начала XIX в. В этих фундаментах найдено множество резных белокаменных деталей, которые могли принадлежать ранее дворцовым палатам.

Итак, первый культурный слой в Кремле и Зарядье содержит остатки зданий, построенных не ранее середины XVII в.

Это время и следует принять за нижнюю хронологическую границу первого слоя. Верхняя же его хронологическая граница — современность.

Первый культурный слой распространен в Москве повсеместно. Мощность его в центральных районах колеблется весьма значительно — от нескольких десятков сантиметров в местах, где более древние наслоения уничтожены строительными работами (например, возле Большого Кремлевского дворца), до трех и более метров в местах засыпки подвалов, под откосами кремлевского холма и в засыпке оврагов. В ряде случаев первый культурный слой является и единственным. В центральных районах Москвы это наблюдается в упомянутых уже случаях уничтожения более древних горизонтов при строительстве, а в периферийных районах тогда, когда поселение распространилось на них не ранее конца XVII в. По данным, полученным во время работ на Метро-

строе, первый культурный слой лежит прямо на материке, как правило, за границей современного Садового кольца⁷⁰. Это особенно интересно, если сопоставить археологические материалы с Уложением 1649 г., устанавливавшим границы Москвы по линии Земляного города, за которым начинался выгон⁷¹. В тех же случаях, когда за границами садовых улиц под первым слоем прослеживается еще и второй, обычно можно бывает установить по письменным источникам бытование здесь какого-либо подгородного села или поместья.

Культурный слой XIV—XVII вв. Второй культурный слой в центральных районах Москвы обычно подстилает первый. Это та черная влажная земля, обильная перегноем и иными органическими остатками, о которой говорилось выше. Во втором культурном слое обычно прекрасно сохраняется дерево, а железные предметы покрываются синей окалиной и очень хорошо сохраняют свою форму.

Верхние горизонты второго культурного слоя нередко бывают вовсе сняты при строительстве более поздних зданий, и непосредственно под первым культурным слоем лежат уже нижние горизонты второго слоя, так что образуется хронологический разрыв иногда даже в целое столетие или больше, как это имело место в Кремле в раскопе II, где под палатами Натальи Кирилловны второй половины XVII в. лежал слой начала XV в. Во второй слой бывают углублены фундаменты и забиты сваи более поздних зданий.

Комплекс 3 в Зарядье сооружался, как было сказано выше, в последний период существования второго культурного слоя. Времени его сооружения соответствуют седьмой и вось-

мой пласты раскопа II, восьмой пласт раскопа III и девятый пласт раскопа IV.

Для наших подсчетов мы имеем в раскопах II, III и IV всего 322 фрагмента керамики, найденной в этих пластах вне помещений, в горизонте культурного слоя, составлявшем ко времени постройки дома 3 дневную поверхность. Эта керамика распределяется так:

Таблица 1*

Керамика	Раскопы			Итого	%
	II	III	IV		
Поливная, типа 1	--	6	1	7	2,1
Ангобированная, типа 2	--	2	--	2	0,6
Черная лощеная, типа 3	35	42	4	81	25,2
Мореная, типа 4	23	25	36	84	26,0
Белая, типа 5	4	80	2	86	26,9
Красная, типа 6	16	24	13	53	16,4
Красная лощеная, типа 7	--	--	1	1	0,3
Курганная, типа 10	--	--	1	1	0,3
Серая толстостенная, типа 12	7	--	--	7	2,1
Всего	85	179	58	322	100,0

* Составлена по подсчетам: В. Т. Логинова (дневник III раскопа, стр. 24); Э. А. Рикмана (дневник IV раскопа, стр. 28); он же. Дневник II раскопа, стр. 73 (дневники хранятся в архиве автора).

Мы видим, что подавляющее большинство находок керамики (94,4%) составляют четыре типа — черная лощеная (3), мореная (4), белая (5) и красная (6). При этом первые три встречены примерно в равном количестве, но ни один из них не составляет абсолютного большинства находок. Тип же 6 — красная керамика — встречен в сравнительно мень-

шем количестве. Находки поливной керамики типа 1 и ангобированной типа 2, характерные для более поздних слоев, составляют в общей сложности менее 3% и практически могут быть признаны случайными. То же можно сказать с еще большим основанием о ранних типах керамики — красной лощеной типа 7 и курганной типа 10. Толстостенная серая керамика типа 12, на наш взгляд, не является характерной для какого-либо определенного горизонта, поскольку в незначительном проценте встречается почти повсюду.

Приведенное нами выше распределение керамики в горизонте культурного слоя, дата которого — середина XVII в., устанавливается на основании стратиграфии и вещевых находок, дает картину, сходную с материалами раскопок Гончарной слободы на устье р. Яузы. Там, в слое, датированном по строительным прослойкам несколько более длительным периодом (1559—1694 гг.), встречены также единичные фрагменты поливной керамики, а черная лощеная, мореная, белая и красная составляют подавляющее большинство находок⁷². Аналогичную картину можно встретить и в материале гончарной мастерской второй половины XVII в. Но здесь, безусловно, преобладала красная керамика типа 6.

Комплекс 5. Остатки деревянного дома из раскопа I в Зарядье, напротив церкви Николы Мокрого (пласт 6, глубина — 1,00—1,20 м). Открыта нижняя часть здания, состоящего из трех срубов, расположенных один за другим перпендикулярно оси Мокринского переуллка, в направлении С — Ю. Дом выходил на улицу своей короткой стороной. Эта была наземная постройка, без подвалов, «стульев» или свай, снабженная завалинкой. В доме был деревянный

досчатый пол, по-видимому, в каждом из помещений имела своя печь, но северный, выходивший на улицу сруб попал в раскоп лишь частично, и нами открыты лишь две печи в среднем и южном срубах. Печь в южном срубе (1) была облицована зелеными «муравлеными» изразцами. В среднем срубе печь (2), видимо, была простой глинобитной, без изразцовой облицовки. Единственный изразец в этом районе обнаружен под досками пола и, очевидно, относится к другому зданию. Комплекс 5 мы условно называем — домом приказного. Из индивидуальных находок, связанных с этим зданием, следует отметить две чернильницы, покрытые зеленой поливой (рис. 5, 3, 4). Одна из них — портативная, с отверстиями для продевания шнура, другая — настольная, с отделениями не только для чернил, но и для перьев. С данной находкой можно сопоставить обгорелую бумагу, найденную поблизости. Железные ключи, обнаруженные один недалеко от наружной стены внутри дома, другой — в середине комнаты, костяной гребень и каменная бусина, лежавшие также на полу, обломки зеленого стеклянного штофа, глиняный подсвечник, несколько глиняных игрушек-свистулек, куски оконной слюды и обрывки шерстяных тканей дополняют картину жилого дома. Найдена здесь и чернолощенная плитка пола. Дом сгорел, как о том свидетельствуют обуглившиеся доски пола. Весь предыдущий пласт насыщен углем и золой от этого пожара. Пожар произошел, видимо, намного раньше постройки здания 1 (середины XVIII в.), о котором говорилось выше, поскольку траншеи фундамента этого здания прорезают слой пожара и не нарушают остатков нижней части дома, в который попали только забитые сваи.

Дата его сооружения может быть установлена по печи, облицованной «муравлеными» изразцами, — примерно середина XVII в. Этой дате не противоречат находки поливных чернильниц, известных во второй половине XVII в. в Москве. Отсутствие находок полихромно-рельефных («ценинных») изразцов позволяет предположить, что вряд ли этот дом существовал в конце XVII в., когда преобладал этот вид убранства печей, распространившийся в 60—70-х годах XVII в.⁷³ и вытеснивший в конце столетия другие типы изразцов.

Таким образом, постройка здания 5 может быть датирована примерно серединой XVII в., а гибель его — тем же столетием, но на несколько десятилетий позже.

В пласте 6 раскопа I, стратиграфически соответствующем описанному выше зданию, в пределах этого здания и в непосредственной близости от него найдено 294 фрагмента керамики, в том числе черной лощеной типа 3 — 63 (21,4%), мореной типа 4 — 82 (28,0%), белой типа 5 — 149 (50,6%)⁷⁴. Обращает на себя внимание полное отсутствие среди находок красной керамики типа 6 и решительное преобладание белой керамики типа 5, составляющей более половины всех находок.

Комплекс 6. Непосредственно под зданием 5 открылось в центре раскопа I в Зарядье (пласт 7) сооружение, ориентированное иначе, чем здание 5 (СЗ—ЮВ, а не С—Ю), и, видимо, часть комплекса, продолжающегося и в северных квадратах раскопа. Трудно сказать, является ли это деревянное рубленое «в обло» здание хозяйственной постройкой, принадлежащей дому, выходившему на улицу, или оно тоже было жилым помещением. В пользу первого предположения говорит то, что пол этого зда-

ния был не досчатый, а представлял собой накат из тонких бревен. На полу здания и к северу от него, среди развалин (очевидно, жилого) дома, от которого в раскоп попал лишь незначительный участок, найдены фрагменты терракотовых неполивных («красных») изразцов. Видимо, к этому же комплексу относится и целый изразец с изображением батальной сцены, найденный в предыдущем пласте под полом здания 5. Изразцы представляют собой фрагменты облицовки зеркала печи. Из вещевых находок этого горизонта отметим костяной гребень, заготовку из кожи для перчатки и два железных ядра.

Датирующим материалом в этом комплексе являются «красные» изразцы. Их появление в архитектурной отделке зданий относится еще к концу XV — началу XVI в., но для облицовки печей «красные» изразцы стали применяться значительно позже. Терракотовые изразцы с сюжетными изображениями, причем каждый сюжет уместается на одном изразце и заключен в отдельную рельефную рамку, относятся обычно к концу XVI — началу XVII в. В особенности это относится к изразцам с батальными сюжетами, включающими изображения пушки и стрелка из лука (рис. 5, 5). Известно несколько различных вариантов таких изображений, один из которых, представляющий как бы зеркальное отражение изразца из комплекса 6, найден в Гончарной слободе Москвы⁷⁵. А. В. Филиппов, сопоставив ряд источников, пришел к выводу, что наибольшее развитие производства таких изразцов относится к первой половине XVII в. — с периода «смутного» времени до самой середины столетия⁷⁶.

По своей стратиграфии комплекс 6, находящийся непосредственно под комплексом 5, который мы датиро-

вали серединой XVII в., должен относиться к периоду несколько более раннему, т. е. к первой половине XVII в. Видимо, эта постройка была сооружена в первые десятилетия XVII в. и просуществовала до его середины. Как уже было сказано выше, комплекс 6 целиком находится в пласте 7 (глубина — 1,20—1,40 м).

В этом пласте найдено 726 фрагментов керамики, в том числе черной лощеной типа 3 — 161 (22%), черной мореной типа 4 — 165 (22,7%), белой типа 5 — 287 (39,4%), красной типа 6 — 113 (15,8%)⁷⁷.

Здесь, как и в предыдущем пласте, нет поздних типов керамики (1, 2) и нет более ранних. Характерно увеличение процента красной керамики типа 6 и уменьшение процента белой керамики мореной и черной лощеной (типов 5, 4 и 3).

Комплекс 7. В юго-восточной части раскопа II в пласте 8, в кв. 13—15 открылись остатки жилого дома, сильно разрушенного фундаментом здания 3, о котором говорилось ранее. От здания уцелели частично только брусья, служившие основанием печи, и часть бревна, в котором вырублен порог. Они обломаны при устройстве фундамента в XVII в. При разрушении здания, как видно, были перекопаны сплошь горизонты, на которых стояла печь. Изразцы из ее облицовки попали в более поздние слои. Но вокруг брусьев осталось множество обломков. Это были все терракотовые, так называемые красные изразцы из различных частей облицовки печи — «зубчики», «пояс», «перемычки» и изразцы из зеркала печи. На большинстве их — растительный орнамент. Сюжетные изображения не так часты и всегда заключены в рельефную рамку изразца. Среди изображений — «аспид», дву-

главный орел и др. На зубчиках — стилизованные изображения лебедей. Сложные сюжеты отсутствуют, а непрерывный растительный орнамент имеется только на поясовых изразцах. Еще явственны черты преемственности этого орнамента от резьбы по белому камню. Дата облицовки печи по изложенным выше соображениям — начало XVII в. Печь, видимо, подновляли, белили. Об этом свидетельствуют следы побелки на некоторых изразцах (рис. 5, 5). Во второй половине XVII в., когда сооружалось здание 3, дом с печью (комплекс 7) уже не только был разрушен, но и «зарос» культурным слоем, так как врытым в землю фундаментом здания 3 были задеты, хоть и на небольшой глубине, остатки этого дома.

Из находок следует отметить черную лощеную плитку пола, часть сапога с тисненым верхом, детскую глиняную игрушку и железную квадратную пряжку. С комплексом 7 связано 111 фрагментов керамики (пласт 8, кв. 14 и 15). Среди них: черной лощеной керамики типа 3 — 27 (24,3%), мореной типа 4 — 57 (51,3%), белой типа 5 — 15 (13,5%), красной типа 6 — 10 (9,0%), прочих — 2 (1,9%)⁷⁸.

Здесь обращает на себя внимание сравнительно высокий процент мореной керамики, составляющей абсолютное большинство находок, и понижение процента белой и красной керамики.

Черная лощеная керамика составляет обычный для слоев этого периода процент — несколько больше 20%.

Вторая половина XVI в. представлена в наших раскопках в Зарядье очень четко выделяющейся стратиграфической прослойкой, насыщенной большим количеством перемешанного

со щепой конского навоза. Эта довольно мощная прослойка встречается в северо-западной части Зарядья почти во всех земляных выработках (как в наших раскопах, так и в котлованах, вырытых строительством, за которыми велось археологическое наблюдение еще в 1941 г.) на глубине 2—2,5, в некоторых раскопах — 3 и даже 3,40 м⁷⁹. Она окрашена в темно-бурый цвет и ясно видна во всех профилях раскопов. Отсутствие этой прослойки в раскопе I в Зарядье и в котловане коллектора к югу от него позволяет предполагать, что она не распространялась за южную границу Мокринского переулка, ранее носившего название Зачатской, а еще ранее — Великой улицы. В раскопе VI эта прослойка не выражена достаточно четко. Можно думать, что она выклинивалась где-то в районе церкви Николы Мокрого.

Встретив эту прослойку впервые, мы связали ее с хозяйственным двором усадьбы, но позднее широкое ее распространение заставило искать другое объяснение происхождению этой прослойки. Вероятнее всего, что она образовалась в результате существования в этом районе в течение длительного времени Мытного двора, находившегося к западу от исследованной нами в Зарядье территории, ближе к Москворецкому мосту, к северу от Москворецких ворот.

Здесь еще в XVIII в. взималась пошлина с различных товаров — со скота, кур, свиней, а также с саней, колес, золы, лыка и пр.⁸⁰ «...от помета разного рода, — пишет А. Мартынов, — здесь была большая нечистота, поэтому раньше и переулок (Мытный. — М. Р.) назывался Пометным»⁸¹. Видимо, в начальный период существования Мытного двора помет и всякие отходы разбрасывались по окружающей территории, благо-

даря чему и образовалась упомянутая выше прослойка, в которой встречаются и санные полозья, и части колес, и большое количество лыка, и, главное, деревянные счетные бирки — палочки с зарубками, своеобразные учетные документы того времени. Судя по тому, что прослойка навоза со щепой не прослеживается в вышележащих горизонтах, хотя Мытный двор и Пометный переулочек существовали, как было сказано, еще в XVIII в., помет в более позднее время убирался. При наших раскопках прослойка навоза со щепой встречена в раскопах Зарядья II, V, VII и VIII. В раскопах III и IV она была не так ясно выражена благодаря обилию срубов жилых и хозяйственных построек, куда навоз не попадал. Раскопы же VI и в особенности I не содержали этой прослойки, поскольку находились, как было сказано выше, за пределами ее распространения.

Впрочем, в раскопе VI навоз и щепы попадались, но не лежали непрерывной прослойкой.

В раскопе V прослойка навоза со щепой была встречена на глубине 3,00 м и достигала мощности 25—50 см. В восточной части раскопа I и в прилегающей к ней северной части раскопа II на навозе была устроена своеобразная вымостка из дранки и щепы. Из вещевых находок здесь можно отметить несколько деревянных колесных чек, копыл от сани, счетные бирки, часть шерстяного вязаного пояса, остатки кожаной обуви.

В раскопе VII та же прослойка появилась на глубине 3,00—3,40 м и достигала мощности 40 см. Кое-где на ней также была вымостка из дранки или тонких жердей. Здесь найдены деревянные бирки, глиняные грузила, кожаные ножны и обрезки ко-

жи, деревянная пешка от шахматной игры, сделанная на токарном станке, деревянные рукоятки, колесная чечка.

В раскопе VIII прослойка навоза и щепы зафиксирована на глубине около 2,50 м, а кое-где — и около 2,0 м, достигала она мощности в среднем 40—50 см. В северо-западной части раскопа она сильно утолщается и включает в себя прослойку материкового песка, выкинутого наверх при рытье находящегося рядом колодца. Находки здесь те же, что и в других раскопах. Но обращает на себя внимание находка в кв. 13 на глубине 2,85 м деревянной резной иконки — мощевика. По начертанию надписей на иконке (рис. 6, 1), изготовление ее можно датировать концом XV или началом XVI в. Это заключение сделано М. В. Щепкиной, всегда любезно соглашавшейся осмотреть наши эпиграфические находки, за что приносим ей сердечную благодарность. В культурный слой Зарядья она попала не сразу, а, видимо, после того, как была какой-то срок в употреблении. Об этом свидетельствуют прилипы к иконке остатки материи. Вероятно, иконку носили в мешочке — ладонке.

Прослойку навоза со щепой, поддерживающую очень мало вещей, мы по ряду соображений датировали второй половиной XVI в. В раскопе II ее перекрывает комплекс 7, датированный началом XVII в. Частокол, также перекрытый этим комплексом, был забит в брусью вымостки, лежавшей в прослойке навоза и щепы. Вымостка эта, значит, была в ту пору уже скрыта под землей и забыта. Частокол в свою очередь был разрушен и над ним сооружено здание (комплекс 7). Для всех этих изменений нужно было по меньшей мере несколько десятилетий. Предположение,

1

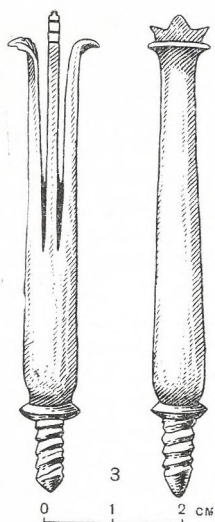
0 1 2 3 CM

2

0 1 2 3 CM

что иконку, сделанную в конце XV — начале XVI в., носили несколько десятков лет и потеряли во второй половине XVI столетия, не будет противоречить стратиграфии прослойки. Наконец, если мы правильно связываем образование прослойки с началом существования Мытного двора, то это предположение приводит нас к той же дате. На чертеже Москвы, составленном в 1597 г., — так называемом Петровом чертеже — в интересующем нас районе обозначена «Таможня, где оплачиваются все товары, которые ввозятся»⁸² (рис. 7). Видимо, Мытный двор был на этом месте и несколько раньше составления чертежа. Во всяком случае прослойка навоза со щепой не дала никаких находок, характерных для начала XVII в. (например, изразцов).

Рассмотрим найденную в этой прослойке керамику (см. табл. 2).

Нужно сказать, что соотношение типов керамики в отдельных раскопах разнится, и закономерность можно проследить лишь в общих чертах — резкое понижение процента черной лощеной керамики типа 3 (ее повсюду встречается меньше 10%), сохранение примерно того же процента мореной керамики типа 4, некоторое снижение процента белой керамики типа 5 (не более 25%, в то время как в горизонтах XVII в. ее было 37%, а иногда достигало и 50%) и повышение процента красной керамики типа 6, которая иногда превышает 50% всех находок. Наблюдающаяся неравномерность распределения типов керамики по отдельным раскопам связана, как нам кажется, с особенностями микро-районов исследованной территории.

С прослойкой навоза и щепы стратиграфически связан комплекс 8 — усадьба зажиточного человека (вернее всего, даже представителя

0 1 2 3 см

Рис. 6.

Находки конца XVI — начала XVII в.

1 — иконка-мощевик из прослойки XVI в.; 2 — оловня лопаты; 3 — головка шомпола; 4 — изразец (все — из засыпки комплекса 8)

Рис. 7.

Часть плана Москвы 1597 г.

Квадратом отмечена таможня, а косой штриховкой — прослойка навоза, выявленная при археологических наблюдениях

феодалной верхушки населения города). Она выявилась в Зарядье в раскопах II, III и IV и частично — в V. Здесь были открыты на глубинах 1,90—2,60 м в пластах 10—13 остатки каменного фундамента дома с выносным на четырехгранных столбах крыльцом (раскопы II и IV), три сруба хозяйственных построек, рубленых «в лапу с зубом», и край мостовой улицы, на которую эти постройки выходили (раскоп III), и, наконец, вымостка хозяйственного двора в виде каркаса из бревен, забитого щепой и навозом, а сверху прикрытого дражкой и жердями (раскопы II и V) ⁸³.

Фундамент был сложен из бутавого белого камня, среди которого встречаются обломки кирпичей толщиной от 4 до 9 см (чаще — 5,5 — 7 см) при ширине 14 — 14,5 см. Обломки кирпича в большинстве были такие мелкие, что толщину удалось установить лишь у нескольких, а ширину — всего у двух кирпичей. Фундамент опирается на дубовые сваи толщиной 20 — 22 см и длиной 110 — 150 см, забитые в нижележащие горизонты культурного слоя. Все три хозяйственные постройки отличаются от остальных сооружений, встреченных при наших раскопках, одинаковой конструкцией углов (рубленных, как было сказано выше, в лапу с зубом), что позволяет говорить об их примерно одновременном сооружении. Две из них (срубы 1 и 2), кроме того,

Таблица 2*

Керамика	Количество	%
Поливная, типа 1	4	0,2
Ангобированная, типа 2	4	0,2
Черная лощеная, типа 3	107	5,4
Моревая, типа 4	764	36,1
Белая, типа 5	432	20,2
Красная, типа 6	691	32,0
Красная лощеная, типа 7	34	1,6
Серая, типа 8	—	—
Курганная, типа 10	23	1,1
Городищенская, типа 11	24	1,1
Серая толстостенная, типа 12	43	2,1
Всего	2136	100,0

* Составлена по подсчетам Э. А. Рикмана (дневник раскопа II, стр. 32).

срублены из совершенно одинаковых неошкуранных дубовых бревен, третья — из более тонких и ровных, хорошо ободренных сосновых бревен. В срубе 2 открыт пол, выложенный «в елочку» кирпичом. Кирпич этот — не стандартный. Из 431 штуки обмеренного нами кирпича 104 штуки имели длину 30 см, 23 штуки — 29,5 см и 9 штук — 29 см (остальное — неполные кирпичи). Ширину 15 см имел 1 кирпич, 14 см — 44 штуки, 13,5 см — 95 штук, 13 см — 221 штука, 12,5 см — 59 штук и 12 см — 11 штук. Толщина кирпича не превышала 7 см у 67 штук, 6,5 см — у 154 штук, 6 см — 181 штуки, 5,5 — 29 штук. Чаще других встречены кирпичи размером 30×13×6 см (76 штук). Среди перечисленного кирпича нет ни одного экземпляра «маломерного» тонкого кирпича конца XV в. и ни одного «большомерного» кирпича конца XVI и XVII в. По своему характеру кирпич описываемого нами комплекса близок к кирпичу, из которого сложена стена Китай-города, построенная в 1535—1538 гг., однако не тождествен с этим кирпичом. Н. М. Коробков, исследовавший стену Китай-города, отмечает, что «кирпич имел довольно разнообразные размеры: 0,29 × 0,13 × 0,09 м; 0,32 × 0,15 × 0,09 м; 0,32 × 0,155 × 0,075 м; при выведении сводов употреблялся, кроме того, тонкий кирпич — 0,32 × 0,15 × 0,05 м»⁸⁴.

Мы видим, что кирпич, из которого была сложена стена Китай-города, несколько крупнее нашего. Что же касается характера обжига, который, как известно, показывает уровень развития керамического производства, то кирпич из сруба 2 очень близок к кирпичу Китайской стены — он розовый, хорошо обожженный. Те немногие кирпичи, которые удалось

обмерить в забутовке фундамента, тоже не были стандартны, но среди них есть экземпляры более близкие к кирпичам Китайской стены — толщина — 4 и 9 см. Мы думаем, что, учитывая тенденцию кирпичного производства того времени к увеличению размеров и, в частности, к утолщению кирпича, можно датировать сооружение комплекса 8 20—30-ми годами XVI в.

Как было установлено при раскопках, дневной поверхностью времени сооружения комплекса 8 был 13-й пласт⁸⁵. Керамика, собранная с этого пласта в раскопе IV (вне сооружений), такова:

Таблица 3 *

Керамика	Количество	%
Ангобированная, типа 2	13	1,1
Черная лощеная, типа 3	53	4,6
Мореная, типа 4	626	54,3
Белая, типа 5	39	3,3
Красная, типа 6	391	34,8
Красная лощеная, типа 7	21	1,82
Курганная, типа 10	1	0,08
Всего	1144	100

* Составлена по подсчетам Э. А. Рикмана (дневник раскопа IV, стр. 25).

Комплекс 8 существовал, видимо, длительное время. О дате его гибели дает представление материал засыпки срубов хозяйственных построек. В земле, засыпающей сруб 2 (ледник с кирпичным полом), были найдены фрагменты терракотовых неполив-

Таблица 4*

Керамика	Сруб 1		Сруб 2		Всего	
	количество	%	количество	%	количество	%
Поливная, типа 1	1	0,18	1	0,10	2	0,13
Ангобированная, типа 2	6	1,08	5	0,50	11	0,69
Черная лощеная, типа 3	103	18,72	137	13,17	240	15,16
Мореная, типа 4	201	36,54	532	51,15	733	46,12
Белая, типа 5	138	25,01	182	17,50	320	20,12
Красная, типа 6	98	17,93	174	17,28	272	17,08
Красная лощеная, типа 7	3	0,54	9	0,30	12	0,70
Всего	550	100,00	1040	100,00	1590	100,00

* Составлена по подсчетам Э. А. Рикмана (дневник раскопа IV, стр. 65 и др.) и В. Т. Логинова (дневник раскопа III, стр. 34, 36 и др.).

ных (так называемых красных) изразцов—перемычек, зубчиков, пояса и карниза—и целый изразец из облицовки зеркала печи с изображением единорога в обычной для ранних красных изразцов рельефной рамке. Фрагменты изразцов того же рисунка, что и найденные в засыпке сруба 2, были обнаружены и возле фундамента. Здесь же были обнаружены: часть резного передка саней, изогнутое бронзовое «писало», части рогожи, плетеной узором, обрывок обшлага рукава одежды из грубой шерстяной ткани, часть поливного сосуда, грузило для сетей, подковки от сапог, деревянная ложка, часть клепки и деревянная пробка от бочки, маленький горшочек с зернами конопли, огуречные зерна, часть железного шила, деревянная бирка. Все эти предметы не позволяют точно датировать время засыпки, но находки фрагментов глиняных игрушек—лошадок, аналогичные найденным в

горне XVI—XVII вв. на устье Яузы, и упомянутые выше «красные» изразцы позволяют нам предположить, что срубы хозяйственных построек были засыпаны в начале XVII в. О той же дате свидетельствует находка наверху ружейного шомпола, имеющего точные аналогии в материалах Тушинского лагеря 1608—1609 гг.³⁶ (см. рис. 6, 2—4).

В засыпке сруба 1 среди находок имеется также фрагмент «красного» изразца, часть глиняной игрушки—птички, дверной пробой, обломок литейного тигля.

В обоих срубах попадают кирпичи. В срубе 1 они имеют размеры: 30×14×6,3 см; 14×9 см; 13×6 см. В срубе 2—23×11,5×6,5 см; 23×11,5×5,5 см; 23×10,5×6 см; 23×11×5,5 см; 22×11×6 см; 29×14×7 см; 14×7 см; 15×7,5 см; 12×6 см; 11×5 см.

Из других находок в срубах 1 и 2 можно отметить «помазок» для смаз-

ки колес, деревянные тарелку и ложку, лыковый лапоть косога плетения, железную секторовидную оковку лопаты, какие изображены на миниатюрах Никоновской летописи XVI в.⁸⁷, а также два оплетенных берестой горшка из белой глины, относящиеся к типу 5, по нашей классификации.

Из табл. 4 ясно видно повышение процента черной лощеной керамики типа 3 и белой типа 5 и понижение процента красной керамики типа 3 и белой типа 5, понижение процента красной керамики типа 6. Разница соотношений материала в срубах 1 и 2 не столь существенна, чтобы при суммировании данных общая картина могла значительно измениться.

За время существования комплекса 8, по крайней мере лет 70—80, вокруг него вырос культурный слой и подвальные помещения хозяйственных построек, первоначально опущенных в землю всего на два-три венца, «заросли» землей еще на 40—60 см.

Впоследствии жилой дом был скрыт до основания, фундамент его почти целиком вынут до самых свай, очевидно, чтобы получить бут для постройки какого-либо другого здания. В середине XVII столетия, когда сооружался и перестраивался «дом Сулешовых» (комплексы 2—3, описанные выше), остатки усадьбы комплекса 8 были уже занесены землей и забыты, так что при постройке этого дома его глубокие фундаменты прорезали и разрушили сооружения комплекса 8.

При этих строительных работах были нарушены все вышележащие слои и выявить нетронутые участки для того, чтобы провести на них для сравнения подсчет керамики, относящейся к первой половине XVII в., нам не удалось.

Но керамика, взятая из раскопа III с пластов 11 и 12 вне сооружений, дает следующую картину распространения ее типов:

Таблица 5 *

Керамика	Пласт 12		Пласт 11		Всего	
	количество	%	количество	%	количество	%
Поливная, типа 1	2	0,7	1	0,6	3	0,6
Ангобированная, типа 2	3	1,0	3	1,8	6	1,2
Черная лощеная, типа 3	28	10,0	15	9,0	43	9,3
Мореная, типа 4	87	31,5	67	36,6	154	33,6
Белая, типа 5	92	33,3	62	34,0	154	33,6
Красная, типа 6	64	23,5	34	18,0	98	21,7
Всего:	276	100	182	100	458	100

* Составлена по подсчетам В. Т. Логинова. Дневник раскопа III, стр. 34, 36 и др.

Здесь снова можно отметить повышение процента черной лощеной керамики типа 3, белой керамики типа 5 и понижение процента красной керамики типа 6 по сравнению с пластом 13.

Время конца бытования комплекса 8 соответствует, по-видимому, открытый в раскопе III нижний ярус мостовой Великой улицы, выступающий из южного профиля раскопа III на границе 10 и 11 пластов.

Комплекс 9. В северо-западном углу раскопа I в пластах 8—10 на глубине 1,40—2,00 м открылся юго-восточный угол деревянного сруба с остатками кровли, под которыми расчищена развалившаяся печь и пол из тонких, стесанных сверху бревен. В развале печи среди скопления угля и золы был найден раздавленный горшок из красной глины с прямым венчиком, по которому гребеночкой был нанесен линейный орнамент во много полос, какой чаще бывает на толстостенной серой керамике. К этому же комплексу принадлежит, по-видимому, открывшаяся в пласте 9 в центральной части раскопа вымостка из битого кирпича, лежащая на глине. Характер комплекса 9 остается не вполне ясным. С одной стороны, это как будто жилой дом, на что указывает наличие печи. С другой стороны, плохая отделка пола и малое количество находок бытовых предметов говорят не за это предположение. Можно думать, что перед нами часть комплекса, в которую вошли подсобные помещения (например, поварня) и часть двора, жилые комнаты были расположены где-то поблизости, вероятнее всего, к западу от раскопа I. Оттуда и попала, очевидно, в кв. 15 глиняная птичка-свистулька. Находки частей кожаной обуви и обрезков кожи позволяют предположить нахождение поблизо-

сти сапожного производства; может быть, и сама усадьба, частью которой является комплекс 9, принадлежала сапожнику.

Малое количество вещевых находок весьма затрудняет датировку комплекса 9. Отправляясь от данных стратиграфии, мы можем констатировать, что комплекс 9 перекрыт описанным выше комплексом 6, сооружение которого датировано нами началом XVII в. Анализируя вещевой материал комплекса 9, мы не находим среди него предметов, сделанных в конце XVI в. В частности, кирпич, вынутый из развала печи дома и из вымостки, — не «большемерный» кирпич второй половины XVI в., а несомненно более ранний. В развале печи найдены кирпичи размером 22,5×11×6 см; 11×5,5 см; в вымостке — 10×4,5 см; 10,5×4 см; 27×15×7 см; 28×16×8 см (самый крупный). Мы видим, что эти кирпичи скорее похожи на встреченные нами ранее кирпичи первой половины XVI в. Таким образом, сооружение комплекса 9 можно отнести ориентировочно к первой половине XVI в. Разрушение его следует, по нашему мнению, датировать второй половиной XVI в., поскольку перекрывающие его комплексы, построенные, конечно, после его разрушения, датируются началом XVII в. Дневная поверхность времени сооружения комплекса 9 — это 9 и 10 пласты. Сруб начинается в 10 пласте без ясных признаков углубления в землю, вымостка из кирпича лежит в 9 и 10 пластах. В этих пластах найдено 450 фрагментов керамики⁸⁸, в том числе, ангобированной типа 2 — 1 (0,2%), черной лощеной типа 3 — 75 (16,6%), мореной типа 4 — 178 (39,5%), белой типа 5 — 64 (14,3%), красной типа 6 — 131 (29,2%), красной лощеной типа 7 — 1 (0,2%).

Комплекс 10. Здание, открытое в северо-западной части раскопа VI в Зарядье, на глубине 3,25 — 3,60 м, представляло собой прямоугольный сруб размером 5×6 м. В юго-западном его углу находилось небольшое круглое (диаметром 2,0 м) сооружение с примыкавшей к нему с юга прямоугольной камерой размером 1,20×1,0 м. Печь была сложена из продолговатого тонкого кирпича (размером 23—25×11—13,5×4,5—6 см), какой вошел в употребление в Москве в конце XV в. и, по-видимому, был распространен и в XVI в.

Как мы уже говорили выше, этот кирпич все же мельче кирпича Китайской стены, построенной в 1535—1538 гг. С юга дом имел небольшую пристройку, по-видимому, сени; с запада вдоль наружной стены дома шел покрытый берестой сточный желоб. Отсутствие каких-либо признаков деревянного пола (при общей удовлетворительной сохранности дерева) заставляет думать, что сооружение было не жилое, а производственное. Оригинальная конструкция каменного сооружения, сильно обожженные кирпичи его круглой части и закопченные прямоугольной части, а также находка у северо-западного наружного угла здания крюка, приспособленного, по нашему мнению, для подвешивания рыбы или мяса, вызвали предположение, что открытое здание является коптильной. Однако дальнейшие исследования в Зарядье, при которых было открыто точно такое же сооружение, но не обожженное огнем, позволяют уточнить наше прежнее предположение. Видимо, в качестве коптильни использовалось впоследствии сооружение, первоначально предназначенное для другой цели. Это была мастерская кожевника, в которой

производился сафьян⁸⁹. Нам кажется неправильным предположение Х. И. Крис, что каменная кладка для «топтанья кожи» не связана со срубом. Напротив, наличие сточного желоба убеждает в том, что весь этот комплекс был построен как кожевенная мастерская, потом по каким-то причинам был заброшен и использовался как коптильня. Датировка комплекса 10 довольно затруднительна, поскольку почти отсутствуют определяющие ее предметы. Однако приведенные выше размеры кирпича — несколько толще «алеуизова кирпича» и одновременно значительно тоньше кирпича второй половины XVI в. — позволяют ориентировочно датировать комплекс серединой или первой половиной XVI в., тем более что выше него были встречены находки, характерные для конца XVI — начала XVII в., — терракотовый изразец, омедненный замок с ключом (типа «Е» по Новгородской классификации) и др.⁹⁰

Внутри сруба здания в заполняющем его суглинке найдено 1570 фрагментов керамики⁹¹, в том числе ангобированной керамики типа 2 — 7 (0,4%), черной лощеной типа 3 — 15 (1%), мореной типа 4 — 554 (35,3%), белой типа 5 — 353 (22,5%), красной типа 6 — 628 (40,0%), красной лощеной типа 7 — 13 (0,8%).

Здесь показателен малый процент черной лощеной керамики типа 3⁹² при высоком проценте красной типа 6 и мореной типа 4. Как говорилось выше, подобное соотношение типов керамики при раскопах на устье р. Яузы наблюдалось ниже надгробий с зубчатым орнаментом, т. е. в горизонтах первой половины XVI в. Статистика керамики указывает нам, таким образом, на ту же дату, что и размер кирпича.

Комплекс 11. В южной части того же раскопа VI (кв. 53—63) на глубине 3,46—3,64 м открылись остатки сооружения. Сооружение это было, по всей вероятности, хозяйственной постройкой, поскольку пол его настил довольно небрежно, частично из досок, частично из неошкуренных березовых бревен. Оно стояло, видимо, на северном краю усадьбы, другой, южный край которой примыкал к Великой улице, возле частокола, ограждавшего усадьбу с севера. Вещевые находки — глиняное грузило, железный нож, медный перстень (печатка) с овальным щитком лежали с внешней стороны забора и могли относиться к более древним горизонтам, перекопанным при устройстве забора. Для датировки комплекса 11 важно, что он лежит в пластах 18—19, ниже комплекса 10, непосредственно на угольной прослойке, которую мы связываем с пожаром 1468 г. Мы считаем возможным предположительно установить дату комплекса 11 — конец XV — начало XVI в.

В квадратах, где расположена постройка, найдено 294 фрагмента керамики, в том числе: черной лощеной типа 3—5 (1,8%), мореной типа 4—23 (7,9%), белой типа 5—85 (28,9%), красной типа 6—180 (60,9%), поливной ранней типа 14—1 (0,5%)⁹³.

Характерны лишь случайные находки черной лощеной керамики и ранней поливной керамики, значительный процент белой керамики.

Стратиграфически к тому же времени, что и комплекс 11, — к концу XV — началу XVI в. — должна быть отнесена открытая в западной части раскопа VI система дренажа из деревянных труб, врытая в культурный слой с горизонта, под сафьянной мастерской, и лежавшая непосредственно на материке.

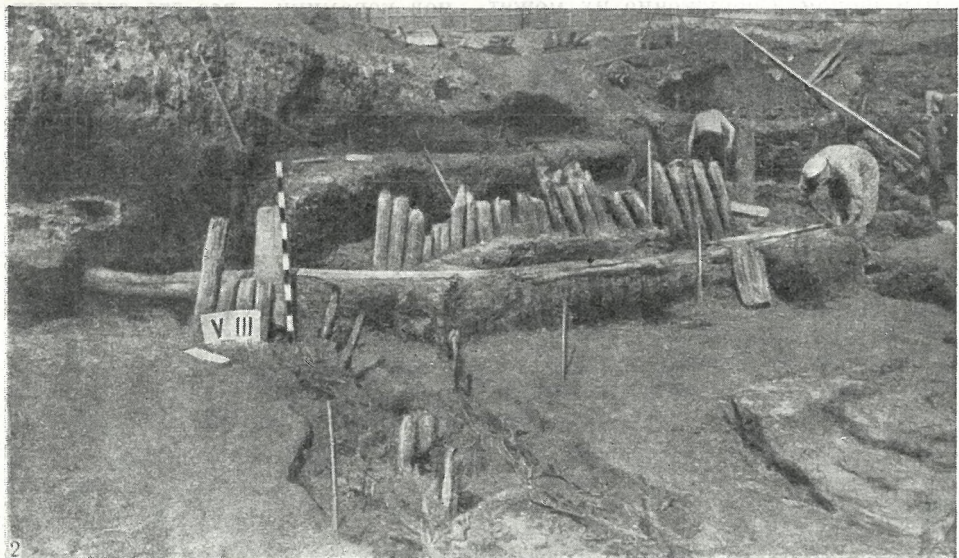
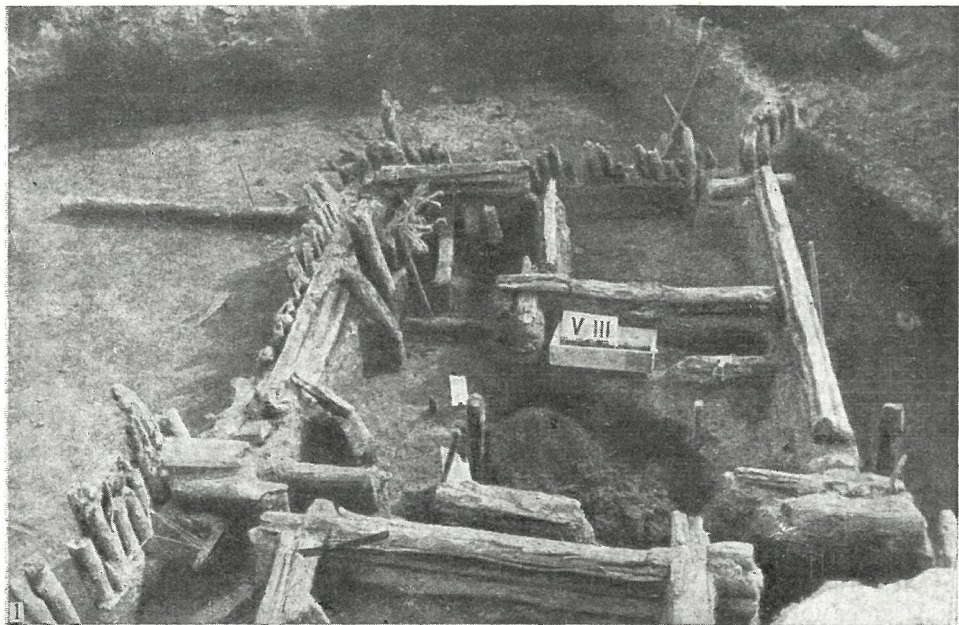
Аналогичные деревянные трубы встречены в Зарядье и в раскопе VIII. Но здесь они относятся к разным периодам. Одна система, направленная, так же как и трубы из раскопа VI, с севера на юг, была врыта в слой щепы и навоза с горизонта, лежащего непосредственно над ним. Она датируется, следовательно, концом XVI в.

Другая система деревянных дренажных труб из раскопа VIII, отличающаяся более примитивной конструкцией (короткие звенья, отсутствие соединения стыков и т. п.), лежит ниже прослойки навоза со щепой и датируется началом XVI в. Она была в свое время врыта в землю, как обычно это делали.

На участке, зачищенном в месте сопряжения этой трубы с частоколом комплекса 12 (о нем см. ниже) и непосредственно под трубой, т. е. в горизонте, относящемся к 70—80-м годам XV в., найдено 252 фрагмента керамики, в том числе: мореной типа 4—6 (2,3%), белой типа 5—8 (3,1%), красной типа 6—75 (29,8%), красной лощеной типа 7—23 (9,1%), серой типа 8—85 (33,7%), курганный типа 10—4 (1,6%), толстостенной типа 12—30 (11,9%), красной ранней типа 13—13 (5,1%), неопределимой и ошлакированной — 13 (5,1%)⁹⁴.

Комплекс 12. Стратиграфически одновременен описанной выше системе дренажа комплекс хозяйственных сооружений, открывшийся в западной части раскопа VIII в пластах 15—16. Это — остатки деревянного сруба размером 3,20×2,80 м, ориентированного в направлении СВ — ЮЗ (рис. 8, 1). Непосредственно к юго-восточной и юго-западной стенам постройки примыкают линии частокола, продолжающиеся и в центральной части раскопа, образуя замкнутое прямоугольное пространство,

Р и с. 8.
Остатки сооружений XV и XVI вв.

1 — постройка и частокол (комплекс 12); 2 —
участок сопряжения частокола (комплекс 12)
с дренажной трубой и дренажной канавой,
крепленной плетнем

ориентированное так же, как постройка, но с более длинной осью СЗ — ЮВ, размером примерно 6 × 8 м. Можно думать, что это — хозяйственная постройка и прилегающий к ней небольшой хозяйственный двор. Здесь почти нет вещей, характеризующих жилой комплекс, но найдены деревянное кнутовище, деталь конской сбруи, плотничий бурав, пружина от трубчатого замка типа «г». О жилом комплексе свидетельствует только находка железного светца, который, впрочем, мог понадобиться и в хозяйственной постройке.

Весь этот комплекс 12 ко времени образования перекрывающей его прослойки щепы и навоза уже не существовал. И сруб, от которого тогда остался только один венец, и частоколы до самого верха засыпаны навозом и щепой. Сооружение их может быть датировано концом XV или на-

чалом XVI в., а разрушение и засыпка — серединой того же столетия.

С другой стороны, ясно, что малая система дренажа, о которой мы говорили выше (тонкие, небрежно сделанные трубы), во время сооружения частокола была на поверхности земли. В кв. 17 частокол подходит вплотную к трубе и продолжается по другую ее сторону. Ни труба не нарушила частокол, ни частокол — трубу (рис. 8, 2). Они одновременны. 16 пласт, представляющий собой дневную поверхность времени сооружения комплекса 13, дал такую керамику (см. табл. 6).

Единичные находки чернолощеной керамики, уменьшение среднего процента мореной, наконец, решительное преобладание красной (что характерно для хозяйственного комплекса), появление серой и более ранних типов керамики — все это свидетельствует, судя по материалам Гончарной

Таблица 6*

Керамика	Сруб постройки		Прилегающая к нему территория		Хозяйственный двор		Всего	
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
Поливная, типа 1	--	--	1	0,1	--	--	1	0,1
Ангобированная, типа 2	--	--	5	0,7	2	2,8	7	1,0
Черная лощеная, типа 3	--	--	2	0,3	1	1,4	3	0,4
Мореная, типа 4	21	47,7	14	2,5	17	23,9	52	7,5
Белая, типа 5	--	--	95	16,5	2	2,8	97	13,7
Красная, типа 6	17	38,6	351	60,9	38	53,7	406	58,7
Красная лощеная, типа 7	2	4,6	70	12,4	8	11,2	80	11,5
Серая, типа 8	4	9,1	33	6,6	3	4,2	45	7,1
Всего	44	100	576	100	71	100	691	100

* Составлена по подсчету Э. А. Рикмана (дневник раскопа VIII, стр. 58).

свободы, скорее о конце XV, чем о начале XVI в.

Стратиграфически только что описанным горизонтам раскопа VIII соответствует пласт 14 раскопа II в Зарядье. Он также находится ниже прослойки навоза со щепой и лежит непосредственно над слоем пожара 1468 г., о котором будет подробнее сказано ниже. Датирующих предметов в нем не найдено, но стратиграфия позволяет предположить для этого пласта дату — конец XV — начало XVI в. В нем найдено 277 фрагментов керамики, в том числе: поливной типа 1—2 (0,7%), ангобированной типа 2—1 (0,4%), мореной типа 4—93 (33,5%), белой типа 5—32 (11,2%), красной типа 6—32 (11,2%), красной лощеной типа 7—27 (10,0%), серой типа 8—90 (33,0%)⁹⁵.

Здесь также определяющим является отсутствие черной лощеной керамики, случайные (в долях процента) фрагменты поливной и ангобированной, небольшой процент белой (он, видимо, в этих слоях колеблется от 10 до 20), повышение процента красной лощеной и, главное, появление серой керамики типа 8. Все это говорит скорее о конце XV в., чем о начале XVI в.

В раскопе I, как уже было сказано, прослойка навоза со щепой отсутствовала. Однако в северном профиле этого раскопа на глубине 1,80—2,20 м (пласты 10—11) ясно видны прослойка щепы мощностью от 6 до 20 см и лежащая ниже нее прослойка глины мощностью от 5 до 24 см. В западной части профиля (кв. 21) указанные прослойки подстилает еще прослойка песка мощностью 24—30 см⁹⁶. Все эти прослойки расположены ниже комплекса 9, датированного нами первой половиной XVI в., и, стало быть, являются древнее его.

Однако вся площадь раскопа к югу от отмеченных прослоек, заходящих в раскоп лишь незначительно, на этом уровне настолько сильно нарушена в XVI—XVII вв., что почти в каждом квадрате встречаются еще, например, находки красных изразцов. С другой стороны, как нам уже случалось отмечать, в пласты 10 и 11 попали и некоторые более древние вещи, в частности, литейная форма из мастерской, расположенной ниже, о которой мы скажем впоследствии.

Нарушенность 10 и 11 пластов раскопа I не позволяет привлекать найденную здесь керамику для общих статистических подсчетов.

Лишь 12 пласт дает материал более надежный. Из датирующих предметов можно указать находки маломерного кирпича толщиной 4 см и шириной 11 см, распространенного с 70-х годов XV до начала XVI в.⁹⁷

Комплекс 13. Видимо, к этому времени относится открытый в юго-восточной части раскопа I в Зарядье (кв. 24, 29, 30) погреб, врытый в материк. Погреб нарушил более древний литейный и железоделательный производственный комплекс, о котором речь будет ниже. Его сруб (сохранилось шесть венцов размером 2,20 × 3,10 м) был перекрыт на уровне 15 пласта накатом из тонких бревен (диаметр — 15—16 см). Он был опущен в яму, по размерам значительно большую (примерно 4 × 3 м), которая была вырыта, видимо, с уровня 11 пласта. Затем пространство между срубом и стенками ямы было вновь засыпано той же землей, причем в засыпку попали предметы из нарушенных при рытье ямы более древних слоев. Здесь найдены железный шлак и литейные тигли из мастерской, обломок стеклянного браслета. Стратиграфия комплекса 13, видимо, уже разрушенного и за-

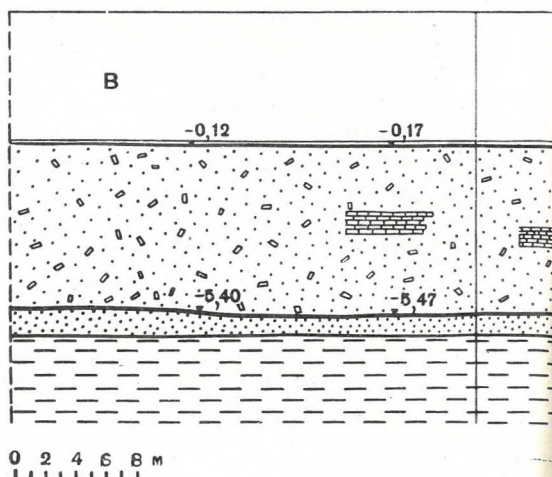

сыпанного ко времени сооружения комплекса 9, говорит о его бытовании в конце XV в. Внутри погребка под настилом найден почти целый красный лощеный кувшин и 111 фрагментов сосудов, в том числе: моренных типа 4—9 (8,1%), белых типа 5—20 (17,8%), красных типа 6—72 (64,8%), красных лощеных типа 7—10 (9,3%)⁹⁸.

Важно отметить полное отсутствие поздних типов керамики, начиная с черной лощеной, а также отсутствие типов древнее красной лощеной. Преобладание красной керамики типа 6 характерно, как мы видели, не только для определенного хронологического периода (конец XV и первая половина XVI в.), но именно для хозяйственных построек, а не для жилых комплексов.

Комплекс 14. Погреб княжеского двора в Кремле открылся в северной стенке котлована, вырытого для строительства Дворца съездов в 1959 г. (рис. 9). Это — квадратный в плане сруб, рубленный «в обло», из бревен и снабженный дренажным устройством, аналогичным комплексу 8.

Здание, которому принадлежал погреб, видимо, сгорело. На уцелевших бревнах сруба с внутренней стороны — следы огня. Погреб врыт в землю со среднего горизонта второго культурного слоя (верхние горизонты его перекрывают). Время гибели здания можно определить по материалу его засыпки. Здесь встречено множество фрагментов кирпича, среди которых имеются и «маломерные» кирпичи размером 4—5 × 10—11 × 20—22 см, и кирпичи такие же тонкие, но более широкие, и размерами — 4 × 13—14 × 22—24 см. Это сочетание кирпичей, бытовавших до Флораванти, и кирпичей, появившихся при нем, свидетельствует о том, что комплекс 14 сгорел не ранее 70-х

годов XV в. и не позднее начала XVI в., когда в обиход вошли кирпичи других размеров. В это время в Москве наблюдались частые пожары. В 1485 г. выгорел весь Кремль, в 1493 — все Занеглименье и значительная часть Кремля — от Боровицких до Никольских ворот⁹⁹. Гибель здания относится, вероятно, к 1485 г. Сооружение же комплекса 14 — не ранее, чем к концу XIV — началу XV в. Керамика, найденная в засылке внутренней части сруба, относится, конечно, ко времени его разрушения и, может быть, к несколько более позднему, т. е. к концу XV — началу XVI в. Здесь при наблюдениях собрано всего 76 фрагментов керамики, в том числе¹⁰⁰ черной лощеной типа 3—10 (из них 3 фрагмента черепахи) (13,1%), белой типа 5—50 (66%), красной типа 6—1 (1,3%), красной лощеной типа 7—1 (1,3%), серой типа 8—10 (13,1%), серой толстостенной типа 12—4 (5,2%).

Малое количество керамики обусловливает и необычное процентное соотношение типов (в частности, небывало низкий процент красной ке-

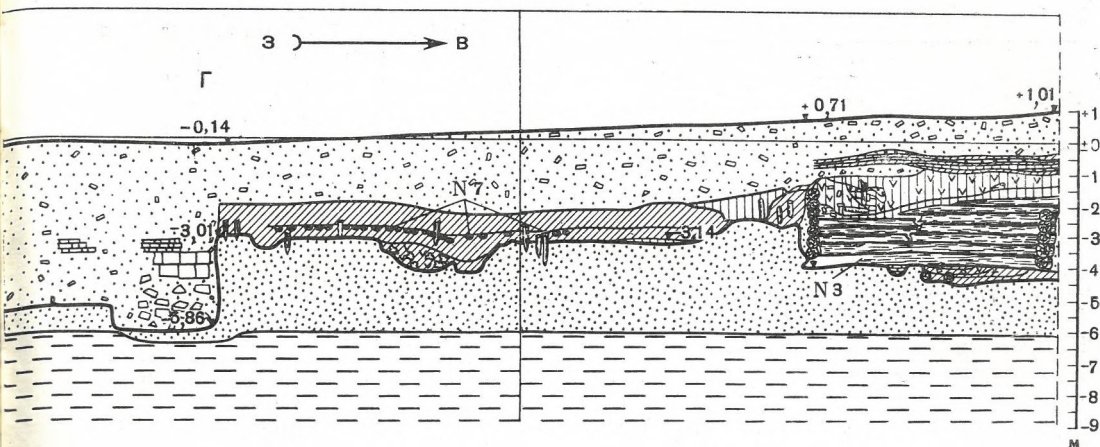

Рис. 9.

Профиль северной стенки котлована строительства в Кремле

рамики). Но все же, как в других комплексах этого времени, отмечается появление серой керамики типа 8.

Началом XVI в. датируется 14 пласт I раскопа в Кремле. Следующий же пласт относится к концу XV в.¹⁰¹

Керамика, найденная в этих пластах, дана в табл. 7.

Здесь ясно видно уменьшение процента поздних типов керамики (3, 4, 5) и некоторое увеличение процента серой керамики типа 8.

К концу 60-х годов XV в. относится прослойка, встреченная почти во всех выработках на территории Зарядья и отсутствовавшая в Кремле. Она отличается обилием золы и угля, пережженной керамики, обугленных деревянных предметов и т. п. Как и прослойка щепы с навозом, описанная выше, она выступает не на одинаковой глубине, что объясняется отличием древнего рельефа местности от современного. Наиболее ярко эта прослойка выражена в Зарядье в раскопах II и IV, где она выступает на глубине 2,75—3,00 м, и в особенности в раскопе I (на глубине 3,05—3,40 м). Слабее прослой-

- — известь;
- — черная земля;
- — строительный мусор;
- — материк;
- — дерево;
- — белый камень;
- — шлак;
- — кирпичная кладка;
- — глина;
- — коричневая земля;
- — уголь;
- — песок;
- — отметки глубины в м;
3 — подвал постройки конца XV в.;
7 — мостовая XIV в.

Таблица 7

Керамика	Пласт 14		Пласт 15	
	количество	%	количество	%
Ангобированная, типа 2	--	--	5	0,5
Черная лощеная, типа 3	4	0,8	1	0,1
Мореная, типа 4	9	1,7	4	0,4
Белая, типа 5	50	9,5	40	4,4
Красная, типа 6	397	75,7	730	80,0
Красная лощеная, типа 7	34	6,6	56	6,2
Серая, типа 8	30	5,7	75	8,2
Всего	524	100	913	100

ка выражена в раскопах VII (глубина 3,33—3,35 м) и VIII (глубина 3,60—3,80 м). Еще слабее — в раскопе VI (глубина 3,50—3,65). В раскопе I прослойка почти не прослеживается.

Обилие остатков обуглившихся строений, встреченных в этом горизонте (рис. 10), не оставляет сомнений в том, что перед нами — следы какого-то огромного пожара, охватившего всю территорию Зарядья. Еще в 1949 г., когда эта прослойка была встречена нами впервые, мы датировали ее на основании керамики концом XV в. и связали с сильным пожаром, отмеченным в летописи под 1468 г.¹⁰²

«Того же лета (6976.— М. Р.) месяца маия в 23 день в 2 час ночи, — пишет московский летописец (по нашему исчислению времени это будет 20 час. 35 мин. понедельник 31 мая 1468 г.— М. Р.), — загорелся посад на Москве у Николы Мокрово, и много дворов бесчисленно згоре. Горело вверх по рву за Богоявлен-

скую улицу, а от Богоявления улицею мимо Весаковых двор по Иван святы на пять улиц, а от Иоанна святого на Подол по Васильевской луг, да на Большую улицу, на Вострой конец, и по самую реку да по Козьму Демиана на Вострой конец. Истомно же тогда было и нутрь городу, понеже бо ветрено было и вихор мног, но бог сохрани его»¹⁰³.

Здесь совершенно ясно очерчена территория, охваченная пожаром по крайней мере от Кремля до современного Китайского проезда и от берега Москвы-реки до середины современного проезда Куйбышева, где и сейчас еще стоит напротив станции метрополитена недавно реставрированный собор бывшего Богоявленского монастыря. Возможно, что пожар продвинулся и дальше на север, до современной улицы 25 Октября. Во всяком случае вся исследованная раскопками территория при этом пожаре выгорела. В дальнейшем мы установили, что большая или меньшая интенсивность отложений, связанных с пожаром, на том или ином участке раскопок или наблюдений, связана, во-первых, с наличием в этих местах к моменту пожара деревянных строений, а во-вторых, с дальнейшей судьбой данного участка. Там, где позднее были проведены значительные строительные работы или иные перекопы, прослойка, образовавшаяся во время пожара, оказалась нарушенной и прослеживалась плохо. Это в особенности можно сказать о раскопах I, III, VI и VIII (подробнее мы остановимся на этом вопросе при рассмотрении конкретного материала раскопов).

Кроме общих соображений и распределения керамики, позволивших нам еще в 1949 г. предположить

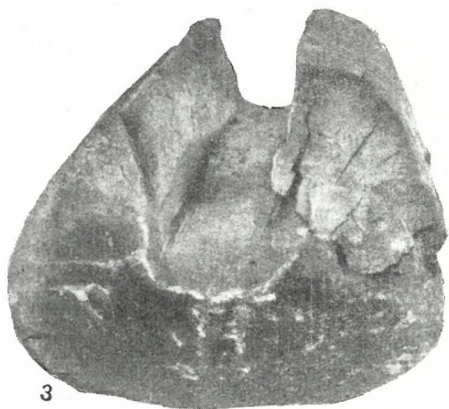
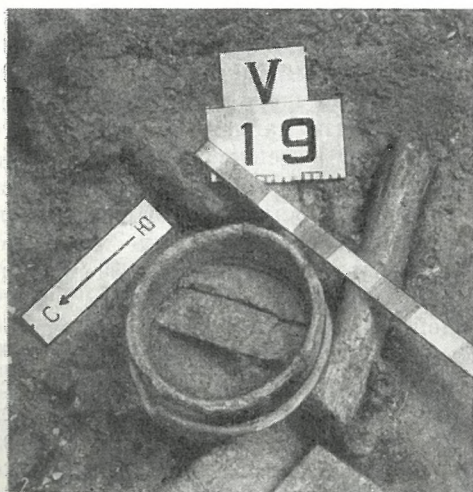
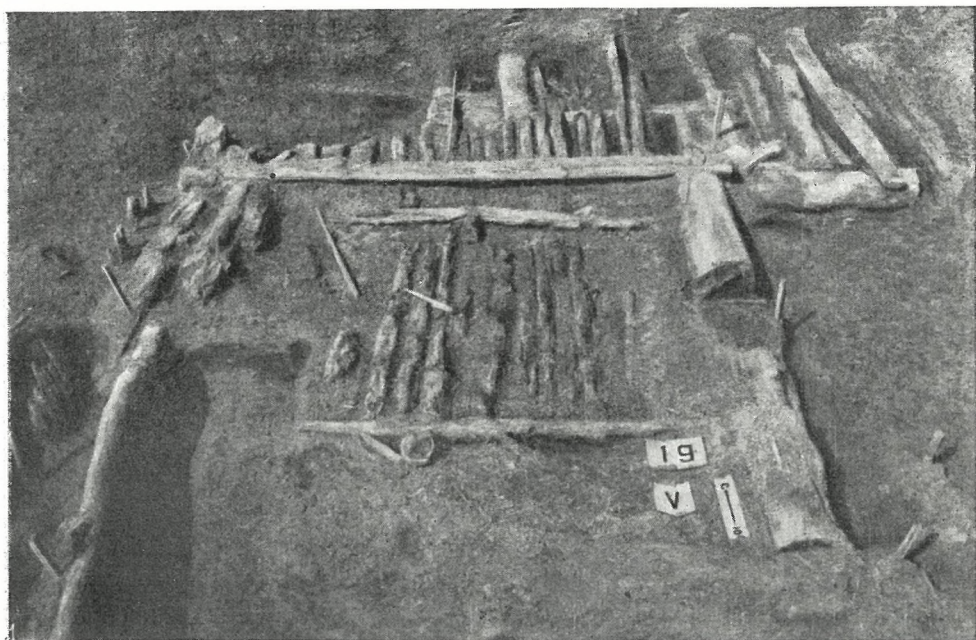

Рис. 10.

Остатки бани (1), сгоревшей в 1468 г. (Зарядье, раскоп V); обгоревшие боченок (2) и желоб (3)

происхождение прослойки именно от пожара 1468 г., эта дата — вторая половина XV в. — подтвердилась при дальнейших раскопках 1950—1951 гг. еще несколькими находками.

К ним прежде всего следует отнести найденный в засыпке сгоревшего при пожаре сруба 3 из раскопа IV (комплекс 15) плитчатый кирпич размером $21 \times 20 \times 5$ см. В прослойке пожара и ниже не было найдено ни одного кирпича, у которого длина превышала бы сколько-нибудь значительно ширину. Кирпич же плитчатый, в плане почти квадратный, был вытеснен из московского строительства около 1475 г. Вообще широкое применение «ожиганого кирпича» в строительстве (первоначально — для выкладки сводов) началось в Москве лишь в 50—60-х годах XV в. Под 1465 г. московский летописец с восторгом описывает реставрацию В. Д. Ермолиным московской церкви Вознесенья: «Василей Дмитриев Ермолина с мастера каменщики, церкви не разобрал всея, но из надвория горелой камень весь обламал и своды двигшееся разобрал и оделал ея около всю новым камнем да кирпичем ожиганым и своды сведоша и всю съ вершиша, яко дивитися всем необычному делу сему»¹⁰⁴. Этот кирпич был, видимо, тонкий и в плане квадратный, как древнерусская «плинфа» и кирпич, применявшиеся в то время на Востоке. В частности, близок по размеру к найденному нами кирпичу кирпич так называемого золотоордынского времени (XIII—XIV вв.), часто встречающийся в постройках волжских болгар ($23 \times 24,5$; 22×24 см)¹⁰⁵. Говоря о деятельности Аристотеля Фиораванти, московский летописец не забывает особо отметить, что этот итальянский архитектор стал делать

для своих построек еще в 1475 г. иной, непривычный для русского глаза кирпич: «И кирпичную печь доспе за Ондроньевым монастырем в Калитникове, в чем ожигати и как делати: нашего русского кирпича уже да продолговатее и тверже»¹⁰⁶.

Видимо, с тех пор и получил широкое распространение на Руси продолговатый кирпич. Таким образом, находка кирпича подквадратного в плане при отсутствии кирпича продолговатого, часто встречающегося (как мы видели) в вышележащих слоях, говорит, по нашему мнению, о том, что пожар произошел между 1458 и 1475 гг., т. е. позволяет считать, что это описанный летописью пожар 1468 г.

Этой дате не противоречит и другая находка, которая также является датирующей. В раскопе V в развалинах бани, сгоревшей при том же пожаре, в слое угольков на глубине 3,47 м лежала маленькая овальная костяная печать длиной 1,5 см, шириной 1 см, с ушком для подвешивания. Такие печати, носимые на шнурке на шее, в древней Руси известны. На найденной нами печати вырезана в центре фигура воина со щитом и копьем, окруженная надписью: «печать Ивана Карови» (рис. 11, 1). Начертание букв этой надписи (в частности — «ч» расщепом, «в» — с «набухшей» верхней петлей) указывает на XV в., точнее — на вторую его половину¹⁰⁷.

Печать прекрасно сохранилась, все прорезы достаточно четкие, еще не сработавшиеся, оттиск получается с резко очерченным изображением и надписью. Видимо, печать употребляли недолго. Наиболее вероятным владельцем печати является князь Иван Юрьевич Патрикеев — владелец этого земельного участка¹⁰⁸.

При раскопках А. Ф. Дубынина в том же слое пожара найдена иконка из серого шифера. На одной стороне ее изображены Илья и Никита (имя последнего резчик прочертил не слева направо, а справа налево, сохранив характерное простонародное изменение этого имени «Микита»). На другой стороне иконки изображения Варфоломея или Варнавы и Пятницы. На верхнем торце иконки прочерчено имя владельца — «Олена» (рис. 11, 2). По начертанию надписей М. В. Щепкина датировала иконку XV в. А. Ф. Дубынин считает поэтому возможным согласиться с нашей первоначальной датировкой слоя и связать его с пожаром 1468 г.¹⁰⁹

Таким образом, все имеющиеся данные заставляют нас связать от-

крытую при раскопках прослойку с пожаром, начавшимся в 20 час. 35 мин. в понедельник 31 мая 1468 г. В прослойке пожара (вне сооружений) обнаружена такая керамика (см. табл. 8).

Среди угля и золы в прослойке, связанной с пожаром 1468 г., удалось расчистить несколько комплексов сооружений.

Комплекс 15. Остатки двух соседних усадеб (Зарядье, раскопы II, III, IV и I). В раскопе II в 1949 г. были обнаружены два ряда частоколов, идущих в направлении С — Ю, приблизительно параллельно друг другу. Между ними (в кв. 10) находился небольшой колодец, закрепленный не срубом, как обычно, а вертикально вбитыми в землю горбылями неопшкуранных березовых

Таблица 8*

Керамика	Раскоп IV, пласт 15		Раскоп VII, пласт 17—18		Раскоп VI, пласт 19, южная часть		Итого	
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
Ангобированная, типа 2	16	0,8	—	—	—	—	16	0,2
Черная лощеная, типа 3	63	3,1	25	0,4	5	1,3	93	1,4
Мореная, типа 4	514	25,9	865	16,0	23	8,0	1402	18,2
Белая, типа 5	190	9,5	972	17,8	55	18,7	1217	15,8
Красная, типа 6	909	45,8	2780	51,4	180	61,6	3869	50,3
Красная лощеная, типа 7	76	3,8	511	9,4	—	—	587	7,7
Серая, типа 8	216	11,1	253	5,0	30	10,3	499	6,4
Поливная ранняя, типа 14	—	—	—	—	1	0,4	1	—
Всего	1984	100	5406	100	294	100	7684	100

* Составлена по подсчетам Э. А. Рикмана, П. И. Засурцева, Г. П. Смирновой (дневники раскопа IV, стр. 35; раскопа VI, стр. 63; раскопа VII, стр. 22, 23).

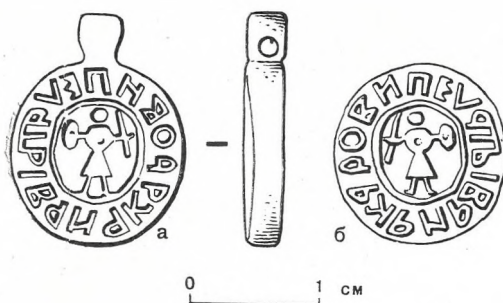

Рис. 11.

Находки из слоя пожара

1 — печать Ивана Коровы (а); оттиск (б); 2 — иконка из раскопок А. Ф. Дубынина

бревен. Частоколы были прослежены в 1950 г. к северу, в раскопе V, и к югу, в раскопе IV. В IV раскопе в квадратах 15—17, 22 и 23 к ним примыкали с востока остатки сруба избы со следами досчатого пола и четырьмя столбами, служившими некогда опорой для печи. Еще далее на юг, в раскопе III, у самой грани-

цы Великой улицы в кв. 2, 3, 5, 6, 8, 9, 11, 12, 14 и 15 открылся сруб погреба и прилегающее к нему, также врытое в землю, производственное помещение с полом из известкового раствора. Мы определили этот комплекс как усадьбу сапожника с домом, стоявшим в глубине двора и выходящим на улицу хозяйственными и производственными постройками.

К северо-западу от линии частоколов в квадратах 4, 23, 24, 8, 9 10, 17, 18, 19 раскопа I открылась небольшая баня с полом из жердей и сравнительно большой глинобитной печью. Разбросанные в беспорядке крупные бревна, встреченные к югу от бани, являются, по нашему мнению, свидетельством того, что находившийся южнее, ближе к улице, дом был растащен во время пожара, возможно, при тщетной попытке преградить путь огню. Не вдаваясь в дальнейшее описание и определение этих комплексов двух соседних усадеб, скажем лишь, что все постройки сгорели одновременно, что наземные сооружения были уничтожены почти полностью, а подземные сохранились сравнительно хорошо. В дальнейшем остатки ближайших к улице построек были еще нарушены при сооружении дома и хозяйственных построек комплекса 9, которые мы датировали выше началом XVI в. К этому времени комплекс 15 был занесен землей на 30—40 см и, видимо, забыт. Погреба комплекса 9 врезались в погреб комплекса 15 (сруб 2 — в сруб 3), нарушили остатки частоколов (сруб 1) и жилого дома (сруб 2).

Из вещевых находок нужно отметить найденный в засыпке сруба погреба плитчатый кирпич, о котором уже говорилось выше, железную подкову и деревянную ложку.

В производственном сооружении рядом с погребом в пол была вделана долбленая из целого ствола липы бочка, на дне которой оказалась, очевидно, упавшая при засыпке сооружения чернолощенная кубышка, сильно обгоревшая и спекшаяся во время пожара. Среди остатков жилого дома найдены обуглившиеся деревянные корыто (под досками пола), точильный брусок, глиняная игрушка — ангобированная свистулька, часть костяного флакончика, точеного на токарном станке, железные кованые гвозди, деревянная колесная чека, металлическая чашечка, остатки венников. Наконец, среди остатков сгоревшей бани найдена упомянутая выше костяная печать, керамические тонкие плитки, железный нож и тисненые ножны, часть деревянного желоба для слива воды и две глиняные игрушки, по своему устройству отличающиеся от известных нам игру-

шек XVI—XVII вв. Это — человеческие фигурки, очень грубо вылепленные и имеющие в нижнем конце втулку для надевания на пальцы. Найдена поблизости от бани и часть (задняя сторона) свинцовой иконки — мощевика с довольно грубо нанесенным «андреевским» крестом.

Из производственных находок следует отметить деревянную рукоять шила, недошитую кожаную рукавицу, гребень от прялки, гребень для расчесывания льна и т. п.

Керамика комплекса 15, соответствующая времени его гибели, представлена следующим образом (см. табл. 9).

Время же сооружения комплекса 15 должно быть несколько более ранним, чем 1468 г. Определить его значительно труднее. Ведь у нас нет никаких оснований думать, что обе усадьбы были построены одновременно и что даже в пределах одной

Таблица 9*

Керамика	Погреб (сруб 3)		Баня		Сруб		Итого	
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
Ангобированная пятнами, типа 2	--	--	19	1,2	--	--	19	1,1
Черная лощеная, типа 3	--	--	7	0,4	--	--	7	0,4
Мореная, типа 4	10	16,5	157	10,0	--	--	167	10,0
Белая, типа 5	3	4,9	69	4,6	--	--	72	4,3
Красная, типа 6	23	37,7	951	61,5	31	55	1005	60,5
Красная лощеная, типа 7	8	13,1	192	12,4	--	--	200	12,0
Серая, типа 8	10	16,5	150	9,1	23	45	183	11,3
Курганная, типа 10	7	11,3	--	--	--	--	7	0,4
Всего	61	100	1545	100	54	100	1660	100

*Составлена по подсчетам Э. А. Рикмана, В. Т. Логинова (дневники раскопа II, стр. 112; раскопа IV, стр. 43; раскопа III, стр. 38).

усадебные различные постройки не со-
оружались со значительным интервалом
во времени. Напротив, различие
конструкций частоколов (из которых
один, видимо, был врыт в канаву и
закреплен в ней продольными лагами,
а другой — просто вбит в землю) и
некоторая, хоть и незначительная,
разница уровней их оснований скорее
говорят о разновременной постройке
этих заборов. То, что баня западной
усадебной сооружена из отходов
каких-то более ранних сооружений,
также говорит о разновременности
построек. Однако вряд ли будет
большой ошибкой предположить, что
этот комплекс сооружен примерно в
середине XV в. В то время частые
пожары и иные разрушения не
позволяли городским строениям, да
еще в таких тесно застроенных
районах, как подол Великого посада —
Зарядье, сохраняться больше 20—30
лет. Именно этот средний интервал
между строительными периодами дают
и материалы раскопок в Новгороде
Великом¹¹⁰.

Дневная поверхность времени
сооружения комплекса 15 — это 15—16
пласты раскопов II—IV и 18—19
пласты раскопа V, лежащие непосред-
ственно под прослойкой, оставленной
пожаром. Из индивидуальных
находок в этих пластах нет ничего,
что могло бы дать дополнительный
материал для датировки. Это и есте-
ственно, поскольку сооружения, как
жилые, так и хозяйственные, лежат
в других пластах, а ненарушенные
участки культурного слоя вне сооруже-
ний удалены от улицы и представляют
собой задворки или огоры.

Некоторые находки, например
каменная литейная формочка из
раскопа I (кв. 8, глубина — 3,56 м),
попали в этот пласт в результате
перекоса более древних слоев, кото-

рый прослеживается здесь довольно
определенно, частые же находки
деревянных поделок не датируют
слоя.

В раскопе II найдены кнут, дере-
вянная бирка с двумя рядами зарубок
(причем десяти зарубкам одного
ряда соответствует одна зарубка дру-
гого), керамическая плитка.

Керамика времени сооружения
комплекса 15 такова (см. табл. 10).

Состав керамики времени гибели
и сооружения комплекса 15 (1468 г. и
середины XV в.) не особенно разли-
чается. Видна лишь тенденция к уве-
личению процента серой при неко-
тором понижении процента красной ке-
рамики типа 6 и красной лощеной ке-
рамики. Древние типы керамики так-
же представлены случайными нахо-
дками, указывающими, в большинстве
случаев, на незначительные переко-
пы. Можно, пожалуй, указать только
на один тип, который здесь появляет-
ся не случайно. Это — поливная
среднеазиатская керамика типа 9,
которая в Москве вообще встречается
довольно редко и только в XIII—
XV вв.

В горизонте, расположенном ниже
прослойки пожара 1468 г., встречено
еще несколько сооружений. Это пре-
жде всего системы дренажа, более
древние, чем описанные выше трубы.

Комплекс 16. Система деревян-
ных дренажных труб из раскопа VI
(Зарядье).

В юго-восточном углу раскопа VI
(в кв. 60, 62, 63, 65 и 67) на глубине
4,17 — 4,30 м открылась система дре-
нажа из деревянных труб, значитель-
но отличающаяся по своей конструк-
ции от описанных выше систем (рис.
12). Она была уложена не в культур-
ном слое на границе материка, а в
специально вырытой в материке ка-
наве шириной 80 см, глубиной —
около 20 см, в которой и закрепля-
лась подложенными кусками дерева с

Таблица 10 *

Керамика	Раскоп II		Пол рабочего помещения, раскоп III		Раскоп IV		Раскоп V		Итого	
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
Ангобированная пятнами, типа 2	2	0,4	1	1,4	16	0,9	—	—	19	0,7
Черная лощеная, типа 3	—	—	1	1,4	36	2,0	3	0,6	40	1,4
Мореная, типа 4	43	9,5	20	26,9	150	8,5	52	11,6	265	9,7
Белая, типа 5	45	10,0	—	—	134	7,6	28	6,1	207	7,6
Красная, типа 6	216	48,2	13	19,7	873	49,8	263	58,7	1365	50,2
Красная лощеная, типа 7	56	12,4	5	7,0	96	6,0	48	11,0	206	7,6
Серая, типа 8	82	18,6	31	43,6	441	24,9	54	12,0	608	22,4
Поливная, типа 9	—	—	—	—	3	0,2	—	—	3	0,1
Курганная, типа 10	—	—	—	—	2	0,1	—	—	2	0,1
Серая толстостенная, типа 12	4	0,9	—	—	—	—	—	—	4	0,2
Всего	448	100	71	100	1751	100	448	100	2718	100

* Составлена по подсчетам Э. А. Рикмана, В. Т. Логинова, Г. П. Смирновой (дневники: раскопа II, стр. 114; раскопа III, стр. 43; раскопа IV, стр. 40; раскопа V, стр. 72).

тем, чтобы сохранять определенный уклон. Сами трубы были, как и в XVI в., выдолблены из цельного ствола дерева, который раскалывался для этого вдоль, но обе половины трубы соединялись прямым швом, а не зубцами, благодаря чему могли смещаться по продольной оси. Звенья не вставлялись друг в друга, а соединялись в притык. Вся труба была обмотана берестой в один, а на стыках и изгибах — в два слоя. Таким образом, ясно, что система деревянных труб XVI в. по сравнению с описываемой системой труб была упрощена и усовершенствована. Комплекс 16 был перекрыт прослойкой пожара 1468 г., и на поверхности труб не было никаких следов огня. Более того, уцелевшая подземная часть забора — часто-

кола, сгоревшего в 1468 г., перекрывала этот комплекс так, что основания некоторых кольев приходились прямо на поверхность трубы и кое-где даже ее повредили. Стало быть, в 1468 г. и несколько ранее данной системой дренажа уже не пользовались. В свою очередь комплекс 16 нарушает другой частокол, видимо, современный ему или несколько более ранний. Во всяком случае при рытье канавы для комплекса 16 были обойдены те колья частоккола, которые не стояли непосредственно на линии самой трубы, и вынуты лишь несколько кольев, стоящих на том самом месте, где нужно было положить трубу. Из этого можно заключить, что во время прокладки системы комплекса 16 частокол еще стоял на поверхно-

сти земли. К сожалению, в пластах, связанных с частоколом, и в засыпке канавы, вырытой для трубы, не найдено никаких датирующих вещей. В самой трубе и в засыпке канавы не обнаружилось даже керамики. Поэтому датировать комплекс 16 и частокол, с ним связанный, можно лишь приблизительно, опираясь только на стратиграфию. Комплекс 16 уже не действовал в 1468 г. Можно думать, что он был сооружен в 30—40-х годах XV в. Из слоя, к которому относится современный комплекс 16 (или несколько более ранний) частокол, собрано 402 фрагмента керамики, в том числе ангобированной типа 2—4 (1%), черной лощеной типа 3—1 (0,2%), мореной типа 4—18 (4,4%), белой типа 5—16 (3,9%), красной типа 6—254 (63,1%), красной лощеной типа 7—7 (1,7%), серой типа 8—102 (25,7%)¹¹¹.

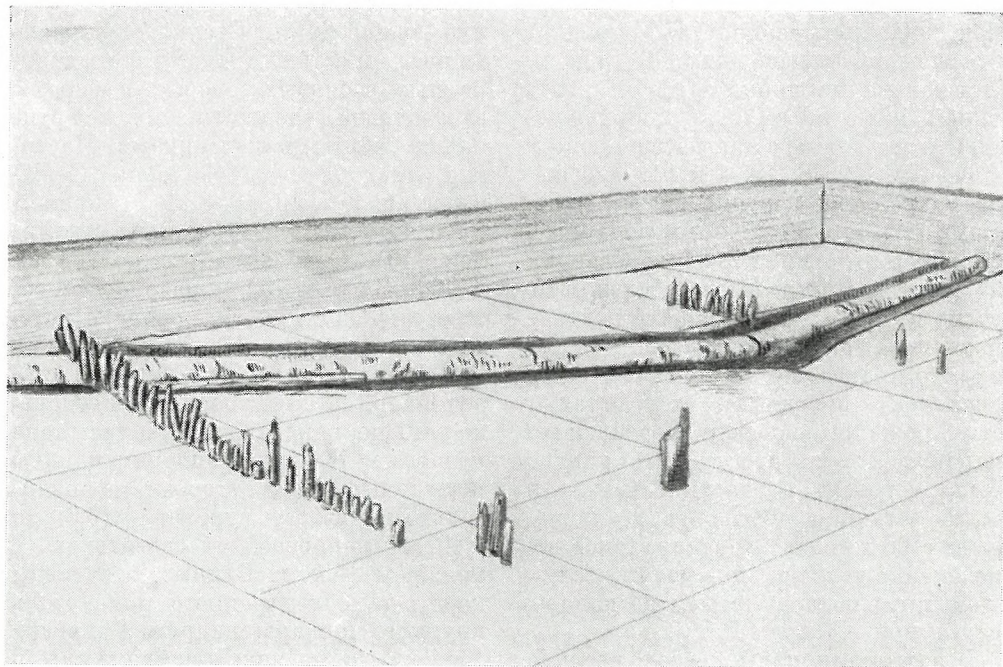
Комплекс 17. Яма с отходами керамического производства из раскопа VI. Комплекс 16 в южной части раскопа (в кв. 67, 68 и частично 69) перекрывал вырытую в материке яму правильной прямоугольной формы, со скругленным северо-восточным углом. В раскоп, видимо, попала часть большой ямы, с наклонно вырытыми в материке стенками. Сужаясь воронкообразно, яма кончалась на глубине 480 см. Она была вырыта, как видно, с поверхности материка или из самого нижнего горизонта культурного слоя и засыпана черной землей со щепой и другими органическими остатками. В яме найдено множество костей, обрывков кожи и в особенности — керамики. У северной границы ямы найдено железное кольцо и обрывок кожи. В самой яме — головка башмака, два красных лощеных кувшина, горшок и кувшин типа 6, обломок ошлакированного тигла, костяная рукоять ножа. Посуда

принадлежит в основном к типам красной лощеной и красной керамики (типы 6 и 7). В особенности интересна часть большой корчаги, которую удалось составить из краснолощенных черепков, кувшины-кружки (их мы уже описывали в начале настоящей работы). Значительная часть керамики и все целые сосуды являются, по видимому, браком производства. Они треснуты или разбиты, кое-где пережжены. Ни один из них не был в употреблении. Можно думать, что перед нами — яма с браком керамического производства, какие уже исследованы в Гончарной слободе Москвы. Но она, видимо, значительно древнее тех ям XVII в. Перекрывающая ее труба комплекса 16 не оставляет сомнения в том, что в 30—40-х годах XV в. яма комплекса 17 была оставлена, вероятно, и засыпана. Она относится к концу XIV — началу XV в.

В комплексе 17 найдено 714 фрагментов керамики, в том числе белой типа 5—7 (0,9%), красной типа 6—502 (70,3%), красной лощеной типа 7—198 (27,9%), поливной типа 9—7 (0,9%)¹¹².

Характерным здесь является преобладание красной и красной лощеной керамики и присутствие оттиснутой в форме поливной привозной керамики, которую мы условно относим к типу 9. В отделке красных лощеных сосудов заметен прием, видимо, излюбленный в данной мастерской. Орнамент на тулове сосудов выполнен вертикальными, чуть скошенными крупными и глубокими штрихами. Он упирается под шейкой сосуда в полосу шириной 2—2,5 см. идущую вокруг всего сосуда. В этой полосе лощения нет, но уколами четырехзубой вилки нанесены через равные промежутки по четыре ямки. Выше у корчаги идет низкий отогнутый наружу венчик, у кувшина — вы-

Р и с. 12.

Дренажные трубы и частокотлы XV в.

сокая шейка, покрытая лощением «в елочку», а затем — прямой венчик, покрытый линейным орнаментом во много полос. Другой тип сосудов, — производившийся в мастерской, — это описанные выше кувшины-кружки. Как нам уже случалось указывать, керамика, взятая из ям с производственным браком, не может охарактеризовать всего многообразия типов данного времени, поскольку она обычно является результатом одного-двух неудавшихся обжигов, когда в горне случайно преобладала та или иная посуда, и поэтому не используется в дальнейшем для подсчетов. Но в данном случае нужно отметить одно характерное обстоятельство: в комплексе 17 много красной лощеной кера-

мики, которая во всех других комплексах XV в., рассмотренных нами ранее, также встречается, но в небольшом проценте. Легко объяснимо также полное отсутствие в комплексе 17 серой керамики типа 8. Видимо, гончар, сбрасывавший сюда отходы своего производства, обжигал посуду в горне, а не в домашней печи. Таким образом, комплекс 17 хоть и не может быть включен в общую статистику керамики, все же дает довольно важные сведения о развитии керамического производства в первые десятилетия XV века.

К XV в. относятся и некоторые дренажные сооружения из Зарядья, построенные и действовавшие до пожара 1468 г.

Комплекс 18. Закрытая дренажная канава из раскопа VII (Зарядье) прослежена на глубине 3,49—3,57 м. Эта канава шириной 80—90 см и глубиной около 80 см шла в направлении с юго-запада на северо-восток через кв. 22, 16, 10, 4 и 51. Она была закреплена вертикальными дубовыми плахами, стоявшими попарно и перекрытыми продольным настилом из жердей. Настил этот прослеживался не везде (видимо, он был позднее разрушен, а канава засыпана). Но все это произошло до пожара 1468 г., поскольку прослойка, связанная с этим пожаром, повсюду перекрывает канаву. Можно думать, что канава была устроена в середине XV в. и была засыпана незадолго до пожара — в 60-х годах. Конечно, такое определение условно, но в целом мы можем датировать материал из канавы серединой XV в.

В засыпке канавы и возле нее найдено 722 фрагмента керамики, в том числе черной лощеной типа 3—3 (0,4 %), мореной типа 4—88 (10,8 %), белой типа 5—53 (7,3 %), красной типа 6—315 (43,6 %), красной лощеной типа 7—53 (7,3 %), серой типа 8—197 (28,9 %), курганный типа 10—3 (0,4 %), серой толстостенной типа 12—8 (1,1 %), красной ранней типа 13—1 (0,1 %), поливной ранней типа 14—1 (0,1 %) ¹¹³.

Комплекс 19. Открытая дренажная канава из раскопа VII.

Эта канава пролежала к западу от только что описанной канавы (комплекс 18) в кв. 50, 3, 9, 14, 15, 20, 24, 27, 28, направляясь, видимо, к берегу реки. Она вырыта в культурном слое с глубины 3,50—3,57 см, т. е. почти с того же уровня, что и комплекс 18, но, видимо, несколько древнее его, так как перекрыта частоколом, врытым в землю с глубины 3,35 м и обгоревшим при пожаре 1468 г. Канава

имела ширину 70—80 см, глубину — около 80 см. Стенки ее укреплялись шестью рядами неопшуренных сосновых, еловых и березовых жердей, удерживавшихся вертикально вбитыми кольщиками. Частокол проходит в направлении С—Ю через кв. 1, 7, 13, 19, 23 и 27, причем в кв. 27 нарушает канаву (комплекс 19). Основания его кольев на глубине 4,15—4,60 м разрушили соответствующие жерди крепления стенок канавы. Стало быть, ко времени сооружения частокола, который сгорел в 1468 г., а построен был несколько раньше, канава была уже засыпана и забыта. Жерди крепления канавы кое-где несколько обгорели, но значительная разница уровней (3,35 и 3,80 м) не позволяет связать это с пожаром 1468 г. Видимо, это следы какого-то более раннего и не столь крупного пожара, например пожара 1451 г., когда при приближении к Москве царевича Мазовши был зажжен посад ¹¹⁴. К сожалению, в канаве не найдено датирующих предметов. Есть лишь фрагменты зеленой поливной керамики с рельефным орнаментом в виде розеток, какие встречаются в массовом материале поселений северного Причерноморья. Мы считаем возможным предположить дату сооружения канавы — начало XV в. и дату ее засыпки — 40-е — 50-е годы XV в.

В канаве найдено 309 фрагментов керамики, в том числе: мореной типа 4—30 (9,1 %), белой типа 5—23 (7,5 %), красной типа 6—139 (45,5 %), красной лощеной типа 7—33 (10,7 %), серой типа 8—75 (24,5 %), поливной типа 9—1 (0,3 %), курганный типа 10—1 (0,3 %), серой толстостенной типа 12—3 (0,9 %), красной ранней типа 13—3 (0,9 %), поливной ранней типа 14—1 (0,3 %) ¹¹⁵.

Нетрудно заметить, что процентное соотношение типов керамики в комплексах 18 и 19 практически одно и то же. Видимо, за те 10—15 лет, которые могли пройти от засыпки канавы комплекса 19 до засыпки канавы комплекса 18 в московском керамическом производстве существенных изменений не произошло.

При разборке сторевшего в 1468 г. частокола в слое земли, в которую он был вбит, т. е. в слое, современном, по-видимому, комплексу 18 или несколько более позднем, найдена керамика примерно того же состава: из 142 фрагментов мореной керамики типа 4 было 10 (7,0 %), белой типа 5—12 (8,4 %), красной типа 6—70 (49,3 %), красной лощеной типа 7—8 (5,6 %), серой типа 8—42 (29,7 %) ¹¹⁶.

Комплекс 20. К несколько более раннему времени относится дренажная канава, открытая в Зарядье в раскопе VIII на глубине 3,17—3,96 м. Сверху она также была открытой, а стенки ее были закреплены обыкновенным плетнем (см. рис. 8). Канава шла примерно в том же направлении, что и описанные выше дренажные канавы (комплексы 18 и 19) — с севера на юг через кв. 7, 6, 17, 16, 29, 28, 41. Не только более примитивная конструкция, но и стратиграфия этого сооружения заставляют датировать его периодом более ранним, чем сооружения 18 и 19. Канава перекрыта дренажной системой конца XV в. и лежащими под ней прослойками, относящимися к 70—80-м годам XV в. Частокол, врытый в землю около этого времени, нарушил одну из стенок канавы. Канава к 70—80-м годам XV в. была уже давно засыпана и заросла культурным слоем мощностью около 40 см. В пластах, соответствующих времени сооружения канавы, найдены

фрагменты поливной восточной керамики типа 9, встречающиеся обычно во второй половине XIII и в XIV вв. Можно думать, что комплекс 20 сооружен в конце XIV в. и засыпан в первой трети XV в.

В засыпке канавы найдено 311 фрагментов керамики, в том числе белой типа 5—8 (2,5 %), красной типа 6—71 (22,5 %), красной лощеной типа 7—29 (9,5 %), серой типа 8—75 (24,1 %), курганной типа 10—11 (3,5 %), серой толстостенной типа 12—101 (32,8 %), красной ранней типа 13—16 (5,1 %) ¹¹⁷.

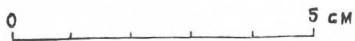
Для этого подсчета характерно повышение процента ранних типов керамики. Высокий процент серой толстостенной керамики типа 12 может быть случаен.

Комплекс 21. К началу или середине XV в. относится также разрушение усадьбы ремесленника — кричника, ювелира и литейщика, о котором нам уже случалось писать ¹¹⁸. Этот комплекс состоял из жилого дома, сыродутного горна и хозяйственной постройки. В нем найдены литейные тигли и форма, крицы и железный шлак. В комплексе 21 обнаружены также бипирамидальная сердоликовая и шарообразная хрустальная бусины, печать, вырезанная из белого камня, глиняное грузило, деревянные иглы для плетения сетей и счетная бирка с зарубками. Наиболее поздней вещью здесь является белокаменная печать с изображением парусного судна, какие распространились, судя по аналогичным печатам, имеющим надписи, в XV в. (рис. 13, 1). На ту же дату указывают и сосуды, найденные в развалившейся при разрушении дома печи — два горшка типа 6 и кувшинчик типа 2, ангобированный круглыми пятнами (рис. 13 2). Сердоликовая и хрустальная бусины,

1

Р и с. 13.

Находки XIV—XV вв.

1 — белокаменные печати; 2 — посуда
в рухнувшей печи (комплекс 21)

наиболее поздней границей бытования которых является, по мнению одних исследователей, XIII, а по мнению других — XIV в.¹¹⁹, видимо, попали в комплекс 21 случайно, в результате перекопа более древних горизонтов культурного слоя. Основным соображением, которое следует учесть при датировке этого комплекса, является то, что он нарушен описанным выше комплексом 13, датированным концом XV в. Погреб, засыпанный в конце XV в., разрушил горн, принадлежавший комплексу 21. Стало быть, при сооружении этого погребма мастерская уже не существовала и была скрыта позднейшими наслоениями. Если учесть, что от постройки усадьбы 21 до ее разрушения, от разрушения усадьбы до постройки погребма 13 и от постройки до засыпки погребма должно было пройти по несколько десятков лет, то, отправляясь от даты засыпки погребма — конец XV в., можно приблизительно определить время постройки усадьбы ремесленника — кричника и ювелира — как конец XIV — начало XV в., а время ее разрушения — начало или середину XV в.

Лежащий ниже всего этого комплекса пласт 15 раскопа I в Зарядье может датироваться второй половиной XIV в. В нем найдено всего 322 фрагмента керамики¹²⁰, в том числе ангобированной типа 2—7 (2,0%), белой типа 5—44 (13,6%), красной типа 6—203 (63,0%), красной лощеной типа 7—20 (6,3%), серой типа 8—17 (5,6%), курганный типа 10—20 (6,3%), городищенской типа 11—11 (3,2%).

Комплекс 22. К XIV—XV вв. относится также сруб погребма, открытый в раскопе I в Кремле. Венцы его помечены зарубками по порядку снизу вверх от одного до восьми.

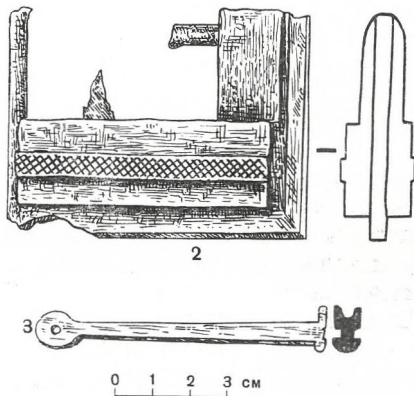
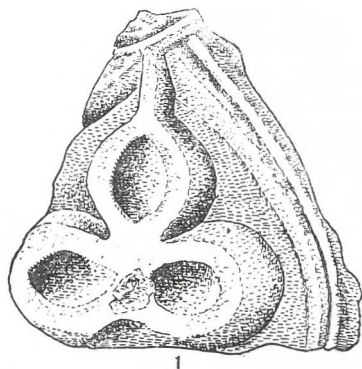

Рис. 14.

Находки XIV—XV вв.

1 — керамическая плитка (комплекс 22); 2 — замок типа Е; 3 — ключ типа В

Сруб был сооружен в XIV в., а гибель постройки и засыпка ее относятся уже к середине или второй половине XV в. Кровля его из деревянной драни рухнула внутрь. В засыпке сруба найдены терракотовая плитка с высоким рельефным орнаментом, подражающим белокаменной резьбе (рис. 14, 1), какие стали применяться в середине и второй половине XV в. в облицовке белокаменных церквей взамен дорогостоящей резьбы¹²¹;

железный ключ от пружинного замка типа В—1 по новгородской классификации (такие замки употреблялись в Новгороде с конца XII до первой трети XV в.); железный омедненный замок типа Е (вторая половина XV в. и позднее см. рис. 14, 2, 3)¹²², деревянный прямоугольный двусторонний гребень (с конца XII по XVI в.)¹²³, а также два фрагмента стеклянных гладких браслетов и один фрагмент стеклянного голубого непрозрачного перстня. В срубе 22 обнаружено 2115 фрагментов керамики, в том числе поливной типа 1—1 (0,05%), ангобированной типа 2—6 (0,3%), белой типа 5—68 (3,0%), красной типа 6—758 (35,6%), красной лощеной типа 7—121 (5,6%), серой типа 8—636 (30,55%), переходн. (красно-серой типа 6/8) — 525 (24,9%).

Единичные фрагменты керамики типов 1 и 2 явно попали в сруб из более поздних горизонтов вместе с забытыми сверху сваями.

Времени засыпки сруба комплекса 22 стратиграфически примерно соответствует 16 пласт раскопа I. Из

датирующих предметов в нем найдена шпора с колесиком, аналогичная новгородским находкам XIV—XV вв.¹²⁴, и пряслице, сделанное из стенки красного лошеного сосуда. Этот пласт, видимо, откладывался с конца XIV по середину XV в. Следующий 17 пласт того же раскопа датируется уже XIV в.¹²⁵ Состав керамики, найденной в этих пластах, таков (см. табл. 11).

Середина XIV в. является, по-видимому, нижней границей второго культурного слоя как в Кремле, так и в Зарядье. Переход от черного культурного слоя к коричневому, как сказано выше, не всегда прослеживается достаточно четко. Консистенция черного слоя изменяется постепенно. В верхних горизонтах, до прослойки пожара 1468 г., он — довольно сухой и рыхлый, ниже — более плотный и влажный. Затем второй слой постепенно приобретает коричневый оттенок и переходит в коричневый третий слой. Сам черный цвет второго слоя в центральных районах Москвы обусловлен, по-видимому, двумя факторами: насыщенностью углем и зо-

Таблица 11 *

Керамика	Пласт 16		Пласт 17		Изменение	
	количество	%	количество	%	+-	%
Белая, типа 5	14	2,5	7	0,8	—	1,7
Красная, типа 6	491	82,5	651	74,1	—	8,4
Красная лощеная, типа 7	13	2,3	13	1,5	—	0,8
Серая, типа 8	69	11,8	203	23,1	+	11,3
Привозная поливная, типа 9	2	0,9	4	0,5	—	0,4
Всего	589	100	878	100		

* Составлена по подсчетам Г. П. Латышевой (дневник раскопа I, стр. 29).

лой от частых пожаров и большим количеством органических примесей. Коричневый цвет третьего слоя объясняется обилием древесной коры и щепы.

Второй культурный слой широко распространен в центральных районах Москвы. Он имеется на всей территории современного Кремля (за исключением, разумеется, тех мест, где более поздние сооружения уничтожили его полностью или частично), на всей территории Зарядья, исследованной как нашими археологическими работами, так и раскопками А. Ф. Дубынина, а также, по-видимому, и на всей северной части Китай-города. Для определения территории, на которую распространяется второй культурный слой, мы располагаем, кроме данных раскопок и археологических наблюдений в Кремле и Зарядье, также материалами, полученными при археологических наблюдениях за земляными работами, проведенными в других районах Москвы¹²⁶. Самый характер земляных работ — большей частью траншеи газопровода и т. п. — в ряде случаев не позволяет сколько-нибудь детально исследовать культурный слой. Зачастую выработки даже не пробивали всего культурного слоя на данном участке. Все же среди нескольких сот пунктов наблюдений удалось выявить более ста таких, в которых прослеживался второй культурный слой с его характерными материалами. В центральной и северной частях Китай-города наблюдения за десятью выработками, расположенными на современной улице Разина, проезде Владимирова, Большом и Малом Черкасских переулках, проезде Куйбышева, ул. 25 Октября, Красной площади, Кремлевском проезде и Манежной площади, обнаружили во всех десяти случаях второй культурный слой.

Несмотря на то что выработки достигали значительной глубины (до 6 м), ни одна из них не пробила весь культурный слой. Под мощными наслоениями первого (бурого или серовато-бурого) культурного слоя везде обнаружилась лишь верхняя часть второго (черного) культурного слоя, датированная наблюдениями XVI и, по всей вероятности, первой половиной XVII в.¹²⁷ Дата начала отложения второго культурного слоя в северной части Китай-города остается пока неизвестной, но у нас нет оснований думать, что она здесь может существенно разниться с датой начала отложения этого слоя в Зарядье и в Кремле — серединой XIV в. Ведь к этому времени, судя по письменным источникам, была уже заселена вся территория Большого или Великого посада, впоследствии защищенная стенами Китай-города¹²⁸. Каменные укрепления Китай-города были врыты в 1535 г. во второй культурный слой, достигавший к тому времени уже значительной мощности¹²⁹. В нем встречены также опоры сооруженного в XVII в. Воскресенского моста и остатки деревянных мостовых XVI—XVII вв.

В других частях города второй культурный слой прослеживается не везде. В северо-восточной части Москвы, ограниченной р. Неглинной, стеной Скородома, р. Яузой и р. Москвой до стены Китай-города, этот слой открыт при наблюдениях на строительстве первой очереди Московского метрополитена на пл. Дзержинского, ул. Кирова, у Кировских ворот. Мощность его уменьшалась от центра к периферии города. На пл. Дзержинского подошва черного слоя лежала на глубине 10 м (что, впрочем, связано с тем, что в этом районе проходил и ров Китай-города), у Кировских ворот — на глу-

бине 3,5 м, а на Комсомольской площади черного слоя не было вовсе¹³⁰. При наблюдениях за другими земляными работами второй слой был обнаружен в районе Сретенки у Б. Головина переулка, у Кировских ворот в пер. Стопани, в Костянском пер., в Б. Харитоньевском пер. (где мощность его достигала 1,2—1,4 м, а подошва лежала на глубине 1,8—2,2 м), в Лобковском пер., в Лялином пер. (мощность — 50 см), в Казарменном пер., на Яузском бульваре (мощность — всего 30 см) и на Яузском пер., неподалеку от современного Устьинского моста. На Солянке мощность второго слоя была гораздо больше. В выработках глубиной 2—2,5 м черный плотный слой занимает нижние 1,5 м и еще не пробит. В районе Хохловского пер. он встречен на глубине 2,0 м и тоже не пробит. Следы второго слоя замечены на Кривоколенном пер. В Телеграфном пер. удалось проследить черный слой мощностью до 1,5 м. Он начинался на глубине 1,0 м. Встречен мощный черный второй слой и в Потаповском пер., а также на ул. Чернышевского и ул. Богдана Хмельницкого. В нем открыты деревянные мостовые, срубы хозяйственных построек, бочки. Нижние горизонты слоя и здесь открыты не удалось. На Пушечной ул. при строительстве здания универмага «Детский мир» открылся черный культурный слой мощностью 1—1,5 м, лежавший на материке. Общая мощность культурного слоя колебалась здесь от 3,5 до 8 м, так как в подошве его лежали ямы, в которых жгли уголь для Пушечного двора в конце XV и в XVI в. В районе Фуркасовского и Большевицкого пер., Казарменного пер., Воронцова поля поздние перекопы не позволили обнаружить второго культурного слоя. Незначительность общей мощности

культурного слоя в этих местах (иногда лишь 30 см) позволяет предположить, что здесь долгое время какие-то участки оставались по тем или иным причинам незастроенными.

В районе Москвы, ограниченном р. Неглинкой, стеной Скородома и Москвой-рекой (в древности называвшемся «Занеглименем»), второй культурный слой прослежен более чем в 50 пунктах. При наблюдениях на строительстве метрополитена он отмечен на пл. Свердлова, в Охотном ряду, в восточной части ул. Герцена, на Манежной площади, на Моховой ул., на Волхонке, у Кропоткинских ворот, в начале и в конце Метростроевской ул. При проходке Арбатского радиуса метрополитена черный второй слой встречен на Сапожковской пл., ул. Калинина, Арбатской пл., Серебряном пер., пер. Бахтангова, Спасопесковском, Карманницком, на Смоленской пл. и ул. Чайковского. Подошва его лежала обычно непосредственно на материковом песке на глубине 3—4 м в центральных районах и 1,5—2 м — за линией современного кольца бульваров (древнего Белого города). В этом культурном слое открыты остатки укреплений Белого города, Опричного дворца Ивана Грозного, ров Земляного города и множество погребений¹³¹. Разведочные археологические раскопки, проведенные в современном Георгиевском переулке в связи с реставрацией находящегося там дома бояр Троекуровых, показали, что общая мощность культурного слоя здесь колеблется от 1,35 м в северной части участка до 2,40—2,80 м в южной части его; здесь, видимо, начинается склон пологого правого берега р. Неглинной; нижнюю часть культурного слоя мощностью от 20 см до 2 м составляет в большинстве

случаев черный второй культурный слой¹³². Время его отложения устанавливается по находке в нижних горизонтах шпоры с колесиком XIV—XV вв. и дужки трубчатого замка, а также по керамике с XV по XVII в. Следы более древних отложений отмечены лишь в нескольких случаях. В черном втором культурном слое оказались здесь остатки металлообрабатывающего производства XV в., развалины деревянного здания XVI в.; в него же врыты фундаменты каменных палат Троекуровых XVI—XVII вв. А всего в нескольких десятках метров к северу на территории Георгиевского монастыря, каменная церковь которого впервые упомянута в XV в.¹³³, при земляных работах найдено множество белокаменных резных надгробий с надписями второй половины XVI, XVII и XVIII вв.¹³⁴ Погребения, несомненно, были врыты во второй слой, который из-за этого не сохранился.

Ближе к берегу р. Неглинной, у предмостного укрепления Троицких ворот Кремля — Кутафьи, при археологических раскопках также был открыт второй культурный слой мощностью до 3 м, правда, сильно перемешанный с наносным илом. Нижний горизонт его отложился в конце XV и XVI в. (от 1493 до 1611 г.), верхний — в XVII в. Общая мощность культурного слоя превышала здесь 6 м¹³⁵. В черном культурном слое оказались здесь основание Кутафьи, конструкции выездов из ее ворот и набережные р. Неглинной.

Археологические наблюдения за различными выработками показали также наличие черного второго культурного слоя на углу Петровки и Кузнечного моста (где он залегал на глубине 1,5 м, достигал мощности 180 см и содержал остатки кузнечного производства XVI в.). А в не-

посредственной близости от Петровского монастыря (Петровка, д. 28) черный второй культурный слой совсем отсутствовал. Здесь он, видимо, уничтожен кладбищем XVI—XVII вв.

На пл. Пушкина верх черного второго слоя выходил на глубине 2 м и содержал остатки стен Белого города, его рва и более поздних погребений¹³⁶. В районе Богословского пер. во дворе здания современного театра им. Пушкина черный слой с керамикой XV—XVI вв. был толщиной 80—100 см (общая мощность культурного слоя здесь 2,5 м). По соседству на Б. Бронной ул. также удалось обнаружить следы второго культурного слоя, хоть и сильно перемешанного позднейшими фундаментами. На М. Бронной ул., между углом Б. Бронной и Тверским бульваром на глубине 160—170 см выступил верхний горизонт черного второго слоя. Незначительные остатки темного, сильно насыщенного песком культурного слоя мощностью всего 20 см (при общей мощности культурного слоя 1,8 м) открылись в Спиридоньевском пер. На ул. Герцена у церкви Большое Вознесенье второй слой был сплошь перекопан при погребениях, но находки бронзового литого креста XV в. с круглыми иконками на концах и надгробий XVII в. говорят о существовании здесь культурного слоя XV—XVII вв. На пл. Восстания на месте современного высотного здания также наблюдался черный второй культурный слой, в котором совершались погребения XVI—XVIII вв. Между улицами Герцена и Горького, в Елисейском пер., на глубине около 2 м обнаружена верхняя часть черного второго слоя, на ул. Станкевича он выступал почти сразу под асфальтом и шел на глубине 1,5 м, а в Брюсов-

ском пер. в траншее глубиной в 2 м вовсе не обнаружился из-за многочисленных перекопов.

Между ул. Фрунзе, Арбатом и ул. Герцена черный слой обнаруживался не повсюду. Так, на ул. Фрунзе (угол Б. Знаменского пер., в черной земле (мощность — 2,1 м) обнаружено погребение под плитой 1609 г. В этом погребении найден хорошо сохранившийся женский головной убор — волосник. А на ул. Калинина во дворе быв. Крестовоздвиженского монастыря черный слой был совершенно перекопан. В Хлебном переулке в траншее глубиной 1,2—1,4 м открыт сильно перемешанный черно-бурый слой с керамикой XVII—XX вв. На ул. Воровского черный слой начинался на глубине 45 см, на ул. Вахтангова он был сплошь перекопан. На быв. Собачьей площадке черный слой выступал сразу под мостовой, шел он до глубины 1,30 м и содержал керамику типов 3, 4 и 5. В Николо-Песковском пер. он имел мощность 1,2—1,4 м, до самого низа попадались фрагменты керамики типа 1, 3 и 4. Аналогичную картину можно было наблюдать и в Николо-Щеповском пер. Здесь мощность черного слоя была 1—1,15 м, и он лежал непосредственно на материковом песке. То же обнаружилось в траншее, прошедшей по ул. Маркса и Энгельса от угла Волхонки до здания Музея К. Маркса. Здесь черный второй слой достигал мощности 0,90—1,20 м и у Антипьевского пер. опускался ниже 1,7 м. Несколько западнее, во дворе дома 14 по Волхонке, черный второй слой занимал почти все 1,5 м, на которые была пройдена траншея, и видимо, шел еще ниже. В районе ул. Грицевец он был нарушен погребениями, среди которых найдено надгробие середины XVII в. Между Арбатом и Кропоткинской ул.

в Филипповском пер. траншея не пробила первого культурного слоя. В пер. Островского черный второй слой имел мощность 0,80—1,50 м и лежал непосредственно на материке. В Гагаринском пер. обнаружены лишь наслоения XVII—XVIII вв., но неподалеку оттуда найден клад серебряных монет XVI в. Есть остатки черного слоя в Б. Власьевском пер., а на ул. Веснина под первым культурным слоем прослеживается второй слой мощностью 40—60 см (при общей мощности культурного слоя 1,10—1,60 см).

Между Кропоткинскими воротами и берегом Москвы-реки верх черного второго слоя обнаружен в Соймазовском проезде, на Метростроевской ул., в Зачатьевском пер. и в Полуэктовом пер. В последнем случае его мощность не достигала 1,0 м.

В Замоскворечье черный второй культурный слой отмечен не везде. Так, на усадьбе Аверкия Кириллова (на Берсеневской набережной рядом с Домом правительства), где при реставрационных работах были проведены и систематические археологические наблюдения, отложений черного цвета отмечено не было. Это объясняется, по-видимому, интенсивным строительством из камня и множеством погребений, основательно нарушивших нижние горизонты культурного слоя. Наличие здесь второго культурного слоя несомненно. Но несколько восточнее, на Софийской набережной, траншея глубиной 2,0 м затронула верхнюю часть черного слоя XVII в. На Болотной площади под слоем строительного мусора и шлака на глубине 1,3 м открыли слой черной земли мощностью 1,8—2,2 м. На Овчинниковской набережной под церковью архангела Михаила черный слой отсутствовал, а находки поливных изразцов датируют отложение

бурого первого культурного слоя второй половиной XVII в. В Фалеевском пер. культурный слой — только первый, бурый, XVIII—XIX вв. В северной части ул. Дмитрова черный культурный слой идет непосредственно под мостовой улицы; мощность его уменьшается к югу от 0,7 до 0,3 м. В районе Б. Ордынки, в III Кадашевском пер. траншея глубиной 2,0 м затронула верхние горизонты черного второго культурного слоя, датированные XVII в. На углу Ордынки и Климентовского пер. мощность попавших в траншею (глубина 1,5 м) горизонтов черного слоя достигала 0,90—0,95 м. Видимо, до подошвы культурного слоя было уже недалеко, так как рядом, в западной части Климентовского пер., черный второй слой выходил целиком и имел мощность 1,3 м. В южном конце Б. Ордынки мощность черного второго культурного слоя составляла всего 0,64 м. В Старотолмачевском пер. — 2 м (и материк еще не выступал). В I Новокузнецком пер. второго слоя не было вовсе, на ул. Землячки был лишь его верхний горизонт — XVII в. Не было черного второго культурного слоя и на Лужниковской ул. Но нижние горизонты бурого культурного слоя, лежащие непосредственно на материке, в этих местах, видимо, как и в устье р. Яузы, датируются XVI—XVII вв., т. е. относятся ко второму культурному слою. Открыты надгробия 1565 и 1653 гг.

Междуречье Яузы и Москвы-реки (древнее Заяузье) изучено только в центральной части. Здесь черный культурный слой встречен лишь в отдельных местах. Он прослежен при наших раскопках на мысу под горой, на месте современного высотного здания, где была открыта усадьба конца XV в.¹³⁷ Прослойка черной земли, лежавшая непосредственно на матери-

ке, была очень тонкой — 10—15 см. Основные же горизонты второго культурного слоя, в которых встречены производственные комплексы и погребения XVI—XVII вв., были бурого цвета¹³⁸. По берегам рек Москвы (на Котельнической набережной) и Яузы (на Подгорской набережной) в районе строительства высотного здания второй культурный слой XVI—XVII вв. встречался, но и здесь он не всегда был того же интенсивно черного цвета, как, например, в Зарядье или в Кремле. Зачастую слой имел буроватый оттенок¹³⁹. В этом слое встречаются и отдельные предметы, более ранние, например: костяная шпилька от прялки XV в., шиферное пряслице, фрагменты курганный и городищенской керамики (типа 10 и 11), но ранние отложения, видимо, были незначительны и не распространялись на большую территорию. На гребне холма на Интернациональной ул. и ул. Володарского открыты многочисленные остатки керамического производства XV—XVII вв., а, по мнению некоторых исследователей, — и XV в.¹⁴⁰ Но все они были врыты в материк и зачастую пробивали бурый культурный слой. Нет черного культурного слоя также на Лыщиковом городище и на территории быв. Андроньева монастыря. Культурные отложения второго слоя и здесь имеют светло- или темно-бурый цвет.

За линией Скородома второй (черный) культурный слой встречается крайне редко в местах древних сел. Так, небольшой участок в Серповом пер. содержал линзу черной земли мощностью до 50 см с находками XVII в. У Белорусского вокзала также отмечены в нижней части культурного слоя включения черной земли мощностью до 80 см. На Колхозной площади у Спасских казарм черный второй слой достигал мощ-

ности 1,0 м. На Суворовской улице под слоем бурой земли в 1,0 м и черной земли мощностью 80 см найден черный лощеный кувшин. Наконец, во дворе д. 20 по Марксистской ул. под слоем поздней засыпки в 2 м удалось проследить прослойку черного второго культурного слоя мощностью не более 10 см. Здесь найден клад серебряных монет XVI в. При археологических наблюдениях на строительстве I очереди метро значительные включения черного слоя были обнаружены на перекрестке Красносельской и Краснопрудной улиц. Он достигал здесь мощности 0,10—0,25 м и залегал под позднейшими наслоениями на глубине около 0,60 м. Наиболее ранней находкой являлась монета Бориса Годунова, что позволяет датировать начало отложения второго слоя в этом месте по крайней мере концом XVI — первой половиной XVII в. Этой дате не противоречат находки черной лощеной керамики типа З. А. П. Смирнов справедливо связывает этот культурный слой с Красным селом, известным по письменным источникам с XV в. Однако находок XV в. в слое не оказалось¹⁴¹. В западной части города остатки черного слоя прослежены при строительстве II очереди метрополитена в районе Киевского вокзала, в Брянском пер.¹⁴²

Ко времени бытования второго культурного слоя (вторая половина XIV — первая половина XVII в.) в Москве и ее окрестностях относятся 33 монетных клада. Из них десять зарыто еще в великокняжеский период (в том числе в Китай-городе — один, в Белом городе — один, в Земляном городе — один, в районах, лежащих в пределах позднейшего городского выгона за Земляным валом, — два и, наконец, в подгородных деревнях — пять кладов). Кладов с

монетами московских царей — от Ивана Грозного до периода крестьянской войны — найдено одиннадцать (в том числе в пределах Белого города — два, Земляного города — два, за Земляным городом — три и в окрестных деревнях — четыре клада). Кладов с монетами Михаила Романова найдено 12 (из них в Белом городе — два, в Земляном городе — пять, за Земляным городом — два и в окрестных деревнях — три)¹⁴³. Топография кладов не может дать нам оснований говорить о времени, когда началось отложение культурного слоя в данной местности, так как клады (являющиеся сами по себе признаком наличия значительных денежных излишков) появляются, по наблюдению В. И. Качановой, обычно не в начале поселения в данном районе, а лишь тогда, когда в этих местах начинают селиться зажиточные люди¹⁴⁴. Например, заселение Великого посада, как мы видели, прослеживается с самого начала существования Москвы, а древнейший из найденных здесь кладов относится лишь к великому княжению Грозного (до 1547 г.). Другие источники также показывают, что именно конец XV и первая половина XVI в. являются временем, когда эта территория стала заселяться зажиточными людьми, а «черные люди» отсюда выселяются на окраины города¹⁴⁵.

Приведенные материалы позволяют сделать некоторые выводы о характере и распространении второго культурного слоя на территории Москвы (см. ниже, рис. 21—22).

Эти отложения начали образовываться во второй половине XIV в. в центральных районах Москвы — в Кремле и прилегающем к нему Великом посаде. В дальнейшем, по мере роста города, они распространились в северо-восточную и восточную

часть междуречья Москвы и Неглинной в Занеглименье, Заречье, частично — Заяузье. Если в Кремле и Китай-городе черный второй культурный слой достигал значительной мощности (3—5 м и более), то в других районах он был значительно тоньше и мощность его, достигавшая в кварталах, прилегавших к центру, нескольких метров, уменьшалась в направлении периферии. К границам Белого города она обычно снижалась до 1,0—1,5 м, а далее — к Скорodomу или Земляному городу — достигала всего нескольких десятков сантиметров. При этом удалось проследить, что в ненарушенных участках чем меньше была мощность второго слоя, тем более поздним временем он датировался (в последнем случае обычно — уже XVII в.). На ряде участков Земляного города черный слой вовсе отсутствовал. Это не всегда означает, что до середины XVII в. эти участки не были заселены. Напротив, можно установить, что в некоторых значительных производственных районах (например, в Гончарной, Старой Кузнецкой и Таганской слободах) культурные отложения второго слоя XVI и первой половины XVII в. по характеру своему были более похожи на первый культурный слой. Они имели бурый оттенок, отличались значительно меньшей влажностью и плохо сохраняли дерево и другие органические остатки. Возможно, что эти черты связаны с иными гидрологическими условиями. Холм в устье р. Яузы был, хоть и несколько ниже кремлевского, но значительно суше и беднее родниками. Подстилающая прослойка глины, которая способствовала задержанию влаги в верхних слоях почвы в Кремле и Зарядье, на яузском холме отсутствовала. Может быть, именно поэтому черный второй

слой здесь образовался лишь у подножия холма.

В некоторых же случаях отсутствие второго слоя в черте Земляного города говорит о незаселенных еще местах этой территории. Это в особенности относится к местам, сравнительно удаленным от главных магистралей — древних дорог. «Застройка города шла неравномерно, — пишет М. Н. Тихомиров, — и великокняжеская Москва мало напоминала знакомый нам город с рядами домов, выстроившихся вдоль улиц. За пределами Кремля и Великого посада поселения располагались отдельными слободками, отделенными друг от друга речками, оврагами («ярами»), рощами и болотами»¹⁴⁶. И в дальнейшем уже в XVI в. описывавшие Москву иностранцы отмечали, что улицы города прерывались пустырями. «Где одна улица кончается, там не тотчас же начинается другая, а лежит промежутком поле. И между домами также тянутся огороды, так что они идут не непрерывным рядом один за другим»¹⁴⁷, — писал Матвей Меховский с чих-то слов в 1521 г. Можно думать, что распространение второго культурного слоя в целом соответствует росту территории Москвы в XIV—XVII вв. Во второй половине XIV в. город уже перешагнул Неглинную, Яузу и даже Москву-реку. Но застройка его была не сплошной, и лишь постепенно, к середине XVII в. город достиг тех границ, которые указываются в Соборном уложении 1649 г. За чертой Земляного города в ту пору были лишь отдельные островки жилых строений, расположенных среди земель городского выгона. Эти земли, однако, уже вскоре стали застраиваться, и к середине XVII в. город достиг уже границ, закрепленных камер-коллегским валом¹⁴⁸.

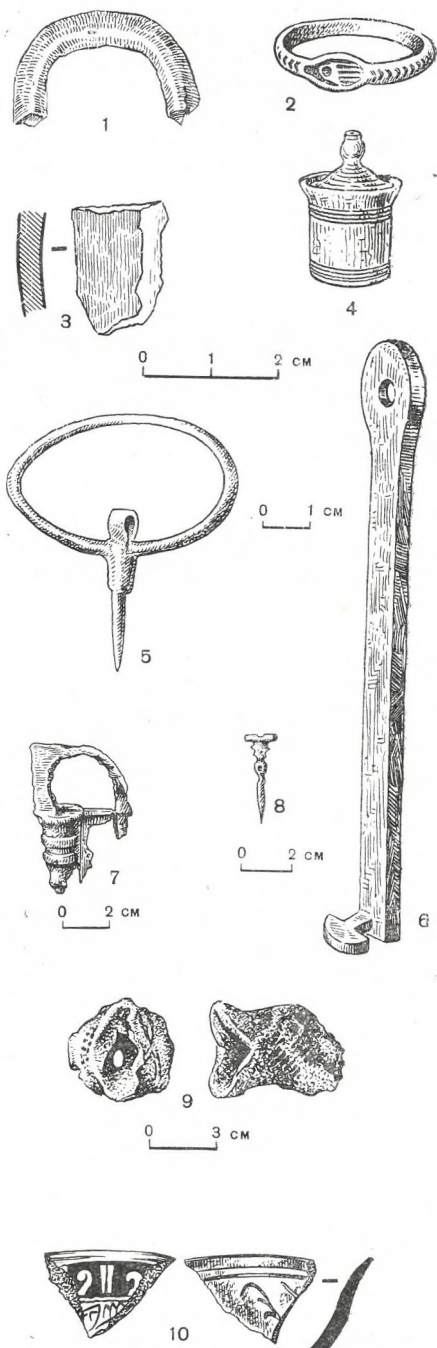
Культурный слой XI—XIV вв.

Третий культурный слой, как уже было сказано, стратиграфически в большинстве случаев не отделяется резко от второго слоя. Плотная черная земля нижних горизонтов второго слоя приобретает коричневый оттенок по мере того, как в ней преобладают щепы, кора и иные древесные остатки. Насыщенная щепой, а иногда и навозом, шоколадно-коричневая плотная земля, выделенная нами как третий культурный слой центральных районов Москвы, подстилает второй слой не везде, а лишь на довольно ограниченных участках в Кремле и Зарядье. В большинстве случаев он сильно нарушен сооружениями, иногда вовсе уничтожен или сохранился в виде не связанных друг с другом пятен.

Открылся третий культурный слой впервые в Зарядье, но не был сразу выделен. Поэтому в раскопках 1949 и 1950 гг. (раскопы I—VI) лишь впоследствии, сопоставляя вещевой материал, мы выделили горизонты, относящиеся к третьему культурному слою. Они оказались, как мы увидим ниже, не во всех раскопках.

Пожалуй, яснее всего выделялся коричневый третий слой в Зарядье в VIII раскопе, на глубине 3,60—3,80 м. Он был здесь явственно отличим от нижних горизонтов черного второго слоя.

В 19 и 20 пластах этого раскопа в верхних горизонтах коричневого слоя найдены (рис.15, 1—6): половинка желтого янтарного перстня, какие встречаются в Новгороде в слоях XI—XII и XIV вв.¹⁴⁹, медный перстень с печаткой, аналогичный новгородским находкам, преимущественно XIII—XIV вв.¹⁵⁰, два стеклянных щитковых перстня — синий и желтый, датируемые в Новгороде XII—XIII вв.¹⁵¹, ключ от пружинного замка, относящегося, по клас-

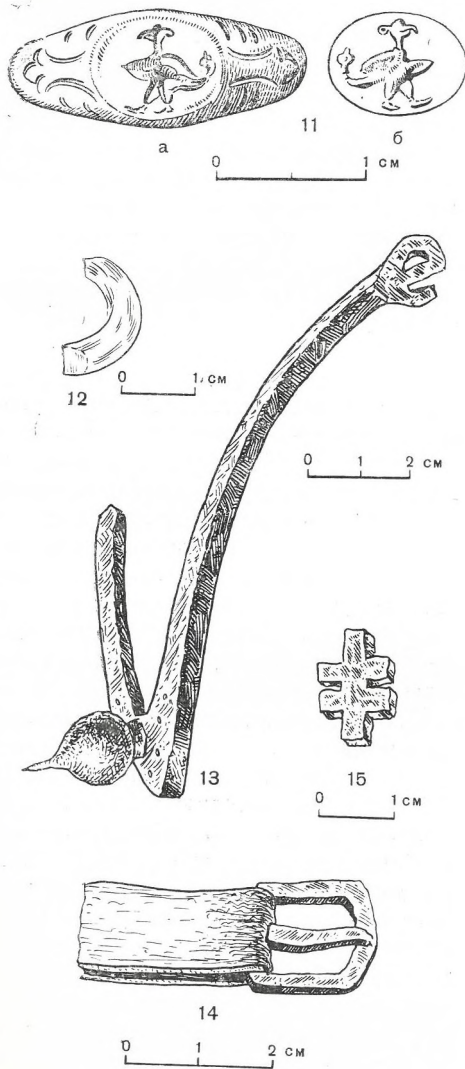

Рис. 15. Находки XIII—XIV вв.

Зарядье, раскоп VIII, пл. 19—20. 1 — фрагмент янтарного перстня; 2 — бронзовый перстень с печатью; 3 — фрагмент поливного сосуда типа 9; 4 — костяная фишка; 5 — кольцевая фибула; 6 — ключ типа В

Зарядье, раскоп IV, пл. 17. 7 — корпус замка типа Г; 8 — бронзовая булавка; 9 — глиняная игрушка (голова рыбы); 10 — фрагмент поливного сосуда типа 9; 11 — перстень-печать с изображением грифона (а); оттиск (б)

Кремль, раскоп I. 12 — фрагмент стеклянного перстня.

Кремль, раскоп II. 13 — железная шпора; 14 — железная пряжка; 15 — янтарный крестик

сификации Б. А. Колчина, к типу В, бытовавшему в Новгороде с XII по XIV в.¹⁵², винтообразные синие бу-
сы, датируемые по тем же данным XII—XIV вв.¹⁵³, кольцевая фибула из железной проволоки с медным язычком, аналогичная новгородским XII—XIV вв.¹⁵⁴ Следует также отметить находки тиглей для плавки цветных металлов, таких же, как в описанном выше комплексе 21, костяной фишки с орнаментом в виде концентрических кругов, двух костяных рукоятей, одна из которых имела глазковый, а другая — линейный орнамент.

Мы видим, что большинство найденных предметов датируется по новгородским аналогиям довольно длительным периодом — с XII по XIV в.

Между тем нижние горизонты предыдущего слоя датированы второй половиной XIV в. Следовательно, верх третьего слоя, выступивший в раскопе VIII на глубине 3,60—3,80 м, датируется периодом с первой половины XIV до второй половины XIII в. включительно.

На грани 19 и 20 пластов в буром слое (глубиной 3,77 м) открылась довольно значительная прослойка угля и золы толщиной 15—20 см. Это — след большого пожара, который Э. А. Рикман связывает с разрушением Москвы татаро-монголами в 1237 г.¹⁵⁵

Летописное известие о разорении Москвы татарами не оставляет сомнения в том, что город был сожжен дотла: «Взяша Москву татарове, и воеводу убиша Филипа Нянка...а князя Володимера яша руками сына Юрьева, а люди избиша от старьца и до сущего младенца; а град и церкви святые огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша и много именья взямше отъидоша»¹⁵⁶. Дру-

гих же подобных разрушений или пожаров Москвы в XIII — первой половине XIV в. нам не известно.

Если принять это предположение, то 20 пласт VIII раскопа можно датировать предположительно первой половиной XIII в. Указанные выше находки, к которым следует прибавить обрывок железной позолоченной цепочки, этой дате не противоречат. То обстоятельство, что 19 и 20 пласты не различаются по вещевому материалу, объясняется отсутствием сколько-нибудь значительного перерыва в существовании города, который, видимо, восстановился после татарского разорения очень быстро. В противном случае здесь была бы какая-нибудь стерильная прослойка либо разрыв в датах находок, как нам уже приходилось констатиро-

вать для других периодов. При новом строительстве города, возможно, производились какие-то перекопы более древних слоев. На это указывает, например, находка в 19 пласте раскопа VIII серовато-зеленой цилиндрической стеклянной бусины, какие датируются обычно X—XII вв.¹⁵⁷

Состав керамики 20 пласта раскопа VIII, датируемого нами на основании вышеизложенных соображений первой половиной XIII в. (см. табл. 12).

Сразу видно, что керамика типов 2 — 5 попала в этот пласт случайно, в результате незамеченных перекопов или механического засорения пласта (осыпание стенок, затапывание и т. п.). Повышение процента ранних типов керамики и, в частности, превышение процента серой над красной, — явление, которое мы в меньшей мере наблюдали уже в комплексах XIV в.

Из сохранившихся остатков сооружений времени пожара середины XIII в. (предположительно — январь 1237 г.) соответствует *комплекс 23* из раскопа IV в Зарядье. Это — жилой дом, производственные и хозяйственные постройки, принадлежавшие к усадьбе ремесленника — кожевника и сапожника. Сохранился сильно обгоревший юго-западный угол сруба избы, внутри него — развал глинобитной печи, опиравшейся на два столба. В земле удалось проследить канавку, куда были врыты вертикально тонкие бревна, вероятно образовавшие легкую пристройку к избе вроде сеней, которые и в наше время в деревнях зачастую строятся из более легкого материала и иногда не из горизонтальных венцов, а из вертикально стоящего теса или жердей. В этих «сенях» были найдены остатки зольника и отходы кожевенного производства —

Таблица 12 *

Керамика	Количество	%
Ангобированная, типа 2	1	0,06
Черная лощеная, типа 3	2	0,12
Мореная, типа 4	8	0,6
Белая, типа 5	13	0,8
Красная, типа 6	285	17,5
Красная лощеная, типа 7	137	8,0
Серая, типа 8	741	45,5
Курганная, типа 10	59	3,6
Серая толстостенная, типа 12	234	14,4
Красная ранняя, типа 13	146	8,46
Поливная ранняя, типа 14	1	0,06
Всего	1627	100,0

* Составлена по подсчетам Э. А. Рикмана (дневник раскопа VIII, стр. 79).

шерсть, зола, корье. Южнее, частично попадая в раскоп III, т. е. почти выходя на Великую улицу, стоял небольшой рубленный «в обло» прямоугольный сруб, видимо, хозяйственная постройка, а к северо-западу от нее, почти примыкая к «сеням», прослеживалась яма какого-то строения, которое в раскоп не попало. Не имея возможности поэтому судить о характере и назначении этой постройки, мы все же предполагаем, что она погибла тогда же, когда и комплекс 23, так как в раскоп IV от нее попали обгорелые бревна. Для датировки комплекса 23, кроме факта его гибели при пожаре, предположительно связываемом с разорением Москвы татарами в 1237 г., имеются следующие соображения. Вышележащий 17 пласт раскопа IV не имел значительных поздних перекопов. В нем найдены (см. рис. 15, 7 — 11) фрагменты восточной поливной керамики типа 9, часть трубчатого замка типа «Г», по классификации Б. А. Колчина, какие бытовали в Новгороде со второй половины XIII до первой половины XV в.¹⁵⁸, бронзовая булавка (или «писало», по предположению некоторых исследовате-

лей) с Т-образной головкой, близкая к изданной М. В. Седовой булавке из Новгорода XIV в.¹⁵⁹, шарообразная хрустальная бусина (XI — XIII в.)¹⁶⁰. В этом же пласте были найдены глиняные игрушки оригинальной формы, сильно отличающиеся от хорошо известных позднейших московских игрушек. Это — человеческие фигурки (точнее — их верхние части), имеющие снизу втулочки для надевания на пальцы, а также голова какой-то рыбы. Найдены в 17 пласте также костяная игла с ушком и деревянная ложка с утолщенной рукоятью. Приведенные выше аналогии позволяют датировать 17 пласт раскопа IV (перекрытый горизонтами второго слоя второй половины XIV в.) первой половиной XIV — второй половиной XIII в. Хрустальная шарообразная бусина — единственная находка, имеющая более раннюю дату. На границе 17 и 18 пласта проходит тонкая угольная прослойка, которая непосредственно связана с комплексом 23. Этот комплекс построек мог существовать в XII — XIII вв. и погиб, видимо, в первой половине XIII в. Таким образом, стратиграфия и вещевой мате-

Таблица 13*

Керамика	Дом	Зольник	Сени	Погреб	Яма № 3	Итого	%
Белая, типа 5	—	—	—	10	—	10	3,0
Красная, типа 6	—	—	—	3	1	4	1,0
Серая, типа 8	48	57	51	99	80	335	91,0
Курганная, типа 10	7	1	2	—	8	18	5,0
Всего	55	58	53	113	89	367	100

* Составлена по подсчетам Э. А. Рикмана (дневник раскопа IV, стр. 102).

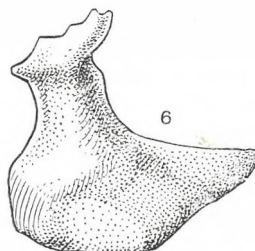
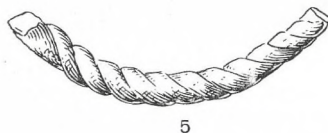
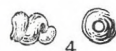
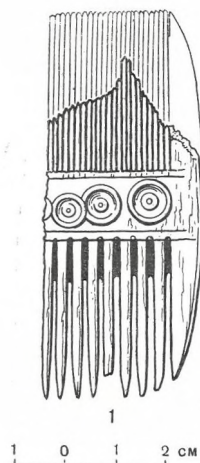
риал раскопа IV не противоречат предположительной дате гибели комплекса 23—1237 г.

Керамика, собранная в сооружениях комплекса 23, по времени соответствующая его гибели, имеет такой состав (см. табл. 13).

В срубе погребя найдены также более поздние предметы — фрагмент «красного» изразца, фрагмент поливной керамики типа 9 и 3 фрагмента черной лощеной керамики типа 3, но обстоятельства этих находок заставляют предположить, что они попали сюда из верхних горизонтов культурного слоя при забивке свай и строительстве погребов, о которых говорилось выше.

Времени бытования комплекса 23 соответствует 18 пласт раскопа IV. В нем (вне сооружений) найдено 3010 фрагментов керамики, в том числе ангобированной типа 2—3, черной лощеной типа 3—28 (0,9%), мореной типа 4—7 (0,2%), белой типа 5—55 (1,8%), красной типа 6—252 (8,5%), красной лощеной типа 7—18 (0,6%), серой типа 8—2553 (84,4%), курганный типа 10—93 (3,5%), поливной ранней типа 14—1¹⁶¹.

Находки поздней керамики типов 2—4, выражающиеся в долях процента, конечно, случайны. Ясное преобладание серой керамики при незначительном проценте красной и курганный характерно для пласта. В целом по составу керамики пласт 18 не имеет существенных отличий от засышки комплекса 23. Возможно, что те небольшие отличия, которые все же есть, — неизбежное следствие подсчетов керамики на значительной площади, где в условиях московского культурного слоя почти неизбежны незамеченные перекопы. С другой стороны, керамика любого жилого и производственного комплекса

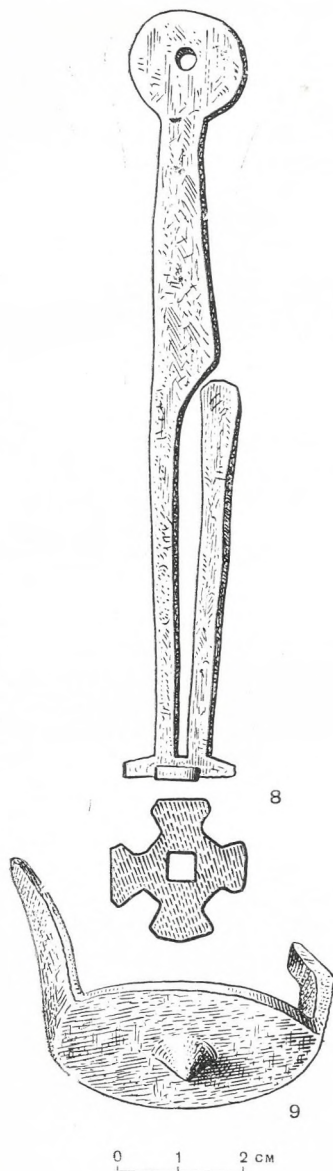

Рис. 16. Находки XII—XIII вв.

Зарядье. 1 — обломок деревянного гребня (раскоп IV, пл. 18); 2 — щиток желтого стеклянного перстня; 3 — часть синего стеклянного перстня; 4 — зеленая стеклянная спиральная бусина; 5 — фрагмент ложновитого стеклянного браслета (раскоп VIII, пл. 20—21).

Кремль, раскоп I. 6 — поливная фигурка птички; 7 — мраморный четырехконечный крестик; 8 — ключ типа В;

Кремль, раскоп II. 9 — «древотазный» шип

может, как мы видели выше, по тем или иным причинам не включать вовсе какого-то одного типа посуды. Из вещевых находок 18 пласта следует отметить фрагмент зеленого глухого стеклянного перстня, какие встречаются в Новгороде в слоях XI—XIII вв., деревянный гребень с округлыми боками и циркульным орнаментом (рис. 16 — 1, дата, по Новгороду, — первая половина XIII в.¹⁶²), костяное пряслице, часть рукояти ножа. В этом же пласте найдена свинцовая товарная пломба с оттиском печати, на которой в центре помещены посох и перчатка, а по краю — надпись, на одной стороне латинскими, на другой — «готическими» буквами.

Печать эта первоначально была определена В. Л. Яниным как принадлежащая епископу Кельнскому Герману III, который умер в 1040 г. Однако более подробное сличение находки с имеющимися изображениями подобных печатей показало, что точного совпадения изображений и части надписей нет ни в одном случае¹⁶³. Более или менее точную аналогию нашей пломбе представляет лишь находка из Новгорода, приведенная Н. П. Лихачевым в его изданном альбоме (табл. XXXI, рис. 1). Эта пломба, к сожалению, — беспаспортная и не позволяет определить датировку печати сколько-нибудь точно. Но имеющиеся на ней полустертые буквы кое в чем дополняют плохо читаемую надпись на пломбе из Зарядья. Часть латинской надписи читается так: sig. s. vil., что можно интерпретировать, например, как «sig [illum] s [ancti] vil[libaldi]» — «печать св. Виллибальда».

Из-за отсутствия надежных аналогий пока не удалось точнее определить пломбу с печатью. Во всяком случае печати, подобные найденной

в Зарядье, чаще всего встречаются у епископов Кельна с XI в. до 1125 г. Известны аналогичные печати епископов Майнца, Хура, Трира, Метца, Мо, Эйхштедта и Кведлинберга XII—XIII вв.

Таким образом, обнаруженная в Зарядье пломба с печатью происходит, по всей вероятности, из одного из рейнских епископств и пока должна быть датирована весьма широким отрезком времени — с первой половины XI до конца XIII в. Что же касается датировки пласта 18 раскопа IV, то наиболее важна для нее находка вышеупомянутого гребня, какие бытовали только в первой половине XIII в. Пласт следует датировать временем с начала XIII в. до 1237 г. Комплекс 23, очевидно, бытовал и раньше, так как он уходит ниже этого пласта.

К XII в. относится нижний горизонт третьего культурного слоя раскопа VIII в Зарядье.

В этот слой был врыт частокол, сгоревший при пожаре 1237 г. Частокол прорезал нижние горизонты третьего слоя до самого материка. С этим перекопом связаны находки бронзового пластинчатого выпукловогнутого браслета, какие встречаются обычно не ранее XIII в.¹⁶⁴, винтообразных стеклянных бусин XII—XIV вв.¹⁶⁵ и некоторых других вещей, характерных для XII, XIII и начала XIV в. (рис. 16, 2—5). В данном случае, однако, поздняя дата этих вещей должна быть ограничена 1237 г., поскольку частокол не прорезал прослойку пожара, и верхние обгорелые части кольев его были как раз на уровне этой прослойки. Он мог быть построен немного раньше, в начале XIII в. или даже в 20—30-е годы XIII в. В южной части раскопа, ближе к Великой улице, частокол нарушил более древний

сруб, который не дал никаких материалов.

Ниже частокола и сруба в пласте 21 открылись сначала нарушенные сооружения, а потом удалось найти и сравнительно хорошо сохранившиеся сооружения комплекса 24. Этот комплекс представлял собой усадьбу ремесленника — кожевника и сапожника. Здание было нарушено перекопом (шедшим из 20 пласта) настолько, что представляло собой лишь груды бревен и досок, в которой не удалось проследить никакой конструкции. На бревнах имелись следы огня. При расчистке этой груды выявилась часть днища большой (диаметром 1,50—1,60 м) деревянной бочки, сохранившая до наших дней сильный запах кожи. Вероятно, это был дубильный чан, а все разрушенное здание представляло собой помещение, в котором некогда дубили кожу. Об этом свидетельствует и насыщенность культурного слоя большим количеством древесного корья (преимущественно соснового и ивового) — отходов дубильного производства. В 4 м к северу от этих развалин открылся угол деревянного зольника, наполненного золой и шерстью. Между зольником и дубильней в материке была прорыта небольшая канавка для стока производственных отходов, перекрытая жердями. Картина кожевенно-сапожного комплекса дополняется находкой обломка ромбического в сечении железного шила и множества обрезков кожи.

Дата комплекса 24 может быть определена по находкам в разрушенном здании. Как мы уже говорили, здесь все было перемешано перекопом, шедшим с 20 пласта.

Под перевернутым днищем бочки был найден фрагмент ложновитого стеклянного браслета, часть желез-

ной косы-горбуши, фрагмент стеклянного синего перстня со щитком, зеленая стеклянная винтообразная бу-
 сина.

Над днищем бочки в пласте 20 найдено железное калачевидное кресало с язычком.

Стеклянные изделия датируются по новгородским аналогиям преимущественно XII—XIII вв.¹⁶⁶, а железные — X—XI вв. Кресало принадлежит к раннему варианту первого типа по классификации Б. А. Колчина, а коса — типу, датируемому им XI в.¹⁶⁷ Нужно думать, что материал оказался перемешанным при разрушении комплекса 24. Дата его разрушения, стало быть, — XII в., так как описанная выше прослойка пожара отделена от этого комплекса прослойкой культурного слоя. Следы огня на бревнах разрушенного здания могут скорее быть связаны с другим большим пожаром Москвы, о чем упоминают летописи, и разорением города князем Глебом рязанским в 1177 г. «Глеб на ту осень приехал на Московь, — писал летописец, — и пожже город весь и села»¹⁶⁸. Впрочем, здание могло погибнуть и при каком-либо другом пожаре XII в., не попавшем в летопись. Дата же сооружения комплекса 24—XI в., может быть, конец его. Это самое раннее сооружение данного района, построенное непосредственно на материке.

Времени бытования комплекса 24 соответствуют пласты 21 и 22 раскопа VIII. В них найдена такая керамика (табл. 14).

Увеличение процента керамики курганного типа (10), по мере приближения к XI в., очевидно. Многочисленные перекопы и сваи занесли и в эти пласты некоторое количество керамики поздних типов (4—7).

Таблица 14 *

Керамика	Пласт 21		Пласт 22	
	количество	%	количество	%
Мореная, типа 4	—	—	4	0,8
Белая, типа 5	15	1,1	31	6,0
Красная, типа 6	102	7,8	39	7,7
Красная лощеная, типа 7	78	5,6	31	6,0
Серая, типа 8	559	40,3	145	28,0
Курганная, типа 10	278	20,0	164	33,3
Серая толстостенная, типа 12	237	16,9	60	12,0
Красная ранняя, типа 13	115	8,3	32	6,0
Поливная ранняя, типа 14	—	—	1	0,2
Всего	1384	100	507	100

* Составлена по подсчетам Э. А. Рикмана (дневник раскопа VIII, стр. 92).

Времени создания комплекса 24 — концу XI в. соответствует керамика, найденная при зачистке материка. Здесь (вне многочисленных перекопов) найдено всего 58 фрагментов керамики, в том числе курганной типа 10—55 (94,7 %), серой толстостенной типа 12—3 (5,3 %) ¹⁶⁹.

Массовый материал нижних горизонтов третьего культурного слоя в раскопе IV, несмотря на значительную количественную неравномерность (керамики при зачистке материка найдено в 21 раз меньше, чем в пласте 21, и почти в 9 раз меньше, чем в пласте 22), подтверждает ту же закономерность изменения состава керамики, о которой мы только что говорили. Для слоя конца XI в. характерно решительное преобладание керамики курганного типа. На-

ряду с этим в нижних горизонтах всех раскопов в Зарядье наблюдаются единичные находки фрагментов раннекруговой керамики типа 15, которая не попадала в общие подсчеты потому, что ее находки брались как индивидуальные. Фрагменты такой керамики найдены в Зарядье не только в раскопах IV и VIII, где сохранились сравнительно ненарушенные нижние горизонты третьего слоя, но и в раскопах I, V, VI и VII, где эти горизонты уничтожены позднейшими сооружениями; о том, что они здесь имелись, можно лишь догадываться по отдельным находкам (в том числе и по находкам раннекруговой керамики).

Так, в ближайших к VIII раскопам VII и V культурный слой XI—XIII вв. был перемешан в связи с длительным бытованием здесь крупного железодельного производства, ликвидированного, по-видимому, только в XIV в. В засыпке канав и ям, заполненных шлаком и крицами, преобладает красная керамика. Однако среди более поздних сооружений найдены фрагменты стеклянных браслетов — темно-зеленого ложновитого и зеленого гладкого, — ключа от замка типа В (по классификации Б. А. Колчина), костяного наконечника стрелы, которые встречаются в слоях XII в. О бытовании здесь и более ранних горизонтов третьего слоя свидетельствует находка в раскопе VII свинцовой гири (рис. 17, 2). Гиря биконической формы, весом 92,4 г, по форме и весу близка к большой медной гире, обнаруженной вместе с другими меньшими гирями и весами в кошельке купца в Новгороде на Епископской улице в слое первой половины XI в. Вес новгородской гири—91,2 г¹⁷⁰ отличается от веса московской на

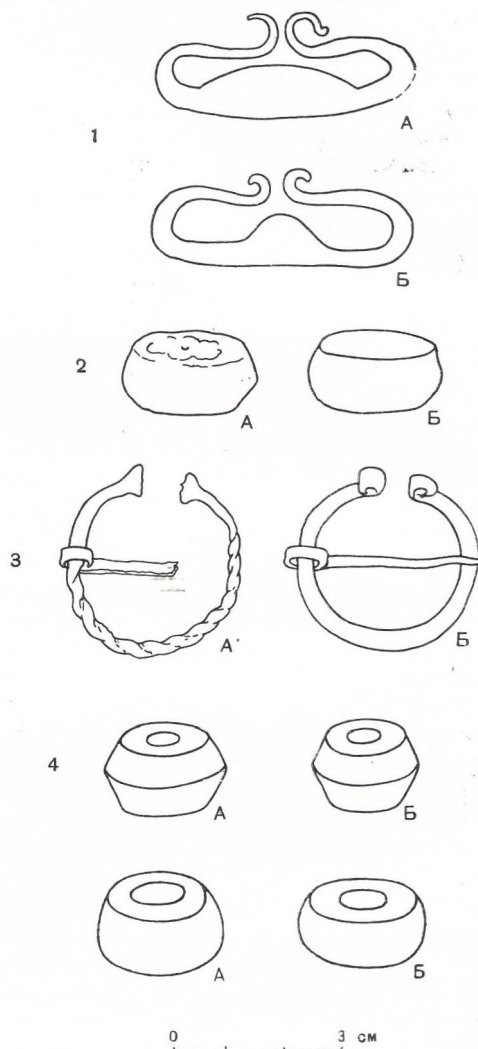
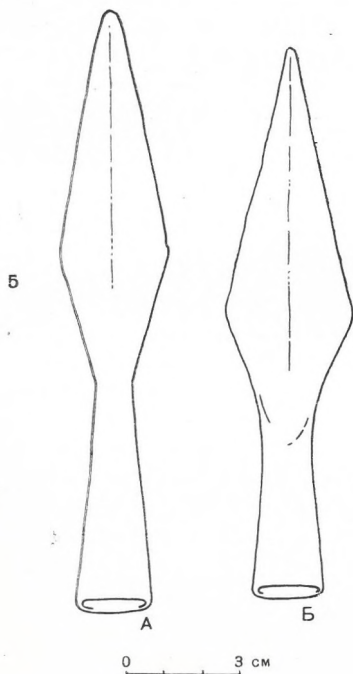

Рис. 17.

Древнейшие находки в Москве (А) и сходные вещи X—XI вв. из раскопок в Новгороде (Б)

1 — калачевидное кресало; 2 — свинцовая гиря; 3 — железная луженая подковообразная фибула; 4 — шиферные пряслица (нижнее — из Зарядья); 5 — наконечник сулицы

1,2 г, что составляет 1,3%. Подобные колебания в ту пору были обычны. Так, А. Л. Монгайт, вычисляя единицу веса для гирек из упомянутого новгородского кошелька, говорит, что она колеблется даже для этого, безусловно единого, комплекса от 3,93 до 4,0 г, т. е. на 17%¹⁷¹. Московская гирька относится, следовательно, к той же весовой системе, которая применялась в Волго-Окском между-

речье и в Новгороде до середины XI в., имела, по всей вероятности, восточное происхождение¹⁷². Она попала в культурный слой Зарядья не позднее конца XI — начала XII в.

В раскопе IV нижние горизонты третьего слоя также оказались нарушенными сооружениями XII и XIII вв. На материке здесь оказа-

лись оловянистый овалнощитковый перстень — печать с изображением грифона (аналогичные перстни найдены в Новгороде, в слоях X—XII и XIII—XIV вв.)¹⁷³ (рис. 15, 8), бронзовая булавка («писало») с Т-образной головкой, два фрагмента стеклянных гладких браслетов. На наличие в прошлом более древнего культурного слоя может указывать лишь раннекруговая керамика типа 15, которой здесь сравнительно много — несколько десятков фрагментов.

Продолжая продвигаться на восток по северной стороне Великой улицы, мы находим в раскопе VI, где, как было сказано выше, культурный слой стал откладываться не раньше конца XIV — начала XV в., вещь, которая могла бытовать не позднее конца XI — начала XII в. Это — железная подковообразная фибула, позолоченная или луженая (рис. 17, 3). В Новгороде таких фибул было обнаружено всего 12 штук, из них 10 — в слоях X—XI вв. В курганах же под Новгородом подковообразные фибулы (но не железные, а бронзовые) встречаются до XII в.¹⁷⁴ До района раскопа VI в Зарядье, который был сравнительно удален и от центра древнего поселка, и от берега реки, и от древней Великой улицы и к тому же сильно заболочен, Москва в XI в., да и несколько позже, не доходила. Но окраина ее была где-то поблизости, и фибула занесена на эту территорию, по всей вероятности, кем-то из жителей Москвы.

А ближе к центру и к берегу реки, на южной стороне Великой улицы, напротив церкви Николы Мокрого, располагался поселок. Он, видимо, существовал и в домонгольский период, но третий культурный слой здесь уничтожен позднейшими сооружениями. В раскопе I (Зарядье)

нижние 30—50 см культурного слоя представляли собой плотную черную землю, которая еще в древности была сильно перекопана. Среди находок — ключи от наружных замков типа «В», стеклянные браслеты — синий витой и неопределимые обломки другого синего браслета, костяной наконечник стрелы, аналогичный найденному в Переяславле Рязанском в слое XII в.¹⁷⁵ Но есть и более древние вещи — круглая (подковообразная?) железная фибула с медным язычком, какие чаще всего встречаются в слоях X—XI в., наконечник сулицы втульчатый с пером в виде ромба с наибольшим расширением в средней трети длины (рис. 17, 5), имеющий точную аналогию в опубликованном А. Ф. Медведевым наконечнике сулицы из слоя X в. в Новгороде¹⁷⁶. Наконец, особый интерес представляет находка пряслица из розового шифера (рис. 17, 4) в раскопе I в Зарядье на материке в небольшом углублении. Пряслище зонной формы принадлежит к категории находок, встречающейся чаще всего в XI—XII вв.¹⁷⁷ Обстоятельства его находки свидетельствуют о том, что эта вещь, попав в древности в небольшую ямку, осталась благодаря этому непо потревоженной при позднейших перекопах. Нахождение ее ниже находок стеклянных браслетов вполне закономерно, так как статистика новгородских находок показывает, что древнейшие пряслица встречаются в слоях, где браслеты отсутствуют.

Видимо, культурный слой в Зарядье начал образовываться еще в XI в., и окраина поселка этого времени доходила примерно до того места, где стояла церковь Николы Мокрого.

В Кремле второй половиной XIII в. датируется 18 пласт раско-

па I. Здесь найдены два обломка перстней (рис. 15, 12) из голубого непрозрачного стекла, ключ от пружинного замка типа «Б», по классификации Б. А. Колчина (XII—XIII вв.)¹⁷⁸.

С этими вещами найден 271 фрагмент керамики, в том числе красной типа 6 — 79 (29,1%), красной лощеной типа 7 — 1 (0,4%), серой типа 8 — 191 (70,5%).

Дата пласта определяется находкой обломка голубого стеклянного перстня (28а), анализ которого показал, что этот перстень сделан из стекла состава $K-Na-Mg-Pb-Si$ с небольшой примесью фосфора¹⁷⁹. Стекло такого состава производилось в средневековой Германии. Изделия из него найдены в Новгороде, Смоленске, Белоозере и в Москве у дворца Троекурова.

Все находки относятся ко второй половине XIII или первой половине XIV в. В нашем случае мы принимаем дату — вторая половина XIII в. — потому, что предыдущий пласт датирован по ряду находок началом XIV в.¹⁸⁰

Второй же обломок перстня, найденный в этом пласте поблизости от первого и настолько похожий на него по внешнему виду, что первоначально был принят за обломок одного и того же перстня и даже получил тот же номер (28—б), оказался совершенно иного состава ($Na-Pb-Si$).

Это — русское изделие второй половины XI, может быть, самого начала XII в.¹⁸¹ Находка его в данном пласте указывает на существовавший в этом месте перекоп каких-то более древних слоев. К этому вопросу мы еще вернемся в настоящей работе.

18 пласт относится еще к переходному горизонту, имеющему черно-коричневую окраску. А со следую-

щего, 19 пласта, начинается интенсивно коричневый слой, который в раскопе I подразделяется на два горизонта.

В верхнем горизонте найдены следующие вещи: 48 фрагментов стеклянных браслетов зеленого, бутылочного, черного, желтого, лилового, голубого и коричневого цветов (в том числе 40 гладких и 8 крученых), стеклянные бусы — синяя и желтая зонные, винтообразная черная, куски янтаря. О сапожном производстве говорят находки четырехгранного железного шила и множества обрезков кожи (в том числе кусок от передней части сапога, из которого вырезана миниатюрная детская подошва), о керамическом производстве — находки цветного керамического шлака и поливной птички-погремушки (рис. 16, 6), аналогичной встреченным в Новгороде на Славенском конце в «избе игрушечника»¹⁸².

Большинство перечисленных находок имеет довольно широкие границы бытования — XII—XIII вв., заходя и в XIV в. Описываемый горизонт коричневого слоя, мы датировем его первой половиной XIII в., так как он лежит под отличающимся от него по фактуре горизонтом второй половины XIII в. Ни одна из находок не противоречит этой дате.

В раскопе II в Кремле в горизонте, переходном от черного к коричневому и датированном стратиграфически концом XIII — началом XIV в. (поскольку выше него лежит горизонт середины XIV в., о чем говорилось ранее), найден лишь один обломок гладкого стеклянного темно-зеленого браслета. Верхний горизонт коричневой земли носил здесь тот же характер, что и в раскопе I, и содержал следующие находки (рис. 15,

13—15): шпору со стальным шипом, какие встречаются обычно в слоях середины XIII в.¹⁸³, железную пряжку с обоймой и язычком, принадлежащую к перому типу, по классификации Б. А. Колчина, и датированному им XIII в.¹⁸⁴, 37 обломков стеклянных браслетов — коричневого, голубого, сургучно-красного, фиолетового и других цветов (в том числе 25 гладких и 12 крученых), стеклянные бусы — зеленую цилиндрическую, зонную синюю и зонную желтую, янтарный шестиконечный крестик, обломки от стеклянных бокалов, трубчатых железных замков, кресало индивидуальной формы. Дата горизонта определяется находками двух фрагментов поливной восточной керамики типа 9 и двух обломков стеклянных перстней, отнесенных Ю. Л. Шаповой к IV группе и датированных последнимонгольским периодом¹⁸⁵ — серединой XIII в., начиная с 1237 г. до его последних десятилетий.

На некоторых участках в южной части раскопа (в частности, в специальном стратиграфическом шурфе) в подошве этого горизонта прослежена тонкая угольная прослойка, которую условно можно связать с упомянутым уже пожаром 1237 г.

Комплекс 25. В юго-западной части раскопа II (кв. 29, 30 и 24) в 17—18 и нижележащих пластах открыты остатки деревянного сруба, рубленого «в обло» из сосновых бревен. Дом имел досчатый пол, настланный в направлении запад — восток, и глинобитную печь, поставленную на деревянных столбах в юго-восточном углу. Под печью была яма — погреб. Внутри дома на полу не было найдено никаких вещей, в развале рухнувшей печи — два горшка, по типу относящихся к «серым». Дата комплекса 25 может быть определена по

его положению (ниже горизонта коричневого слоя, датированного серединой и концом XIII в.) — ориентировочно первая половина XIII в., по всей вероятности, раньше 1237 г. (сруб находится ниже угольной прослойки и не имеет на себе следов пожара).

Кроме упомянутых уже двух горшков, в комплексе 25 — в срубе и яме под ним — найдено 140 фрагментов керамики, в том числе: мореной типа 4—1 (0,6%), белой типа 5—1 (0,6%), красной типа 6—1 (0,6%), красно-серой (6/8) — 2 (1,2%), серой типа 8—107 (77,0%), курганной типа 10—28 (20,0%)¹⁸⁶

Единичные фрагменты керамики типов 4 и 5 могли попасть в этот комплекс, расположенный у западного края раскопа, при зачистке профиля. В основном же, керамика типична для первой половины XIII в., а если учесть малый процент красной керамики, то она даже несколько архаична для этого времени. Впрочем, находки «красных» горшков типа 6 в землянке киевского ремесленника, сгоревшей в 1240 г. (о чем говорилось выше), — факт, характерный скорее для крупных ремесленных центров, каким был Киев, чем для небольших городков, каким в то время была Москва.

К тому же времени, что комплекс 25 относится в центральной части раскопа II и 16 пласт. Здесь найдены фрагмент медного круглопроволочного перстня, часть стального ножа с железной рукоятью, «древотазный» шип, 23 фрагмента стеклянных браслетов (в том числе 12 гладких и 11 крученых), 3 фрагмента желтостеклянных бокалов, стеклянная зонная ярко-зеленая бусина. В Новгороде находки таких бус сосредоточены выше 21 яруса (до 14 яруса), хотя есть одна находка и в 28 ярусе¹⁸⁷.

28 ярус (с поправкой по дендрохронологии) датируется 953 г., 21 ярус — 1096 г., 14 ярус — 1238 г.¹⁸⁸ Таким образом, верхняя хронологическая граница этих находок и в Новгороде также не переходит 1238 г.

Остальные перечисленные нами находки также датируются XI—XIII вв., за исключением «древотазных» шипов, которые имеют, кажется, еще более длительный период бытования.

Верхний горизонт третьего культурного слоя в Кремле, как в I, так и во II раскопах, датируется XIII в. и первой половиной XIV в.

В I раскопе этот горизонт подстилала тонкая прослойка песка. Под ней начинался нижний горизонт коричневого слоя, отличавшийся от верхнего своей неодинаковой консистенцией. В отдельных местах в восточной части раскопа он был рыхлым и имел значительную примесь песка при мощности всего 20—25 см. В западной же части раскопа II он был более плотным и имел примесь щепы. Материк в этом месте круто опускался (здесь начинался склон берега р. Неглинной) и мощность нижнего горизонта коричневого слоя превышала 150 см. Здесь было найдено несколько фрагментов стенок желтостеклянных бокалов, 29 фрагментов стеклянных браслетов черного, синего, коричневого, лилового и бирюзового цветов (в том числе, 18 гладких и 41 крученый), а также целые стеклянные бусы и их фрагменты. Все эти бусы — зонные — голубая, синяя, желтая. Найдены также хрустальная шарообразная бусина, мраморный четырехконечный крестик и часть большого прямоугольного двустороннего гребня. Гребень самшитовый, но был еще в древности сломан и починен березовыми

планками. Синие и желтые зонные бусы, аналогичные нашим, датируются по находкам в Новгороде и в других местах в основном XII—XIV вв. Голубые зонные бусы сравнительно редки; в Новгороде они встречены в 18—20 ярусах, датированных XII в. (1116—1161 гг.)¹⁸⁹ Каменные четырехконечные крестики также в большинстве своем найдены в ярусах 20—15 (1116—1224 гг.)¹⁹⁰. Наконец, особый интерес представляет находка самшитового гребня, починенного березовой планкой. Такие гребни бытовали как в X—XI вв., так и в XII—XIV вв., а иногда встречались и позднее. Б. А. Колчин, отмечая отсутствие их в слоях XII в., объясняет это перерывом в снабжении Руси самшитом в XII в.¹⁹¹ С нашей точки зрения, гребень из I раскопа в Кремле был починен, снова сломан и брошен именно в это время, когда самшит не подвозили. Иначе его либо не стали бы вовсе чинить, либо починили бы самшитом же.

На основании приведенных аналогий нижний горизонт коричневого слоя в раскопе I в Кремле, лежащий под наслоениями XIII в., следует датировать XII в., всего вероятно, — второй его половиной. Здесь найдено всего 162 фрагмента керамики, в том числе серой типа 8—152 (93,9%), курганной типа 10—8 (4,9%), красной ранней типа 13—2 (1,2%)¹⁹².

В ближайшей к I раскопу южной части раскопа II только что описанному горизонту соответствует второй горизонт коричневого слоя, который представлен двумя прослойками земли, насыщенной щепой с прослойкой темно-серой супеси между ними. Верхняя прослойка щепы начиналась на глубине 3,28 см и имела мощность 28—30 см. В ней найден 31 фрагмент стеклянных браслетов желтого, зеле-

ного, коричневого, фиолетового и темно-красного цветов (в том числе 16 гладких, 14 крученых и 1 ребристый). Бусы — стеклянные, зонные — пять зеленых и одна фиолетовая, а также одна ребристая цилиндрическая голубая.

Среди находок этого горизонта также найдено восемь фрагментов стеклянных желтых бокалов, семь пряслиц из серого шифера, одна шарообразная хрустальная бусина и одна бронзовая овальнооухая пуговица.

Все эти находки характерны для домонгольских слоев русских городов. Сочетание находок стеклянных браслетов (среди которых уже около половины крученых) со сравнительно большим числом шиферных пряслиц при отсутствии винтообразных стеклянных бус, встречавшихся здесь в вышележащем горизонте, датируют, по нашему мнению, верхнюю прослойку щепы второй половины XII в. В нашем распоряжении имеется керамика из этой прослойки в количестве 100 фрагментов, из которых белой типа 5—6 (6%), красной типа 6—9 (9%), серой типа 8—70 (70%), курганной типа 10—15 (15%)¹⁹³.

Сравнительно высокий процент керамики типов 5 и 6 является, по нашему мнению, случайным и объясняется небольшим общим числом имеющихся фрагментов керамики. Однако соотношение основных типов керамики — преобладание серой при увеличении процентов курганной — характерно для этого периода.

В прослойке темно-серой земли, лежавшей под верхней прослойкой щепы и достигавшей мощности 20—40 см, находок почти не было. Здесь найдено лишь 2 фрагмента стеклянных браслетов (крученого темного и гладкого зеленого) и 121 фрагмент керамики, в том числе серой типа

8—76 (62,6%), курганной типа 10—43 (35,8%), красной ранней типа 13—1 (0,8%), раннекруговой типа 15—1 (0,8%)¹⁹⁴.

Дату прослойки по находкам установить трудно.

Судя по тому, что эта прослойка перекрыта прослойкой, датированной второй половиной XII в., она отложилась примерно в середине XII в. Изменение состава керамики в сторону повышения процента курганной типа 10 подтверждает большую древность этой прослойки по сравнению с предыдущей.

Лежащая ниже вторая прослойка коричневой, насыщенной щепой земли толщиной от 20 до 36 см включала в себя в западной части раскопа еще прослойку песка толщиной до 18 см, в ней найдено всего два стеклянных браслета, один из которых — обычный, коричневый, гладкий, круглый в сечении, другой — зеленый плоский, расписанный снаружи желтой краской.

Этот тип браслетов встречается редко (в Новгороде — 0,4% всех браслетов). Стеклянных бус найдено четыре штуки — две зонные ярко-зеленые, одна зеленая кольцеобразная и одна фиолетовая рыбовидная. Кроме того, найдены донце желтостеклянного бокала, шиферное розовое биконическое пряслище, сильно пережатая сердоликовая бусина, фрагменты бронзового семилопастного простого височного кольца и витой четверной бронзовый браслет.

Большинство находок датируется XII в. Рыбовидные бусы и четверные браслеты А. В. Арциховским по материалам подмосковных курганов отнесены ко второй и третьей стадиям погребений и датированы соответственно XIII—XIV вв.¹⁹⁵ Однако эта датировка оспаривается для рыбо-

видных бус М. В. Фехнер, указывающей дату XI—XIII вв., а для четверных витых браслетов Т. В. Раудиной, датирующей их XII—XIII вв.¹⁹⁶ При раскопках в Новгороде четверные браслеты встречены как в 10, так и в 21 ярусах¹⁹⁷, которые датируются соответственно 1313 и 1096 г.¹⁹⁸ Можно думать, что находки бус и браслета не противоречат общей датировке нижнего горизонта коричневой земли со щепой XII в., предположительно — его серединой. К этой последней дате нас заставляет склоняться то обстоятельство, что сам характер нижнего горизонта коричневого слоя как в раскопе II, так и в раскопе I, в частности, включения серого песка, который составлял основную толщу насыпи построенного поблизости крепостного вала (о нем речь будет ниже), свидетельствует о каких-то строительных работах. Вероятно, прослойка щепы образовалась при постройке деревянной субструкции вала, песок остался от работ по насыпке его основной толщи. В этом случае нижний слой щепы и лежащая выше него прослойка серой супеси составляют единый строительный слой и должны быть датированы примерно одним временем — серединой XII в.

В центральной части раскопа II стратиграфия нижней части коричневого слоя сильно отличается от только что описанной. Здесь обе прослойки щепы отсутствовали, хотя примесь щепы в плотной коричневой земле, образующей этот горизонт, была. В ней встречались также мелкие угольки (начиная с 16 пласта) и песок. По всей вероятности, строительный слой либо не доходил до этого места, либо (что всего вероятнее) был нарушен в более позднее время, чем и объясняется меньшая насыщенность щепой и большая за-

песоченность. В прослойке с угольками, залегавшей на глубине 3,05—3,10 м и имевшей мощность 10—12 см, найдены венчик желтостеклянного прозрачного бокала, зеленая винтообразная стеклянная бусина и шесть фрагментов стеклянных браслетов фиолетового, голубого и коричневого цвета (два гладких и четыре крученых). Датирующей здесь является находка винтообразной бусины, какие не встречаются раньше середины XII в.¹⁹⁹ Таким образом, прослойка, перекрытая горизонтом XIII в., может быть датирована второй половиной XII в. Наличие в прослойке угольков может свидетельствовать о следах пожара в Москве в 1177 г.

Ниже этой прослойки в коричневой запесоченной земле²⁰⁰ на глубине 3,18—3,28 м в кв. 10 и 11 были обнаружены следующие вещи. Бронзовый замок в виде фигуры фантастического животного с головой львицы, туловищем лошади и копытами быка. Замок, по определению А. П. Смирнова и А. Л. Якобсона, относится к сравнительно раннему типу херсонесских замков, какие встречены в X—XII вв., 14 фрагментов стеклянных браслетов черного, коричневого, бирюзового, фиолетового, зеленого и синего цветов (в том числе 10 гладких, 3 крученых и 1 ребристый), фрагмент желтого прозрачного бокала, кусок янтаря. Керамики здесь найдено всего 42 фрагмента, в том числе 23 — серой типа 8 и 19 — курганной типа 10. Все эти находки позволяют датировать нижний горизонт коричневого слоя в центральной части раскопа XII в.

Сравнительно высокий процент керамики курганного типа (46%) и находка ребристого синего браслета, который, по определению Ю. Л. Ща-

повой, сделан из стекла состава $K-Na-Ca-Mg-Si$ в греческих мастерских, существовавших в Киеве с середины XI до 70—80-х годов XII в.²⁰¹ говорят предположительно о середине столетия, может быть, от второй и третьей его четверти, до 1177 г.

Таким образом, нижний горизонт коричневого слоя, как в южной, так и в центральной части II раскопа, датируется серединой и второй половиной XII в.

Подстиляет этот горизонт коричнево-серая супесь с примесью коры, мелких щепок и угольков.

Мощность прослойки супеси в различных местах раскопа — от 6 до 20 см. Во многих местах эту прослойку нарушают перекопы, идущие как с уровня первого и второго культурных слоев, так и с уровня различных горизонтов третьего слоя — основания фундаментов, погреба, выгребные и иные ямы (всего 11 перекопов на площади 117 кв. м). В северной части раскопа II и в южной его прирезке предматериковая супесь уничтожена вовсе, как и в раскопе I.

В центральной и южной частях раскопа II удалось исследовать несколько непо потревоженных участков, представлявших, однако, лишь небольшие сохранившиеся пятна нетронутого в древности культурного слоя (рис. 18). Первое такое пятно расположено в квадратах 6 и 12 между двумя древними ямами 11 и 12. Здесь найдены шесть розовых шиферных пряслиц, два фрагмента желтых бокалов, одна зонная желтая стеклянная бусина, один фрагмент амфоры. Другое пятно непо потревоженного предматерикового слоя прослежено в 6—7 м к северу от первого, в кв. 8 и 9. Здесь обнаружены две стеклянные зонные бусины —

синия непрозрачная и красная — и в соседнем кв. 10 найдена хрустальная бипирамидальная бусина. К западу от этих двух пятен, в кв. 15, 16, 18, 24 и 45 выявлены следующие вещи: хрустальная шарообразная и стеклянные кольцообразные бусины, желтая и фиолетовая, две зонные желтые и синяя рыбовидная бусина, механизм замка, относящегося к типу «Б», по классификации Б. А. Колчи-

на, две железных иглы, обломок железного серпа, четыре фрагмента желтостеклянных бокалов, кусок янтаря, три фрагмента стеклянных браслетов — коричневого ребристого, желтого крученого и гладкого сильно пережженного, бронзовый язычок от фибулы, фрагменты бронзового семиплостного простого височного кольца, сильно коррозированный бубенчик, железный нож.

Нетрудно заметить, что в восточной части раскопа вне перекопов найдены наиболее древние вещи. Здесь отсутствуют стеклянные браслеты и найдено шесть шиферных пряслиц. В Новгороде стеклянные браслеты встречаются с 20 по 8 ярусы (т. е. с 1116 по 1369 годы), причем 40% приходится на 14 и 13 ярусы (1238—1268 гг.), а шиферные пряслица — с 28 по первый ярус (с 953 по 1462 г.). Первым ярусом, где пряслица встречены без стеклянных браслетов, является 21 (1096 г.)²⁰². Густо синие и красные зонные стеклянные бусы встречены в Новгороде в 23—28 и 21—28 ярусах²⁰³ (953—1096 гг.).

Хрустальные бипирамидальные бусы, аналогичные найденной в кв. 10, датируются по находкам в курганах Ленинградской, Калининской, Владимирской, Смоленской, Московской и Рязанской областей X—XII вв.²⁰⁴ Желтые зонные бусы датируются Ю. Л. Щаповой XII—XIV вв., но встречены они и в 24 и 25 ярусах²⁰⁵ (1006—1025 гг.). Поэтому единичная находка в кв. 12 не изменяет датировки предматерикового слоя в этом районе рубежом XI—XII вв., что соответствует и новгородской хронологии. В предматериковой супеси найдено 163 фрагмента керамики, в том числе серой типа 8—90 (55%), курганной типа 10—63 (39%), красной ранней типа 13—3

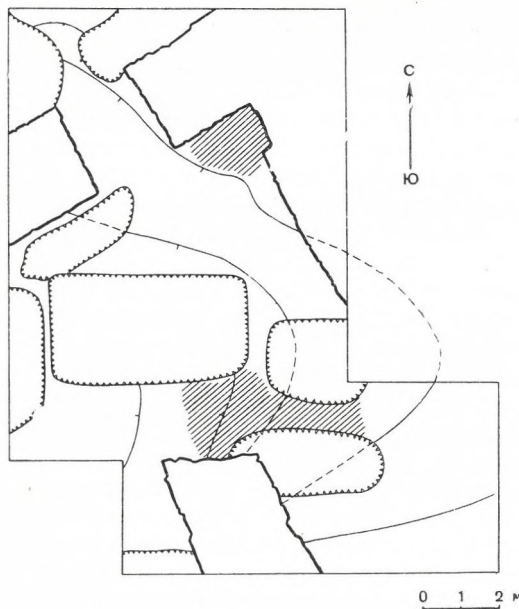

Рис. 18.

Древнейший горизонт культурного слоя в Кремле (поверхность материка в раскопе II)

- — культурный слой XI в.;
- — границы белокаменной кладки;
- — перекопы и ямы

(1,8%), раннекруговой типа 15—3 (1,8), амфор типа 16—4 (2,4) ²⁰⁶.

Перейдем к датировке предматерикового слоя в западной части раскопа. Время бытования хрустальных шарообразных бус по Новгороду — 26—14 ярусы ²⁰⁷ (989—1328 гг.). Стекланные бусы, как мы уже говорили, имеют даты — рыбовидные — XI—XIII вв., зонные желтые — XII—XIV вв., замки типа «Б» встречаются в 20—10 ярусах ²⁰⁸ (1116—1299 гг.). Семилопастные простые височные кольца встречаются как в подмосковных курганах, так и в Новгороде, чаще всего в XII в. ²⁰⁹ По этим находкам предматериковая супесь в западной части раскопа II должна быть датирована первой четвертью XII в. Эта разница в датировке начала отложения культурного слоя в восточной и западной частях раскопа II нас не удивит, если учесть, что западная часть раскопа II представляла собой уже начало склона берега р. Неглинной. В ней имеется даже промойна — начало какого-то овражка. Естественно, что край городища был не так удобен для поселения и заселялся по мере того, как становилось тесно на основной площадке. Раскопы I и II попали как раз на край древнего городища, и вещевой материал оказывается тем древнее, чем дальше от склона берега раскоп I — вторая половина XII в., западная часть раскопа II — первая четверть XII в., его восточная и в особенности юго-восточная часть (кв. 6 и 12) — рубеж XI и XII вв.

Видимо, где-то в районе кв. 8—12 раскопа II проходил в то время северный край московского поселения, и раскоп охватил его северо-западный угол.

Третий культурный слой представлен на территории Кремля еще несколькими комплексами, открывши-

мися при археологических наблюдениях за работами строительства.

Рассмотрим эти комплексы, идя, как и ранее, от более позднего к более древнему.

Комплекс 26. К северу от раскопа II. Южнее старого здания Оружейной палаты, в кв. Г—6 и Д—6, на глубине 3,0—3,15 м прослежены два настила деревянной мостовой. Верхний настил вел к Троицким воротам, нижний был ему перпендикулярен. Оба они лежали выше верхнего горизонта прослойки щепы, датированного в раскопе II концом XII в. На мостовой найден фрагмент тонкого крученого стеклянного браслета лимонного цвета и фрагмент стеклянного голубого непрозрачного перстня. В слое выше мостовой найдена красная керамика типа 6 и красно-серая (6/8), над самой мостовой красная типа 6 и серая типа 8. Между двумя настилами мостовой — преимущественно серая типа 8 и (в небольшом количестве) курганная керамика типа 10. Ниже второго настила мостовой — преимущественно серая и курганная. Статистические подсчеты в этом случае не могли быть проведены, так как здесь велись не специальные раскопки, а наблюдения за строительством, и материал можно было брать лишь от случая к случаю. Дата комплекса 26 может быть определена по находке стеклянного браслета и голубого перстня приблизительно — вторая половина XIII в. или начало XIV в., но не позже. На ту же дату указывает и появление красной керамики типа 6, которая в XII и начале XIII в. редка.

Комплекс 27 лежал ниже комплекса 26 в том же квадрате Г—6. Это была яма шириной 3,7 м, глубиной — 65—70 см, вырытая с горизонта коричневой земли, лежащего на 20—30 см ниже мостовой и врезанная в

материк до глубины 4,10 м. Песок под дном ямы — ярко-красного цвета. Он обожжен. Яма заполнена углем, золой и железным шлаком. Это, по всей вероятности, остатки какого-то металлургического производства. В горизонте коричневого слоя, с которого вырыта яма на 10 см выше материка, найдены витой из четырех жгутов, гладкий и крученный стеклянные браслеты, медная кованая чаша и два железных ножа. Керамика только серая и курганная. Примерная дата комплекса 27 — XII в.

В западной части строительной площадки в кв. Б—4 и Б—5 на глубине 6,50—7,60 м открылись остатки субструкции крепостного вала — комплекс 28. Это была деревянная конструкция с «крюками» или «курицами», которая подробно описана и охарактеризована в нашей книге «О древней Москве». Сейчас для нас важно отметить, что комплекс 28 включал в себя как деревянную конструкцию, так и насыпь вала, сделанную из серовато-желтого песка. В насыпи встречались небольшие включения культурного слоя, что говорит о сооружении вала из земли, которую брали с разных мест тогдашнего городища. Важно отметить, что под вал, как в кв. Б—4, Б—5, так и в кв. Б—9, уходила часть третьего культурного слоя. Но это была лишь сравнительно тонкая (10—30 см прослойка). Большая же часть коричневого третьего культурного слоя, как это отчетливо наблюдалось в кв. Б—9, наслаивалась на подошву вала. Прежде чем перейти к датировке комплекса 28, рассмотрим перекрытый им комплекс 29, который прослеживался также и в кв. Б—4, Б—5, и в кв. Б—9.

Комплекс 29. Это деревянное сооружение, построенное из сравнительно тонких бревен, пластин и до-

сок. Низ сооружения закреплен камнями, углы рублены «с остатком», иногда — «на ус», в некоторых случаях — просто соединены впритык.

Сооружение представляет собой ряд небольших прямоугольных клеток, часть которых заполнена конским навозом. В одной из клеток найден целый деревянный хомут и деревянный же круглый поплавок. Это — хозяйственная постройка, вернее всего, — конюшня. Керамика в комплексе 29²¹⁰ встречена только серая типа 8 (93 фрагмента, что составляет 30,4%) и курганная типа 10 (212 фрагментов, что составляет 69,6% общего числа 305 фрагментов). По профилям горшков ее датируют примерно XI—XII вв. Других находок нет. Можно думать, что комплекс 29 относится к первой половине или середине XII в. На это указывает отсутствие находок стеклянных браслетов. Ведь в первой половине XII в. стеклянные браслеты были редки, а в позднейших комплексах обычно находится хотя бы один фрагмент стеклянного браслета.

Комплекс 29 был разрушен, видимо, уже вскоре после постройки, и на его месте тогда же сооружен комплекс 28. На это указывает то, что деревянные конструкции комплекса 28 в ряде случаев используют комплекс 29 в качестве опоры в тех местах, где имелись западины грунта. Сооружение комплекса 28 может поэтому датироваться второй половиной XII в. В насыпи вала найдено всего шесть фрагментов серой керамики типа 8.

В горизонте коричневого слоя, налегавшем на вал, встречена преимущественно серая керамика типа 8 — венчики, стенки с ногтевым и линейным орнаментом, днище с клеймом. Такой состав керамики характерен для второй половины XII и первой

половины XIII в., как датируется третий слой в раскопе I.

Из вещей можно указать лишь ви- той (2 × 3) браслет из сплава меди с оловом, с примесями свинца, сурьмы и никеля²¹¹. Но обстоятельства этой находки не совсем ясны. Браслет обнаружен в той части комплекса 28, которая была разрушена экскаватором, и поэтому нельзя заключить, лежал ли он в коричневом слое, на- лежавшем на вал, или относится к комплексу самого вала. Привлекать этот браслет для датировки комплек- са 28 мы не считаем возможным.

На сравнительно раннюю дату это- го комплекса указывают также изве- стные нам аналогии. Конструкции основания укреплений с крюками хо- рошо известны по городам так назы- ваемой Великой Польши X—XI в.²¹² В русских крепостях единственная известная нам конструкция с приме- нением крюков (и то не вполне ана- логичная московской) встречена в Новгородском кремле, построенном в XI в. (по всей вероятности, в 1044 г.)²¹³.

У нас нет никаких оснований да- тировать комплекс 28 временем бо- лее поздним, чем XII в. Он мог быть построен во второй половине этого столетия, если принять дату, указы- ваемую Тверской летописью — 1156 г. Эта дата, как известно, была подвер- гнута сомнению С. Ф. Платоновым. М. Н. Тихомиров, соглашаясь с С. Ф. Платоновым в том, что год, воз- можно, указан неточно, считает все же, что постройка второго Московско- го Кремля имела место во второй по- ловине XII в.²¹⁴

Последний комплекс, связанный с третьим слоем, комплекс 30, также относится к оборонительным соору- жениям Кремля.

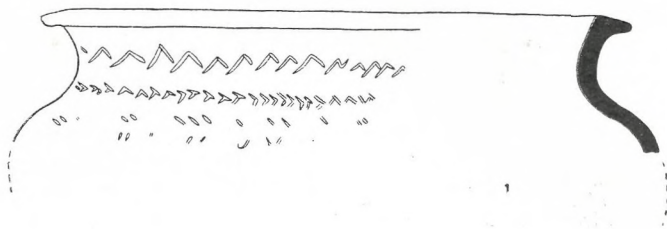
Он открылся при наблюдениях в траншее 5, неподалеку от юго-запад-

ного угла здания современного Боль- шого Кремлевского Дворца. Это был ров древней крепости, представляв- ший собой в разрезе равнобедренный треугольник, обращенный вершиной книзу. Дно его (вершина треугольни- ка) несколько скруглено, стенки име- ют уклон 49—50° к горизонту, глуби- на сохранившейся части составляла 4,3 м, ширина по верху — 13—15 м. Комплекс 30 уцелел лишь частично. Он непосредственно перекрыт пер- вым слоем строительного мусора, образовавшимся при постройке Боль- шого Кремлевского Дворца в 1849— 1851 гг. Очевидно, при строительстве этого здания были целиком уничто- жены второй и третий культурные слои и несколько срезан материк. Получилось так, что уцелевшая за- падина третьего культурного слоя во рву оказалась под прослойкой се- редины XIX в. Эта западина пере- капывалась и ранее. В восточном профиле рва ясно видны попавшая в него случайно белокаменная бутылка и кладка фундамента.

Заполнение рва представляет со- бой перемежающиеся прослойки ко- ричневой земли со щепой и обрезка- ми кожи, прослойки навоза и песка. Найденная здесь керамика (всего собрано 44 фрагмента, в том числе красно-серой типа 6/8—1—2,3%, серой типа 8—18—40,9%, курганной типа 10—25—56,8%)²¹⁵ говорит о примерно одновременном заполнении рва. В засыпке найден также фраг- мент гладкого желтого стеклянного браслета, относящегося по определе- нию Ю. Л. Шаповой к древнерусским домонгольским изделиям²¹⁶. Других вещей нет.

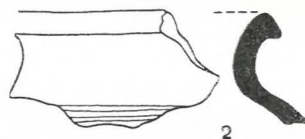
Время создания комплекса 30 оп- ределяется его конструктивными осо- бенностями. Они таковы же, как и особенности конструкции рва Киев- ского Вышгорода, Киева и иных рус-

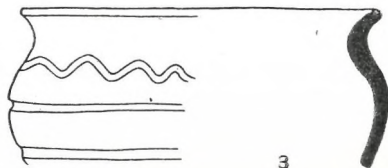

ских укреплений X—XIII вв. Укрепления мысового или полуостровного типа к концу XI — началу XII в. уже изживали себя²¹⁷. Вероятно, комплекс 30 был сооружен не ранее X и не позднее второй половины XI в. Засыпка его, судя по описанному выше материалу, происходила не сразу, но все же примерно в один период времени. Ров постепенно затягивался культурным слоем с внутренней стороны (со стороны мыса городища) в течение нескольких десятков лет. В этот период во рву, уже полузаплывшем, даже ставились какие-то временные деревянные (по всей вероятности, хозяйственные) сооружения. Очевидно, заполнение рва началось сразу же после постройки известных по летописи укреплений комплекса 28, около 1156 г., и шло в течение второй половины XII в. (может быть, в 60—70-х его годах).

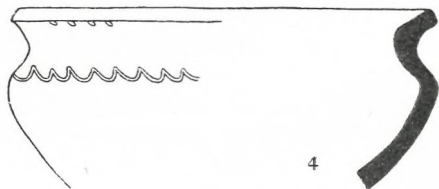
Изучив третий культурный слой и комплексы, с ним связанные, по материалам раскопок в Зарядье и в Кремле, мы приходим к выводу, что нижней хронологической границей третьего слоя на исследованной нами территории является конец XI в., а верхней его хронологической границей — середина XIV в. Возможно, что в центре древнего поселения, каковым мы считаем мыс при впадении р. Неглинной в Москву-реку, к западу и юго-западу от древнейшего рва (комплекс 30) были когда-то и более древние горизонты культурного

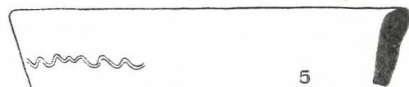
2

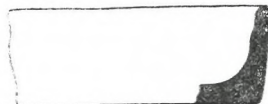
3

4

5

6

Р и с. 19.

Образцы керамики из древнейших горизонтов культурного слоя Москвы, Пскова, Новгорода

Москва

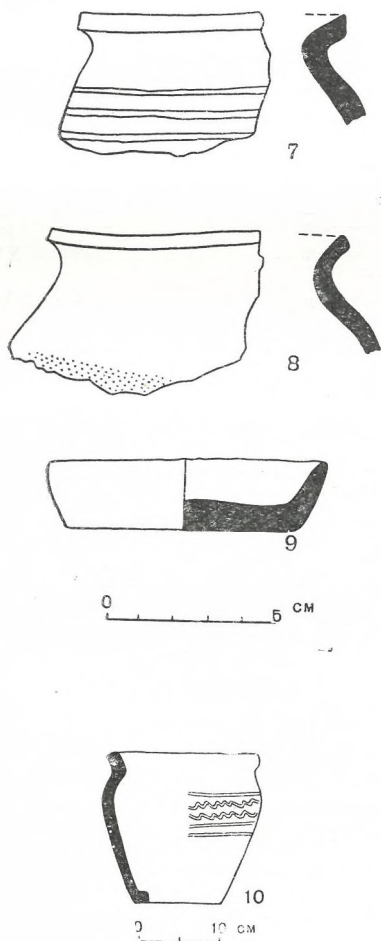
1—4 — горшки; 5—6 — миски;

Псков

7—8 — горшки; 9 — миска

Новгород

10 — горшок

слоя, но они совершенно уничтожены строительными работами XVIII и XIX вв. Дальнейшие поиски древнего культурного слоя должны, по нашему мнению, вестись в районах Зарядья, близлежащих к Красной площади, на кремлевском мысе и на подоле Кремля, в нынешнем Тайницком саду.

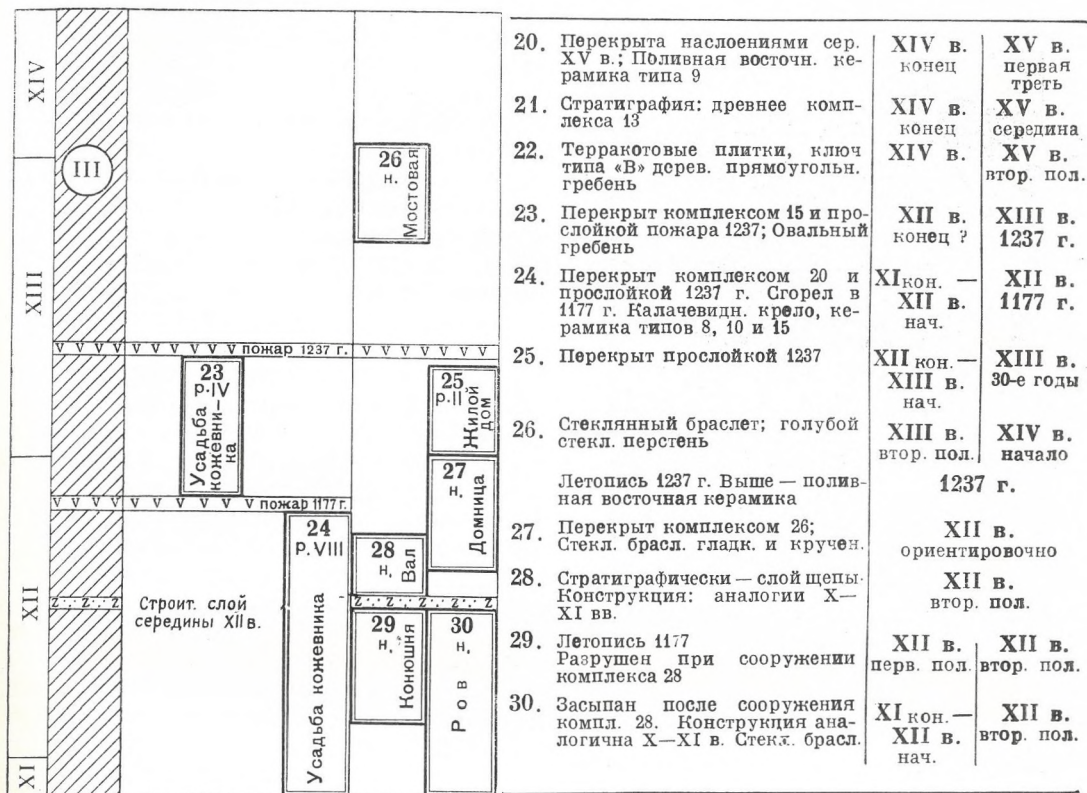
Попытаемся теперь проследить распространение третьего культурного слоя в центральных районах Москвы.

Археологические работы в Кремле показали, что на территории исторического центра города третий слой прослеживается не везде. Древнейшие его горизонты XI—XII вв. удалось проследить лишь отдельными пятнами, которые описаны выше. На кремлевском холме северной границей культурного слоя XI—XII вв. была примерно середина той территории, где сейчас построен Дворец съездов. В Зарядье соответствующие горизонты прослежены на узкой полосе к северу и югу от быв. Мокринского переуллка. Они простирались на восток лишь немного далее церкви Николы Мокрого. При этом нет гарантии, что слой XI—XII в. занимал здесь сплошную территорию. Возможно, что он и ранее лежал отдельными пятнами, между которыми могли быть перерывы.

Более поздние горизонты третьего культурного слоя (XII — первой половины XIV в.) прослежены в Кремле на север от мыса до линии, идущей несколько севернее современных Троицких ворот и южнее юго-восточного угла здания Арсенала. В траншее 1 третий слой уже не был обнаружен, а в пересекающей ее с юга траншее 2 он достигал мощности всего 48 см. Здесь был найден фрагмент черного крученого, перевитого светлой нитью стеклянного браслета и

Зек.	Слой	Зарядье		Кремль	Основания для датировки комплексов	Дата	
						сооруж.	разруш.
XVIII	I	1 р. I	2 р. II	4 р. II Царицыны палаты	1. 100 монет 1712—1797 гг. Синие аптечные банки Расписные изразцы Печать — гемма	XVIII в. середина	XVIII в. конец
			3 р. II		2. Монеты 1761, 1891 гг. Расписные изразцы Фарфор Кузнецова	XVIII в. 60-е годы	XIX в. конец
XVII	II	5 р. I Дом приказного	Дом Сулешовых		3. Монеты 1760, 1798 гг. Расписные изразцы Надгробье с зубчат. арнаментом	XVII в. середина	XX в. 1941 г.
					4. Монеты 1800, 1801 гг. Фаянсовые игрушки Изразцы расписные и ценные; Архивные данные	XVII в. втор. пол.	XIX в. начало
XVI	III	6 р. I	7 р. II		5. Печь с муравленными изразцами Поливные чернильницы	XVII в. середина	XVII в. втор. пол.
		8 р. II IV			6. Перекрыт комплексом 5; «красный» изразец, с батальн. сценой	XVII в. начало	XVII в. середина
XV	IV	9 р. I Щель и навоз	Усадьба феодала	12 р. р. VIII Двор усадьбы	7. Перекрыт комплексом 3; беленые «красные» изразцы Иконка-мошевик. План 1597 г.	XVII в. начало	XVII в. середина
		10 р. VI Конюшенная мастерская	13 р. I Погреб		8. Перекрыт комплексом 7. Кирпич 30×13×7 см, оковка лопаты, красные изразцы, шомпол	XVI в. 20—30-е годы	XVII в. начало
XIV	V	11 р. I Пожар 1468	14 н. Хоз. постройка двorca	22 р. I Погреб	9. Перекрыт комплексом 6; кирпич 30×13×6 см	XVI в. пер. пол.	XVI в. втор. пол.
		15 р. I IV Две усадьбы	16 р. VI Дремаж		10. Кирпич 23—25×11—13×4,5—6 см.	XVI в. пер. пол.	XVI в. втор. пол.
XIII	VI	17 р. VI Гончар	18 р. VI Дренаж канавы	20 р. VI Канавы, закр. плетнем	11. Стратиграфия — между компл. 10 и слоем пожара 1468—1472 гг.	XV в. конец	XVI в. начало
		19 р. VI Канавы, закр. плетнем	21 р. I Усадьба литейника-кричника		12. Стратиграфия — между прослойками щепы и пожара; замок типа «Г»	XV кон. — XVI в. начало	XVI в. середина
XII	VII	22 р. I Пожар 1468	23 р. I Пожар 1468	24 р. I Пожар 1468	13. Перекрыт комплексом 9; «але-визов» кирпич	XV в. конец	XVI в. начало
		25 р. I Пожар 1468	26 р. I Пожар 1468		14. Летопись 1485 г. Кирпич плитчатый и «але-визов»	XIV кон. XV в. начало	XV в. конец
XI	VIII	27 р. I Пожар 1468	28 р. I Пожар 1468	29 р. I Пожар 1468	Летопись 1468 Костяная печать, камен. иконка	XV в. 1468	
		30 р. I Пожар 1468	31 р. I Пожар 1468		15. Погибли при пожаре 1468 г.	XV в. середина	1468
X	IX	32 р. I Пожар 1468	33 р. I Пожар 1468	34 р. I Пожар 1468	16. Перекрыт слоем пожара	XV в. 30—40-е годы	XV в. 60-е годы
		35 р. I Пожар 1468	36 р. I Пожар 1468		17. Перекрыта комплексом 16	XIV в.	XV в.
IX	X	37 р. I Пожар 1468	38 р. I Пожар 1468	39 р. I Пожар 1468	18. Перекрыта слоем пожара 1468	XV в. 30—40-е годы	XV в. 60—80-е годы
		40 р. I Пожар 1468	41 р. I Пожар 1468		19. Летопись (пожар 1451) Стратиграфия. — ранее компл. 18	XV в. начало	XV в. 40—50-е годы

Р и с. 20

Сводная таблица стратиграфии культурного слоя Москвы

Цифрами (1—30) обозначены номера археологических комплексов, использованных для датировки культурного слоя центральных районов Москвы

фрагменты серой керамики типа 8²¹⁸.

Нам трудно сказать, как проходила северная граница третьего слоя на территории Кремля. Восточнее площади строительства Дворца съездов на современной Ивановской площади в траншее 3 коричневый третий слой достигал мощности 1,35—1,40 м. Нижний его горизонт дал находки только серой керамики типа 8, средний — также красно-серой типа 6/8,

а верхний — красной типа 6 и красной олощенной типа 7. Здесь найдена костяная пластинка — накладка с резным растительным орнаментом. Нижний горизонт датируется, по-видимому, домонгольским временем, а верхний — концом XIII в.²¹⁹

Восточнее этой территории, в траншее 7, третий слой не прослеживался, так как каменные постройки древнего Чудова монастыря врезались в материковый песок.

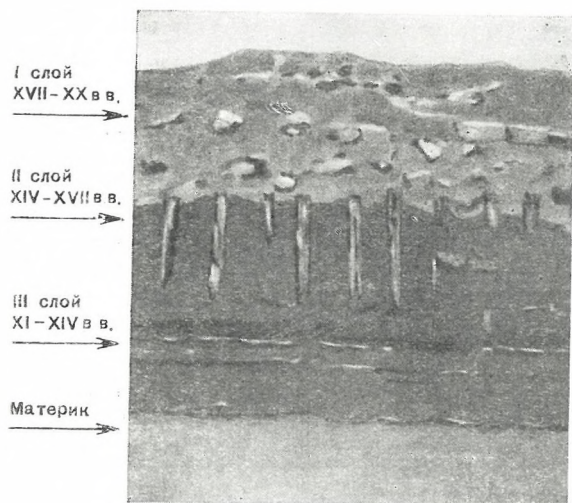

Рис. 21.

Схематический разрез культурного слоя центральных районов Москвы

На территории Зарядья третий слой прослежен при наших раскопках по обеим сторонам древней Великой улицы и при раскопках А. Ф. Дубынина севернее этой территории; на линии Ершова переулка также встречен коричневый третий слой, содержащий довольно большое количество стеклянных браслетов²²⁰. Однако восточнее Псковского пер. этого слоя не встречалось совсем, как не было его и у самого подножия обрыва берега, на верху которого проходила древняя Варьская улица (ныне ул. Разина). Открытым пока остается вопрос о наличии третьего культурного слоя в северной, нагорной части Великого посада. Во всяком случае до настоящего времени при земляных работах в Китай-городе ни разу не обнаружены какие бы то ни было его следы. Однако весьма вероятно, что этот слой еще будет в Китай-городе обнаружен. Впредь до по-

лучения новых сведений северную границу третьего слоя в междуречье Неглинной и Москвы-реки следует вести от современных Троицких ворот к юго-восточному углу здания Арсенала и далее через Ивановскую площадь на подол Кремля, а затем в Зарядье, примерно по линии Елецкого переулка. Немного восточнее Максимовского пер. граница коричневого слоя должна поворачивать на юг, пересекая древнюю Великую улицу восточнее церкви Николы Мокрого, и идти до берега Москвы-реки²²¹.

Отдельные находки, по времени соответствующие бытованию третьего культурного слоя, были встречены и на правом берегу р. Неглинной, в районе современного Георгиевского пер. Здесь при работах, связанных с реставрацией быв. дома бояр Троекуровых, найдены стеклянные браслеты, которые могут относиться к верхним горизонтам коричневого слоя (XIII — начала XIV в.)²²².

На левом берегу р. Яузы, севернее Б. Подгорского пер., позади современного высотного здания, что на Котельнической набережной, найдено шиферное розовое биконическое пряслище, а на склоне холма попала да и курганная керамика типа 10²²³.

В других районах Москвы третий культурный слой и связанный с ним вещевой материал пока не обнаружены. Однако он может еще обнаружиться как в центральных районах города, так и в районах новой застройки Москвы. Так, можно будет обнаружить места древних сел, издревле окружавших городок Москву. Стратиграфия культурного слоя представлена на рис. 20–22.

Керамика в культурном слое Москвы. Рассмотрим теперь датированные выше комплексы и попыта-

емся выявить закономерность распространения в культурном слое центральных районов Москвы различных типов керамики, о которых говорилось в работе. Задача эта имеет не только вещеведческое, но главным образом — большое практическое значение. Ведь керамика является самым распространенным, а часто — и единственным археологическим материалом, которым мы располагаем для датировки слоев, в особенности при разного рода случайных их вскрытиях. И если бы удалось установить закономерность количественных соотношений различных типов керамики в те или иные хронологические периоды, это много облегчило бы археологам работу по определению и датировке слоев. В дальнейшем, опираясь на эти выводы, можно будет составить более точное представление о заселении всей территории Москвы, с учетом данных многочисленных разрытий, которые ведутся в нашем городе непрерывно.

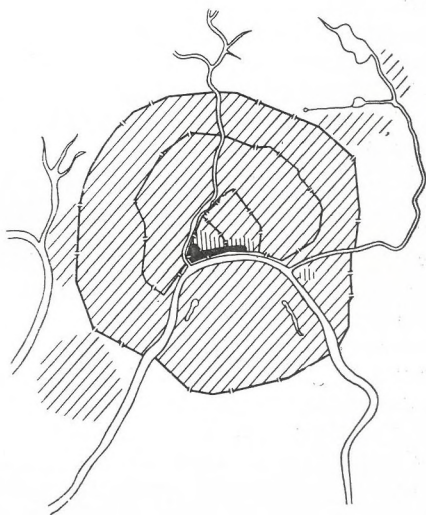
Конечно, подсчеты фрагментов керамики могут служить лишь для первого приближительного определения и в дальнейшем должны быть уточнены анализом развития форм сосудов внутри каждого типа. Этой последней задачи мы сейчас не ставим: ей в значительной мере посвящена специальная работа о московской керамике, которая подготовлена Р. Л. Розенфельдом²²⁴.

Да археолог-наблюдатель и не всегда может восстановить формы сосудов, а нам в данном случае важно дать ему в руки простейшее и вернейшее средство для датировки слоев, пусть даже приближительной.

Поскольку первый культурный слой обычно выявляется легко, благодаря обилию датирующихся вещей, и реже служит объектом археологи-

ческих исследований, мы будем говорить в настоящем разделе о керамике, найденной во втором и в третьем культурных слоях в центральных районах Москвы — Кремле и Зарядье.

Оставив в стороне плохо датированные и сильно нарушенные комплексы, в которых керамика перемешана, а также комплексы, связанные с выработкой керамических изделий, где соотношение типов керамики отражает лишь данный момент произ-

Р и с. 22.

Схема распространения второго и третьего культурных слоев в границах Москвы до середины XVII в.

- — культурный слой XI—XII вв.;
- — культурный слой XII—XIV вв.;
- — культурный слой XIV—XVII вв.
- — укрепления XV—XVI вв.

водства, а не ассортимент керамики, находящейся в этот период в употреблении, мы все же располагаем для статистической обработки 54 группами керамики из разных комплексов, включающими в общей сложности 44581 фрагмент. Мы не принимали здесь в расчет малочисленных групп керамики, которые, как указывалось выше, не дают верного представления о соотношении типов. Наименьшая группа керамики включает 109 фрагментов, наибольшая — 7684 фрагмента. Результаты распределения этого материала по полустолетиям²²⁵ и вычисления для указанных периодов минимального, максимального и среднего процента керамики каждого типа представлены в табл. 15.

Из приведенной таблицы видно, что при вычислении состава керамики с точностью до десятых, а в отдельных случаях — до сотых долей процента тенденция изменения соотношения типов керамики обнаруживается лишь в общем виде, в отдельных же случаях имеются довольно значительные отклонения от этой тенденции. Так, при совершенно ясно выраженной общей тенденции к уменьшению процента черной лощеной керамики по мере удревнения культурного слоя в отдельных случаях наблюдается рост этого процента (например, в комплексе 8 — 9,3%, а в комплексе 9 — 16,6%). Это явление объясняется, с одной стороны, самим характером материала, так как производился подсчет фрагментов, а сосуды могут разбиваться на большее или меньшее количество кусков, и лишь при больших массах керамики средние цифры не будут колебаться. С другой стороны, как мы говорили выше, в распространении отдельных типов керамики можно проследить и определенную не

хронологическую закономерность. В жилых и хозяйственных комплексах одного и того же времени процент, например, черной, лощеной керамики типа 3 и красной керамики типа 6 не будет одинаков.

Эта неравномерность исчезает при вычислении среднего процента каждого типа керамики от общего ее количества в данный хронологический период. Однако и при таких подсчетах на общей картине распространения керамики отражаются в известной мере и случайные факторы. Мы имеем в виду те отдельные фрагменты поздней керамики, которые попадают в древние слои вместе со сваями построек и при иных строительных работах, а также те отдельные фрагменты древней керамики, которые попадают в поздние слои в результате перекопов. Те и другие элементы легко выделяются прежде всего незначительностью процента, который они составляют в данной группе.

Но имеются и типы керамики, которые также представлены лишь несколькими фрагментами (в лучшем случае — десятками фрагментов), но отнюдь не являясь случайными и имеют большое значение для датировки слоя. Это — прежде всего наиболее древние типы керамики, как привозной, так и местной — типа 16 (амфоры), 15 (раннекруговая) и 14 (поливная ранняя), а также тип 9 (поливная привозная керамика, условно называемая иногда золотоордынской). Их редкость обусловила то, что в большинстве случаев, как говорилось выше, эти фрагменты учитывались отдельно от массового материала как индивидуальные находки. Для статистических подсчетов они непригодны в силу своей малочисленности, и мы сознательно исключаем их из наших диаграмм.

Таблица 15. Состав керамики культурного слоя Москвы

Тип керамики	Век																																	Тип керамики					
	XVII			XVI					XV					XIV					XIII					XII			XI			Всего									
	Количество	Мин. — макс., %	Средн., %	Количество	Мин. — макс., %	Средн., %	Количество	Мин. — макс., %	Средн., %	Количество	Мин. — макс., %	Средн., %	Количество	Мин. — макс., %	Средн., %	Количество	Мин. — макс., %	Средн., %	Количество	Мин. — макс., %	Средн., %	Количество	Мин. — макс., %	Средн., %	Количество	Мин. — макс., %	Средн., %	Количество	Мин. — макс., %	Средн., %	Количество	Мин. — макс., %	Средн., %		Количество	Средн., %			
1	9	0,1—2,2	0,3	7	0,2—0,6	0,2	—	—	—	4	0—0,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20	0,05	1	
2	13	0,3—0,6	0,4	10	0,2—1,2	0,3	21	0,2—1,1	0,7	35	0—1,0	0,2	23	0—1,0	0,4	7	0—2,0	0,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	113	0,25	2	
3	572	15,1—25,1	18,8	150	5,4—9,3	5,8	143	1,0—16,6	4,5	110	0—1,8	0,8	41	0—1,4	0,7	1	0—0,05	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1047	2,3	3	
4	1121	22,7—51,3	36,9	918	33,6—36,1	35,5	1358	35,3—54,3	42,9	1676	0,4—33,5	12,3	323	0—9,7	6,1	4	0—0,2	0,1	1	0—0,3	0,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5418	12,1	4	
5	857	13,5—50,6	28,2	586	20,2—33,6	22,7	456	3,3—39,5	14,4	1670	3,0—28,9	12,3	449	2,5—21,4	8,5	56	0,3—13,6	1,8	20	1,6—2,0	1,9	6	0—1,5	0,2	82	0—3,0	1,3	24	0—6,0	1,2	31	0—6,0	3,2	—	—	—	4237	9,5	5
6	448	0—17,3	14,7	789	21,7—32,0	30,5	1150	14,3—40,0	36,3	6834	11,2—80,0	50,3	2891	22,5—83,1	54,9	1138	18,0—74,1	38,6	244	18,0—24,3	22,5	572	0—29,1	18,0	556	0,4—17,5	8,6	112	0—9,0	5,7	39	0—7,7	4,0	—	—	—	14823	33,2	6
7	13	0—0,7	0,4	34	0—1,6	1,3	35	0,2—1,8	1,2	991	0—11,5	7,3	303	1,0—10,7	6,1	34	0,05—6,3	1,1	74	6,2—9,0	6,8	7	0—0,9	0,2	155	0—8,0	2,4	78	0—5,6	4,0	31	0—6,0	3,2	—	—	—	1755	4,0	7
6/8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	525	—	4,0	—	—	—	335	—	10,9	180	—	16,6	930	—	29,3	180	0—17,1	2,7	1	0—2,3	—	—	—	—	—	—	2151	4,8	6/3	
8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1657	0—33,7	12,3	1080	11,8—29,7	20,6	1407	5,6—63,0	45,8	464	39,0—43,3	42,9	1652	37,6—83,8	52,3	4787	45,5—91,0	74,6	1010	18,0—93,9	51,8	320	28,0—56,0	33,5	90	0—55,0	41,7	12467	28,2	8
9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	0—0,3	0,1	4	0—0,5	0,1	1	0—0,1	0,1	2	0—0,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	—	9		
10	1	—	—	23	0—1,1	1,0	1	0—0,1	—	13	0—1,6	0,1	14	0—3,5	0,2	20	0—6,3	0,7	29	0—9,0	2,8	—	—	—	221	0—20,6	3,4	368	4,9—56,8	18,9	437	33,3—69,6	45,6	118	39,0—94,7	54,1	1245	2,9	10
11	—	—	—	24	0—1,1	1,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	0—3,2	0,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	35	—	11		
12	7	0—2,2	0,3	43	0—2,2	1,7	—	—	—	38	0—11,9	0,3	108	0—32,8	2,1	5	0—0,3	0,2	31	0—9,0	2,9	—	—	—	234	0—14,4	3,6	237	0—16,9	12,7	60	0—12,0	6,3	3	0—5,3	1,3	766	1,8	12
13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14	0—5,1	0,1	19	0—5,1	0,3	—	—	—	37	0—12,0	3,4	—	—	—	147	0—8,4	2,8	118	0—8,3	5,7	33	0—6,4	3,3	3	0—11,8	1,3	371	0,9	13
14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	0—0,5	—	1	0—0,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	0—0,05	—	—	—	—	1	0—0,2	0,1	—	—	—	7	—	14
15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	0—0,6	0,3	3	0—1,8	1,3	7	—	15
16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	0—0,07	—	1	0—2,3	—	1	0—0,2	0,1	1	0—1,0	0,3	6	—	16
Не опр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	—	Не опр.		
Всего	3041	—	100	2584	—	100	3164	—	100	13583	—	100	5258	—	100	3072	—	100	1081	—	100	3169	—	100	6414	—	100	1949	—	100	961	—	100	218	—	100	44494	100	Всего

Прежде, чем перейти к анализу этих таблиц, нужно еще оговориться, что выделенная при раскопках в Кремле переходная от серой к красной «красно-серая» керамика, обозначенная в таблицах под рубрикой $\frac{6}{8}$, учитывалась лишь для вычисления общего количества и процентов керамики, но не может пока быть использована для характеристики и хронологического определения культурного слоя, поскольку при работах в Зарядье она еще не выделялась.

Наиболее распространенной из древних типов керамики, безусловно, была курганная керамика типа 10. В конце XI — начале XII в. ее встречается даже больше, чем керамики других типов вместе взятых — около половины (54,1%) всех находок. В первой половине XII в. процент ее остается таким же, а в отдельных группах керамика типа 10 достигает даже 69% и уж никогда не составляет менее трети всех находок керамики (33,3%).

Во второй половине XII в. керамика типа 10 встречается реже (18%). Есть группы, в которых ее меньше 5%, но в некоторых других по-прежнему можно встретить еще около половины (даже до 56%) курганных черепков. Резкое падение процента керамики типа 10 продолжается и в первой половине XIII в. В ряде комплексов она уже не встречается вовсе и никогда не составляет более 20%, средний же ее процент в этот период — всего 3,4. В дальнейшем керамика курганного типа встречается в культурном слое лишь случайно. Максимальное содержание ее в комплексах не превышает нескольких процентов, а в среднем составляет доли процентов. Это — результат перекопов древних слоев.

Другой выделенный нами тип древней керамики — красная ранняя

(13), присутствует в нижних горизонтах культурного слоя в незначительном количестве. В конце XI — начале XII в. средний ее процент всего 1,3, а максимальный — не более 1,8. В XII в. этот процент повышается (в первой половине — в среднем 3,5%, а во второй — 5,7%). Впрочем, разница в 2,2% не столь существенна. В первой половине XIII в. красная ранняя керамика составляет уже всего 2,8% находок, а в послемонгольских слоях отсутствует вовсе. То обстоятельство, что в первой половине XIV в. мы снова обнаруживаем 3,4% этой керамики, по-видимому, результат какой-то случайности. Во второй половине того же столетия ее опять нет вовсе, а в слоях XV в. — лишь отдельные фрагменты.

Серая керамика типа 8 с самого начала составляет немного более трети всех находок керамики. Еще на рубеже XI и XII вв. в отдельных комплексах ее даже больше, чем курганной (до 55%). Во второй половине XII и первой половине XIII в. содержание серой керамики в слое сильно увеличивается, достигая к середине XIII в. в среднем $\frac{3}{4}$ всех находок (74,6%), а в отдельных комплексах даже 91%, и никогда не менее 45%. Ни один тип керамики не господствует в какой-либо период столь безраздельно. Но со второй половины XIII в. содержание серой керамики в слое также резко снижается, в XIV в. средний ее процент — 42,9—45,8, в первой половине XV в. — 20,6, во второй половине того же столетия — 12,3. Позже серая керамика не встречается вовсе.

Снижение процента серой керамики связано с почти таким же стремительным возрастанием доли красной керамики типа 6. Учитывая особенности производства керамики типа 6,

о которых говорилось выше (в частности горновой обжиг), мы должны признать небольшой процент этой керамики, встречающийся в XII в. (в среднем 4,0—5,7), либо результатом перекопов, либо ошибкой определения, так как отдельные фрагменты серых сосудов типа 8, случайно лучше прокалившиеся в домашней печи, могут быть иногда определены как красные.

Выше уже говорилось, что даже в таких крупных ремесленных центрах, как Киев, красные сосуды типа 6 относятся не ранее чем к первой половине XIII в. В Москве горновой обжиг, видимо, стал распространяться со второй половины XIII в. Но и в этот период керамика типа 6 в ряде комплексов вовсе отсутствует, а максимальный процент ее — всего 29,1. Средний же процент керамики типа 6—18, но к концу следующего столетия он вырастает более чем вдвое (38,6%), а в первой половине XV в. красная керамика абсолютно преобладает, составляя более половины (54,9%) всего керамического материала, а в отдельных комплексах — более 83%. Но с этого периода начинается спад, вызванный развитием производства керамики типов 4 и 5. Во второй половине XV в. красная керамика еще преобладает, но уже к концу XVI в. ее всего 30,5%, а в первой половине XVII в. — 14,7%. Ряд комплексов к этому времени вовсе не содержит красной керамики. Мы уже говорили выше, что производство ее в Москве продолжалось и что в Гончарной слободе и в середине XVII в. производили много красной кухонной посуды, благодаря чему процент керамики типа 6 там значительно выше. Все же развитие восстановительного обжига обуславливается в XV в. рост содержания в культурном слое центральных райо-

нов Москвы черной мореной керамики типа 4, а применение белой гжельской глины — белой керамики типа 5. Отдельные фрагменты керамики типа 4 случайно попали и в слой XII в., но производство ее, по-видимому, наладилось лишь в XV столетии и особенно развилось в XVI в. К концу XV в. средний процент керамики типа 4 составлял всего 12,3, а в середине XVI в. — уже 42,9%. В дальнейшем некоторое снижение среднего процента мореной керамики (35—36%) объясняется ростом производства черной лощеной керамики типа 3.

Рост производства черной лощеной керамики определенно прослеживается лишь в начале XVI в.; к середине же XVII в. ее насчитывается в среднем около пятой части всей керамики (18,8%), а в некоторых комплексах — и четверть (25,1%).

Белая керамика типа 5 до конца XIV в. встречена лишь в небольшом проценте (в среднем — от 0,2 до 3,2%). Но эти находки нельзя считать случайными. Скорее следует предположить, что в районе Москвы существовали тогда какие-то небольшие линзвы глины, пригодной для изготовления белой керамики, которыми время от времени пользовались московские гончары. С XV же века наблюдается неуклонный рост процента белой керамики. В первой половине XV в. ее в среднем — 8,5%, а к середине XVII в. — 28,2%. А если взять комплексы с максимальным содержанием белой керамики, то процент ее за то же время возрастает с 21,4 до 50,6. В середине XVII в. встречаются комплексы, в которых керамика типа 5 составляет более половины всех находок, что, видимо, и ввело в заблуждение некоторых исследователей. Мы решительно возражаем против предположения, что жи-

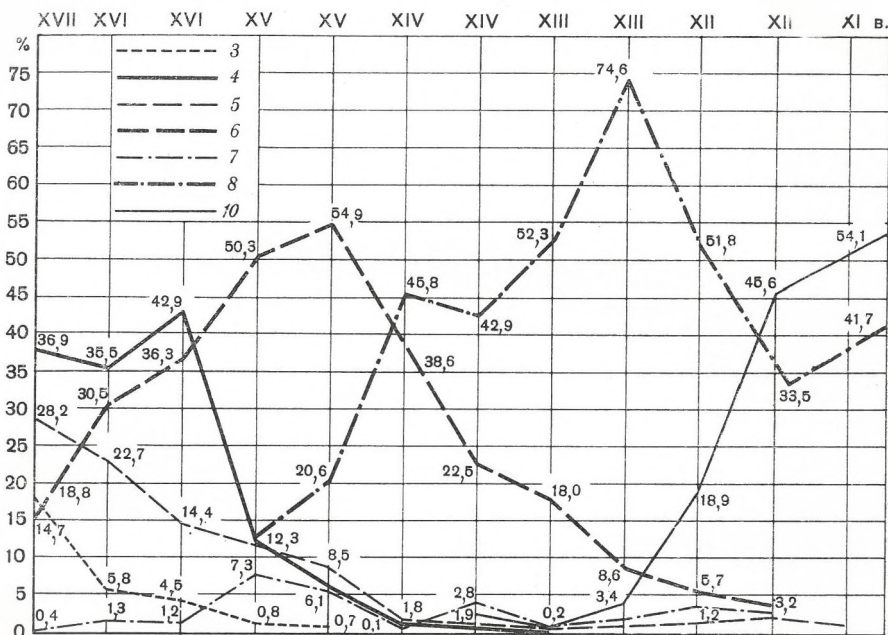

Рис. 23.

Распространение главнейших типов керамики в культурном слое центральных районов Москвы. Цифрами 3—8, 10 обозначены типы керамики

тели Москвы в этот период пользовались в основном посудой гжельского производства. Скорее можно говорить о привозе из Гжели глины.

Наименее показательным является содержание в культурном слое центральных районов Москвы красной лощеной керамики типа 7. Она встречается в незначительном количестве во всех горизонтах. С нашей точки зрения, присутствие ее в слоях XII—XIII вв. (в среднем — 0,2—4,0%) является результатом перекопов. Во многих комплексах в это время керамика типа 7 и вовсе отсутствует. Но в XIV—XV вв. красная лощеная керамика встречается повсюду, хоть и в незначительном проценте (в среднем — от 1,1 до 7,3%, максимум — 11,8%). Это — время ее

распространения и производства. Вспомним, что к XV в. относятся остатки производства этой керамики, вскрытые в раскопе VI в Зарядье (комплекс 17). В XVI и XVII в. процент красной лощеной керамики снова падает до 0,4—1,2 (в среднем). Нам кажется, что в этих случаях найденные отдельные красные лощенные черепки могли принадлежать и чернолощеным сосудам, так как известно, что при недостаточно четко проведенном восстановительном режиме обжига некоторые части лощенных сосудов из красной глины могут сохранить красный цвет, в то время как другие их части будут черными.

Встречаются в это время изредка и краснolощенные сосуды.

Ангобированная керамика типа 2 довольно четко укладывается в границы XIV—XVII вв. Процент ее повсюду незначителен и для датировки играет роль не самый факт находки ангобированных черепков, а характер ангоба (нанесение его пятнами или сплошь, присутствие или отсутствие росписи по ангобу и т. п.), о чем уже говорилось в разделе II настоящей работы.

Поливная посуда типа 1 встречается только в конце XVI и первой половине XVII в. и то лишь в долях процента. Поливная керамика типа 9 встречается еще реже, но и она имеет ограниченный период бытования — со второй половины XIII до середины XV в.

Наконец, есть типы керамики, которые как будто бы не подчиняются какой-либо закономерности. Таков тип 12 — серая толстостенная керамика. Он в небольшом количестве встречается повсюду, но, кажется, чаще — в домонгольских слоях. Этот тип нужно еще точнее определить, прежде всего с точки зрения технологии производства.

Городищенская керамика типа 11 попала в наши раскопки лишь дважды и при том в поздних слоях. Но это — явная случайность, так как находки подобной керамики на сельских поселениях домонгольского времени продолжают.

Предлагаемые кривые распространения основных типов керамики (рис. 23) отражают описанный выше процесс развития московского гончарного производства. Если общая линия развития видна лучше всего по кривым среднего процента керамики (кривые минимума и максимума отражают иногда случайные колебания), то основные хронологические границы бытования каждого типа четче всего выявляются по кри-

вым минимумам, не отражающим единичных и случайных находок.

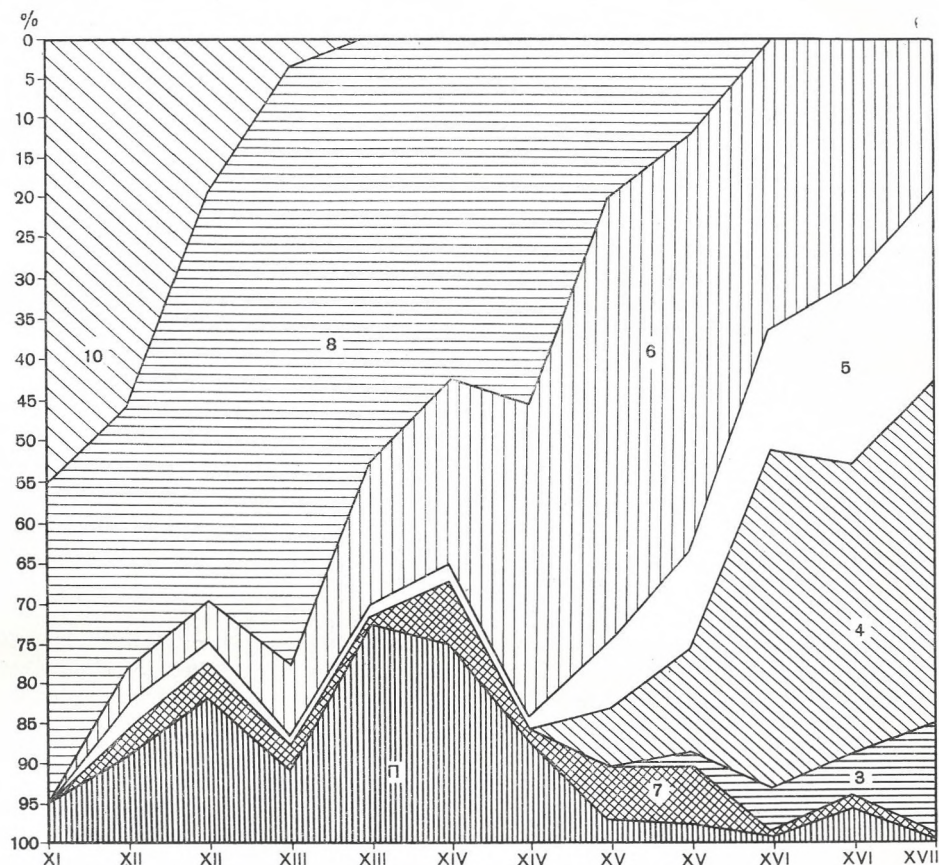
Попробуем теперь выявить состав керамики, характерный для второго и третьего культурных слоев центральных районов, в различные хронологические периоды. Для удобства мы принимаем следующие градации:

1. Единичные находки — менее 1%.
2. Редко встречающаяся — 1—5%.
3. Встречающаяся — 5—20%.
4. Часто встречающаяся — 20—40%.
5. Преобладающая свыше 40% (см. рис. 25).

В первой половине XVII в. часто встречаются мореная керамика типа 4 и белая керамика типа 5. Встречаются черная лощеная типа 3 и красная типа 6. Имеются единичные находки поливной типа 1 и ангобированной керамики типа 2, а также красной лощеной типа 7. Находки курганной типа 10 и серой толстостенной типа 12 (также единичные) следует считать случайными. Характерно для этого времени преобладание керамики восстановительного обжига — мореная и чернолощенная вместе составляют более половины (а иногда — и свыше трех четвертей) всех находок керамики. Важно также присутствие (хоть и единичных находок) в каждом комплексе поливной керамики типа 1.

Отличительной чертой слоев второй половины XVI в. является резкое падение процента чернолощенной керамики при сохранении высокого содержания мореной керамики типа 4 и столь же резком росте содержания красной керамики типа 6, которая составляет обычно около трети всех находок. Однако преобладающей в этот период является по-прежнему керамика восстановительного обжига — 3 и 4 типы вместе

Р и с. 24.

Соотношение главных типов керамики в культурном слое центральных районов Москвы (диаграмма)

Цифрами 3—10 обозначены типы керамики; п — прочие типы

дают свыше 40%, а иногда — до половины всех находок. Часто встречается белая керамика типа 5. В каждом комплексе попадаются единичные находки ангобированных черепков типа 2, а поливные черепки — не в каждом комплексе. Единичные находки керамики остальных типов (7, 10, 11, 12) указывают на перекопы древних слоев.

В первой половине XVI в. преобладает мореная керамика типа 4, а черная лощеная встречается редко. Все же вместе они, как и раньше, дают половину керамического материала. Часто встречается красная керамика типа 6, встречается белая типа 5. Находки ангобированных черепков единичны. Единичные же находки поливной типа 1 и редко встре-

чающиеся краснолощенные черепки указывают на перекопы.

XV век отмечен решительным преобладанием красной керамики типа 6, которая обычно составляет около половины находок. Встречается мореная керамика типа 4 и белая типа 5 примерно в одинаковом проценте. Важным признаком слоев XV в. является то, что в них можно встретить иногда до 10% красной лощеной керамики типа 7. Первую половину этого столетия можно отличить от второй по уменьшению процента мореной керамики типа 4 (которая во второй половине столетия встречается в каждом комплексе, а в первой половине — не в каждом), а также по росту содержания серой керамики типа 8. Она встречается и во второй половине столетия, но в первой встречается часто, составляя иногда до 30% всех находок. Характерными для первой половины XV в. являются единичные находки поливной привозной керамики типа 9. Единичные же находки, как поздней поливной керамики типа 1, так и ранних типов 10, 12 и 13, следует считать указаниями на перекопы. Ангобированная керамика типа 2 тоже попадает лишь в виде единичных находок, но черепки, покрытые ангобом, пятнами, для XV в. характерны. Комплексы конца XV — начала XVI в. содержат обычно один-два чернолощенных черепка.

В слоях XIV в. преобладает серая керамика типа 8, хотя часто встречается и красная типа 6. Вместе они составляют более двух третей всех находок. Белая керамика встречается редко. Имеется красная лощеная керамика. Характерны единичные находки поливной керамики типа 9. Первую половину XIV в. по составу керамики трудно отличить от второй. Здесь можно отметить лишь некото-

рое снижение процента красной керамики типа 6 и возрастание процента керамики курганного типа.

Слой XIII в. отмечен еще более определенным преобладанием серой керамики типа 8, которая в первой половине этого столетия достигает трех четвертей всех находок, а в отдельных комплексах даже превышает 90%. Из остальных типов керамики встречается красная (6), редко — белая (5).

Вторую половину XIII в. можно отличить от первой по присутствию отдельных фрагментов поливной керамики типа 9 и в два с лишним раза большему содержанию красной керамики (в отдельных комплексах второй половины XIII в. ее можно встретить около трети, в первой же половине столетия — менее пятой части, а обычно — менее десятой). В первой половине XIII в. встречается, хоть и еще редко, керамика курганного типа и красная ранняя.

Во второй половине XII в. преобладает серая керамика типа 8 (около половины находок, а в некоторых комплексах — по-прежнему более 90%). Красной встречается не более 10% (обычно — около 5%). Больше (до $\frac{1}{5}$ общего количества) было керамики курганного типа. Красной ранней столько же, сколько и красной типа 6. Встречается и серая толстостенная. Редко встречается белая типа 5 и красная лощеная.

В первой половине XII в. преобладает курганная керамика типа 10. Серая встречается часто, но обычно составляет всего треть общего количества. Редко встречающиеся фрагменты белой, красной и красной лощеной керамики следует, кажется, признать случайными, как и единичные фрагменты мореной. А единичные фрагменты ранней поливной керамики типа 14, раннекруговой

Век		XVII	XVI		XV		XIV		XIII		XII		XI
Т и п ы к е р а м и к и	1	0,3	0,2										
	2	0,4	0,3	0,7	0,2	0,4	0,3						
	3	18,9	5,8	4,5	0,8	0,7							
	4	36,9	35,5	42,9	12,3	5,1	0,1	0,1		0,2		0,4	
	5	23,2	22,7	14,4	12,5	5,5	1,8	1,9	0,2	1,3	1,2	3,2	
	6	14,7	30,5	36,3	30,3	54,9	38,6	22,5	18,0	8,6	5,7	4,0	
	7	0,4	1,3	1,2	7,3	5,1	1,1	6,8	0,2	2,4	4,0	3,2	
	6/8				4,0		10,9	16,6	29,3	2,7			
	8				12,3	20,5	45,8	42,9	52,3	74,6	51,3	33,5	41,7
	9					0,1	0,1	0,1	ед.				
	10	ед.	1,0	ед.	0,1	0,2	0,7	2,8		3,4	18,9	45,6	54,1
	11		1,0				0,4						
	12	0,3	1,7		0,3	2,1	0,2	2,9		3,6	12,7	6,3	1,3
	13				0,1	0,3		3,4		2,8	5,7	3,3	1,3
	14				ед.	ед.				ед.		0,1	
	15											0,3	1,3
16									ед.	ед.	0,1	0,9	

Р и с. 25.

Соотношение главнейших типов керамики в культурном слое центральных районов Москвы

ед. — менее 1%;

— 1,1—5%;

— 5,1—20%;

— 20,1—40%;

— свыше 40,1%;

12,4 — средний процент керамики типа

типа 15 и амфор (тип 16) характерны для слоя в особенности в центральных частях города (амфоры, как уже говорилось, найдены пока только в Кремле).

Керамика из нижних горизонтов культурного слоя, датированных в тех местах, где удалось собрать керамический материал, концом XI — началом XII в., по количественному соотношению типов мало отличается от керамики первой половины XII в. Преобладает курганная, часто встречается серая, красная ранняя, единичны фрагменты раннекруговой керамики и амфор. Можно лишь предположить, что преобладание курганной керамики (иногда до 95%) — это ее самый высокий уровень, а единичные фрагменты раннекруговой — остатки того более раннего времени, когда такая керамика составляла больший процент. Но это, конечно, лишь предположение, которое следует проверить на комплексах второй половины XI в., когда таковые будут открыты.

Теперь же мы можем говорить, что ведущим типом московской керамики в конце XI и первой половине XII в. была курганная, со второй половины XII до конца XIV в. — серая, с конца XIV до конца XV в. — красная, в XVI и первой половине XVII — керамика восстановительного обжига — мореная и чернолощенная.

Мы рассмотрели стратиграфию культурного слоя центральных районов Москвы в основном в пределах территории, которую занимал город к середине XVII в.

Наблюдения за распространением трех основных горизонтов культурного слоя позволяют проследить в

главнейших чертах характер роста Москвы в XI—XVII вв. Мы видели, что за первые четыре столетия своего существования город не слишком вырос. Для этого времени характерна асимметричная планировка города с феодальным центром на кремлевском мысу и небольшим посадом, вытянувшимся в основном по берегу Москвы-реки. Главной магистралью служила Великая улица, соединявшая Кремль с пристанью.

Последующие столетия отмечены бурным ростом московских посадов, развитием той радиально-кольцевой планировки города, которая является отличительной его чертой и в наши дни. Магистралями города становятся улицы, идущие от центра к периферии. Продолжением некоторых из них стали важные сухопутные дороги.

В дальнейшем одной из главных задач исследования Москвы нам представляется уточнение времени ее возникновения и древнейшей территории. Древнейшие горизонты культурного слоя вскрыты пока на незначительной площади. Необходимы дальнейшие раскопки в Кремле на оконечности мыса (эта территория была, по-видимому, древнейшим ядром города), а также в районах Соборной и Ивановской площадей и Тайницкого сада. Пожалуй, не менее важно проследить характер роста Москвы в XIV в., когда начался период ее возвышения. Для этого нужны в первую очередь археологические исследования в нагорной части Китай-города.

Наконец, много интересного ожидает археологов при исследовании культурного слоя ремесленных районов периферии древнего города и окрестных сел.

Примечания

- 1 См., например: *И. Е. Забелин*. История города Москвы, ч. I. М., 1905; *Н. А. Скеорцов*. Археология и топография Москвы. М., 1913.
- 2 *Т. С. Пассек*. Культурный слой древней Москвы. «По трассе I очереди Московского метрополитена». Л., 1936, стр. 92.
- 3 *Е. И. Горюнова*. Итоги работ археологического надзора на строительстве II очереди Московского метрополитена. МИА, № 7, 1947.
- 4 *Ф. В. Котлов*. Культурный слой Москвы и его инженерно-геологическая характеристика. «Очереди гидрогеологии и инженерной геологии Москвы и ее окрестностей». М., 1947.
- 5 *Г. П. Гроздилов, П. Н. Третьяков*. Описание находок из раскопок в Старой Ладоге, произведенных Н. И. Репниковым в 1909—1913 гг. «Старая Ладога». Л., 1948, стр. 76.
- 6 См.: *Б. А. Колчин*. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. I. МИА, № 55, 1956.
- 7 Тесная застройка Москвы не позволяет исследовать большие площади и в других районах. Например, на устье р. Яузы использованы все сколько-нибудь пригодные для раскопок участки; общая площадь раскопок — всего около 400 кв. м.
- 8 *М. Г. Рабинович*. Московская керамика. МИА, № 12, 1949.
- 9 Например: *А. Б. Салтыков*. Русская керамика XVII—XIX вв. М., 1952.
- 10 Здесь и в дальнейшем определение сосудов, изготовленных на ручном или ножном гончарном круге, сделано условно. Мы соглашаемся с мыслью А. А. Бобринского, что применяемые археологами методы определения древней технологии гончарного производства, в особенности признаки для определения ножного и ручного гончарных кругов, еще несовершенны и нуждаются в дальнейшем уточнении (*А. А. Бобринский*. К изучению техники древнерусского гончарства. «Вестник МГУ», 1962, № 2). Все же на территории Москвы техника вытягивания сосуда из одного куска глины и снятия готового изделия с круга с помощью нитки — более поздняя, чем спиральный налеп с подсыпкой песка.
- 11 *М. Г. Рабинович*. Московская керамика, стр. 66.
- 12 *Е. Шмидт*. Гончарное искусство в древней Руси. «Баян», 1914, № 2, стр. 59.
- 13 Для глиняных игрушек это было зафиксировано (см.: *А. Денъшин*. Вятская глиняная игрушка. Вятка, 1926, стр. 19).
- 14 «Архитектурная терракота». М., 1940, стр. 94, 95.
- 15 *М. Г. Рабинович*. Московская керамика, стр. 64.
- 16 Там же.
- 17 Там же, стр. 63.
- 18 Там же, стр. 69—72.
- 19 *М. Г. Рабинович*. О древней Москве. М., 1964, стр. 292—300.
- 20 *М. Г. Рабинович*. Московская керамика, стр. 79.
- 21 ГИМ, № 78628.
- 22 *А. Б. Салтыков*. Русская керамика XVII—XIX вв., стр. 209.
- 23 Там же, стр. 44.
- 24 *М. Г. Рабинович*. Московская керамика, стр. 63.
- 25 *М. Г. Рабинович*. Раскопки в Москве на устье Яузы, стр. 13. МИА, № 12, 1949.
- 26 *М. Г. Рабинович*. Московская керамика, стр. 63. Практически в наши дни наблюдалось и изготовление белых сосудов из черных и темно-серых глин, содержащих очень мало окислов железа. Такие глины есть и в окрестностях Москвы.
- 27 *М. Б. Воеводский*. Глиняная посуда Москвы XVI—XVIII вв. по материалам, собранным при работах Метростроя. «По трассе I очереди Московского метрополитена», стр. 169.
- 28 *А. А. Потапов*. Древний погреб близ Крымской площади. «По трассе I очереди Московского метрополитена», стр. 149.
- 29 *М. Г. Рабинович*. Отчет о раскопках «Трукова городка» за 1954 г. Архив ИА, ф. I, № 985.
- 30 *А. Б. Салтыков*. Гжельская керамика. «Труды ГИМ», вып. III, 1949, стр. 5.
- 31 *Н. Н. Воронин*. Раскопки в Ярославле. МИА, № 11, 1940, стр. 186.
- 32 *Б. А. Рыбаков*. Раскопки в Звенигороде. МИА, № 12, 1949, стр. 128, 129.
- 33 *М. К. Каргер*. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 296.
- 34 *М. Г. Рабинович*. Московская керамика, стр. 61.
- 35 *А. П. Смирнов*. Сувар. «Труды ГИМ», вып. XVI, 1941, стр. 160—161; он же. Волжские булгары. М., 1951, стр. 87. Пользуясь случаем принести А. П. Смирнову благодарность за любезное разрешение ознакомиться с материалами его раскопок до публикации.

- 36 А. Ф. Дубынин. Археологические исследования в Суздале 1936—1940 гг. КСИИМК, вып. 11, 1945, стр. 94—95.
- 37 М. Г. Рабинович. Отчет о раскопках Тушкова городка в 1957 г. Приложение 5, стр. 27. Архив ИА, ф. I, № 1443.
- 38 Хранятся в ГИМ, зал 13.
- 39 См., например: А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 59.
- 40 Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма IX—XVII вв. М., 1953, стр. 11, 12; А. Ф. Медведев. Поливная керамика из Новгорода. МИА, № 117, 1963, стр. 271—273.
- 41 K. Strauss. Studien zur mittelalterlichen Keramik. Mannus—Bibliothek Lpz., 1923, N 30, S. 41—42, Abb. 3, 3—4.
- 42 K. Schuchardt. Arkona, Rethra, Vineta. Berlin, 1926, S. 57, 58, Taf. IX—X.
- 43 «Slawische Töpferei in Mecklenburg (E. Schuldt)» Schwerin, 1965, Taf. 27—29; 52, 6.
- 44 А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 150.
- 45 М. Г. Рабинович. Московская керамика, стр. 60, 61; А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 278.
- 46 «Slawische Töpferei in Mecklenburg», Taf. 33.
- 47 См.: М. Г. Рабинович. Московская керамика, стр. 64.
- 48 М. К. Каргер. Указ. соч., т. I, 1958, стр. 446.
- 49 Т. И. Макарова. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. Археология СССР. САИ, ЕИ-38, 1967, стр. 58.
- 50 В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, вып. 28. СПб., 1902, стр. 106, рис. 78; стр. 103, рис. 74, 75; табл. IX, 20—23; табл. X, 4—5.
- 51 Д. А. Авдусин любезно разрешил пользоваться неопубликованными материалами раскопок. В данном случае мы ссылаемся, в частности, на № 627, 641 и в особенности 787 и 858, происходящие из кострищ так называемого Центрального городища, представляющих собой остатки курганов IX—X вв. (Д. А. Авдусин. Раскопки Гнездовских городищ в 1953 г. «Вестник МГУ», 1953, № 11, серия обществ. наук, стр. 113—114).
- 52 Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. «Труды Новгородской археологической экспедиции, т. I. МИА, № 55, 1956, стр. 234, 235, рис. 3, 3.
- 53 А. Л. Монгайт. Старая Рязань, МИА, № 49, 1955, стр. 125—127, рис. 87, 2, 5; аналогичен Московским раннекрюговым также горшок XI в., приведенный А. Л. Монгайтом на рис. 83.
- 54 М. Г. Рабинович. Крепость и город Тушков. СА, XXIX—XXX, стр. 286.
- 55 Я. В. Станкевич. Археологическая разведка в Великолукской обл. КСИИМК, вып. 38, 1951, стр. 89, табл. 38, б.
- 56 М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 35.
- 57 Пользуясь случаем выразить глубокую благодарность Б. А. Рыбакову, Я. В. Станкевич, П. А. Раппопорту и С. А. Тарakanовой, взявших на себя труд ознакомиться с московской керамикой ранних типов и сообщивших автору ряд ценных сведений.
- 58 Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 367—374; Д. А. Авдусин, М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. «Вестник АН СССР», 1950, № 4; А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 188; М. К. Каргер. Указ. соч., стр. 422—425; Т. В. Равдина. Надпись на корчаге из Пинска. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 150—153.
- 59 М. К. Каргер. Указ. соч., стр. 424—425.
- 60 А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья (опыт хронологической классификации). СА, XV, 1951.
- 61 Р. Л. Розенфельд. Московское керамическое производство XII—XVIII вв. САИ ЕИ—39. М., 1969.
- 62 См.: Ф. В. Котлов. Указ. соч., стр. 32, 33, 58, 80, 92, 93.
- 63 М. Г. Рабинович. Московская керамика, стр. 90—92.
- 64 М. Г. Рабинович. Археологические раскопки в Москве в Китай-городе. КСИИМК, вып. 38, 1951, стр. 60.
- 65 Эта датировка, установленная В. Н. Щепкиным и А. В. Арциховским, многократно подтверждалась и в дальнейшем (см.: В. Н. Щепкин. Описание надгробий. Отчет ГИМ за 1906 г. М., 1907; Отчет ГИМ за 1911 г. М., 1913; А. В. Арциховский. Надписи, найденные на Метрострое. «По трассе I очереди Московского метрополитена».
- 66 Н. Р. Левинсон. Мастера-художники Москвы XVII в. «Труды ГИМ», вып. XXXI, 1961, стр. 13.
- 67 Датировка, обоснованная А. В. Филипповым, также многократно подтверждалась (см. А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы, т. I. М., 1938, стр. 45).
- 68 М. Григорьев. Древняя Москва. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 343; А. Ф. Дубынин, Д. А. Соболева. Надгробье Никиты Шириева из Зарядья (XVII в.). СА, 1960, № 4.
- 69 Подробнее об этих палатах см. в настоящем сборнике статью А. Г. Векслера (прим. ред.).
- 70 Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 92—95.

- 71 Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. «Памятники русского права», вып. VI. М., 1957, стр. 307.
- 72 М. Г. Рабинович. Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье р. Яузы, стр. 19, 33 и др.
- 73 Эта дата предложена и обоснована А. В. Филипповым (А. В. Филиппов. Указ. соч., стр. 45—51). Н. В. Воронов и И. Г. Сахарова, описав ряд типов архитектурных изразцов точно датированных памятников, не внесли, однако, чего-либо существенного в имевшиеся ранее сведения о датировке «ценных» изразцов (см.: Н. В. Воронов, И. Г. Сахарова. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов. МИА, № 44, 1955).
- 74 Составлено по подсчетам Г. П. Смирновой (дневник раскопа I, стр. 72, 73).
- 75 М. Г. Рабинович. Гонимая слобода Москвы в XVI—XVIII вв. МИА, № 7, 1947, стр. 63.
- 76 А. В. Филиппов. Указ. соч., стр. 32.
- 77 Составлена по подсчету Г. П. Смирновой (дневник I раскопа, стр. 95).
- 78 Составлена по подсчету Э. А. Рикмана (дневник раскопа II, стр. 25).
- 79 Глубина, как и повсюду в данной работе, указана от принятых нами нулевых точек (в Зарядье — 125, 43 м, в Кремле — 145, 46 м).
- 80 М. Гастев. Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы, ч. I. М., 1841, стр. 133.
- 81 А. Мартынов. Названия московских улиц и переулков. М., 1881, стр. 120.
- 82 «Tamoschne, Telorium, quo omnes merces quae importantur vestige pendunt», обозначение 8: in Kitai-grad. С. А. Клепиков называет этот чертеж Годуновским. С его определением и датировкой можно согласиться (см.: С. А. Клепиков. Библиография печатных планов города Москвы XVI—XIX вв. М., 1956, стр. 12—16, план 12, лист 1).
- 83 Здесь описываются только те особенности построек, которые могут служить для датировки. Общее описание усадьбы см.: М. Г. Рабинович. О древней Москве, стр. 215—219.
- 84 Н. М. Коробков. Стена Китай-города. Сб. «По трассе I очереди Московского метрополитена», стр. 116.
- 85 М. Г. Рабинович. Отчет о раскопках в Зарядье за 1950 г. Архив ИА, ф. 1, № 526, стр. 17.
- 86 Р. Л. Розенфельдт. Русский ружейный прибор начала XVII в. КСИИМК, вып. 72, 1958, стр. 94, рис. 32.
- 87 Никоновская летопись Лаптевский том. Государственная публичная библиотека им. Н. Щедрина, Рукописный отдел, л. 210.
- 88 Составлена по подсчетам Г. П. Смирновой (дневник раскопа I, стр. 112, и др.).
- 89 Х. И. Крис. О назначении кирпичного сооружения из раскопок в Зарядье (Москва). КСИИМК, вып. 77, 1959; А. Ф. Дубынин. Археологические исследования в Зарядье в 1955 г. Там же, стр. 96.
- 90 М. Г. Рабинович. Отчет о раскопках в Москве на территории Зарядья в 1950 г. Архив ИА, ф. 1, № 526, стр. 59.
- 91 Составлена по подсчетам П. И. Засурцева (дневник раскопа VI, стр. 89).
- 92 Кроме фрагментов чернолощеной керамики, следует отметить и находку одного целого черного лощеного горшка у восточной стены снаружи здания на глубине 352 см. Учет этого сосуда мог бы несколько повысить процент черной лощеной керамики, но не так существенно, чтобы изменить общие выводы.
- 93 Составлено по подсчету П. И. Засурцева (дневник VI раскопа, стр. 112 об.).
- 94 Составлена по подсчетам Э. А. Рикмана (дневник VIII раскопа, стр. 24).
- 95 Составлена по подсчету Э. А. Рикмана (дневник раскопа II, стр. 55).
- 96 См. отчет М. Г. Рабиновича о раскопках в Зарядье за 1949 г. М., 1950, Архив ИА, ф. 1, № 526, стр. 22.
- 97 М. Г. Рабинович. Московская керамика. МИА, 12, 1949, стр. 96.
- 98 Составлена по подсчету Г. П. Смирновой (дневник раскопа I, стр. 61).
- 99 С. П. Бартев. Московский Кремль в старину и теперь, т. I. М., 1912, стр. 32.
- 100 Составлена по подсчетам Г. П. Латышевой и Т. В. Равдиной. Отчет об археологических работах в Кремле в 1959 г. Архив ИА, ф. 1, № 2004, стр. 92, 93.
- 101 Отчет об археологических работах в Кремле в 1959 г. Архив ИА, ф. 1, № 2004, стр. 25—27. Подсчет керамики произведен Г. П. Латышевой.
- 102 См.: М. Г. Рабинович. Отчет о раскопках в Москве на территории Зарядья в 1949 г. Архив ИА, № 345, стр. 46; он же. Археологические раскопки в Москве в Китай-городе, стр. 48. Эту дату пожара признает и А. Ф. Дубынин, в раскопках которого дальше к северу та же прослойка встретила на глубине 5,4 м. См.: А. Ф. Дубынин. Работы Московской экспедиции. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 69.
- 103 Московский летописный свод конца XV в. ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 281.
- 104 ПСРЛ, т. XXV, стр. 279; см. также: Н. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М.—Л., 1934, стр. 91.
- 105 А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 144.

- 106 ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 270.
- 107 Определение надписи любезно сделано Л. В. Черепнинным.
- 108 М. Г. Рабинович. О древней Москве, стр. 208.
- 109 А. Ф. Дубынин. Работы Московской экспедиции, стр. 74. Однако необходимо оговориться, что слой пожара может быть датирован 1468 г. лишь условно, поскольку в 1472 г. тот же район Москвы выгорел снова. С помощью археологических находок нам не удастся разделить горизонты этих двух пожаров. В дальнейшем, если бы можно было найти в этом горизонте, например, постройку, возведенную и уже побывавших в строительстве и обгорелых бревен, это стало бы возможным.
- 110 Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 135, 136.
- 111 Составлена по подсчету П. И. Засурцева (дневник раскопа VI, стр. 65).
- 112 Там же, стр. 155.
- 113 Составлена по подсчету Г. П. Смирновой (дневник раскопа VII, стр. 35).
- 114 ПСРЛ, т. XXV, стр. 271.
- 115 Составлена по подсчетам Г. П. Смирновой (дневник раскопа VII, стр. 48).
- 116 Там же.
- 117 Составлена по подсчету Э. А. Рихмана (дневник раскопа VIII, стр. 49, 50).
- 118 М. Г. Рабинович. Материалы по истории Великого посада Москвы. «Труды Музея истории и реконструкции г. Москвы», вып. V, М., 1954, стр. 88.
- 119 См.: М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. «Труды ГИМ», вып. XXXIII, 1959, стр. 153; А. В. Арихтовский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 189.
- 120 Составлена по подсчету Г. П. Смирновой. Серая керамика в 1949 г. ошибочно считалась мореной.
- 121 Н. Н. Воронин, М. А. Ильин. Древнее Подмосковье. М., 1947, стр. 25.
- 122 Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 87.
- 123 Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 101.
- 124 А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 187.
- 125 Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович. Отчет об археологических работах в Кремле в 1959 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, № 2004, стр. 28, 29.
- 126 Эти наблюдения ведутся систематически уже в течение 20 лет Музеем истории и реконструкции г. Москвы. В них принимали участие: А. Г. Векслер, В. Б. Гиршберг, М. В. Житомирская, Ю. М. Золотов, В. И. Качанова, Г. П. Латышева, Р. В. Ни-
- колаев, Д. Н. Перцов, Н. Н. Погребова, М. Г. Рабинович, Г. П. Смирнова и др. Удалось обследовать более 400 пунктов. В основу настоящей части работы положены данные составленных указанными выше археологами паспортов объектов археологического наблюдения и соответствующих дневников. Все эти материалы хранятся в археологическом отделе Музея истории и реконструкции г. Москвы.
- 127 Аналогичные данные получены при наблюдениях на строительстве II очереди метрополитена. На ул. 25 Октября и в проезде Куйбышева обнаружен слой с находками XVI в. (см.: Е. И. Горюнова. Указ. соч., стр. 46).
- 128 М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва. М., 1957, стр. 42.
- 129 М. Г. Рабинович. Раскопки в Москве в 1950 г. КСИМК, вып. 44, 1952, стр. 123.
- 130 Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 92—96.
- 131 Там же, стр. 92—98.
- 132 М. Г. Рабинович. Отчет об археологических работах, проведенных при архитектурном и инженерном обследовании д. № 4 по Георгиевскому пер. (быв. дома Троекуровых). Архив ИА, ф. 1, № 797, стр. 27—29.
- 133 М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва, стр. 53.
- 134 В. Б. Гиршберг. Надписи из Георгиевского монастыря. «Труды Музея истории и реконструкции г. Москвы», вып. V, 1954, стр. 95—130.
- 135 М. Г. Рабинович. Отчет о раскопках у башни Кутафьи Кремля на территории Александровского сада. Архив ИА, ф. 1, № 1321, стр. 18.
- 136 См. также: Е. И. Горюнова. Указ. соч., стр. 52.
- 137 М. Г. Рабинович. Раскопки в Москве на устье р. Яузы в 1946—1947 гг., стр. 38.
- 138 Там же, стр. 19, 28.
- 139 М. Г. Рабинович. Гончарная слобода в Москве в XVI—XVII вв. МИА, № 7, 1947, стр. 57.
- 140 В. А. Малам. Горны московских гончаров XV—XVII вв. МИА, № 12, 1949, стр. 44—51.
- 141 А. П. Смирнов. Красное село. «По трассе I очереди Московского метрополитена», стр. 131—132.
- 142 Е. И. Горюнова. Указ. соч., стр. 54.
- 143 В. И. Качанова. Топография кладов Москвы и ее окрестностей. «Труды Музея истории и реконструкции г. Москвы», вып. V, стр. 136—143.
- 144 Там же, стр. 152.
- 145 М. Г. Рабинович. Материалы по истории Великого посада Москвы, стр. 90.
- 146 М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва, стр. 56.

- 147 М. Меховский. Трактат о двух Сарматиях. ЧОИДР, кн. III, 1891, стр. 137.
- 148 Ю. В. Готье. Окрестности допетровской Москвы. «Москва в прошлом и настоящем», вып. III. М. [б. г.], стр. 28—41; П. В. Сытин. История планировки и застройки Москвы. «Труды Музея истории и реконструкции г. Москвы», вып. I, 1950.
- 149 Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей, стр. 106.
- 150 Там же, стр. 110.
- 151 Там же, стр. 106.
- 152 Там же, стр. 97.
- 153 Там же, стр. 103.
- 154 М. В. Седова. Ювелирные изделия из Новгорода. МИА, № 65, 1959, стр. 245.
- 155 Э. А. Рикман. Дневник VIII раскопа, стр. 77.
- 156 Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, стр. 438.
- 157 Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей, стр. 103.
- 158 Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 87.
- 159 М. В. Седова. Указ. соч., рис. 5, 6, стр. 239—241.
- 160 Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей, стр. 106.
- 161 По подсчетам Э. А. Рикмана (дневник раскопа IV, стр. 94).
- 162 Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 102, 106.
- 163 См.: N. Rentzman. Numismatische Wappenlexicon. Halle (Saale), 1924; H. Dannenberg. Die deutschen Münzen der Sachsischen [und Franckischen Kaiserzeit. Berlin, 1876.
- 164 М. В. Седова. Указ. соч., стр. 253.
- 165 Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей; Ю. Л. Шапова. Стекланные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 172.
- 166 Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей, стр. 103, 106, 107; Ю. Л. Шапова. Указ. соч., стр. 172.
- 167 Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 99, 101, 72—73, рис. 69, № 4.
- 168 Лаврентьевская летопись, стр. 363.
- 169 По подсчету Э. А. Рикмана (дневник раскопа VIII).
- 170 А. Л. Монгайт. Археологические заметки. КСИИМК, вып. 41, 1951, стр. 136.
- 171 Там же, стр. 137.
- 172 Там же, стр. 134.
- 173 М. В. Седова. Указ. соч., стр. 255.
- 174 Там же, стр. 244; Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода, стр. 106.
- 175 А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 187, рис. 76, 2.
- 176 А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 128, рис. 4, 8.
- 177 Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей, стр. 107.
- 178 Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 81, 87.
- 179 Составлено по подсчетам Г. П. Латышевой. Дневник раскопа I (Кремль), стр. 36. Спектральный анализ стеклянных изделий из Кремля произведен Ю. Л. Шаповой (см. приложения к ст. Н. С. Шеляпиной и Г. П. Латышевой в настоящем сборнике).
- 180 См. отчет Г. П. Латышевой о раскопе I в Кремле 1959 г. Архив ИА, ф. 1, № 2004, стр. 30.
- 181 Заключение Ю. Л. Шаповой. Анализ 252:5 (см. прилож. к ст. Г. П. Латышевой в настоящем сборнике, стр. 228—229).
- 182 А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 132.
- 183 А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 187, рис. 21, 6.
- 184 Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 107, 108.
- 185 См. приложение к ст. Г. П. Латышевой, стр. 228—229, анал. 251:13 и 252:3.
- 186 Составлено по подсчетам А. Г. Векслера. Дневник раскопа II (Кремль), стр. 73—80.
- 187 Ю. Л. Шапова. Указ. соч., стр. 168.
- 188 Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. СА, 1962, № 1, стр. 27.
- 189 Ю. Л. Шапова. Указ. соч., табл. 11, стр. 166, 167; даты определены по Б. А. Колчину.
- 190 Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей, стр. 106, рис. 8; даты по его же статье: Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода, стр. 27.
- 191 Там же, стр. 101—102, рис. 6.
- 192 Составлено по подсчетам Г. П. Латышевой. Дневник раскопа I (Кремль), стр. 70.
- 193 Составлено по подсчетам А. Г. Векслера. Дневник раскопа II (Кремль), стр. 73—80.
- 194 Там же.
- 195 А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 138—140.
- 196 М. В. Фехнер. Указ. соч., стр. 169, рис. 6, 14; Т. В. Равдина. О датировке вятичских курганов. СА, 1965, № 1.
- 197 М. В. Седова. Указ. соч., стр. 248—249.
- 198 Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода, стр. 27.
- 199 Ю. Л. Шапова. Указ. соч., стр. 172.
- 200 Дневник раскопа II А. Г. Векслера, тетрадь 2, стр. 129.
- 201 См. прилож. Ю. Л. Шаповой к ст. Г. П. Латышевой, стр. 228; анал. 250—251.
- 202 Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа, стр. 120—125. Поправки в датах сделаны по работе, Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода, стр. 27.
- 203 Ю. Л. Шапова. Указ. соч., стр. 169.

- 204 М. В. Фехнер. Указ. соч., приложение II, 2.
- 205 Ю. Л. Шапова. Указ. соч., стр. 166—168, табл. 2.
- 206 Составлено по подсчетам А. Г. Векслера. Дневник раскопа II (Кремль), стр. 73—80.
- 207 Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей, стр. 106.
- 208 Там же, стр. 97.
- 209 М. В. Седова. Указ. соч., стр. 224.
- 210 По условиям археологических наблюдений не представлялось возможным отделить керамику, обнаруженную в комплексах 28 и 29. Указанная керамика найдена не в насыпи вала, а либо среди остатков комплекса 29 и сопряженного с ним предматерикового культурного слоя, либо среди остатков деревянной субструкции комплекса 28, для которой был использован и комплекс 29.
- 211 Анализ сделан доцентом Института цветных металлов и золота А. В. Турковской.
- 212 W. Hensel. Wstep do studiow nad osadnictwem Wielkopolski Wczesnohistorycznej. Poznan, 1948, стр. 197—199, рис. 65; стр. 203—208, рис. 74—75.
- 213 М. Х. Алешковский. Новгородский кремль. «Архитектурное наследие», XIV, 1962, стр. 8.
- 214 С. Ф. Платонов. О начале Москвы. Сочинения, т. I, СПб., 1912, стр. 77—79; М. Н. Тихомиров. Древняя Москва, стр. 15.
- 215 Составлена по подсчетам Г. П. Латышевой. Дневник археологических наблюдений (Кремль), 1960 г.
- 216 См. прилож. в ст. Г. П. Латышевой, стр. 228—229, ан. 270 : 13.
- 217 П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 62, 1956, стр. 26, 62, 113—114.
- 218 Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович. Отчет об археологических работах на территории Московского Кремля в 1960 г. Архив ИА, № 2128, стр. 13.
- 219 Там же, стр. 18.
- 220 А. Ф. Дубынин. К истории Московского посада. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 123.
- 221 К югу и западу от этой линии третий культурный слой вновь обнаружен и исследован при реставрационных работах в Кремле в 1963—1966 гг. См. статью Н. С. Шеляпиной в настоящем сборнике, стр. 157.
- 222 Ю. Л. Шапова. Указ. соч., стр. 3.
- 223 М. Г. Рабинович. Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье р. Яузы, стр. 40.
- 224 Р. Л. Розенфельдт. Московское керамическое производство XII—XVIII вв. М., 1969.
- 225 Более дробная разбивка, например по четвертям столетий, не представляется возможной, так как выше уже показано, что ряд комплексов датируется более длительными периодами.

Н. С. Шеляпина

**Археологические
наблюдения
в Московском Кремле
в 1963—1965 гг.**

Осенью 1963 г. в северной части Соборной площади Московского Кремля были начаты большие земляные работы, вызванные необходимостью подводки нового бетонного фундамента под стены здания бывшего Патриаршего дворца и церкви 12 апостолов — архитектурного ансамбля середины XVII в. Одновременно было решено произвести выемку грунта из подвального помещения Крестовой палаты (рис. 1). Дирекцией музеев Московского Кремля археологические наблюдения за этими работами были поручены Центральным научно-реставрационным мастерским Министерства культуры СССР. Архитектурный надзор осуществлялся главным архитектором музеев В. И. Федоровым.

Изложению результатов археологических наблюдений целесообразно предпослать краткую историческую справку о застройке митрополичьего двора — территории, на которой велись раскопки.

В письменных источниках содержатся сведения о нем, относящиеся к XIV — XVII вв. В 1326 г. двор был

перенесен от Боровицких ворот к церкви Успения. Первоначально все его парадные и жилые постройки были деревянными. Первая каменная палата с церковью Ризположения была сооружена лишь в 1450 г. В 1473 г. двор сгорел со всеми хозяйственными и служебными постройками, но вскоре был вновь восстановлен. Митрополит Геронтий в 1473—1474 гг. построил на четырех белокаменных подклетах кирпичную палату. В 1493 г. митрополит Зосима ставит три каменные кельи с подклетами. Митрополичий двор в XV в. был огражден стеной на белокаменном основании. Эту стену можно увидеть на годуновском плане Москвы 1598 — 1605 гг.

К 1589 г., когда митрополит Иов стал первым русским патриархом, в состав митрополичьего двора входили: церковь Ризположения, Малые ворота между этой церковью и Успенским собором, Малая палата, Столовая, или Белая, палата, переходы к ней от крыльца, Большая палата с крыльцом и переходы к ней, на восточной стороне митрополичье-

го двора церковь Соловецких чудотворцев (1561—1568 гг.) и на патриарших сенях домовая церковь Трех Святителей. В 1653—1655 гг. был сооружен новый каменный храм апостола Филиппа на месте разобранного храма Соловецких чудотворцев. К старому двору присоединили двор царя Бориса Годунова. Под церковью были устроены проездные ворота, а рядом поставлена колокольня. В 1680 г. церковь апостола Филиппа была переименована в собор 12 апостолов. В середине XVII в. патриарший двор был отделен стеной от царского дворца. Из всех построек патриаршего двора до нашего времени дошли почти в первоначальном виде лишь Патриаршие палаты¹.

Археологические наблюдения велись автором статьи непрерывно с октября 1963 по июль 1965 г.²

Основной задачей археологического надзора являлось исследование стратиграфии слоя в этой части кремлевского холма и выявление остатков древних строений. Выемка грунта велась послойно, шурфами 2×2 м, располагавшимися по периметру зданий, и шахтами — подбоями 2×2,5 м; 4×2 м под фундаментами стен. Грунт вынимался до материка. Вдоль стен Крестовой палаты было заложено 32 шурфа общей площадью 457 кв. м, у церкви 12 апостолов и под Патриаршими палатами — 62 шурфа общей площадью 454,5 кв. м.

Культурные напластования в отдельных шурфах имеют свои особенности, но в целом дают сходную стратиграфию.

В ходе работ было выявлено три основных горизонта культурного слоя³.

Горизонт XIII—XVI вв. В верхней своей зоне он представлял

сплошные завалы позднего строительного мусора с включениями супесчаного грунта. Напластования XVII—XIX вв. были срезаны при понижении уровня Соборной площади в 1915 г. В 1913 г. производилась срезка грунта на участках между Успенским собором, колокольней Ивана Великого и церковью 12 апостолов. В 1918 г. в открытом проезде церкви 12 апостолов грунт был вынут до уровня остатков древнего замощения. В нижней зоне первого горизонта залегал бурый, средне гумированный грунт без щепы.

Фундаментами зданий культурный слой глубоко нарушен. Глубина заложения фундамента северной стены Крестовой палаты — 3,30 м, южной — 2,30 м. Глубина заложения фундамента северной стены Патриаршей палаты — 3,00 м, южной — 1,50 м. Разница в отметках заложения фундаментов северной и южной стен зданий обусловлена характером коренного рельефа в этой части Кремля. В ходе работ четко прослеживалось довольно резкое падение его уровня от возвышенности, на которой стоял Успенский собор, к северу. Участок земляных работ в разных направлениях прорезали трассы городского коммунального хозяйства и фундаменты поздних строений из стандартного кирпича на цементном растворе.

В нижней зоне первого слоя преобладает красная кухонная посуда обычных форм и размеров, хорошо известная по раскопкам в Москве, Звенигороде, Суздале, Рузе и других русских городах⁴. Она сделана из хорошо обожженной красной кирпично-черепичной запесоченной местной московской глины. Черепок — крепкий, красного или красно-серого цвета. Встречается переходный тип керамики от серой к красной,

Р и с. 1.

Северный фасад Патриарших палат
и церкви 12 апостолов

часты находки стенок красноглиняных кувшинов и кружек с лощением вертикальными полосами (рис. 2, 1). Изредка попадалась черная мореная керамика. В первом слое представлены все три группы московской столовой ангобированной посуды XIV—XVI вв.: 1) «ситцевой» — с пятнами белого ангоба (рис. 2, 4); 2) сплошь ангобированной; 3) сплошь ангобированной с росписью, нанесенной черной либо коричневой краской. Интересны носики от кумганов с геометрическим рисунком, нанесенным белой глиной по красному черепку (рис. 2, 2). Встречались обломки сделанных в этой же технике глиняных игрушек и рукомыльников в виде стилизованных фигур животных (рис. 2, 3, 5);

XIII—XIV в. датируется массивный керамический светильник, имеющий аналогии в материалах из раскопок в Зарядье 1956 г.⁵

Резкое преобладание в первом культурном слое красной керамики при отсутствии поздней поливной датирует его концом XIII—XVI вв.⁶ Этой дате не противоречат многочисленные находки в нижней зоне первого слоя фрагментов среднеазиатской поливной полихромной посуды типа пиал «золотоордынского» времени, расписанной под глазурью растительным орнаментом (рис. 3, 1—5). Преобладают обломки глазурованных лазурных чаш с изображением летящих птиц. Большой интерес представляют немногочисленные находки в слое XIV в.

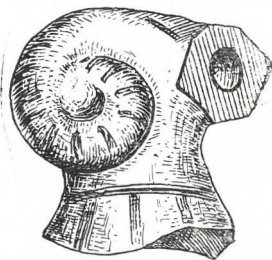
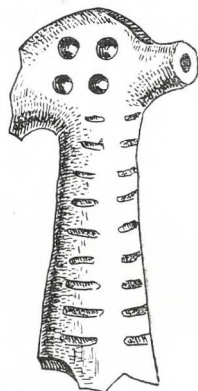
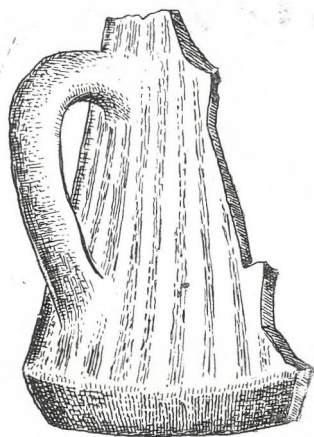

поливной бытовой керамики. В основном это кольцевые поддоны (диаметр — около 4 см) от небольших чаш, покрытых с двух сторон непрозрачной поливой зеленого цвета и мелкие обломки стенок тех же сосудов. Черепок в изломе — розоватого или серого цвета.

Восстанавливается профиль одного из таких сосудов, найденного в шурфе 10. Чаша с плавно расширяющимися стенками, по форме повторяет среднеазиатские золотоордынского времени сосуды типа пиал (рис. 4). В том же горизонте культурного слоя обнаружены обломки керамических половых плит, покрытых зеленой либо желтой глазурью. Установленная лабораторным путем идентичность кроющего слоя стекла указывает на связь производства поливной, бытовой и глазурованной строительной керамики, украшавшей раннемосковские храмы (см. приложение 1).

В нижней зоне первого слоя были найдены синие и бирюзовые стеклянные перстни со щитком западноевропейского происхождения, относящиеся ко второй половине XIII—XIV в. (рис. 6, 1—3). В отличие от русских все они — непрозрачные, изготовлены из калиево-натриево-кальциево-свинцово-кремнеземного стекла.

Горизонт XII—XIII вв. Исследование обнажений под подошвой палат и церкви 12 апостолов⁷ показало, что эти здания стоят не на коренном материковом грунте, а на гумированном культурном слое. Мощностъ его под Крестовой палатой — от 1,5 до 2,5 м, под Патриаршими палатами приблизительно до 3,3 м. Это второй горизонт культурного слоя — темнобурый, насыщенный щепой, остатками древесины, соломы, изобилующий костями домашних

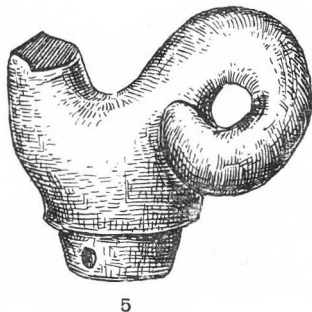
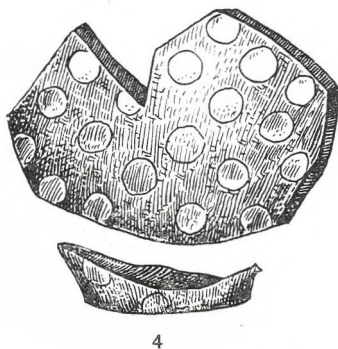

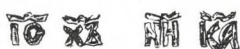
животных и керамикой. Глубокие нарушения второго слоя произвели забитые под подошвой фундаментов дубовые сваи диаметром 12—18 см, длиной — до 1,5 м. Преобладают сваи круглые, заостренные на конце, но встречаются и кантованные на несколько граней. Северная стена палат не только глубже заложена,

Рис. 2. Образцы керамики из нижнего горизонта 2 слоя

1 — часть краснолощеного кувшина; 2 — носик кумгана; 3 — носик рукомойника; 4 — обломки ангобированного сосуда; 5 — пробка

но и имеет гораздо большее число забитых под подошвой фундамента свай. Строители, видимо, учитывали неровный рельеф местности, в связи с чем опасались оползания здания к северу. Перекопы верхней зоны этого слоя отмечались также в местах многократных ремонтов и перестроек нижних частей стен и фундаментов зданий. Грунт сильно спрессовался, большая влажность его обеспечила хорошую сохранность органических веществ — древесины, кожи, бересты, растительных остатков (зерен злаков, моха, скорлупы орехов, шишек хвойных деревьев).

В верхней зоне второго слоя еще встречался вещевой и керамический материал XIII—XIV вв.: несколько бирюзовых стеклянных перстней, серьга с напускной зеленой бусиной. Аналогичные серьги «единцы» в форме вопросительного знака, состоящие из проволочного стержня с бусиной на конце — частая находка при раскопках в Новгороде, в слоях от конца XIII до XV в.⁸ В подвальном помещении Крестовой палаты в нижнем горизонте второго слоя были обнаружены два крестотельника (рис. 5, 2—3). Место находки — неглубокая яма, перекрытая остатками какой-то кирпичной выстилки. Кирпич — маломерный, размером 4,2×10×22 см. Крест — больших размеров, сделан из ляпислазури (рис. 6, 3), другой — из серовато-розового мрамора. Камни — привозные, по всей вероятности, восточного происхождения. Оковки на их концах, сделанные из листового золота, свидетельствуют о русской работе. Оглавие креста из ляпислазури закреплено подвижно. Крест из мрамора подвешивался на шнурке, входившем в петлю. Надпись на нем — — выполнена

черную с гравировкой. Палеография букв не противоречит стратиграфической дате находки. Характерно начертание буквы N с широкой низко опущенной перекладиной. На оковке верхнего конца креста из ляпис-лазури имеется надпись — граффито $\overline{1C8}$, сделанная, видимо,

его владельцем. По определению Т. В. Николаевой, кресты нужно датировать XIII в. на основании стилистических и технических данных.

Кресты-тельники, являвшиеся родовой реликвией, могли быть спрятаны в тайник вблизи церкви-предшественницы Успенского собора во время татарского нашествия. Эти высокохудожественные изделия городского ремесла, представлявшие большую ценность, дают важные сведения о социальной топографии московского поселения.

Аналогом кремлевской находке может служить крест из серого мрамора тех же строгих пропорций с оковками на концах из раскопок на Княжей Горе, датированный XIII в.⁹ Дату отложений второго горизонта — бурого гумированного грунта с четко выраженной пожарной прослойкой, определяют обломки стеклянных браслетов и киевских стеклянных бокалов, находки которых в верхней зоне слоя единичны, а в нижней — более часты.

Большая часть всей коллекции (более 200 фрагментов) стеклянных браслетов собрана на глубине 4,40—4,60 м. Этот пласт датируется, стало быть, первой половиной — серединой XIII в.¹⁰ В итоге классификации браслетов по типам и размещению в слое был проверен и нашел новое подтверждение вывод А. Ф. Дубынина о том, что «в Москве в более поздний период бытования были распространены только гладкие браслеты; они бытовали долъ-

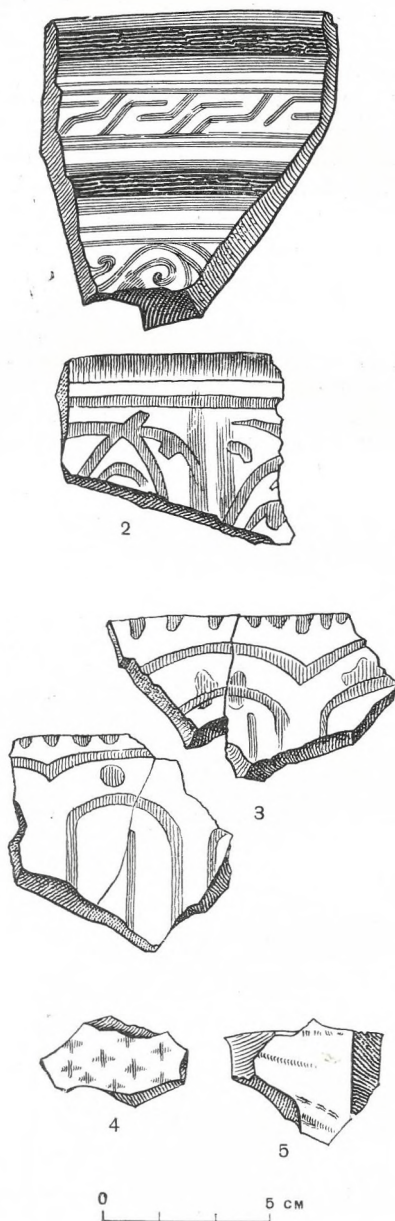

Рис. 3.

Обломки поливной «золотоордынской» керамики (1—5)

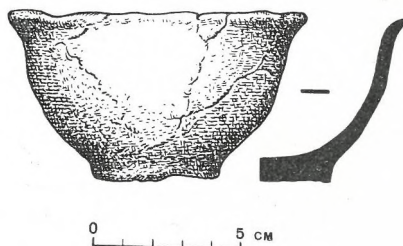

ше, чем крученые»¹¹. Браслеты из раскопок 1963—1965 гг. в количестве 177 экземпляров были исследованы в Лаборатории спектрального и структурного анализа стекла при кафедре археологии Московского государственного университета. Изучен состав 52 браслетов, из которых 15 было изготовлено из свинцово-кремнеземного стекла, 34 — из калиево-свинцово-кремнеземного, 1 — из калиево-кальциево-кремнеземного, 2 — из натриево-калиево-известково-кремнеземного. По заключению Ю. Л. Щаповой, своеобразие московских браслетов определяется тем, что на протяжении долгого времени их привозили из двух разных центров — из Киева и Смоленска. После 1240 г. синие, бирюзовые, фиолетовые браслеты уже не поступают из Киева, однако браслеты преимущественно темных цветов продолжают привозить из Смоленска. Как обычно, при раскопках русских городов в слоях, насыщенных браслетами, стеклянных бус встречено мало. Наиболее интересна фиолетовая двойная зонная бусина киевского происхождения конца XI — первой трети XIII в.¹², попавшая в засыпку края котлована, в которой были впущены нижние сруба 1.

Мельчайшие обломки тонкостенных бокалов, изготовленных из калиево-свинцово-кремнеземного стекла желтоватого цвета, относятся к воронкообразным открытым сосудам двух типов: гладких, датированных второй четвертью XI — первой третью XIII в., и орнаментированных (вторая половина XII — первая треть XIII в.)¹³. Датирующей находкой второго культурного слоя являются также овручские шиферные пряслица и обломки толстостенных корчаг-амфор для хранения

вина и масла XII—XIII вв. Диаметр внутреннего канала пряслиц — 6—7 мм. Р. Л. Розенфельдт относит их ко второй половине XII в.¹⁴

Массовые находки стеклянных ювелирных изделий, обломков киевских бокалов, привозных амфор, прибалтийского янтарного перстня XII в., овручских пряслиц и других находок убедительно свидетельствуют о типично городском характере второго слоя.

Р и с. 4.

Поливная чашечка

Керамика второго слоя — серая, неорнаментированная, в курганах не встречающаяся, шероховатая, бугристая, рыхлая в изломе, с примесью песка и кварцита в тесте. Этот тип посуды известен по раскопкам в Кремле и Зарядье и датируется второй четвертью XII — серединой XIII вв. Очень значителен процент керамики курганного типа, характерными признаками которой являются следы формовки спиральным налепом, шероховатая неровная поверхность, примесь слюды в тесте, неровный линейно-волнистый орнамент, некоторая асимметричность, иногда перекося горловины; шейка сосуда имеет обычно крутой изгиб, венчик плавно отогнут, иногда срезан к краю. Обжиг неравномерный.

Встречались также фрагменты деревянной посуды; на нескольких обломках видны следы обработки вогнутым резцом.

Во втором слое была собрана большая коллекция изделий из железа. Интерес представляют орудия обработки дерева — скобели, сверла, долота, стамески, буравы (рис. 8, 2, 3, 4, 7). Много строительно-крепежных гвоздей. Обычной находкой являются черешковые хозяйственные ножи, преимущественно небольшие, ланцетовидной формы, длиной 12—14 см (рис. 8, 5, 6), ключи и детали цилиндрических пружинных замков часто с омедненной дужкой и корпусом.

Интересны орудия, связанные с обработкой почвы. Среди них — небольшая тяпка для окучивания (рис. 8, 1).

Важно особо отметить находки, свидетельствующие о местном металлургическом производстве: обломки маленьких тигельков для плавки металла с сильно оплавленной от употребления поверхностью. О металлургическом либо кузнечном ремесле свидетельствует товарная крица, обнаруженная у сруба 6 в шурфе 25. Неоднократно были встречены губчатые сгустки металла и шлаки лепешковидной формы диаметром до 25—30 см, дающие диаметр дна небольшого металлургического горна. В разрезе они имеют пористую структуру и содержат включения древесного угля. К сожалению, принадлежность их и дата точно не установлены, так как скопления шлаков были обнаружены в забутовке белокаменной кладки стены митрополичьего двора XV в., куда они попали как случайный строительный материал. О высокой культуре кузнечного ремесла свидетельствуют наконечники

боевых стрел, орудий труда и предметов быта.

Во втором слое особенно часты находки, связанные с сапожным производством. На основании их можно составить представление о типах обуви, ее разновидностях и покрое. Наряду с отходами сапожного ремесла и инструментами мастеров — оселками для точки шильев и ножей, обломками шильев и проколок — были найдены во множестве симметричные подметки, задники с берестяными прокладками, голенища, головки сапог, иногда простые, а чаще с тиснением, верхи поршней также с тиснением, остатки полусапожек и мягких туфель, шнуры. Вся обувь сделана из хорошо продубленной кожи, окрашенной в коричневый цвет растительными дубящими веществами. Особенности производства кожи, кроя и шитья обуви те же, что прослежены при раскопках кожевенных и сапожных мастерских в Зарядье¹⁵. Следует отметить лишь находку нарядного башмака с ажурной головкой, шитого, по-видимому, для богатой горожанки. Узор в виде сплетающихся волют нанесен проколами (рис. 29, 1, 3). Хорошо сохранились найденные здесь же ножны (рис. 9) из тисненой кожи, сделанные из головки сапога.

Изделия из кости и отходы косте-резного производства встречались редко. Это — костяная сверленая

Рис. 5

Находки из раскопок в Московском Кремле

1 — печать киевского митрополита 1091—1096 гг. (а — лицевая; б — оборотная сторона); 2—3 — кресты-тельники XIII в. в золотой оправе; 4 — часть энколпиона XII в.; 5 — ярославское пуло XV в., рисунки Н. А. Баулиной

a

b

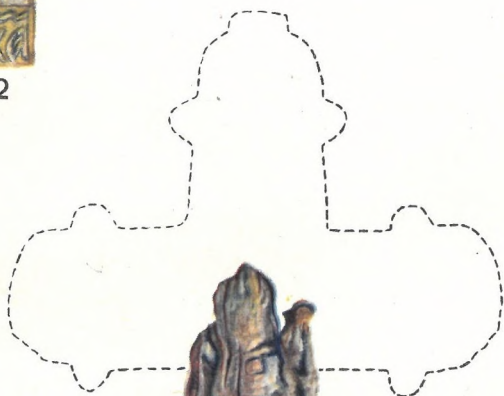
1

2

3

4

5

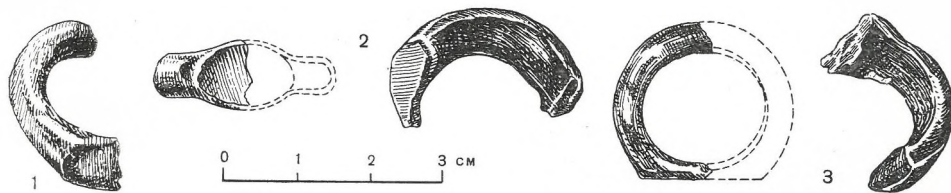
пуговица, резная пуговица в виде миниатюрной гирьки, кочедык для плетения, тупая стрела со втулкой, шашка.

Второй культурный слой подстилает нижний третий предматериковый горизонт мощностью в среднем до 0,5 м, представленный слежавшейся слабо гумированной желто-серой супесью с большим содержанием материкового гравия. Его прорезают

езде церкви 12 апостолов — на глубине 5,70 м.

Поверхность его — неровная, прослеживаются естественные западины культурного слоя. Уровень дневной поверхности первоначального заселения отмечен тонкой прослойкой гумированного грунта с угольками.

Дату третьего слоя определяет керамика, имеющая точные аналогии

Р и с. 6

Обломки стеклянных перстней (1—3)

ямы, заполненные остатками древесины, соломы, щепы, угля, навоза и битой керамики курганного типа (шурфы 5, 7, 9, 16, 17). Нижние венцы срубов 1 и 10 также нарушили третий слой, так как были опущены в котлованы глубиной более чем на 1 м.

Горизонт конца XI—XII вв. Предматериковый третий горизонт и лежащий выше второй культурный слой соответствуют третьему горизонту культурного слоя, отмеченному при ранее проведенных археологических работах в Кремле в Зарядье (см. в настоящем сборнике статью М. Г. Рабиновича «Культурный слой центральных районов Москвы»). Начальная дата их в разных местах древней Москвы различна.

В западных шурфах у северного фасада палат материк залегает на глубине 5—6,5 м, в восточном про-

с керамикой вятических курганов Подмосковья. Процент серой керамики в нижней зоне культурного слоя незначителен, что чрезвычайно важно для определения времени первоначального заселения. В нижней зоне третьего слоя керамика относится к курганному и к городищенскому типам. Встречаются толстостенные (от 6—10—12 мм) сосуды с серовато-коричневой бугристой поверхностью. Глиняное тесто — недостаточного обжига, с большой примесью песка и кварцита. Преобладают сосуды с широким, сильно отогнутым венчиком. Орнамент — линейный и волнистый, нанесен неровными горизонтальными полосами¹⁶ (рис. 7, 2—10).

Вещевым материалом третий слой беден. Здесь, в предматериковой зоне, полностью отсутствуют стеклянные браслеты¹⁷. Несколько об-

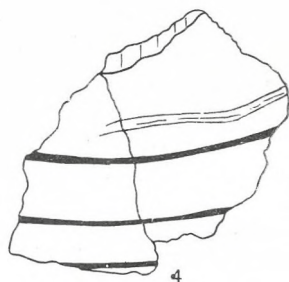
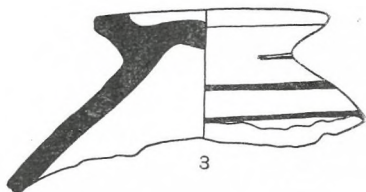
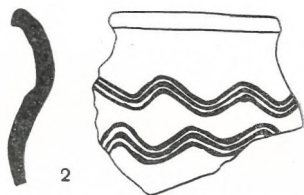
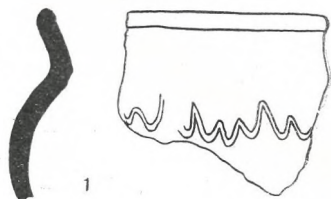
ломков их было обнаружено в шурфе 3 у церкви 12 апостолов и у срубов 1 и 10, в местах явных нарушений культурного слоя во время строительства в XII — начале XIII в. В слоях XII в. была найдена хрустальная шарообразная бусина и янтарный перстень с шестигранным щитком.

Наиболее бесспорной датирующей находкой уровня первоначального заселения явился массивный железный наконечник стрелы от самострела XI в. (рис. 10, 2), обнаруженный на материке под деревянной мостовой конца XI в. в восточном проезде под церковью 12 апостолов (шурф 4). В самой восточной части исследованной площади, в шурфе 3, на глубине 5,78 м найден фрагмент бронзового энколпиона с синей выемчатой эмалью. На лицевой стороне его литое изображение распятого Христа (рис. 6, 4). Анализ эмали помог установить его дату. Это были изделия киевских стеклоделательных мастерских XII — начала XIII в.¹⁸ (приложение 1).

Предварительный дендрохронологический анализ спила бревна из шурфа 3 примерно с той же глубины, где был найден энколпион, позволяет предположить, что энколпион относится к концу XII в.

В восточном проезде церкви 12 апостолов сохранилась нижняя зона предматерикового слоя с остатками древнейшей московской мостовой, которая предварительно может быть датирована концом XI в.

Таким образом, предматериковую зону третьего культурного слоя нужно относить к концу XI — началу XII в. Ее изучение в северных и восточных шурфах позволяет утверждать, что в домонгольское время московское поселение значительно

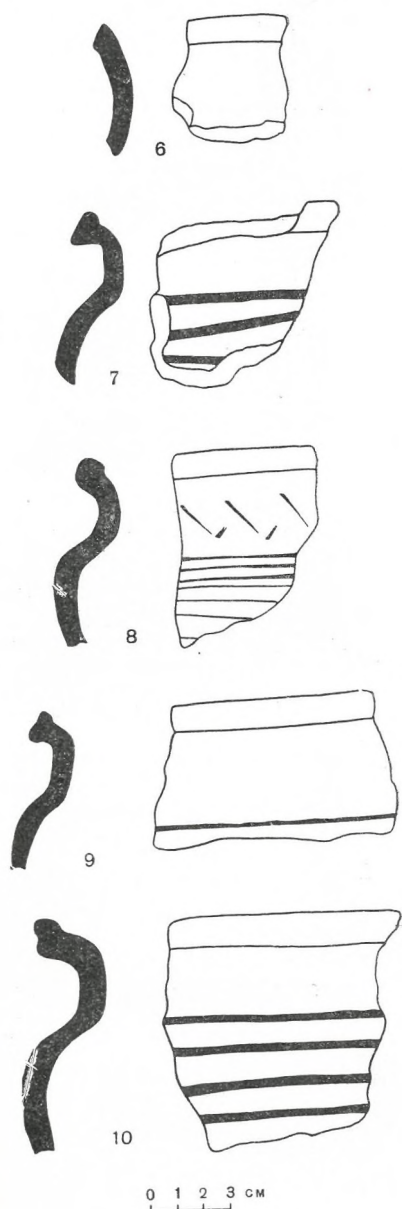

Рис. 7.

Керамика третьего культурного слоя (1—10)

продвинулось на восток, в район будущей Ивановской площади.

В северной части современной Соборной площади в конце XI — первой половине XII в. под стенами первоначальной московской крепости располагался торгово-ремесленный посад. В 1156 г. эта часть предграды, видимо, вошла в черту городских укреплений. Таким образом, можно считать доказанным, что восточная граница домонгольской Москвы проходила не в районе южной части современного здания Дворца съездов, т. е. всего в 150 м от внешней границы древнего рва, а располагалась по меньшей мере на 60—80 м восточнее.

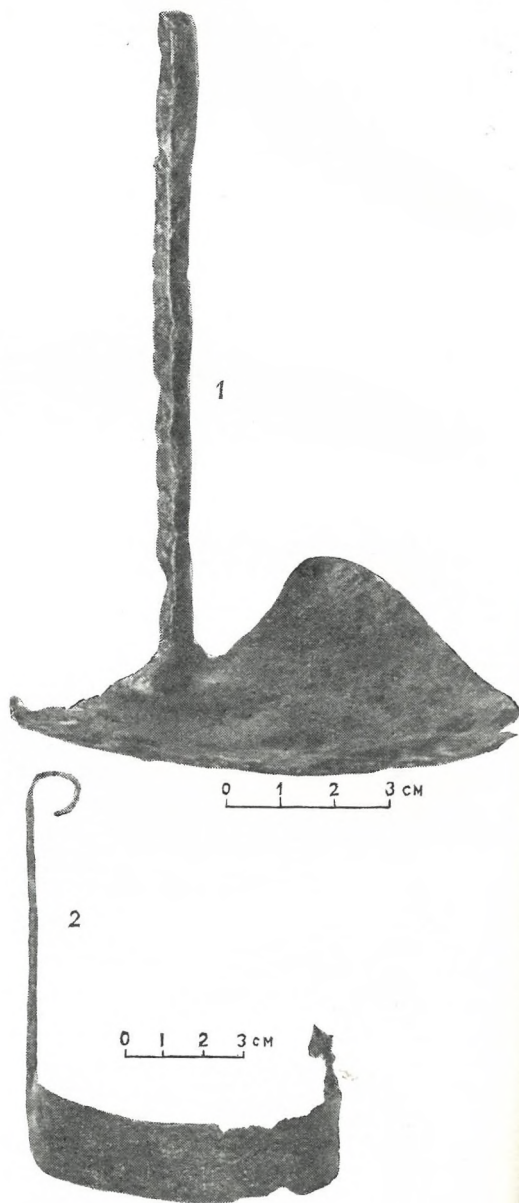
Несколько иную картину дают исследования культурного слоя в южной части Патриарших палат и у Успенского собора (рис. 11).

Археологические наблюдения за вскрытиями у северного, западного и восточного фасадов Успенского собора позволили достаточно точно установить уровень дневной поверхности 70-х годов XV в. — времени строительства Успенского собора (1475—1479 гг.). Ей соответствуют остатки кирпичной вымостки на песчаной подсыпке, обнаруженные у северного и западного фасада собора. Вымостку датирует медное пуло тверское конца XV в. с надписью на одной стороне и изображением птицы — на другой¹⁹. На площади между Успенским собором и южным фасадом Патриарших палат уровень дневной поверхности XV в. проходит на глубине 1,0 м от мостовой XX в. в западной части и 0,89 — в восточной. Дневная поверхность XVI в. (ко времени строительства Крестовой палаты) была примерно на 0,50 м выше дневной поверхности 70-х годов XV в. Обращает на себя внима-

ние большая, превышающая 2 м, толщина южной стены Крестовой палаты, что, вероятно, связано с перестройкой ее в 1652—1658 гг. Вполне правомерно заключение А. А. Тица о том, что «в основе сохранившегося здания (палаты) лежат постройки, восходящие к концу XVI в.»²⁰. Исследования фундаментов южной стены Крестовой палаты дали документальное подтверждение этому заключению: в забутовке под подошвой фундамента стены оказался обломок намогильной белокаменной плиты с орнаментом из треугольников, типичным для первой половины XVI в. Треугольчатый орнамент («волчий зуб») в сочетании со жгутовым известен и во второй половине XVI в.²¹ Следовательно, обломок мог попасть в кладку фундамента не ранее конца XVI в.

В шурфах у западного фасада Успенского собора и под фундаментом южного фасада Крестовой палаты была обнаружена белокаменная стена, сложенная в технике полубутовой кладки. Направление вскрытых остатков ее — северо-восток — юго-запад. Полностью сохранился фундамент стены и три нижних ряда гладкотесаного цоколя. Высота надземной части — 1,10 м, толщина стены — 1 м. Кладка поставлена по рельефу: в более высокой восточной части глубина заложения фундамента — 80 см, западный участок, заглублен на 1,30 м. Время постройки стены латирует первой половиной XV в. медное пуло ярославское²² (рис. 6, 5), найденное в засыпке фундаментного рва стены. Это были остатки стены, ограждавшей митрополичий двор. Ориентировка ее точно совпадает с указанной на годуновском чертеже. Ко времени сооружения Крестовой палаты стена уже была разобрана, так как остатки ее клад-

ки уходят под фундамент южной стены палаты.

Площадь между западным фасадом Успенского собора и стеной митрополичьего двора была вымощена кирпичом — «половняком». Участок этого настила удалось вскрыть на отметке 1,44 м под современной мостовой.

В шурфах 32 и 23 у южной стены Крестовой палаты на глубине 4,30 м был обнаружен мощный слой золы и угля, отмечающий уровень дневной поверхности первой половины XIII в. Его можно связывать с пожаром Москвы 1237 г. У северного фасада Крестовой и Патриаршей палат слой пожара, синхронный времени гибели срубов 1 и 10, залегал несколько ниже, на отметках 4,50—4,60 м, в связи с падением рельефа в этой части кремлевского холма к северу.

Отложения второго горизонта культурного слоя — влажный темный гумированный грунт, изобилующий керамикой и костями животных — шли и под подошвой фундамента южной стены Патриарших палат. В среднем мощность второго слоя под фундаментом южной стены Крестовой палаты равнялась 2 м, под фундаментом южной стены Патриарших палат — около 2,8—3,0 м. Верхняя зона второго слоя, так же как и на севере исследованной площади, оказалась срезанной котлованом под фундамент южных стен зданий. В гумусном слое под подошвой фундамента были найдены обломки стеклянных непрозрачных перстней, среднеазиатская поливная керамика, стеклянная вставка перстня второй половины XIII—XIV в., различные керамические изделия (резко преобладает красная и краснолощенная посуда) и железные инструменты. В шурфах у южного фасада Крестовой и Патриарших палат второй слой,

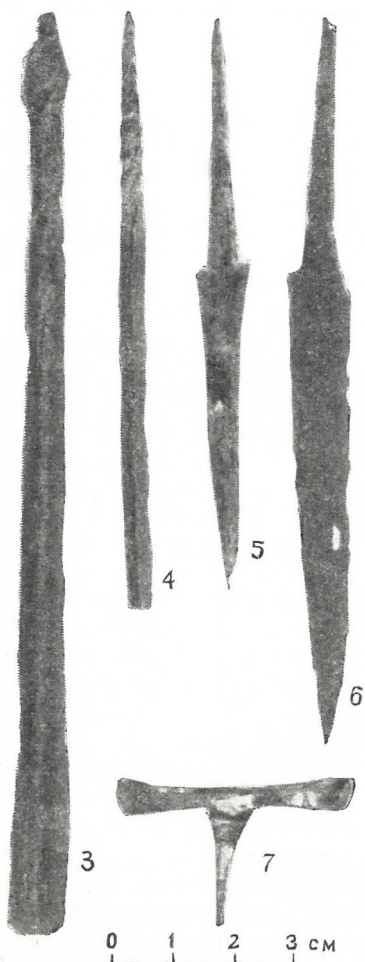

Рис. 8.

Образцы металлических изделий

1 — тятица; 2 — обломок скобеля; 3, 4 — свер-
ла; 5—6 — хозяйственные ножи; 7 — бурав

богатый обломками стеклянных браслетов, залегал приблизительно на 30 см выше, чем в северных шурфах — на отметках 4,10—4,30 м. Горизонт с браслетами помог выявить дневную поверхность открытого в шурфе 8 сруба 4. Два его нижних венца находились под юго-восточным углом Крестовой палаты. Примерно с того же уровня дневной поверхности был врыт и сруб 10 (шурфы 9, 7, 5, 24). Его дата по предварительным данным — 20-е годы XIII в.

В 1963—1964 гг. проводилась выемка грунта в подвальном помещении под подклетом Крестовой палаты. Не касаясь встретившихся при этом поздних сооружений, отметим, что

Рис. 9.

Кожанные погны

в северной части сохранился второй слой с домонгольской керамикой, вещевым материалом и остатками строений (жилище 5, шурф 22).

Второй и третий культурные слои в шурфах у южного фасада Крестовой и Патриарших палат и у Успенского собора значительно беднее керамикой и вещевым материалом по сравнению с северным участком работ. Исключение составляет лишь шурф 8, где сохранились остатки сруба 4. Эта особенность культурного слоя объясняется тем, что длительное время (XII—XIV вв.) здесь располагалось древнее кладбище (см. ниже). М. Х. Алешковский, продолжавший археологические наблюдения за шурфами под западной проезжей аркой церкви 12 апостолов, отметил бедность слоя находками в связи с тем, что исследовался нежилой хозяйственный участок территории.

Таким образом, второй и третий горизонты, представляющие собой обычный для древнерусских городов культурный слой с остатками деревянных строений и бытовыми материалами, был зафиксирован под всей площадью Патриарших палат. В южной части подвала под Крестовой палатой и на участке между ней и Успенским собором этот слой нарушен древним кладбищем. Никаких остатков строений здесь не сохранилось. Материк в восточном и западном участке работ вдоль южного фасада Крестовой палаты залегал сравнительно ровно; естественные западины и ямы не прослежены.

Таковы основные результаты археологических исследований стратиграфии культурного слоя под Патриаршими и Крестовой палатой и восточной проезжей аркой церкви 12 апостолов. Наблюдения, проведенные М. Х. Алешковским в июле —

декабре 1965 г. над остальными шурфами в Патриарших палатах и под западной проездной аркой церкви 12 апостолов, выявили те же три горизонта культурного слоя с находками, подтверждающими сделанные выше хронологические определения (рис. 13).

В 1963—1965 гг. при описанных выше работах в Кремле было вскрыто 14 деревянных построек жилого и хозяйственного назначения: 13 — в северной части соборной площади и одна (сруб 11) — во дворе Оружейной палаты²³.

Некоторые из них удалось определить как жилища и хозяйственные постройки, другие строения остались пока неопределенными. Выявлены части огороженных частоколами дворов, иногда с дощатыми или бревенчатыми вымостками. Были вскрыты в основном подземные части домов — подвалы, подклеты высотой около 1,20—1,30 м, а также венцы срубов, затянутые культурным слоем. Все постройки — однокамерные, рубленые «в обло» (чашей вверх). Строительный материал — ель и сосна, редко — дуб (сруб 4). Постройки, используемые под хозяйственные нужды, как правило, небольшие, размером 3 × 4 м; 4 × 4 м; жилые же — размером 7 × 7 м; 5 × 7 м.

В шурфе 3 у церкви 12 апостолов на глубине 3,42 м открылся развал сгоревших бревен и остатки обуглившегося частокола (рис. 14, 1). Бревно перекрывал и подстилал мощный (более 20 см) слой сгоревшего зерна (рис. 14, 2) — ржи и пшеницы. По всей вероятности, это остатки погибшего от пожара зернохранилища. Об ассортименте зерновых культур, хранившихся в ней, дает достаточно полное представление анализ злаков, сделанный А. В. Кирьяновым (см. Приложение 2). Возможно, здесь

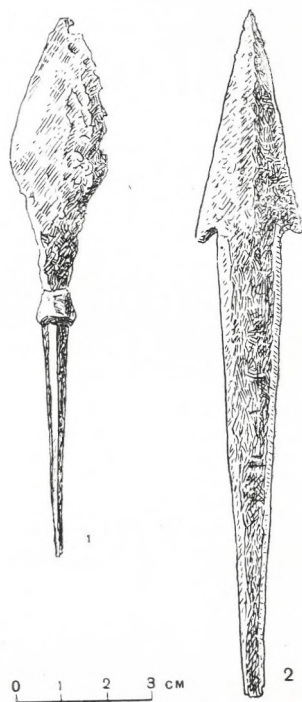

Рис. 10.

Наконечник листовидной стрелы (1) и наконечник стрелы от самострела (2)

хранилось зерно с подмосковных полей.

В этой связи интересны сведения о житном дворе Ивана Фомина, которые содержатся в грамоте Софьи Витовтовны (№ 57 от июня — июля 1451 г.): «...А аз то все фоминское место и с житничным своим двором дала внуку же своему, князю Юрию»²⁴. Массовый керамический материал (100% красной и краснолощеной полосами керамики) датирует горизонт с остатками зернохранилища XV в.

Ко второй половине XIII—XIV вв. относились четыре сруба: сруб 2 (шурфы 18, 19), отметка глубины его заложения — 5,20 м; сруб 6 (шурф 25), глубина заложения —

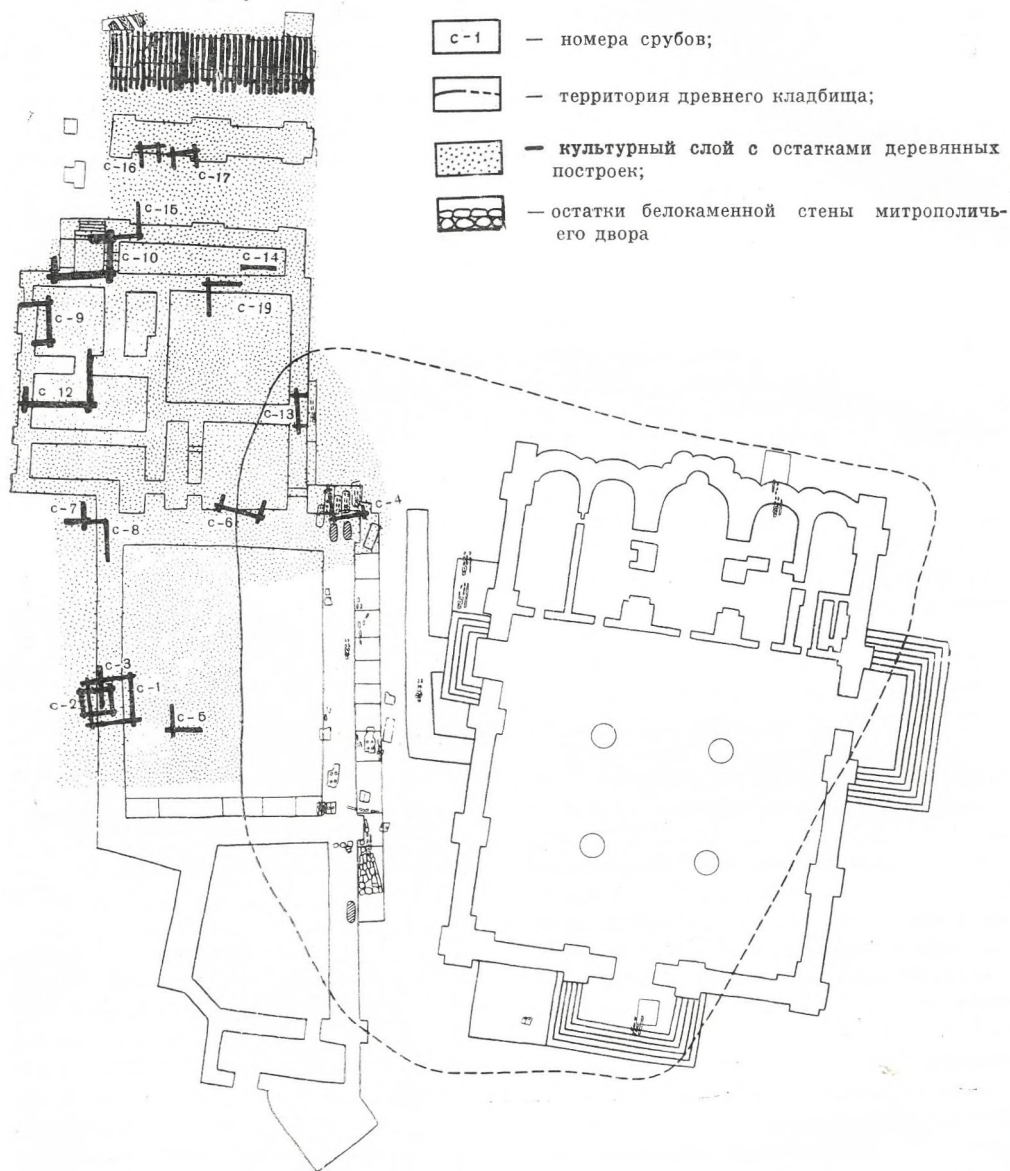

Рис. 11.

План северной части соборной площади Кремля

5,00 м; сруб 7 (шурф 27), глубина заложения — 4,27 м и сруб 11 в шурфе 2 у Кремлевской стены во дворе Оружейной палаты, глубина его заложения — 3,66 м от современной дневной поверхности.

Сруб 2, вскрытый под северной стеной Крестовой палаты, сохранился на высоту семь венцов (0,9 м). Он срублен из тонких бревен диаметром 12—14 см. Сохранились остатки пола из жердей, положенных параллельно северной стене помещения. Малые внутренние размеры постройки ($1,95 \times 2,45$ м) и строительный материал позволяют предполагать, что это был погреб жилого дома. Сруб 2 был врезан в заполнение более древней постройки (рис. 17). В культурном слое, насыщенном щепой, внутри сруба 2 отмечены находки красной и переходной от серой к красной керамики. Стратиграфически сруб нужно датировать XIII в. В связи с неудовлетворительным состоянием древесины дендрохронологический анализ не дал результатов. В заполнении постройки была найдена деревянная резная ложка (рис. 15).

От сруба 6 под западной стеной Патриарших палат сохранилось два нижних венца северной, южной и западной стен. О полных габаритах постройки судить не приходится, так как удалось вскрыть лишь часть ее заполнения. Длина западной стены сруба — 3,44 м, диаметр бревен — 25 см. В юго-западном углу было обнаружено большое скопление обожженной глины и сырцового кирпича; возможно, это остатки фундамента печи. Стратиграфически сруб датируется XIII в.

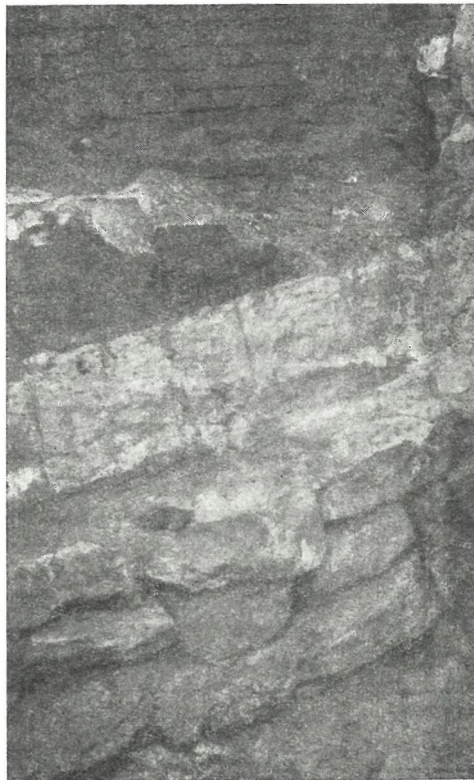
Сруб 7 под северной стеной Крестовой палаты — наземная жилая постройка. Хорошо сохранился ее юго-восточный угол на уровне нижнего венца. Диаметр бревен — около

30 см. Постройка была утеплена; чаша врубки проконопачена мхом. Сруб, по всей видимости, был разобран при каких-то более поздних строительных работах. Стратиграфически и на основании находок красной керамики он датируется XIV в.

Ко второй половине XIII в. относится сруб 9 (шурф 3, под северной стеной Патриарших палат). Глубина его заложения — 5,65 м. Постройка сохранила три-четыре нижних венца. Длина южной стены сруба — 3,55 м. Диаметр бревен — около 15 см. На

Р и с. 12.

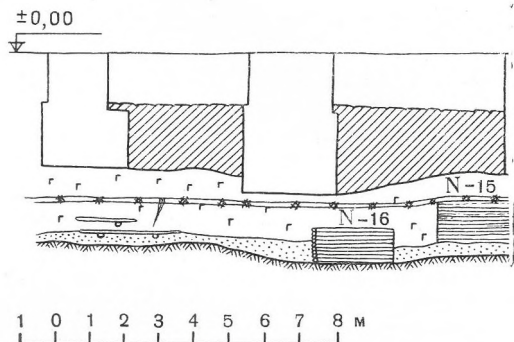
Участок белокаменной кладки стены митрополичьего двора XV в.

уровне пола прослежена тонкая прослойка извести. Возможно, здесь находилось производственное помещение, связанное с кожевенными работами²⁵. В заполнении сруба и около него было найдено большое количество обуви — головки, задники, голенища сапог с тиснением и инкрустацией металлом, подметки, шнуры, берестяные прокладки и пр. Керамика здесь — исключительно серая и переходного типа к красной. В заполнении сруба найден кирпич размером $4,7 \times 10,3 \times 22$ см.

XIII в. датируются также срубы 13 и 14 под южной и восточной стенами Патриарших палат (шурфы 19, 20, 26). Глубина заложения сохранившейся на высоту шести венцов (1,06 м) северной стены сруба 13 — 6,95 м, диаметр бревен — около 25 см. Длина северной стены помещения — 4,85 м. Заполнение сруба было почти до уровня пола нарушено захоронением XIV в. В этом горизонте располагалось кладбище, тяготеющее к Успенскому собору 1326 г. В связи с перекопами на глубину подожвы культурного слоя попала красная и краснотелая керамика. В заполнении сруба были найдены остатки выстилки пола из толстых коротких тесин; одна из них — с пазом, видимо, для упора лестницы. Здесь же было обнаружено днище деревянной бочки, указывающее на хозяйственное назначение этого помещения. Скорее всего это — подклет жилого дома, использованный под хозяйственные нужды.

От сруба 14 сохранилось лишь два бревна нижнего венца восточной и западной стен, обнаруженных в шурфе 20. Глубина заложения — 5,70 м. Размер постройки — $3,50 \times 3,40$ м. В заполнении ее была обнаружена долбленная из целого ствола дерева бочка без дна (рис. 16), врытая в

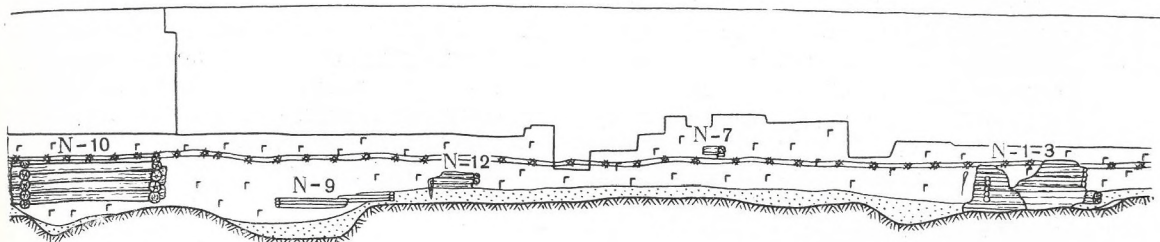
предматериковый слой и являющаяся остатком дренажного устройства.

Дренажные сооружения, известные по раскопкам в Кремле и Зарядье, преследовали цель осушения подвалов и нижних этажей построек²⁶. Из вещевых находок интерес представляет железная шпора XII — первой половины XIII в. (рис. 18) (определение А. Н. Кирпичникова).

Срубы 1, 3, 4, 5, 8, 10, 12 были вскрыты во втором и третьем культурных слоях и датируются концом XII — серединой XIII в. По предварительному заключению Лаборатории Ин-та археологии АН СССР дендрохронологическая дата сруба 1 — 1230 г., образца из сруба 3 — 1253 г., сруба 10 — 1221 г. Анализ спилов бревен срубов 5, 8, 12 не дал результатов из-за плохой сохранности древесины.

Сруб 1 под северной стеной Крестовой палаты (шурфы 2/3, 18, 19) имел глубину заложения нижнего венца на отметке 5,60 м. Постройка ориентирована точно по странам света. Раскопками была вскрыта вся ее площадь, за исключением несохранившихся венцов южной стены (см.

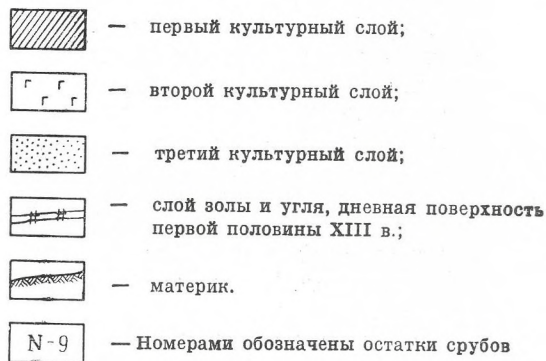

Р и с. 13.

Схематический разрез культурного слоя
у Патриарших палат и церкви 12 апостолов

рис. 19). Сруб сложен из толстых (25—30 см) еловых бревен. Неошкуренное бревно, лежащее в основании северной стены сруба, было заглублено в материковый песок на 38 см. Нижние бревна восточной и западной стен в связи с неровностью коренного рельефа лежали на насыпном грунте. Северная стена сруба длиной 4,08 м сохранилась на высоту восемь венцов (1,35 м). Поскольку большинство домов в древней Руси в плане приближалось к квадрату, предположительный размер постройки — 4,08 × 4,00 м. По всей вероятности, это был погреб жилого дома, врытый в грунт на глубину более 1,0 м (верхний венец мог относиться к наземной части постройки и впоследствии был затяннут культурным слоем). В пользу определения сруба 1 как подвала жилого помещения говорит отсутствие в нем следов пола и печи. На уровне нижнего венца внутри постройки сохранились участки выстилки берестой, возможно, береста положена в подпол сруба, с целью гидроизоляции. Заполнение сруба в большей своей части нарушено срубом 2. Из находок под нижним венцом нужно отметить обломки

стеклянных браслетов, стенки горшков курганного типа и обрывок шерстяной ткани.

К северу от сруба 1 была вскрыта часть его приусадебной территории с остатками огораживавшего двор частокола и бревенчатой вымосткой. Сохранившуюся обугленную часть частокола перекрывает пожарный слой, располагавшийся на уровне дневной поверхности сруба 1. Частокол и сруб, судя по стратиграфическим данным, по-видимому, синхронны. Пожарную прослойку, по всей вероятности, можно связывать с разорением Москвы татарами в 1237 г.

Сруб 1 хронологически близко открытое к югу от него врезанное в предматериковый слой жилище 5, частично попавшее в зону разрытия (подвал Крестовой палаты, шурф 22). Глубина заложения остатков нижнего венца его — 6,08 м. О конструкции и размерах постройки судить трудно, так как исследованию была доступна лишь небольшая часть помещения. Здесь найдено 60 венчиков различных гончарных сосудов. Вся керамика — исключительно курганного типа (рис. 19, 1—11). В заполнении сруба найдено несколько обломков стеклянных браслетов.

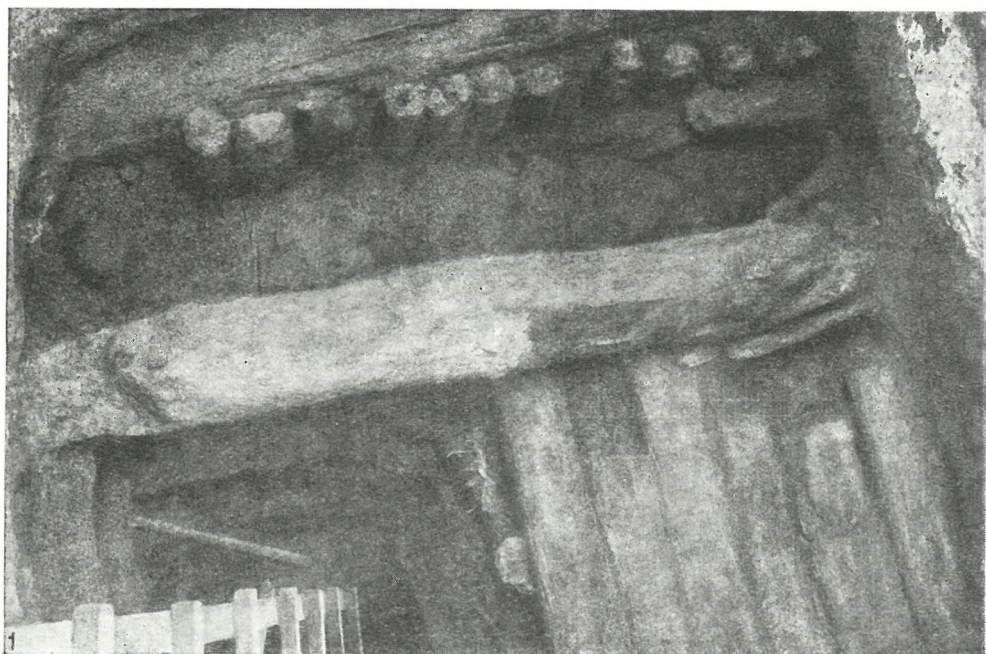
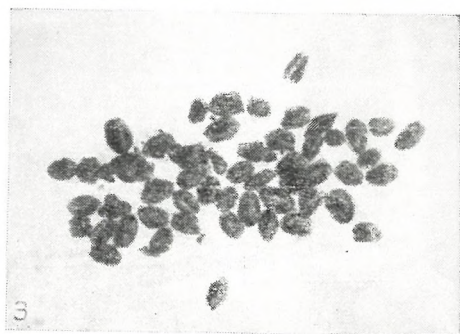
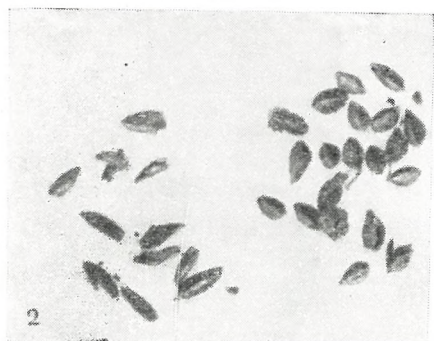
От сруба 4 (шурф 8) под юго-восточным углом Крестовой палаты сохранилось два нижних венца (глубина заложения — 5,54 м). Бревна — сосновые и дубовые. Размер постройки — $2,87 \times 2,85$ м. Она ориентирована с северо-востока на юго-запад. Заполнение сруба дало типичный домонгольский вещей и керамический материал. Предполагаемая дневная поверхность устанавливается по горизонту массовых находок стеклянных браслетов (58 фрагментов) и проходит на отметках 4,40—4,50 м. Заглубленный в грунт подклет сруба имел высоту около 1,20 м. Среди находок, которые можно относить ко времени существования сруба 4, керамика курганного типа, многочисленные обломки тонкостенных киевских стеклянных сосудов XII — первой трети XIII в., пряслице из серого шифера, керамическое пряслице, медная швейная игла, два фрагмента стенок киевских амфор, кожаная сумка, костяная рукоятка пила, омедненная дужка пружинного замка, четыре железных хозяйственных ножа, обрывки тканей. Здесь же были найдены куски обожженной глины, возможно, от обмазки пода печи.

Сруб 8 в шурфах 1/1, 27 под северной стеной Крестовой палаты сохранился очень плохо. Глубина его заложения — 4,50 м. Вскрытые остатки дают возможность лишь констатировать наличие здесь постройки, датированной стратиграфически домонгольским временем. Заполнение сруба нарушено во время строительных работ в XVI в. Постройка горела.

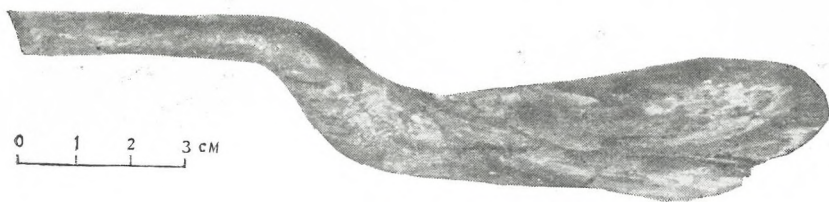
Сруб 10 вскрыт под фундаментом восточной стены Патриарших палат (шурфы 9, 7, 5, 24, 30). Пять нижних венцов его стен сохранилось на высоту 1,65 м (рис. 20). Постройка была исследована почти полностью, за исключением северо-восточного угла. Сруб ориентирован строго по странам света. Глубина заложения его нижнего венца — 5,75 м. Размер постройки — $6,50 \times 4,30$ м. Стены сруба сложены из сосновых ошкуренных бревен диаметром от 35 до 42 см. Юго-западный угол постройки в трех местах был заклинен обломками брусчатого маломерного кирпича недостаточного обжига, грубой формовки с крупными примесями в тесте, размером — $4,2 (4,5) \times 10,5 \times 22$ см. Находки кирпича в срубе 10, датированном предварительно 20-ми годами XIII в., в выстилке тайника многочисленны, находки его обломков во втором культурном слое раскопа и в заполнении сруба 9 (XIII в.) позволяют предположить существование в домонгольской Москве, наряду со строительной поливной керамикой²⁷, брусчатого кирпича. Этот вывод должен быть проверен в ходе дальнейших археологических работ.

Сохранившийся верхний венец сруба носит следы пожара. Культурный слой в этом горизонте насыщен золой и углем. Мощная пятивенцовая конструкция основания постройки была использована строителями

Р и с. 14.
Общий вид остатков частокола и бревенчатого
настила
в сгоревшем зернохранилище (1); образцы зе-
рен (2, 3)

Р и с. 15.

Деревянная резная ложка

Р и с. 16.

Долбленная бочка из сруба 14 (деталь дренажной системы)

Патриарших палат в качестве суб-
струкции под фундамент восточной
стены, в связи с чем бревна слегка де-
формировались. Подошва фундамен-
та палат лежала непосредственно на
бревнах сруба. Заполнение построй-
ки было нарушено во время строи-
тельства Патриарших палат на
глубину от 1,68 до 1,83 м от подошвы
фундамента. В заполнение сруба
врезались сваи, забитые под фунда-
мент стены в несколько рядов с
небольшими промежутками. Строи-
тели, как видно, укрепляли грунт не
только под основаниями стен здания,
но и вблизи фундаментов.

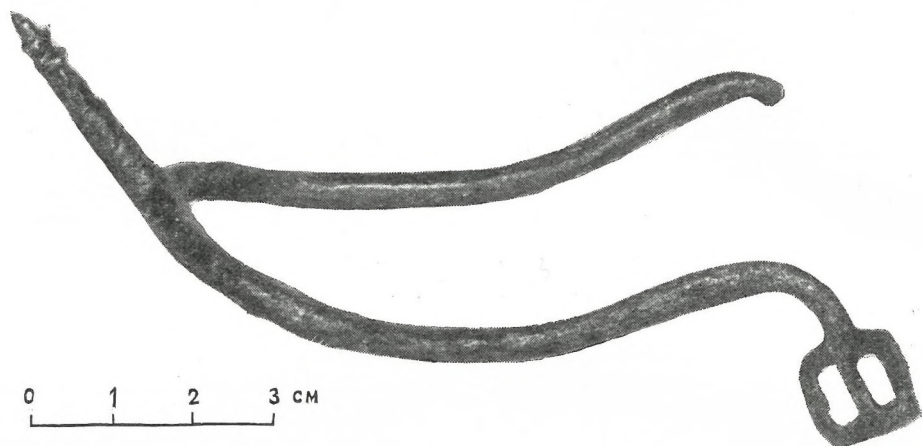
Культурный слой заполнения
сруба 10 представлял собой жирный
унавоженный гумусный грунт, в
верхней своей части достигав-
ший 1 м от подошвы без щепы, глуб-
же — со щепой, сосновой корой и бе-
рестой.

В результате нарушения слоя
сваями кирпичный щебень и бело-
каменные обломки были найдены
на уровне пола постройки. Во время
строительства Патриарших палат
в заполнение сруба попали обломки
поясковых терракотовых рельефных
изразцов с растительным орнамен-
том, керамическая поливная поло-

Р и с. 17.

Остатки срубов 1, 2

Р и с. 18.

Железная шпора

вая плитка треугольной формы (XVI в.), красная кухонная керамика, обломок венчика среднеазиатского сосуда золотоордынского времени, чернолощеный кувшин, оплетенный берестой. Здесь же было найдено короткое бревно диаметром 35 см с чашей врубки. Вероятно, оно принадлежало не сохранившемуся венцу сруба. Грунт на уровне пола постройки насыщен гнилой соломой, навозом, полусгнившей древесиной, изобиловал костями домашних животных и птиц. При расчистке участка у западной стены был вскрыт дощатый пол, настланный без переводов, прямо на землю, параллельно западной стене. Доски имели толщину 6 м, ширину — 24 см. Ко времени разрушения постройки относилось несколько обуглившихся досок на уровне ее пола. Здесь же обнаружены фрагмент днища бочки и хорошо сохранившаяся метла из прутьев. В срубе находилась дверь из толстых колотых плах на трех врезных шпонках с выступом «пальца», входившим в подпятник. Высота двери —

1,62 м, ширина — 1,27 м, толщина доски — 4 см (рис. 21). При расчистке венцов постройки в ее заполнении было найдено девять обломков стеклянных браслетов, фрагменты стенок и венчики курганной и серой керамики, шарнирные ножницы, стеклянная зеленая бочковидная бусина, сверло, деревянная затычка бочки, обрывки кожаных изделий и обуви.

Уровень дневной поверхности сруба 10, отмеченной пожаром, лежал на отметке 4,41 м, совпадая с горизонтом стеклянных браслетов. Отметка дневной поверхности гибели сруба 10 близка к дневной поверхности гибели сруба 1. Возможно, обе постройки погибли во время одного и того же пожара. В таком случае одна из них просуществовала около 17, а другая — около 8 лет.

Раскопки показали, что сруб 10 — жилища хоромина на подклете. Сохранившееся подполье дома использовалось, видимо, как подсобное хозяйственное помещение. Шурфами, заложенными к востоку и юго-во-

стоку от сруба, была исследована его приусадебная территория с небольшой по размеру тонкостенной хозяйственной постройкой (сруб 15).

В шурфах 1, 2А, 4, 6, 10 был обнаружен частокол, сохранившийся на высоту около 60 см, ограждавший усадьбу сруба 10, либо синхронные ей постройки (сруб 15).

В северо-западной части подвала под Патриаршими палатами было вскрыто два нижних венца сруба 12, стратиграфически датированного концом XII — серединой XIII в. (глубина заложения — 5,25 м). Удалось исследовать его северную, западную и южную стены. Постройка сложена из сосновых бревен диаметром 25—30 см. Длина западной стены сруба — 7,25 м. Северо-восточный угол его был нарушен срубом 9, дата которого — вторая половина XIII в. В заполнении постройки найдено несколько обломков стеклянных браслетов и керамика курганного типа. На уровне сохранившегося верхнего венца сруба, соответствующего отметке 4,75 м, были найдены каменный верхний и нижний жернова ручной мельницы диаметром 45 см (рис. 23, 1—2). Параллельно западной стене сруба на расстоянии 1,20 м от нее шел частокол, сохранившийся на высоту 1,04 м.

В самой восточной точке раскопа, в шурфе 3 на отметке 5,74 м были вскрыты остатки каких-то деревянных строений, относящихся, по стратиграфическим данным, к самому концу XII в. Конструкция уходит под борта шурфов, поэтому назначение их осталось невыясненным. На отметке 5,52 м был вскрыт настил из челюстей, зубов и плоских костей крупного рогатого скота (рис. 22). Возможно, это была вымостка двора. При расчистке вымостки из челюстей в шурфе 3 был найден бронзовый

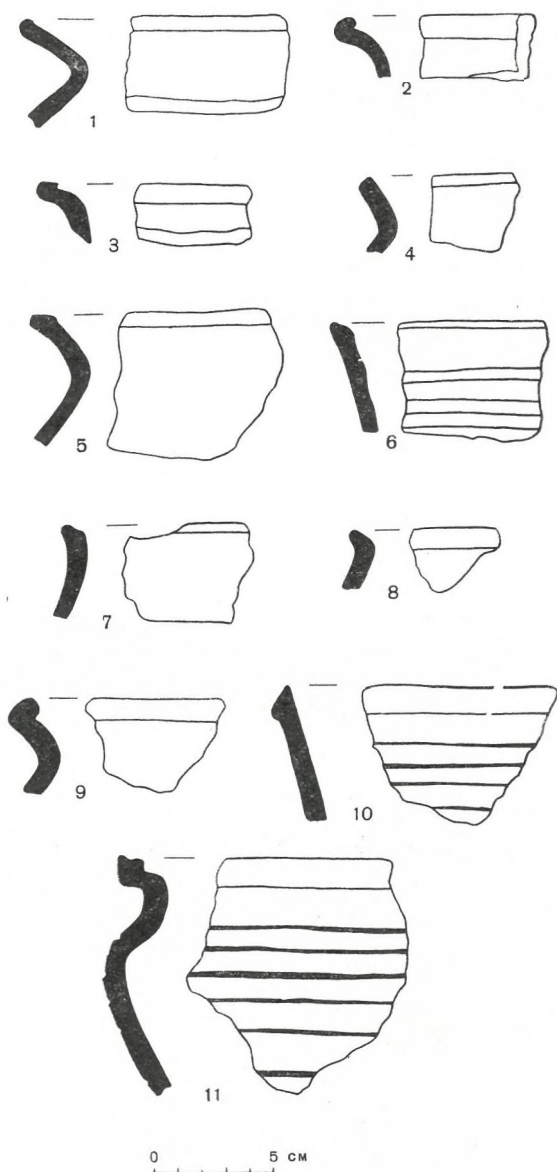

Рис. 19.

Керамика курганного типа из сруба 5 (1—11)

энколпион с выемчатой эмалью, о котором говорилось выше.

Под северной стеной сруба 1 (шурфы 18, 21) в предматериковом слое прослежены обуглившиеся остатки еще одной постройки 90-х годов XII в.

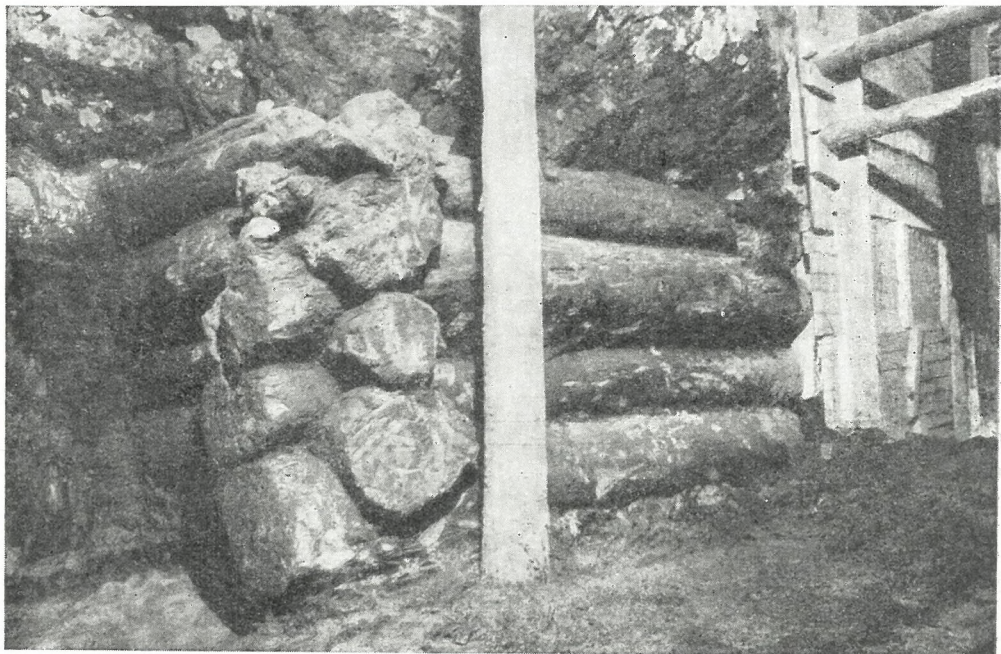
Сохранилась нижняя часть стены сруба 3 из двух венцов. Глубина заложения его — 5,90 м. Постройка была наземной и почти полностью сгорела. У остатков ее бревен найдено несколько черепков курганный керамики.

В восточном проезде церкви 12 апостолов в шурфах 2А, 1, 6, 4, 10, 10А на глубине 5,22 м была раскрыта упомянутая выше деревянная мостовая, датированная ориентиро-

вочно самым концом XI в. (рис. 24). Настил ее шел в направлении с севера на юг и прослежен на протяжении 15 м. Исследовать мостовую на всю ее ширину по техническим причинам не удалось. Однако было установлено, что ширина проезжей части превышала 4 м. Деревянные плахи были положены перпендикулярно направлению мостовой. Это тесины толщиной 10—12 см с сильно выношенной поверхностью, плотно пригнанные друг к другу. Под плахами лежали три бревенчатые продольные лаги — две боковые и одна центральная диаметром 12—15 см. В износившихся участках настила между плахами и под ними было обнаружено множество чело-

Р и с. 20.

Общий вид остатков сруба 10

стей и зубов крупного рогатого скота. Возможно, здесь, так же как и в Новгороде, в мостовом строительстве использовались плоские кости животных в целях предохранения дерева от гниения²⁸. При расчистке настила мостовой на 20—40 см выше ее поверхности было обнаружено 14 обломков стеклянных браслетов, броневой стрела и костяная пуговица. Как говорилось выше, одна из наиболее древних находок третьего культурного слоя — черешковый наконечник стрелы от самострела XI в.²⁹ (см. рис. 10, 2) — находилась под настилом мостовой на отметке 5,52 м. В шурфах 10А и 10Б на глубине 4,98 м была найдена фрагментарно сохранившаяся вторая мостовая, имевшая ту же ориентировку. Износившиеся промежуточные настилы, как видно, разбирались. Мостовая определяет направление одной из древнейших московских улиц, которая могла вести к деревянному храму и кладбищу, располагавшемуся на возвышенности к юго-западу от обнаруженного раскопками участка мостовой. К западу от мостовой находились две хозяйственные постройки сруба 10—16 и 17. Последняя являлась конюшней, судя по толстому слою навоза на уровне ее пола (раскопки М. Х. Алешковского). Приусадебный участок с подсобными помещениями был отделен от улицы чостоколом (рис. 25).

Изделия и отходы ремесленных производств в нижнем горизонте второго и третьего культурных слоев свидетельствуют о том, что археологически исследован район городского предградья. Как удалось установить, мощеная деревом улица перестает существовать во второй половине XII в., т. е. в то время, когда эта часть территории посада, по всей вероятности, уже входила в черту городских укреп-

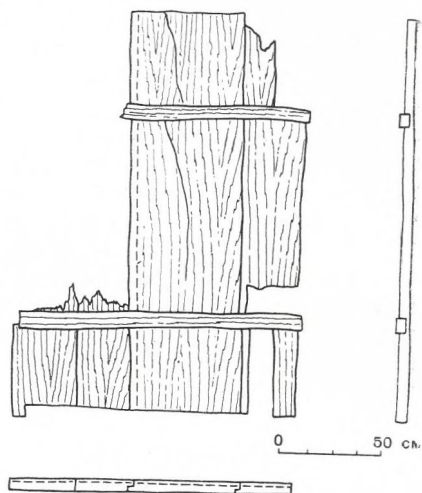

Рис. 21.

Остатки деревянной двери из сруба 10

лений. Таким образом, получено новое доказательство справедливости тезиса М. Г. Рабиновича о том, что посад восточнославянского города, как правило, имел уличную планировку, тогда как для детинца характерна планировка кучевая³⁰.

Городское кладбище. На площади между Успенским собором и Патриаршими палатами и под фундаментами северной, восточной и западной стен Успенского собора, под фундаментами южных стен Патриарших палат, в южной части подвала Крестовой палаты были вскрыты и исследованы 19 разновременных захоронений³¹. Как выяснилось, на этой территории кладбище существовало длительный период времени.

Наиболее поздняя находка в южной части кладбища — обломок намозильной белокаменной плиты, обнаруженный во вторичном залегании на глубине 2,55 м от верха колыя Крестовой палаты в шурфе 17. В том же

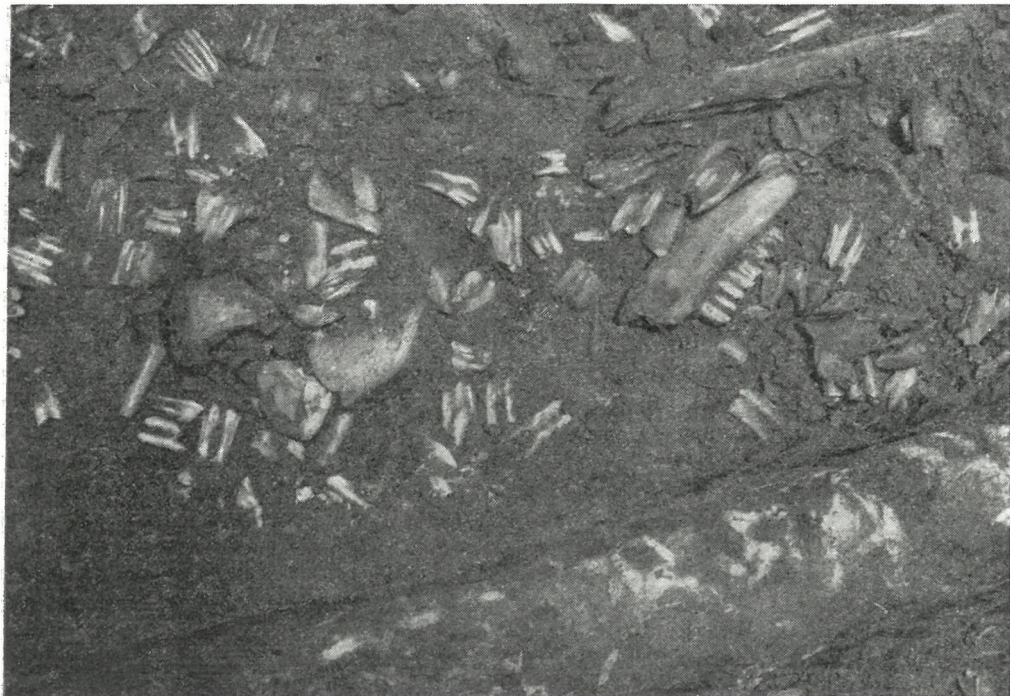

горизонте в гумусном слое встречались разрозненные человеческие кости. Ниже, на глубине 3,30—3,80 м, было обнаружено еще несколько белокаменных надгробных плит гладких и с орнаментом, ориентированных восток — запад, но, видимо, смещенных с погребений и разбитых (рис. 26, 1—3). Вещевого датирующего материала под ними не обнаружено. Стратиграфически их нужно датировать второй половиной XIII—XIV вв. Керамика, попавшая в супесчаный слой, перекрывавший плиты, почти вся была переходного типа — от серой к красной.

Городская застройка с первой половины XIII в. постепенно вытесняла территорию древнего кладбища. Самое позднее захоронение (14) — детское, находилось в юго-западной части раскопа (шурф 32), залегало оно на глубине 4,30 м. Стратиграфически оно датируется концом XIII — началом XIV в. и залегает под подовой фундамента стены митрополичьего двора. Вероятно, кладбище, тяготевшее к Успенскому собору 1326 г., располагалось на этой территории вплоть до 20-х годов XIV в., т. е. до того времени, когда в северную часть современной Собор-

Р и с. 22.

Общий вид участка настила из коровьих челюстей

ной площади был перенесен митрополичий двор.

Самое древнее захоронение под гладкой намогильной белокаменной плитой было вскрыто на глубине 5,92 м в шурфе 8. Оно датируется первой половиной XIII в., так как его перекрывает на отметке 5,54 м сруб 4 (середины XIII в.). Отметка низа могильной плиты должна соответствовать уровню погребенной почвы первой половины XIII в. Костяк лежал на спине со сложенными на груди руками, головой к западу. На ногах сохранились остатки кожаной обуви. Древесный тлен указывал на наличие деревянного гроба. В заполнении могильной ямы обнаружена курганная керамика. На глубине 4,91 м найдено биконическое пряслице из розового шифера и так называемый древолазный шип. В погребении, залегавшем несколько севернее, был обнаружен железный наконечник листовидной стрелы XII в.³² (см. рис. 10, 1).

Белокаменные могильные плиты, как гладкие, так и орнаментированные, обработаны с двух сторон теслом (хорошо видны ложчатые борозды их отсеки шириной 5—7 см). Размеры надгробий обоих видов слегка варьируют. Длина — около 2 м, ширина — 40—60 см, толщина — около 17—20 см. Белокаменная плита из шурфа 8 имеет слабо выраженную выпуклость верхней поверхности, а нижняя слегка вогнута (рис. 26, 3). Гладкая белокаменная плита из шурфа под центральной частью южной стены Крестовой палаты имела скосы углов длиной 2 см.

На семи плитах — семь разновидностей одного и того же орнамента, построенного на комбинациях разного диаметра солярных кругов, расположенных один против другого с рамкой из разреженных треугольни-

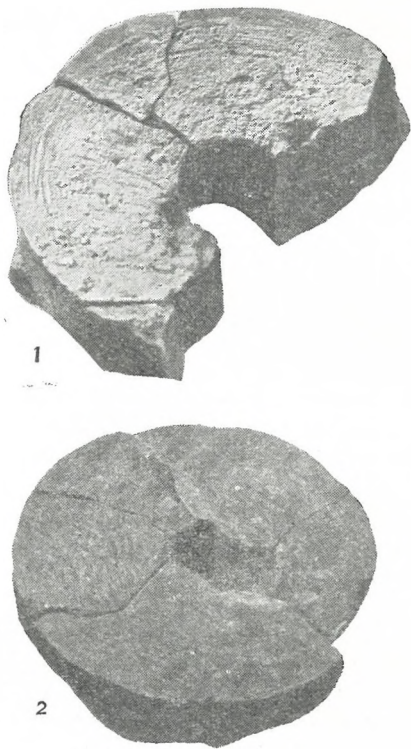
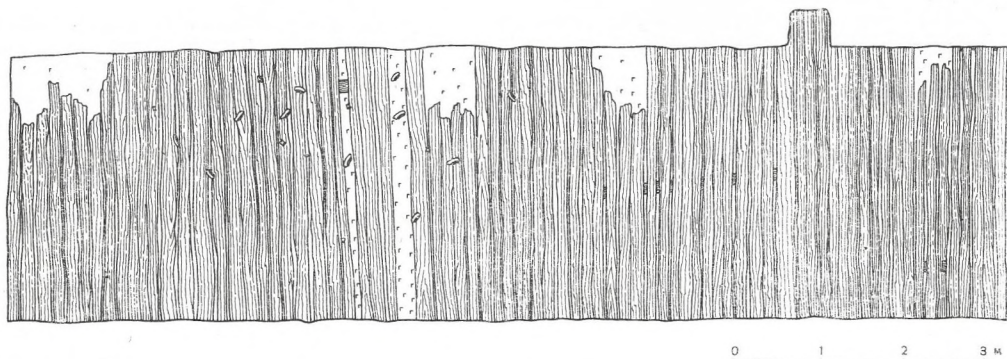

Рис. 23.

Обломки каменного ручного жернова

1 — верхний; 2 — нижний диск

ков, обращенных друг к другу вершинами («волчий зуб»). В центре кругов — отверстия от ножки циркуля. Имеется лишь одна плита с бессистемным расположением треугольников. Такой характер орнаментики намогильных плит не имеет аналогий среди известных в настоящее время памятников этого круга. Реконструкция орнамента плит позволила установить их тесную связь с белокаменными надгробиями Москвы и Подмосковья XV—XVII вв. Хронологически и стилистически плиты из кремлевских раскопок предшествуют широко распростра-

Р и с. 24.

План участка деревянной мостовой

ненным типам надгробий с надписями. Интересна множественность солярных кругов — небесных символов на плитах (от двух до шести). В. П. Даркевич считает, что «увеличение числа одинаковых амулетов усиливало их эффективность»³³. Он полагает, что магические функции небесных символов не утратили своего значения на протяжении XIII—XV вв. Находки в Кремле подтверждают эту гипотезу.

На глубине 5,78 м в шурфе 8 под юго-восточным углом Крестовой палаты был вскрыт горизонт погребений в дубовых гробах ящичного типа, сделанных из колотых плах на шипах без гвоздей. Ориентировка и положение покойников — обычное; вещей нет. Хорошо сохранилась только кожаная обувь, причем без подметки, сшитая из одного куска кожи на ступне.

Дата захоронения в дубовых гробах — первая половина XIII в., так как их перекрывает нижний венец сруба 4.

Погребения в нижней зоне третьего слоя — вытянутые на спине труположения в долбленых колодах.

На тех же отметках в шурфе 8 вскрыты захоронения 7 и 7А, датированные стратиграфически второй половиной XII в. Это — костяки, обернутые берестой. Положение и ориентировка скелетов была обычной. Из-за плохой сохранности костей черепа пол покойных неопределим. Захоронения — безынвентарные. Заполнение могильных ям нарушено погребениями в ящичных дубовых гробах. Костяки в берестяном покрове известны по курганным захоронениям³⁴. Как сообщает А. Котляревский, по славянскому обычаю тело покойника обертывалось в луб, отчего гроб вообще носил название «корсты». Известно, что мощи Никиты Переславского были найдены «в берести» (Милютинская Минея, май 1294 г.)³⁵.

В захоронении 7 под черепом находилось несколько валунов. Это — также встречающаяся по курганным раскопкам деталь славянского погребального ритуала.

Древнейший горизонт кладбища был прослежен в подошве третьего культурного слоя и на материке. Вытянутые на спине труположения головой на запад, с остатками дере-

вянных гробов — долбленных колод — были впущены в неглубокие (до 70—90 см) могильные ямы, в заполнение которых попала курганная керамика архаичных форм (найлены слабо профилированные, без утолщения к краю венчики с нависанием внутрь сосуда).

Погребения сопровождали: перстнеобразные в полтора оборота круглопроволочные серебряные височные кольца, часто встречающиеся на земле древлян на Припяти (рис. 27, 1—2); на нескольких женских черепах имелись золотые ленты-венчики. Захоронения под Успенским со-

бором имели типичный вятический курганный инвентарь: медный сложновитой браслет (рис. 27, 6—7), решетчатый крещатый перстень (рис. 27, 4), пластинчатый широкосрединный перстень, решетчатый многовосьмерочный перстень с квадратным массивным щитком размером 3×3 см, представляющий собой пробитую круглыми прорезами пластинку (рис. 27, 5). Этот последний тип перстней характерен для племени вятичей не менее, чем семилопастные височные кольца³⁶.

Исследование захоронений нижней зоны некрополя, датированных вто-

Р и с. 25.

Остатки частокола, ограждавшего усадьбу сруба 10

вянных гробов — долбленных колод — были впущены в неглубокие (до 70—90 см) могильные ямы, в заполнение которых попала курганная керамика архаичных форм (найлены слабо профилированные, без утолщения к краю венчики с нависанием внутрь сосуда).

Погребения сопровождали: перстнеобразные в полтора оборота круглопроволочные серебряные височные кольца, часто встречающиеся на земле древлян на Припяти (рис. 27, 1—2); на нескольких женских черепах имелись золотые ленты-венчики. Захоронения под Успенским со-

бором имели типичный вятический курганный инвентарь: медный сложновитой браслет (рис. 27, 6—7), решетчатый крещатый перстень (рис. 27, 4), пластинчатый широкосрединный перстень, решетчатый многовосьмерочный перстень с квадратным массивным щитком размером 3×3 см, представляющий собой пробитую круглыми прорезями пластинку (рис. 27, 5). Этот последний тип перстней характерен для племени вятичей не менее, чем семилопастные височные кольца³⁶.

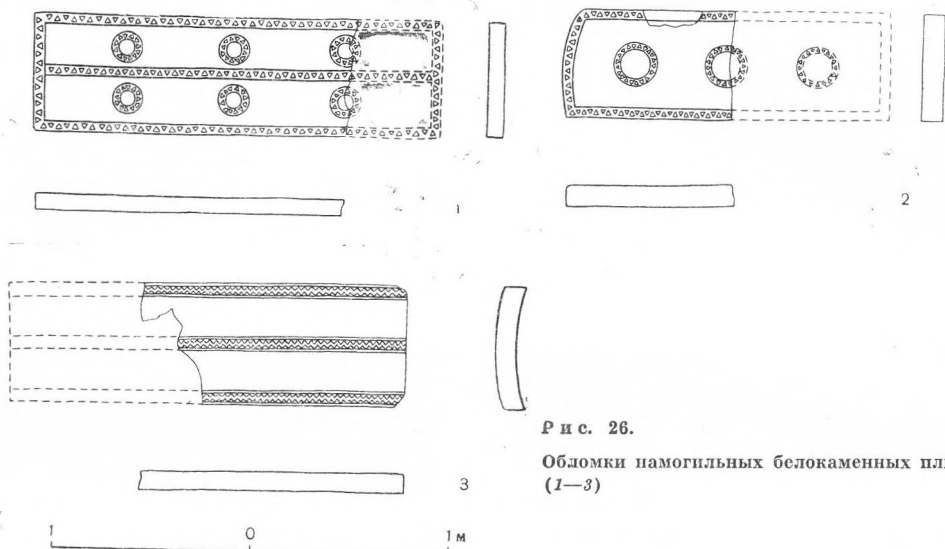
Исследование захоронений нижней зоны некрополя, датированных вто-

Р и с. 25.

Остатки частокола, ограждавшего усадьбу сруба 10

Р и с. 26.

Обломки намогильных белокаменных плит
(1—3)

рой половиной XII в., позволило выявить наиболее древнюю его территорию, располагавшуюся под зданием и фундаментами стен Успенского собора. По всей вероятности, эти погребения нужно связывать со стоявшей здесь деревянной церковью, одной из древнейших в Москве. Как показали раскопки, под северной частью зданий — Патриарших палат находилась окраина кладбища с бедными либо безынвентарными захоронениями³⁷.

Очевидно, что многослойное кладбище, частично вскрытое в северной части Соборной площади, не является вятическим курганным некрополем, насыпи которого были впоследствии «сглажены». Это — обычное городское кладбище с грунтовыми могилами, углубленными не только в материк, но и в культурный слой, иначе засыпка погребений была бы стерильной. При захоронениях был поврежден культурный слой с бы-

товой керамикой. Слабые следы поселения, оставившего этот слой, в большинстве своем уничтожены интенсивной застройкой города в XII—XIII вв. Уровень дневной поверхности, существовавший ко времени первоначальной застройки на этой площади, удалось восстановить благодаря вскрытию описанной выше мостовой под церковью 12 апостолов.

Наличие в древнем городском кладбище типично вятического курганного инвентаря не удивительно, так как украшения племенного убора вятичей есть и в культурном слое города. Жители первоначального московского поселения происходили из этого племени и были наверняка тесно связаны с окрестным земледельческим населением, а легендарные «села красные» боярина Кучки могли явиться той основой, на которой выросло древнейшее поселение Москвы.

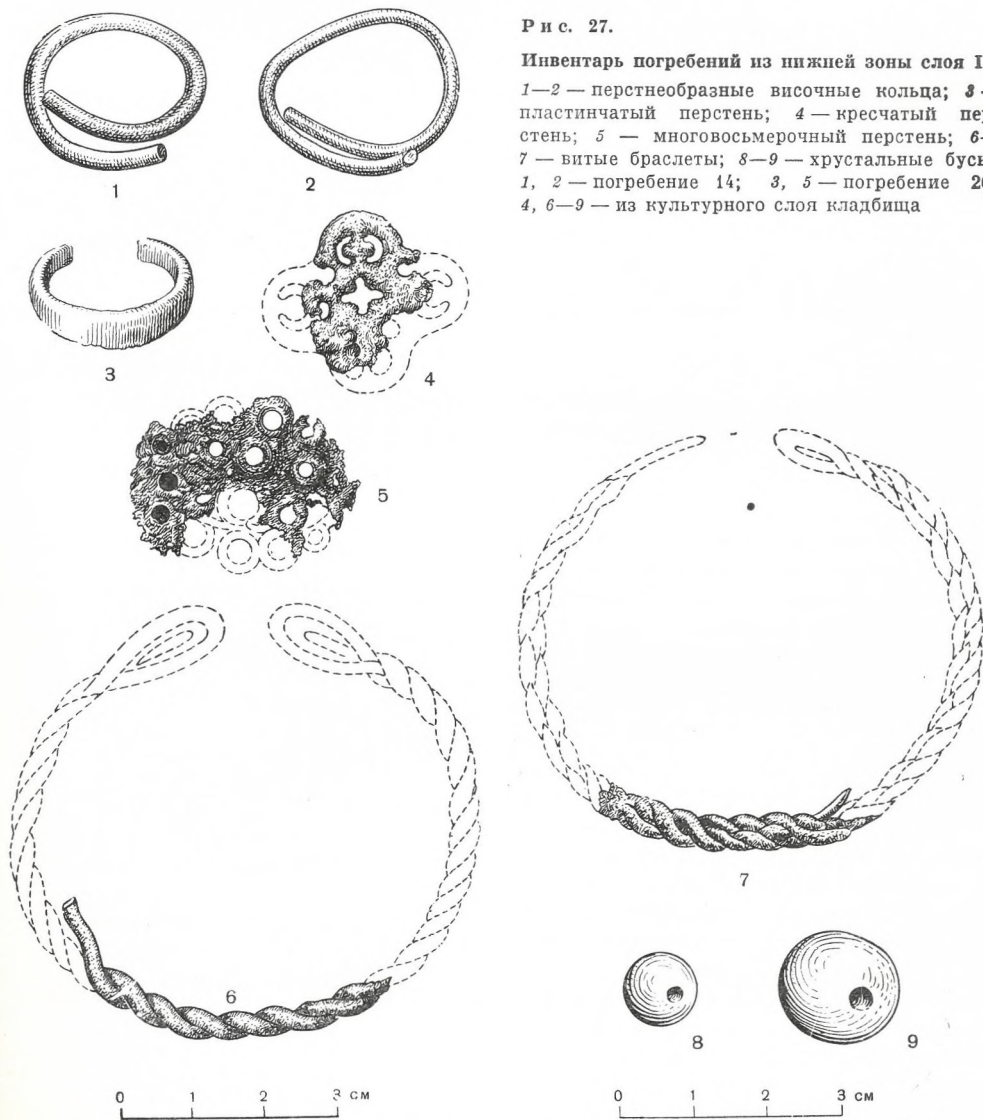
Археологические наблюдения во дворе Оружейной палаты. В февра-

ле-марте 1965 г. на бровке верхней надпойменной террасы р. Неглинной во дворе Оружейной палаты между Комендантской башней и Конюшенным корпусом было заложено три шурфа общей площадью 12 кв. м с целью изучения грунтов под подош-

вой Кремлевской стены (см. рис. 2). Вертикальные замеры велись от современного уровня вымостки двора. Выяснилось, что верхняя зона культурного слоя здесь уничтожена фундаментами позднейших строений до глубины 2,70—3,70 м. Ниже, в

Рис. 27.

Инвентарь погребений из нижней зоны слоя III
1—2 — перстнеобразные височные кольца; 3 — пластинчатый перстень; 4 — крестчатый перстень; 5 — многосермочный перстень; 6—7 — витые браслеты; 8—9 — хрустальные бусы; 1, 2 — погребение 14; 3, 5 — погребение 20; 4, 6—9 — из культурного слоя кладбища

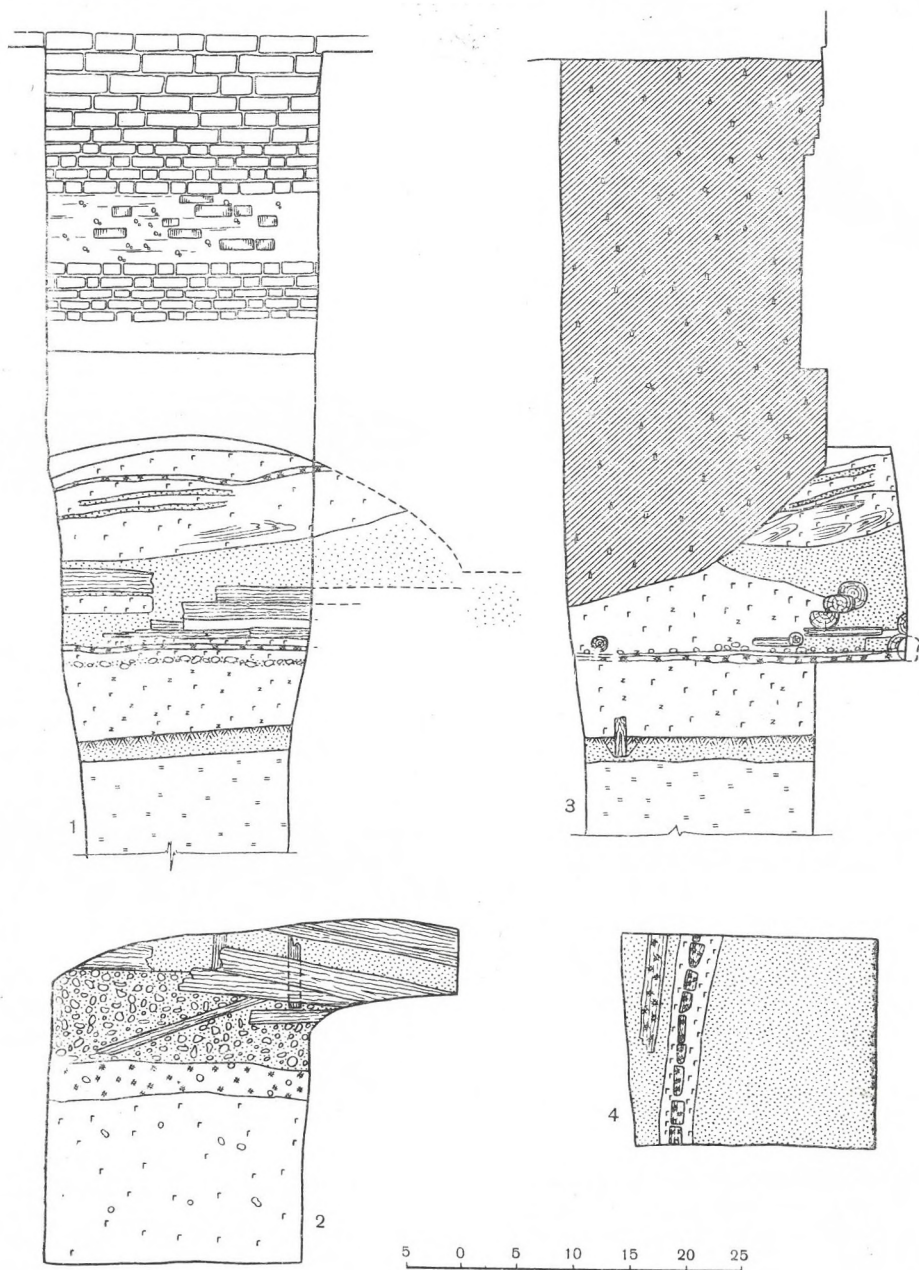

Рис. 28.

Планы (2, 4) и разрезы шурфа (1, 3) во дворе
Оружейной палаты

шурфе 2 вскрыты остатки сруба 11, образец из которого дендрохронологически датирован 1357 г. Постройка горела.

В шурфе 4 непосредственно под подошвой крепостной стены залегала мощная (более 1 м толщиной) линза стерильного гравелистого супесчаного грунта. В этом слое на отметках 4,87—5,30 м обнаружены расположенные в несколько ярусов дубовые конструкции, ориентированные параллельно современной Кремлевской стене (рис. 28). Возможно, вскрытые остатки принадлежат насыпи вала с деревянными конструкциями в его основании. Стратиграфически их нужно относить к XII в.

Домонгольский слой залегал здесь на отметках 4,05—5,20 м. Прослежена зона, содержащая находки стеклянных браслетов, где найден и обломок тонкостенного стеклянного сосуда XII—XIII вв. Слой насыщен пе-

регным, остатками древесины, обрывками кожи, костями домашних животных, черепками серой и так называемой курганный посуды. Обращает на себя внимание насыщенность грунта щепой и корой, свидетельствующая о больших плотничьих работах в этой части крепости, возможно связанных с постройкой деревянных укреплений.

Во втором слое часты находки богато орнаментированной кожаной обуви. Интерес представляет маленький детский башмачок (рис. 29, 2). На глубине 4,50 м найден наконечник черешковой боевой стрелы ромбовидной формы. Стрела общерусского типа.

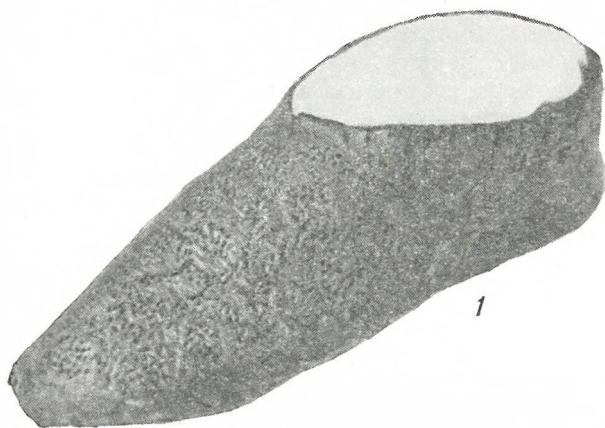
Ниже, на отметках 5,20—6,30 м залегал третий предматериковый слой. Он содержит гораздо меньше керамики, кожи и костей животных, чем вышележащая зона.

В шурфе 3 у Конюшенного корпуса в третьем слое обнаружена шедшая в направлении С—Ю неширокая канава, стенки которой были укреплены деревом. Канава заполнена гумированным культурным слоем. Возможно, что это дренаж, отводивший воду в низину р. Неглинной. У южного борта шурфа 4 прослежено идущее в направлении С—Ю ограждение из врытых стоймя в материк толстых колотых досок. Ограда горела, верх досок обуглен. Очевидно, это следы одного из пожаров Москвы XII в.

Одной из наиболее ценных находок этой зоны³⁸ и культурного слоя древней Москвы является вислая свинцовая печать, найденная в шурфе 2 на глубине 5,35 м (рис. 6, 1, а, б). Печать вместе с обрывком медной проволоки лежала в тонкой песчаной прослойке. Примерно на той же глубине в шурфе 4, расположенном на 10 м южнее, было обнаруже-

но мощение из мелкого булыжника, положенного на песчаную подсыпку. Таким образом, удается установить, что место находки печати — уровень древней мостовой.

Диаметр печати — 2 см, толщина — 3 мм. Она была оттиснута с двух матриц. На лицевой стороне — богоматерь в позе Оранты с остатками богородничных титулов, на обратной — погрудное изображение архангела Михаила с жезлом и зеркалом в руках.

Согласно заключению В. Л. Янина, из известных 16 русских печатей такого типа вновь найденная представляет собой вполне уникальную разновидность³⁹. Одежда на изображении богоматери имеет интересную особенность. Это — так называемая верхняя стола — девическая схи́ма. Редкость таких изображений Н. П. Кондаков объясняет связью образа богоматери Оранты с чином диаконисс и дев: они, вероятно, сосредоточивались почти исключительно на предметах личного убора богоматери — диакониссы⁴⁰. Возможно, поэтому поиски прототипа изображения на лицевой стороне печати пока не дали результатов. По определению В. Л. Янина, булла могла принадлежать киевской митрополии в период княжения Святополка — Михаила Изяславовича. Наиболее вероятная дата ее — 1091—1096 гг.

Печать, несомненно, была привезена к какой-то митрополичьей грамоте, вместе с которой и попала в Москву. Вероятным местом хранения грамоты могла быть первая московская церковь рождества Иоанна Предтечи, стоявшая в центре детинца примерно в 80 м от места находки печати.

Таковы материалы о времени заселения и характере застройки исследованной части территории Кремля, полученные в результате археологического надзора 1963—1965 гг. Данные стратиграфии и дендрохронологические наблюдения ориентировочно позволяют относить время заселения этой части кремлевского холма к концу XI—XII вв. В этот период здесь уже существовала деревянная застройка. Мостовая, обширное кладбище с грунтовыми могилами, вероятно с церковью при нем, на месте будущего Успенского собора, находка вислой печати киевского митрополита — доказательства городского характера московского поселения. Не менее важным показателем роста города является густота жилой и хозяйственной застройки.

В середине XII в. занимавший обширную территорию поселок, по всей вероятности, уже был включен в черту городских укреплений. Массовые находки стеклянных браслетов, преимущественно ярких цветов, бус, шиферных пряслиц, стеклянных сосудов, амфор-корчаг, бронзового энколпиона, височных колец — свидетельство продолжительных и интенсивных торговых связей домонгольской Москвы с Киевом и городами Приднепровья. Во второй половине XIII — начале XIV в. археологически прослеживается приток изделий из других центров древней Руси, таких как Смоленск, откуда происходит треть всей коллекции стеклянных браслетов.

Археологические наблюдения в Кремле позволили получить новые данные о топографии и застройке, материальной культуре и быте средневековой Москвы.

Р и с. 29.

Образцы кожаной обуви (1, 2) и прорисы орнамента (3, 4)

Приложение 1

Результаты спектрального анализа стекла и глазурей, найденных при раскопках в Московском Кремле

Лабораторией спектрального и структурного анализа кафедры археологии истфака МГУ была получена коллекция изделий из стекла и эмали, обнаруженных в Кремле в 1963—1965 гг. Было исследовано методом спектроскопического анализа 11 образцов. Результаты анализа дали следующее.

Крест с выемчатой эмалью (ан. 371:1). Эмаль представляет собой калиево-свинцово-кремнеземное стекло, окрашенное в синий цвет окисью марганца и окисью меди. Такая комбинация красителей была известна киевским стеклоделам с XII в. вплоть до 1240 г.

Обломок сосуда прозрачного, бесцветного, расписан сосуд белыми полосами в красном контуре. Сосуд изготовлен из натриево-кальциево-магнезио-кремнеземного стекла (ан. 372:4). Стекло обесцвечено окисью марганца. Сосуды из стекла указанного состава, покрытые росписью, изготавливались в сирийских мастерских XII — XIV вв.

Осколок — фиолетового стекла. Это часть венчика сосуда с белой полоской по устью. Стекло — натриево-кальциево-свинцово-кремнеземное, содержит окиси олова и кобальта, красящие и заглушающие действия которых не использованы. Не располагая данными о форме сосуда и технике его изготовления, нельзя определить ни времени, ни места происхождения описываемого обломка.

Зонная бесцветная бусина калиево-свинцово-кремнеземного стекла (ан. 372:2) происходит из киевских мастерских домонгольского времени.

На белом камне остатки свинцово-кремнеземного стекла, окрашенного медью в красный цвет (ан. 372:1). Состав аналогичен составу глазурей изразцов XVII в. (см. ниже ан. 371:8, 9, 11).

Полива на двух плитках (ан. 371:5, 6)

разложилась под действием почвенных реагентов, изменилась структура стекла и его состав.

Поливная плитка покрыта зеленой поливой (ан. 371:4), изготовленной из свинцово-кремнеземного стекла, окрашенного небольшим количеством окиси меди и заглушенного окисью олова. Абсолютно такое же стекло наносилось на поливные плитки домонгольского времени. Такое же покрытие имеет поливная бытовая керамика XII — XIV вв.

Состав глазурей на изразцах, начиная с XVI в., иной, как мы увидим ниже. Вероятно, что описываемая плитка может быть отнесена к остаткам сооружения более древнего, чем сооружения XVI в.

Глазурное покрытие изразцов (ан. 371:2, 10) — стекло свинцово-кремнеземное, с примесью извести и глинозема. В коричневой глазури много окиси железа, которое используется в качестве красителя, зеленая содержит окись меди. Аналогичные глазури использовались при изготовлении части изразцов Василия Блаженного (ан. 345:5, 6), Крутицкого Теремка (ан. 345:1), ц. Глеба в Старице (ан. 345:4), в Новом Иерусалиме (ан. 345:11).

Глазури на полихромном рельефном изразце (ан. 371:9) и на плоском изразце (ан. 371:8, 11) изготовлены из свинцово-кремнеземного стекла с примесью извести. Все три глазури содержат в своем составе окись меди в качестве красителя. В двух случаях (ан. 371:9 и 11) введение окиси меди и окиси олова привело к получению зеленых глазурей разных оттенков, а в одном случае получилась глазурь желтого цвета — результат технологических нарушений.

Ю. Л. Щапова

**Заключение
о находках зерна из раскопок
в Московском Кремле
1963—1964 гг.**

Археологические коллекции зерна	Культуры, % (количество зерен)								
	рожь	ячмень	пшеница	овес	чечевица	горох	гречиха	просопленки	конопля
1963 г.									
130 К. п. ш. 1/6 — (378)	500	2	—	1	6	—	—	—	—
1964 г.									
130 К. п. ш. 19 (367)	87	—	—	—	—	—	—	—	—
130 К. п. ш. 8 (374)	750	—	1	—	—	—	—	—	—
130 12 А ш. 3 (375)	—	—	—	1	—	—	—	—	—
130 12 А ш. 3 (374)	1	—	—	—	—	—	1	—	—
130 12 А ш. 3 (380)	165	—	8075	—	—	2	—	—	—
130 К. п. ш. 18 (379)	—	—	—	—	—	—	—	+	—
130 К. п. ш. 8 (369)	58	1	5	—	—	—	—	—	—
130 12 А ш. 3 (376)	93	13	18	180	—	—	81	—	12
130 К. п. ш. 19 (372)	120	5	2	5	—	1	2	—	3
130 12 А ш. 3 (382)	550	2	6080	21	—	1	—	—	—
130 К. п. ш. 25 (377)	1340	—	—	—	—	—	—	—	—
130 12 А ш. 3 (381)	2177	—	458	1	—	—	—	—	—
130 К. п. ш. 27 (368)	—	остатки растительных волокон							

А. Кирьянов

Примечание: шифр К. п. — Крестовая палата; 12 А — церковь 12 апостолов; ш. — шурф.

Примечания

- ¹ И. Е. Забелин. История города Москвы, т. I. М., 1905; С. П. Баргенов. Московский Кремль в старину и теперь, т. I, II. М., 1912; Н. А. Скорцов. Археология и топография Москвы. М., 1913.
- ² С июля по декабрь 1965 г. работы проводились археологом ЦНРМ М. Х. Алешковским. Обмеры и графические материалы выполнены техниками-чертежниками ЦНРМ М. И. Астафьевой, Т. А. Булочниковой и архитектором музеев Московского Кремля О. Д. Кузнецовой. Фотофиксация осуществлялась А. И. Петуховым (ЦНРМ).
- ³ Сообщаемые далее высотные отметки даны от одного репера и все — ниже его.
- ⁴ См.: М. Г. Рабинович. Московская керамика. МИА, № 12, 1949, стр. 60—65; Б. А. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде. Там же, стр. 128, 129.
- ⁵ А. Ф. Дубынин. Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1965 г. КСИИМК, вып. 79, 1960, рис. 36.
- ⁶ Этот горизонт примерно соответствует второму культурному слою, выделенному в центральных районах Москвы при прежних исследованиях. См. статью М. Г. Рабиновича в настоящем сборнике.
- ⁷ Фундаменты зданий сложены из белого бутового камня на глине, чередующегося со слоями мелкого битого кирпича и белокаменного щебня, политого известковым раствором.
- ⁸ «Труды Новгородской археологической экспедиции 1959 г.» МИА, № 65, 1959, стр. 226.
- ⁹ Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки, вып. II. Киев, 1900, табл. XVII, рис. 170.
- ¹⁰ См.: Н. С. Шеляпина. Московский кремль. Отчет об археологическом наблюдении за земляными работами в Московском кремле в 1963—1965 гг.— Архив ИА, Р—I, № 3578.
- ¹¹ А. Ф. Дубынин. Указ. соч., стр. 120.
- ¹² Определение стеклянных изделий сделано Ю. Л. Щаповой (см. приложение 1).
- ¹³ Ю. Л. Щапова. Стеклянные изделия древнего Новгорода. МИА, № 177, 1963, стр. 122.
- ¹⁴ Р. Д. Розенфельдт. О производстве и датировке овручских пряслиц. СА, 1964, № 4, стр. 220—223.
- ¹⁵ М. Г. Рабинович. О древней Москве. М., 1964, стр. 100—116.
- ¹⁶ М. Г. Рабинович. Московская керамика, стр. 60, 61; М. В. Фехнер. Раскопки в Костроме. КСИИМК, вып. 47, 1952, стр. 105.
- ¹⁷ При наблюдениях М. Х. Алешковского в июле — декабре 1965 г. это наблюдение Н. С. Шеляпиной подтвердилось (прим. ред.).
- ¹⁸ Заключение о характере эмали — Ю. Л. Щаповой. Энкалпцион, аналогичный найденному, издан в собрании крестов и образков Б. И. и В. Н. Ханенко. См.: Б. И. и В. Н. Ханенко. Указ. соч., табл. V, 56—57.
- ¹⁹ Аналогичные изображения см.: А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, № 378, 379, 234, 235. «Птица влево с повернутой назад головой и с цветком на длинном стебле в клюве». № 379. «Птица с поднятыми крыльями вправо».
- ²⁰ А. А. Тиц. Новые данные о Патриаршем дворе в Кремле. «Архитектурное наследство», XIV. М., 1962, стр. 78.
- ²¹ В. Б. Гириберг. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. «Нумизматика и эпиграфика», вып. 1. М., 1960, стр. 3—63.
- ²² На одной стороне монеты изображен барс, на другой — надписи. По определению В. Л. Янина, это редкая нумизматическая находка, которой нет в собрании А. В. Орешникова. Известен один экземпляр в собраниях Эрмитажа худшей сохранности, изданных И. Г. Спасским. И. Г. Спасский. Русская монетная система. Л., 1962, рис. 60, № 7.
- ²³ Нумерация срубов раскопа дана в порядке их обнаружения. В связи со строительным характером земляных работ не всегда удавалось полностью вскрыть и исследовать заполнение найденных строений. Возможности прирезок исключались.
- ²⁴ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» М.—Л., 1950, стр. 177.
- ²⁵ См.: М. Г. Рабинович. О древней Москве, стр. 100—102.
- ²⁶ Там же, стр. 220.
- ²⁷ Зеленые поливные плитки, найденные во время земляных работ у Успенского собора, относятся к XII—XIV вв. См. результаты спектрального анализа стекла и глазурей (прилож. 1).
- ²⁸ А. В. Арциховский. Раскопки восточной части Дворца в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 160.
- ²⁹ А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие, лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв. САИ, ЕИ—36, 1966, стр. 147, табл. 18, рис. 9.
- ³⁰ М. Г. Рабинович. Из истории городских поселений восточных славян. «Доклад на VI международном съезде славистов. Исто-

рия, культура, фольклор и этнография славянских народов». М., 1968.

- ³¹ В 1966 г. остатки древнего кладбища были прослежены также под современным зданием Успенского собора. Об этом см. в настоящем сборнике статью Д. А. Беленькой (прим. ред.).
- ³² См.: А. Ф. Медведев. Указ. соч., стр. 153, табл. 21, 10.
- ³³ В. П. Даркевич. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси. СА, 1960, № 4.
- ³⁴ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 108.
- ³⁵ А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868.
- ³⁶ А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 73, рис. 66.
- ³⁷ В августе 1965 г. при наблюдениях М. Х. Алешковского было зафиксировано еще одно погребение, нарушенное фундаментом южной стены Успенского собора 1479 г. В нем найдена зеленая зонная бусина XI—XIII вв. Прослежены остатки гробовища. Костяк ориентирован на запад и заглублен в материковый песок.
- ³⁸ Никаких сколько-нибудь явных нарушений горизонта культурного слоя на этих отметках не наблюдалось.
- ³⁹ См.: Н. С. Шеляпина. Московский кремль. Отчет об археологическом наблюдении за земляными работами в Московском кремле в 1963—1965 гг.—Архив ИА СССР, Р—I, № 3578.
- ⁴⁰ Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. I. СПб., 1914, стр. 94.

Д. А. Беленькая

**Археологические
наблюдения
в Успенском соборе
в 1966 г.**

В 1966 г. в связи с продолжением реставрационных работ в Успенском соборе Московского Кремля потребовалось частично вскрыть фундаменты внутри собора. Было заложено семь шурфов общей площадью 25 кв. м.

Основную массу культурного слоя (толщина его в среднем — 4,00 м) этой части Соборной площади составляют остатки двух белокаменных соборов 1326 и 1470-х годов, погребенных под искусственной подсыпкой XV в.

Строительством двух храмов был нарушен слой более раннего кладбища. Его следы обнаружены вокруг собора работами предыдущих лет¹. В 1966 г. в границах собора было вскрыто еще 13 захоронений.

Все погребения совершены в ямах, глубина которых в среднем — 60 см. От гробов иногда удавалось проследить остатки крышек и стенок, но, как правило, уцелели лишь тонкие полоски древесного тлена. Гвоздей в захоронениях не встречено.

Погребения ориентированы на запад и только в одном случае было от-

мечено небольшое отклонение к северу. Почти все они сильно нарушены. Шурфы 1966 г. дали несколько иллюстраций истории этих нарушений.

В одном из шурфов, расположенном рядом с южной стеной собора, была выявлена яма, выкопанная с того же уровня, что и траншея фундамента собора 1326 г. Заполнение ямы — семь черепов без нижних челюстей, явно переложённые из нарушенных (возможно, при этом строительстве) погребений.

В северо-западном углу фундамента стены существующего собора в профиле шурфа отмечены следы большой ямы, хорошо связываемой с постройкой собора Мышкина и Кривцова. Заполнена яма человеческими костями, среди которых обнаружена погребальная лампадка в виде чашечки на поддоне (рис. 1, 5). Излом стенки сосуда был бурого цвета, поверхность покрыта поливой (высота сосуда — 5,3 см; диаметр дна — 4,8 см; диаметр по верхнему краю — 7,5 см). Близкой аналогией лампадке является сосуд, найденный

при исследованиях 1959—1960 гг. в Кремле в одном из погребений конца XV—XVI в.²

Вещей в погребениях не было. Но в слоях засыпки ям обнаружено несколько предметов. Так, в засышке одной могильной ямы найден железный наконечник стрелы (рис. 1, 4), относящийся, по классификации А. Ф. Медведева, к типу 43 ромбовидных стрел с расширением в середине длины пера. Подобные стрелы бытовали с IX до середины XIII в.; обнаружены они в основном на древнерусских городищах, погибших во время монгольского нашествия. «Особенно характерны наконечники этого типа для XII и первой половины XIII в.»³

В юго-восточном углу собора в перекопе обнаружены три височных кольца с обрывком ткани от головного убора (рис. 1, 1—3). Возможно, они происходят из какого-то нарушенного погребения. Трехбусинные височные кольца, так называемого киевского типа, встречаемые на территории Руси с X до середины XIII в., представлены в археологических коллекциях множеством разновидностей. Схема размещения скани и зерни на кольцах из Успенского собора относит их к более определенному хронологическому варианту, распространенному главным образом в Южной России, в отдельных случаях проникшему на север и датируемому последней четвертью XII — первой половиной XIII в.⁴

В том же слое кладбища обнаружены три фрагмента стеклянных браслетов.

Кроме находок, относимых к концу XII — первой половине XIII в., почти во всех шурфах отмечены слои, образовавшиеся при строительстве собора 1326 г. и собора Мышкина и Кривцова.

Строительные остатки, перекрывая слой кладбища, отделяют его верхнюю границу на этой территории.

На определенной части территории собора размещаются погребения, дневная поверхность которых совпадала с древней поверхностью фундаментов собора 1326 г.

Так, в шурфе, расположенном у южной стены в восточной половине собора, два погребения опущены с того же уровня, что и яма фундамента собора 1326 г.

В северо-западном углу собора было расчищено погребение, нарушенное остатками какого-то белокаменного сооружения. Разрыв во времени сооружения могильной ямы и траншеи фундамента, очевидно, велик. Еще неясно, каким образом это сооружение было связано с собором Ивана Калиты, от которого оно находится в некотором удалении, но относить его ко времени ранее 1326 г. нет оснований.

На исследованных участках у южной стены и в северо-западном углу собора кладбище является однослойным и все вскрытые погребения относятся примерно к началу XIV в.

Совсем иначе обстоит дело с погребениями, открытыми в шурфе 10, в юго-восточном углу собора.

Само местоположение шурфа вызывает особый интерес, так как, судя по древнему обычаю помещать сменяющие друг друга церкви «престол на престол», где-то рядом могла находиться древнейшая деревянная церковь Успения. В этом шурфе встретились три погребения. Самым ранним из них являлось погребение, расположенное в центре шурфа и нарушенное более поздним захоронением. Примерно на том же уровне, с которого выкопана могильная яма, были найдены в перекопе три височных кольца, о которых было сказано

выше. Это позволяет предположить, что центральное захоронение относится к ранним погребениям кладбища.

Могильная яма для третьего погребения была выкопана с уровня, на котором расположились и белокаменная крошка, и два белокаменных квадра, что говорит о близости его по времени к началу XIV в.

Таким образом, судя по перечисленным ранее находкам и по соотношению погребений со строительным слоем первой четверти XIV в., нижней датой кладбища в этом месте является вторая половина XII — начало XIII в.

Могильные ямы кладбища выкопаны не в материке, а в культурном слое (толщина в среднем — 60 см), отложившемся здесь значительно раньше первых захоронений, в слое очень различном по составу на разных участках территории собора. Так, темно-серым за счет большого количества угольных включений выглядит этот горизонт культурного слоя в юго-восточном углу собора, а южнее, с увеличением песчаных выбросов и уменьшением количества угольных включений, слой приобретает более светлую окраску.

В этом самом раннем горизонте сооружений почти нет. В юго-восточном и северо-западном углах собора несколько раз прослежен выброс материкового грунта, по-видимому, производившийся из неглубоких ям.

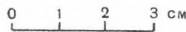
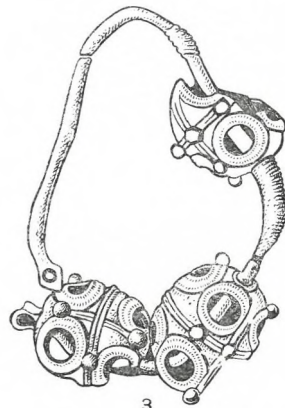
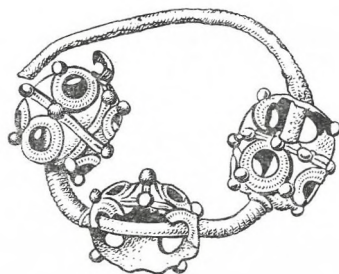
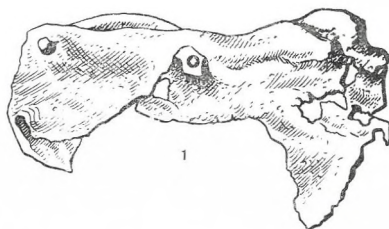
В северо-западном углу собора и в профиле и в плане прослежена яма в материке глубиной 70 см. К сожалению, в границы шурфа она попала только небольшой своей частью.

По-видимому, с этой ямой конструктивно было связано какое-то деревянное сооружение. Остатки его — несколько обломков обгорелых бревен одного диаметра (13—14 см) —

Р и с. 1.

Вещи из раскопок в Успенском соборе Московского Кремля

1—3 — височные кольца; 4 — наконечник стрелы; 5 — глиняная поливная лампадка

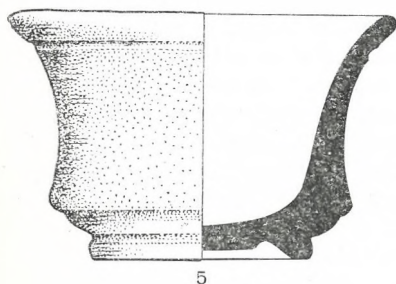
почти все — в смещенном состоянии, найдены они в непосредственной близости от ямы. О назначении этого сооружения судить трудно. Обнаруженные на 20 см ниже края ямы две прослойки розового обожженного песка (толщина — 2 см), возможно, говорят о производственном характере постройки. Диаметр бревен также не типичен для жилого, оборонительного или культового сооружения.

Определение даты слоя, нарушенного кладбищем, затруднено из-за отсутствия вещей. Керамический же материал слоя наиболее полно представлен только в двух шурфах: в 10, расположенном в юго-восточном

углу собора, и в 13 — у северо-западного столба собора. Всего из слоя собрано 153 фрагмента так называемой серой керамики. Вся керамика относится к хорошо известным типам. Прежде всего это венчики с плавным отгибом и утолщением по краю, завернутым внутрь сосуда; тип керамики общий для поселений и северо-восточной части и Южной Руси XII—XIII вв.⁵ Второй тип венчиков имеет слегка отогнутый край, без утолщения, с небольшим внутренним желобком. Аналогичные профили встречены в Суздале в слое XII—XIII вв., в Старой Рязани, среди IV группы керамики, особо характерной для слоев XI—XII вв.⁶, в Костроме, в слое XI—XII вв.⁷, в Новгороде, где это тип III—Г (XI—XIII вв.)⁸. Третий тип профиля — с плавно отогнутым и слегка заостренным краем и желобком. Сосуды с подобными профилями известны и в Гродно (слой XII—XIII вв.)⁹, и в Новгороде (XII—XIII вв.). Четвертый тип — плавно отогнутый венчик с утолщением края и двумя желобками. В Новгороде это тип III—Г¹⁰; в Старой Рязани — II — III группы, т. е. XII—XIII вв.¹¹

И, наконец, очень небольшое количество венчиков, имеющих более ранние аналогии: так, прямой венчик с так называемым внешним манжетобразным загибом и небольшим внутренним рубчиком¹². По горлу сосуда проходит линия волнистого орнамента, а ниже — зона линейного орнамента. В Новгороде это тип II-Г, т. е. XI в. — самое начало XIII в.¹³, в Суздале — в слоях конца XI — начала XII в.; в Старой Рязани это IV группа, XI—XII вв.¹⁴ Подобный же профиль у горшка из Шишимровских курганов, датируемого XI в.¹⁵

Небольшая группа сосудов — с короткими прямыми венчиками, без

утолщений, с желобком по самому краю. Подобные имеются в Старой Рязани (XI—XII вв.)¹⁶, в Костроме (XI—XII вв.)¹⁷.

Следующий тип сосудов — со слегка отогнутым венчиком, небольшим утолщением по краю и внутренним желобом. В Новгороде это тип III—Г¹⁸, в Старой Рязани — IV группа, т. е. XI—XII вв.

И, наконец, один венчик с чуть отогнутым острым краем, без утолщения, с неглубокими желобками. Сосуды с подобными венчиками известны в Суздале в XII вв., в Старой Рязани, IV группа, слой XI—XII вв.¹⁹

Присутствие нескольких фрагментов сосудов более ранних форм, по тексту и обжигу близких к остальной керамике XII—XIII вв., может свидетельствовать о XII в., скорее всего о первой его половине, как о начальной дате отложения в этом районе культурного слоя. Погребения же, связанные с церковью, были совершены, по-видимому, уже во второй половине XII в. Очевидно, допустимо считать датой заселения этой территории вторую четверть XII века.

В каком соотношении стоит эта дата со всем, что достоверно известно о предыстории собора Ивана Калиты?

Летописные известия очень туманны. Упоминание о деревянной церкви — предшественнице собора 1326 г. — в Ермолинской летописи под 6833 г. выглядит так:

«В лето 6833 г. (1325 г.) князь Дмитрий Михайлович (Тверской), иде в Орду и уби великого князя Юрья... Тогда же привезоша из Орды великого князя Юрия Даниловича в первую субботу поста». Львовская летопись добавляет: «Положиша его во церкви Святые Богородица честнаго Успения, во приделе святого Ди-

митрия»²⁰. Вот как комментирует это сообщение Н. А. Скворцов. «Как известно, Юрий Данилович убит 21 ноября 1325 г., если он привезен в первую субботу великого поста, то это случилось 8 февраля 1326 г. (по мартовскому счету шел еще 1325 г.)... Таким образом, в это время существовала церковь Успения с приделом, несомненно деревянная, иначе не было бы надобности в том же году начинать новую постройку собора»²¹.

Но если о существовании до 1326 г. церкви Успения говорится только в одном летописном своде, то все летописи отмечают, что при перестройке собора в 1472 г. мощи князя Юрия Даниловича были возвращены в тот же Дмитровский придел.

Анализируя это сообщение, С. А. Усов делает вывод: «...отсюда также следует, что Дмитровский придел также с южной стороны был еще в древнем деревянном Успенском соборе»²².

Оставляя повод для размышлений о возможности существования деревянной церкви Успения, летописи не сохраняют данных о времени ее основания.

Вернемся к дате, полученной на основании археологического материала, — второй половине XII — началу XIII в.

Усиление Ростово-Суздальской земли, окончательная замена кружного пути из Киева в Суздаль на путь через земли вятичей — все это способствовало превращению Москвы во второй половине XII в. в наиболее важный пункт на чернигово-рязанском пограничье. Летописи в этот период упоминают Москву и как место встречи военных сил князей и как город Владимир-Суздальской земли, первым страдающим от набегов, в частности рязанских князей.

С другой стороны, это время энергичного роста города, несомненное расширение территории Кремля; увеличение территории посада.

Сооружение в Москве деревянной церкви Успения именно в эту эпоху, несомненно, является еще одним свидетельством прочно укрепившегося здесь владимирского влияния.

Примечания

- 1 См. в настоящем сборнике статью Н. С. Шеляпиной (прим. ред.).
- 2 Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович. Археологические работы в Московском Кремле. СА, 1963, № 1, стр. 262, 263.
- 3 А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. САИ, ЕИ—36, 1966, табл. 30. Б, № 39, стр. 66.
- 4 Г. Ф. Корзухина. Русские клады. Л., 1954 (клады 74, 79, 86, 91, 94, 106); Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, табл. XXVII, № 976, 977; Н. П. Кондаков. Русские клады. СА, XV, 1951, табл. XIII, 9; Г. Ф. Корзухина. Серебряная чаша из Клева с надписями XII в., рис. 6; ОАК за 1908 г., стр. 177, рис. 236; ОАК за 1911 г., стр. 61, рис. 102; ЗОРСА, т. XI, 1915, табл. 1. В Подмоскowie такие кольца обнаружены в кургане у с. Чертаново (XII в.); Г. П. Латышева, М. Г. Рабинович. Москва в далеком прошлом. М., 1966, стр. 48—49. В Серенске в слое первой половины XIII в. найдено аналогичное височное кольцо.
- 5 П. А. Раппопорт. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII в. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 185; Г. Н. Никольская. Древнерусское селище Лебедка. СА, 1957, № 3, стр. 190; В. В. Семенов. Раскопки в Гороховце. КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 87.
- 6 А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 125.
- 7 М. В. Фехнер. Раскопки в Костроме. КСИИМК, вып. 47, 1952, рис. 38.
- 8 Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 234, рис. 2.
- 9 Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, рис. 15.
- 10 Г. П. Смирнова. Указ. соч.
- 11 А. Л. Монгайт. Указ. соч., стр. 125.
- 12 П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 185. Первая группа керамики — X—XI вв.
- 13 Г. П. Смирнова. Указ. соч.
- 14 А. Л. Монгайт. Указ. соч., стр. 125.
- 15 Т. В. Равдина. Шинимровские курганы. «Культура древней Руси». М., 1966, стр. 223, рис. 2.
- 16 А. Л. Монгайт. Указ. соч.
- 17 М. В. Фехнер. Указ. соч.
- 18 Г. П. Смирнова. Указ. соч.
- 19 А. Л. Монгайт. Указ. соч.
- 20 ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 102; т. XX, первая половина, 1910, стр. 177.
- 21 Н. А. Скворцов. Археология и топография Москвы. М., 1913, стр. 196.
- 22 С. А. Усов. Сочинения, т. I. М., 1892, стр. 106.

**Некоторые итоги
изучения
костных остатков
животных из раскопок
Москвы**

Уже более десяти лет тому назад нами была опубликована работа¹, в которой уже попытались рассказать о домашних животных и животноводстве у населения древней Руси. В ее основе лежало изучение костных остатков животных из раскопок археологических памятников, преимущественно древнерусских городов, в том числе и Москвы (по материалам раскопок М. Г. Рабиновича в Зарядье в 1949—1951 гг.). Археологическое изучение Москвы продолжалось, однако, и в последующие годы: в 1958—1963 гг. А. Ф. Дубынин производил раскопки в Зарядье, в 1956 г. — М. Г. Рабинович — у башни Кутафьи, а в 1959 г. — Н. Н. Воронин и М. Г. Рабинович — в Кремле.

Зарядье и Кремль являлись жилыми районами города, и полученный при раскопках материал характеризует хозяйство и, частично, быт населения. Что же касается раскопа у башни Кутафьи, то он произведен не в жилом районе, а у крепостной башни, проезжей части дороги и набережной реки. Как мы увидим ниже,

материал из этого раскопа имеет случайный характер.

В итоге раскопок последних лет был получен новый, довольно многочисленный материал, позволяющий дать более углубленную характеристику хозяйства древнего населения Москвы.

В общей совокупности за все годы из раскопок Москвы были определены почти 34 тыс. костей, происходящих минимально от 4,5 тыс. особей домашних и диких млекопитающих, обнаруженных в различных слоях, начиная от XI—XIII вв. и кончая XVII в. Распределение материала по отдельным слоям и раскопам дано в табл. 1.

Всего в настоящее время в культурном слое Москвы зарегистрировано 15 видов млекопитающих, из которых 7 принадлежат домашним и 8 — диким животным. Последние представлены лосем, северным оленем, косулей, кабаном, медведем, лисицей, бобром и зайцем-беяком.

Бедности видового состава диких животных сопутствует общая мало-

Таблица 1. Видовой состав костных остатков животных из раскопок в Москве

Вид	Зарядье										Кремль				У башии Кутафьей	
	слой XI—XIII вв.		слой XIV—XV вв.		слой XVI—XVII вв.		материал, лишенный стратиграфи- ческой пас- портизации		слой XI—XIII вв.		слой XIII—XIV вв.		слой XIV—XV вв.		слой XVII в.	
	костей	особей	костей	особей	костей	особей	костей	особей	костей	особей	костей	особей	костей	особей	костей	особей
Крупный рога- тый скот	6498	376	6273	441	3186	279	1460	187	806	15	624	12	196	7	151	13
Мелкий рога- тый скот	636	164	1114	270	894	249	258	99	119	9	121	7	35	7	67	18
Свинья	2492	473	2637	503	1720	422	722	265	328	21	380	24	104	12	74	13
Лошадь	443	76	559	84	465	60	489	82	19	2	66	3	129	4	5	1
Собака	93	35	90	26	71	27	79	27	14	2	6	1	5	1	4	2
Кот	14	7	50	18	12	8	12	6	—	—	—	—	—	—	—	—
Лось	19	6	21	9	15	6	6	1	21	2	15	2	14	2	—	—
Северный олень	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Косуля	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—
Кабан	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	1	—	—
Медведь	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Лисица	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—
Бобр	—	—	—	—	—	—	—	—	27	4	13	2	1	1	—	—
Заяц-беляк	—	—	7	4	4	3	—	—	2	1	8	4	1	1	—	—
Всего:	10196	1138	10751	1455	6367	1054	3027	668	1338	58	1235	56	486	36	301	47

Таблица 2. Соотношения между домашними и дикими животными по количеству особей (в %)

Животные	Зарядье					У баш- ни Ку- тафьей	Кремль			
	слой XI—XIII вв.	слой XIV—XV вв.	слой XVI—XVII вв.	материал, лишенный стратигра- фической паспорти- зации	всего	слой XVII в.	слой XII—XIII вв.	слой XIII—XIV вв.	слой XIV—XV вв.	всего
Домашние	99,4	99,1	99,2	99,7	99,3	100,0	84,5	83,9	86,1	84,7
Дикие	0,6	0,9	0,8	0,3	0,7	—	15,5	16,1	13,9	15,3

численность костных остатков их. На долю диких видов по памятнику в целом приходится всего только 0,5% общего количества костей и 1,2% общего количества особей. Костные остатки северного оленя, косули, кабана, медведя и лисицы вообще представлены находками единичных экземпляров; только заяц, бобр и особенно лось более многочисленны.

Обращает на себя внимание и очень неравномерное распределение найденных костей диких животных по отдельным раскопам. В раскопе у башни Кутафьи они вообще не встречены, что, вероятно, стоит в связи с общей малочисленностью найденных здесь костных остатков. Но и в Зарядье, раскопки которого дали основную массу исследованного нами материала, дикие животные представлены всего тремя видами, тогда как в культурном слое Кремля — шесть видами; кости косули, кабана, лисицы и бобра обнаружены только в этом районе.

Что касается количества диких животных, то в Зарядье оно колеблется от 0,6% (слой XI—XIII вв.) до

0,9% (слой XIV—XV вв.) в целом, считая материал, лишенный стратиграфической паспортизации, 0,7% от общего количества особей (табл. 2). Совершенно очевидно, таким образом, что охота в жизни древнего населения Зарядья была совершенно ничтожной. В общих чертах такую же примерно картину встречаем мы и в материалах из раскопок других городов древней Руси.

Однако остатки из раскопок в Кремле обнаруживают в интересующем нас отношении очень резкие отличия. Дикие животные составляют в них от 13,9 (слой XIV—XV вв.) до 16,1% (слой XIII—XIV вв.), в среднем по раскопу — 15,3% от общего количества особей. Следовательно, процент особей диких животных в культурном слое Кремля почти в 22 раза выше, чем в Зарядье.

Отмеченное обстоятельство надо рассматривать, видимо, как отражение феодальных привилегий в отношении охоты у жителей Кремля. Заметим, что аналогичное явление было констатировано ранее при изучении костных остатков из раскопок в Грод-

Таблица 3. Остеометрическая характеристика крупного рогатого скота

Признак	n	Lim.	M	± m	σ	C
Длина альвеолярного ряда коренных зубов верхней челюсти, мм	50	110—128	118,86	0,63	4,50	3,8
Длина альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти, мм	60	115—139	123,41	0,65	5,01	4,1
Ширина нижнего суставного блока плечевой кости, мм	176	58—72	63,56	0,21	2,76	4,3
<i>Лучевая кость</i>						
Общая длина, мм	16	228—267	245,60	2,88	11,50	4,7
Ширина верхнего конца, мм	180	60—84	69,12	0,31	4,12	5,9
Ширина диафиза, мм	14	31—41	34,42	0,79	2,98	8,7
Индекс ширины верхнего конца, %	9	26,1—29,9	27,72	0,31	0,92	3,4
Индекс ширины диафиза, %	14	13,0—15,3	14,04	0,18	0,69	4,9
<i>Берцовая кость</i>						
Общая длина, мм	6	290—305	296,2	—	—	—
Ширина нижнего конца, мм	261	47—65	52,22	0,17	2,72	5,2
Ширина диафиза, мм	5	29—31	30,2	—	—	—
Индекс ширины нижнего конца, %	5	17,4—18,6	17,9	—	—	—
Индекс ширины диафиза, %	5	10,0—10,7	10,2	—	—	—
Общая длина таранной кости, мм	320	51—70	58,22	0,16	2,90	5,0
Общая длина пяточной кости, мм	272	104—145	114,56	0,40	6,54	5,7
<i>Пястная кость</i>						
Общая длина, мм	206	155—206	176,75	0,56	8,10	4,0
Ширина верхнего конца, мм	253	43—64	49,56	0,26	4,12	8,3
Ширина нижнего конца, мм	456	44—70	51,20	0,20	4,28	8,4
Ширина диафиза, мм	272	23—36	26,96	0,20	3,26	12,1
Индекс ширины верхнего конца, %	162	24,5—33,7	28,13	0,16	2,00	7,2
Индекс ширины нижнего конца, %	200	25,7—36,6	29,28	0,16	2,34	8,0
Индекс ширины диафиза, %	206	12,4—20,1	15,33	0,11	1,63	10,6
<i>Плюсневая кость</i>						
Общая длина, мм	157	180—248	198,90	0,80	10,00	5,0
Ширина верхнего конца, мм	188	37—54	41,02	0,23	3,10	7,6
Ширина нижнего конца, мм	294	41—67	47,40	0,24	4,16	8,8
Ширина диафиза, мм	193	18,5—32	22,74	0,17	2,36	10,4
Индекс ширины верхнего конца, %	138	17,4—24,5	20,65	0,12	1,43	6,9
Индекс ширины нижнего конца, %	153	21,3—29,7	24,03	0,14	1,79	7,4
Индекс ширины диафиза, %	157	9,7—14,7	11,53	0,08	1,04	9,0
Длина больших фаланг, мм	846	49—72	54,54	0,11	3,09	5,6

но² и феодального замка Любеч. Количественные соотношения между дикими и домашними животными в костных остатках являются, как можно думать, довольно чутким индикатором социального характера памятника.

Что же касается домашних животных, то они представлены в культурном слое Москвы обычным для древней Руси комплексом видов: крупный рогатый скот, овца, коза, свинья, лошадь, собака и кошка. Полученный новый материал по этим видам подтвердил правильность заключений о физическом облике их, сделанных в процессе предшествующей работы, но позволил значительно расширить и углубить их остеометрические характеристики, а также коснуться некоторых вопросов хозяйственного использования животных.

Крупный рогатый скот. Как нами уже было установлено ранее³, скот, обнаруженный в культурном слое XI—XVII вв., отличается сильно выраженной короткорогостью и рядом других краниологических признаков, указывающих на принадлежность их к типу *brachyceros*, повсеместно распространенному в лесной полосе древней Руси. Для характеристики размеров черепа уместно сравнить между собой общую длину альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти у скота из Москвы и других городов древней Руси, поскольку в нашем распоряжении имеются многочисленные серии измерений этого признака:

скот из раскопок	60	115—139
Москвы	123,41 ± 0,65	мм
скот из раскопок	274	111—145
других городов	123,32 ± 0,30	мм
древней Руси		

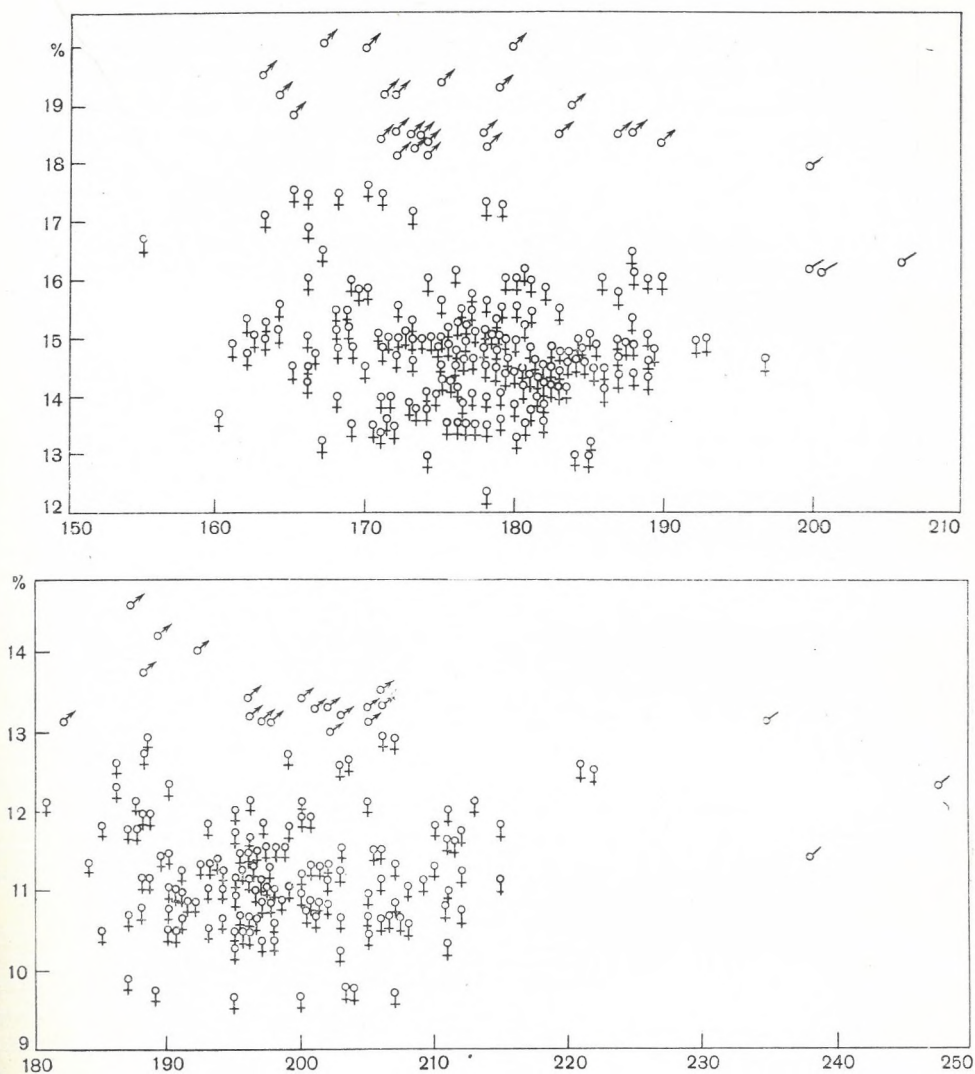
Мы видим, что средние размеры исследованного признака в обоих случаях практически совершенно

сходны ($M. diff. = 0,12$). Это дает основание считать, что и по общей длине черепа московский скот был вполне типичен для древнерусского скота вообще.

В табл. 3 приведена остеометрическая характеристика крупного рогатого скота из раскопок Москвы, для которой были использованы главным образом многочисленные измерения костей конечностей.

Особый интерес среди них представляют крупные серии хорошо сохранившихся метаподий, насчитывающие 206 пястных и 157 плюсневых костей. Детальный анализ этих частей посткраниального скелета открывает возможность не только составить представление о росте животных, но и судить о составе популяции их.

Изучение хорошо сохранившихся пястных костей обнаруживает, как и обычно, чрезвычайно широкую изменчивость их как по общим размерам, так и по основным пропорциям. Достаточно указать, например, что общая длина кости колеблется от 155,5 до 206 мм, а индекс ширины диафиза — от 12,4 до 20,1% общей длины кости. Как хорошо известно в настоящее время, обнаруживающееся замечательное разнообразие рассматриваемых костей обусловлено, помимо индивидуальной изменчивости, хорошо выраженным у крупного рогатого скота половым диморфизмом: метаподии быков значительно превосходят одноименные кости коров по абсолютной и относительной ширине эпифизов и диафизов. Разнообразию наблюдающейся картины способствуют также встречающиеся в остатках кости волов. Кастрация (если она производится в возрасте, когда развитие скелета животного еще не завершено) вызывает усиление аксиального роста ко-

Р и с. 1.

Корреляционные графики

1 — график корреляции между длиной пясти и шириной диафиза

На оси ординат — длина пясти (в мм), на оси абсцисс — ширина диафиза (в % к общей длине кости); 2 — график корреляции между длиной плюсны и шириной диафиза: на оси ординат — длина плюсны (в мм), на оси абсцисс — ширина диафиза (в % к общей длине кости).
♀ — коровы, ♂ — быки, ♂ — воля (?)

Таблица 4. Остеометрическая характеристика метанодий крупного рогатого скота

Признак	Коровы			Быки			Волы?	
	n	Lim.	M ± m	n	Lim.	M ± m	n	Lim.
<i>Пястная кость</i>								
Общая длина, мм	177	155—197	176,60 ± 0,56	25	163—190	174,55 ± 1,41	4	200—206
Ширина верхнего конца, мм	138	42—58	48,38 ± 0,25	20	50—63	55,90 ± 0,70	4	59—63
Ширина нижнего конца, мм	173	44—60	50,10 ± 0,23	21	54—68	59,66 ± 0,65	3	60—61
Ширина диафиза, мм	177	22—31	25,95 ± 0,14	25	31—36	32,74 ± 0,26	4	32—36
Индекс ширины верхнего конца, %	162	24,5—31,8	27,55 ± 0,12	20	30,3—33,7	31,80 ± 0,25	4	28,1—31,5
Индекс ширины нижнего конца, %	173	25,7—33,3	28,57 ± 0,12	24	33,2—36,6	34,29 ± 0,23	3	29,1—30,5
Индекс ширины диафиза, %	177	12,4—17,7	14,90 ± 0,07	25	18,2—20,1	18,83 ± 0,12	4	15,8—18,0
<i>Плюсовая кость</i>								
Общая длина, мм	136	180—222	198,20 ± 0,72	18	182—206	197,50 ± 1,66	3	235—248
Ширина верхнего конца, мм	117	36—50	40,00 ± 0,24	18	41—48	43,88 ± 0,49	3	51—54
Ширина нижнего конца, мм	132	41—58	46,32 ± 0,27	18	50—58	52,66 ± 0,58	3	61—68
Ширина диафиза, мм	136	18—28	22,08 ± 0,15	18	24—28	26,39 ± 0,23	3	28—32
Индекс ширины верхнего конца, %	117	17,4—26,1	20,37 ± 0,12	18	20,9—24,5	23,27 ± 0,26	3	20,6—22,9
Индекс ширины нижнего конца, %	132	21,3—28,7	23,58 ± 0,12	18	25,5—29,7	26,89 ± 0,36	3	25,9—28,7
Индекс ширины диафиза, %	136	9,7—13,0	11,23 ± 0,07	18	13,1—14,7	13,55 ± 0,12	3	11,8—13,6

стей, у волов — они длиннее, чем у быков. Что же касается относительной ширины эпифизов и диафизов, то метаподии кастратов занимают в этом отношении промежуточное положение между одноименными костями быков и коров⁴.

Наглядной иллюстрацией сказанного выше может служить, в частности, график корреляции между длиной пясти и шириной диафиза (рис. 11). Пясти коров имеют в большинстве случаев длину в пределах 165—190 мм; она характеризует более 90% изученных экземпляров. Более крупные размеры длины, в пределах от 191 до 197 мм, обнаружены всего у трех пястей, т. е. всего у 1,7% от общего количества исследованных пястей. По величине индекса ширины диафиза они варьируют преимущественно от 13,1 до 17,0% от общей длины (почти 93% экземпляров серии). Только одна пясть отличается исключительной тонкокостью, так что ширина диафиза составляет у нее лишь 12,4%. Довольно редки также и пясти, шириной диафиза превышающие 17,0% (всего 5% исследованных).

В таких же примерно пределах, как и у коров, варьирует длина пястных костей у быков — 163—190 мм. Близки у них и средние арифметические значения рассматриваемого признака: $176,60 \pm 0,56$ — у коров и $174,55 \pm 1,41$ — у быков. *M. diff.* составляет в данном случае всего 1,4, чем устанавливается отсутствие каких-либо статистически достоверных различий между быками и коровами по длине пястных костей. Что же касается индекса ширины диафиза кости, то у быков он колеблется от 18,2 до 20,1% от общей длины. В среднем рассматриваемый индекс у быков ($18,83 \pm 0,12$) почти

на 4% выше, чем у коров ($14,90 \pm 0,07$). Различия между одноименными костями у разных полов в этом отношении весьма значительны. Велики и статистически вполне достоверны различия в абсолютных размерах и индексах ширины эпифизов (табл. 4).

В свете этих данных особый интерес вызывают четыре пястных кости, найденные при раскопках в Зарядье: одна — в слое XIV—XV вв., остальные — в слое XVI—XVII вв. От других экземпляров они отличаются большей длиной, составляющей 200—206 мм. Вместе с тем по относительной ширине эпифизов и диафизов кости эти превышают средние размеры их у коров, но уступают быкам. Подобное сочетание признаков обычно считается характерным для метаподий волов.

Такая же картина наблюдается и при изучении плюневых костей, длина которых варьирует в пределах 180—248 мм, а индекс ширины диафиза — от 9,7 до 14,7%. Различия между полами выражены в строении этих костей слабее, чем у пястей. По-видимому, кости более тонкие, ширина диафиза которых не превосходит 13,0% от общей длины, могут рассматриваться как принадлежащие коровам (рис. 1, 2). Для плюсен коров длина может быть определена от 180 до 215 мм и только 2 из 136 исследованных достигают длины 221 и 222 мм. Для плюсен быков может считаться характерной ширина диафиза более 13% от общей длины, а что касается последней, то она варьирует в тех же пределах, что и у коров (182—206 мм). В среднем длина плюсен — у коров — $198,20 \pm 0,72$ мм, а у быков — $197,50 \pm 1,66$ мм — весьма близка. *M. diff.* в этом случае всего 0,4, что подтверждает отсутствие статистически досто-

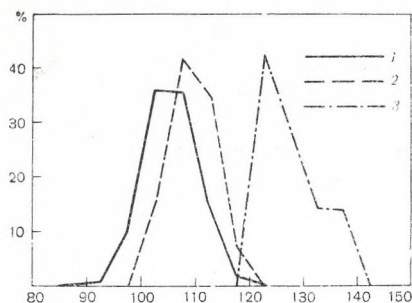

Рис. 2.

Изменчивость роста в холке крупного рогатого скота из раскопок Москвы. На оси ординат — высота в холке (в см), на оси абсцисс — количество экземпляров (в %)

1 — коровы; 2 — быки; 3 — волы (?)

верных различий по величине рассматриваемого признака

Но из всей серии, насчитывающей 157 экземпляров, 3 плюсны заметно выделяются большей длиной, достигающей 235—248 мм; индекс ширины диафиза у них составляет от 11,8—13,6%. Одна из них по своим пропорциям близка к плюснам быков, две остальные занимают в указанном отношении промежуточное положение между костями быков и коров. Возможно, что и эти три кости следует рассматривать как происходящие от волов.

Основываясь на изложенных выше принципах дифференцирования метаподий по полу животных, мы получаем в итоге изучения 363 экземпляра пястных и плюсневых костей следующие численные соотношения между отдельными группами крупного рогатого скота, остатки которого были найдены при раскопках Москвы:

коровы	—	86,2
быки	—	11,9
волы?	—	1,9
		100,0%

Как это обычно наблюдается в материале из раскопок, основная масса костных остатков принадлежит коровам. Значительно меньшую по численности группу образуют быки; по-видимому, они использовались в пищу преимущественно в возрасте до 2—2 1/2 лет, когда синостозирование нижних эпифизов метаподий еще не было завершено, а по этой причине не отражаются в изученном нами материале по пястным и плюсневым костям.

Длина метаподий дает известную возможность получить представление о росте животных, к которым они принадлежали⁵. Пользуясь разработанными для этой цели коэффициентами, можно констатировать, что высота в холке у коров варьировала в общих пределах от 90 до 120 см, составляя в среднем $105,55 \pm 0,26$ см; более 3/4 всех коров имело высоту в холке от 100 до 110 см. Рост быков был в пределах от 100 до 120 см, в среднем $109,15 \pm 0,63$ см, и, следовательно, они на 3—4 см превосходили в этом отношении коров. Подобные размеры роста в холке очень типичны для крупного рогатого скота лесной полосы древней Руси. Волы, поскольку можно судить на основании имеющихся 7 костей, ростом значительно превосходили быков: высота в холке была у них от 122 до 136, в среднем — 131,9 см (рис. 2).

Достаточная точность приведенных выше данных о росте скота нашла себе подтверждение в результатах изучения остатков кожи, найденной в культурном слое Москвы. Было установлено, что применявшееся для выделки кожи сырье — шкуры крупного рогатого скота — происходят от особей, имевших живой вес около 200 кг⁶. Подобный вес имеют, по П. Н. Кулешову⁷, жи-

вотные высотой в холке всего около 1 м.

Крупный рогатый скот принадлежал, несомненно, к числу важнейших домашних животных древней Руси. Разводился он, надо полагать, почти исключительно ради получения мясных и молочных продуктов. Натуральный оброк включал молочные продукты лишь в виде сыров, сметаны и масла, тогда как молоко оставалось в хозяйстве земледельца и было одним из важнейших продуктов питания⁸.

Что же касается использования крупного рогатого скота в земледелии, то по этому вопросу существуют весьма различные мнения. Если И. Мердер и В. Фирсов⁹ вполне определенно считают, что в Великороссии волы не использовались для пахоты, а производилась она только на лошадях, то Н. Рожков¹⁰, наоборот, основываясь на изучении некоторых житиях святых, а главным образом духовных и купчих грамот, приходит к выводу, что во многих центральных и даже отчасти северных уездах Московской Руси в XVI в. наряду с лошадью встречались волы, иногда они численно даже преобладали, а кое-где рабочий скот состоял почти исключительно из волов. Только на севере Московской Руси (Двинский, Каргопольский и Вологодский уезды) и в некоторых центральных уездах (Костромском, Угличком, Волоколамском, Дмитровском и Рузском) пахали лишь на лошадях. В Кашинском, Переяславском, Юрьево-Польском и Владимирском уездах для земледелия пользовались преимущественно лошадьми часто, однако, используя для этой цели и волов. Что же касается центральных уездов, к которым Н. Рожков относит Пошехонский, Ярославский, Клинский, Бежецкий,

Звенигородский, Тверской, Московский, то волы были широко в них распространены и численно, как утверждает Н. Рожков, даже превосходили лошадей.

Согласно Н. Рожкову, таким образом, округа Москвы принадлежала к числу тех районов древней Руси, где волы были весьма многочисленны. Хотя волы предназначены, в основном, для земледельческих целей, в конечном итоге хозяйственное использование их завершается употреблением на мясо. Поэтому, если волов в данной местности много, то они должны быть многочисленны и в костных остатках из раскопок.

Однако изучение находившегося в нашем распоряжении обширного материала из раскопок Москвы показывает, что количество костей, которые есть основания рассматривать как происходящие от волов, совершенно незначительно. Насколько можно судить по метаподиям, например, волы могли составлять всего лишь около 2% от общего количества использованных в пищу особей крупного рогатого скота.

Едва ли можно считать эти данные гармонизирующими с представлениями Н. Рожкова об обилии волов в Московской Руси, скорее они свидетельствуют об обратном. Сомнительно и сколько-нибудь широкое использование их для земледельческих целей, по крайней мере в северных и центральных районах Московской Руси. Основную роль рабочего животного выполняла, несомненно, лошадь. Наблюдающееся у славянских племен резкое уменьшение использования лошадей в пищу, в сравнении с тем, что имело место у населения городищ раннего железного века, служит тому хотя и косвенным, но достаточно убедитель-

ным подтверждением. Пахота на лошади засвидетельствована и изображением искусством древней Руси, например, миниатюрой к рассказу о крестьянине-земледельце из рукописи второй половины XVI в. «Житие Сергия Радонежского».

Волов, во всяком случае в лесной полосе древней Руси, было, видимо, довольно мало и использовались они скорее всего для перевозки тяжестей, а не на пашне.

Для пахоты крупный рогатый скот в древней Руси был мало пригоден по причине своей малорослости и слабосильности. Конечно, он значительно уступал в этом отношении более крупной и сильной лошади. Уместно в связи с этим привести свидетельство Павла Алеппского¹¹, который, излагая свои впечатления от Московской Руси, пишет, «... коровы в этой стране **очень малы, с телят,** по причине сильного холода, как нами упомянуто, **у них нет сил для пахоты,** и они служат только для получения молока зимой и летом»¹² (подчеркнуто нами.— В. Ц.).

Мелкий рогатый скот. Новые раскопки в Москве дали сравнительно мало материала для изучения мелкого рогатого скота. Как и в ранее исследованном материале, в остатках, несомненно, преобладают овцы и козы. Они составляют едва ли более 10—15% от найденных особей мелкого рогатого скота. Преобладают кости молодых животных, в частности, обнаружено большое количество костей нижних челюстей, с еще не завершенным процессом формирования системы коренных зубов, а также длинные трубчатые кости конечностей, свободные от тех или иных эпифизов.

Характерны довольно мелкие размеры костей овец древней Москвы

(табл. 5). По своей средней длине и основным пропорциям метаподий этих овец весьма сходны с одноименными костями современных длиннотопцевых¹². Столь же, впрочем, невелики размеры рассматриваемых костей у овец из раскопок других археологических памятников древней Руси.

Что касается роста в холке, то, как можно судить о нем по сохранившимся 36 метаподиям, он варьировал у овец примерно в пределах 54—64 см, в среднем составляя $59,84 \pm 0,53$ см.

Для остеометрической характеристики коз по-прежнему мало данных, если не считать возможности установления краниологического типа, который у животных из раскопок Москвы выражен совершенно отчетливо: все найденные экземпляры принадлежали типу *prisca*. Целых метаподий коз очень мало, за все годы раскопок были найдены только четыре пясти и одна плюсна. Размеры их, как обычно в лесной полосе древней Руси, невелики: общая длина упомянутых выше пястей в среднем 106,5 (103—112) мм. Однако имеющиеся экземпляры отличаются значительной массивностью, заметно превосходя в этом отношении овец; например, ширина диафиза пястей у них 14,3—16,1 см, в среднем 15,6% от общей длины кости.

Свинья. Кости свиней обнаружены в большом количестве во всех слоях и раскопах Москвы, уступая в этом отношении первенство только крупному рогатому скоту. В основной своей массе это кости от молодых животных, еще не достигших 1,5—2-летнего возраста, свидетельством чего являются найденные челюсти с еще не завершенным формированием системы коренных зубов

и обилие костей конечностей, свободных от эпифизов. Биометрически обработанные результаты измерений некоторых часто встречающихся костей свиней представлены в табл. 6. Они очень наглядно показывают, что свиньи из раскопок Москвы очень мелкие, как, впрочем, и всюду в лесной полосе древней Руси.

Лошадь. Хотя кости лошадей были встречены во всех слоях и раскопах, они по количеству найденных остатков уступают всем другим видам сельскохозяйственных животных. Все же, в общем итоге, мы располагаем из раскопок Москвы более чем 2 тыс. костей лошадей, происходящих минимально от 312 особей.

Во многих случаях кости имеют признаки искусственного разрушения, недвусмысленно указывающего на использование мяса животных в пищу. Однако в целом они отличаются несколько лучшей сохранностью, чем кости крупного рогатого скота, не говоря уже о мелком рогатом скоте и свиньях. Характерно и то, что в большинстве случаев они принадлежат взрослым особям, судя по стертости коронок резцов, иногда лет до 20 и даже более. Челюсти, еще сохраняющие зубы молочной генерации, редки; редки и метаподии, лишенные нижнего эпифиза (срастание последнего с телом кости у лошадей происходит в возрасте 10—12 месяцев): чаще лишены

Таблица 5. Остеометрическая характеристика метаподий овец

Признак	n	Lim.	M	± m	σ	C
<i>Пястная кость</i>						
Общая длина, мм	11	118—130	123,58	1,10	3,48	2,8
Ширина верхнего конца, мм	10	19,5—23,3	21,70	0,45	1,46	6,7
Ширина нижнего конца, мм	10	23,2—26,0	24,20	0,57	1,70	7,0
Ширина диафиза, мм	11	11,2—14,4	13,16	0,25	0,82	6,2
Индекс ширины верхнего конца, %	10	15,5—18,6	17,60	0,30	0,90	5,1
Индекс ширины нижнего конца, %	10	18,4—20,8	19,75	0,22	0,67	3,4
Индекс ширины диафиза, %	11	9,9—11,8	10,66	0,23	0,73	6,9
<i>Плюсневая кость</i>						
Общая длина, мм	15	114,5—137	127,15	3,22	12,45	9,8
Ширина верхнего конца, мм	14	18—22,5	20,29	0,41	1,46	7,2
Ширина нижнего конца, мм	14	21,5—26	23,43	0,32	1,16	4,9
Ширина диафиза, мм	15	10—15	12,10	0,27	1,02	8,4
Индекс ширины верхнего конца, %	14	14,3—18,9	16,07	0,33	1,88	11,7
Индекс ширины нижнего конца, %	14	17,1—20,7	18,86	0,36	1,28	6,8
Индекс ширины диафиза, %	15	8,5—11,8	9,78	0,27	1,01	10,3

верхнего эпифиза плечевые и бедренные кости, но и срастаются они у лошадей только в 3,5—4-летнем возрасте.

В силу обоих отмеченных обстоятельств среди остатков лошадей из раскопок Москвы имеется весьма значительное количество хорошо сохранившихся длинных трубчатых костей конечностей, весьма важных для типологического изучения этих древних лошадей. Особенно интересны в этом отношении обширные серии пястных и плюсневых костей, в общей совокупности насчитывающие 239 экземпляров.

Остеометрическая характеристика, основанная на измерениях костей конечностей лошадей из раскопок Москвы, приведена в табл. 7, и более подробно мы остановимся только на рассмотрении имеющих серий метаподий.

Пястные кости, представленные в изученном материале 127 хорошо сохранившимися экземплярами, обнаруживают замечательно широкую изменчивость своих размеров. Среди них встречены крайне мелкие,

лишь очень редко наблюдающиеся у лошадей Восточной Европы. Такова, например, кость из слоя XVI—XVII вв., найденная в Зарядье и имеющая общую длину всего лишь 187 мм. Наиболее обычны пясти длиной в пределах 200—220 мм, составляющие, примерно, $\frac{2}{3}$ общего количества исследованных. Как правило, длина кости даже у самых крупных экземпляров не превышает 235 мм. В этом отношении совершенно особняком от остальных оказывается одна необычайно крупная пясть, длина которой составляет 260 мм. За многие годы изучения автором костных остатков из раскопок древнерусских памятников только еще один раз была найдена пястная кость столь же крупных размеров: она происходила из раскопок Пскова и имела длину 259 мм. Интересно, что и упоминавшаяся ранее очень мелкая пясть и описанный весьма крупный экземпляр происходят из одного и того же слоя XVI—XVII вв. (Зарядье).

Несколько более однородными оказываются рассматриваемые кости по

Таблица 6. Остеометрическая характеристика свиньи, мм

Признак	n	Lim.	M	$\pm m$	σ	C
Длина M ³ верхней челюсти	72	24—33	28,14	0,24	2,08	7,4
Длина сомкнутого альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти	207	78—104	91,52	0,30	4,32	4,7
Длина M ₃ нижней челюсти	439	24—36	28,86	0,12	2,48	8,6
Ширина нижнего конца плечевой кости	231	25—36	28,54	0,12	1,81	6,4
Ширина верхнего конца лучевой кости	171	21—30	24,84	0,12	1,56	6,3
Ширина нижнего конца берцовой кости	207	23—31	26,16	0,10	1,48	5,7
Длина таранной кости	95	33—43	37,12	0,23	2,24	6,0

Таблица 7. Остеометрическая характеристика лошади

Признак	n	Lim.	M	± m	σ	C
<i>Плечевая кость</i>						
Общая длина, мм	21	252—298	278,80	2,82	12,90	4,6
Ширина нижнего суставного блока, мм	67	58—84	68,00	0,84	6,85	10,0
Индекс ширины диафиза, %	21	11,2—14,0	12,27	0,15	0,69	5,6
<i>Лучевая кость</i>						
Общая длина, мм	50	286—358	316,20	2,39	16,90	5,3
Ширина верхнего конца, мм	93	67,5—91	76,57	0,54	5,16	6,7
Ширина нижнего конца, мм	90	62—82	69,86	0,54	5,10	7,3
Ширина нижнего суставного блока, мм	114	53—68	59,50	0,38	4,06	6,8
Ширина диафиза, мм	50	32—41	36,08	0,36	2,58	7,2
Индекс ширины верхнего конца, %	42	22,0—25,9	24,27	0,17	1,08	4,4
Индекс ширины нижнего конца, %	42	20,9—24,1	22,24	0,14	0,89	3,7
Индекс ширины нижнего суставного блока, %	40	17,0—20,4	18,96	0,12	0,77	4,1
Индекс ширины диафиза, %	50	10,2—12,5	11,32	0,09	0,63	5,6
<i>Бедренная кость</i>						
Общая длина, мм	5	356—412	379,6	—	—	—
Ширина нижнего конца, мм	5	85—95	89,8	—	—	—
Ширина диафиза, мм	5	35—41	37,6	—	—	—
Индекс ширины нижнего конца, %	5	23,1—24,7	23,7	—	—	—
Индекс ширины диафиза	5	9,7—10,1	9,9	—	—	—
<i>Берцовая кость</i>						
Общая длина, мм	41	308—366	333,30	2,29	14,70	4,4
Ширина нижнего конца, мм	96	61—78	68,58	0,39	3,87	5,7
Ширина диафиза, мм	37	35—44	37,44	0,37	2,28	6,1
Индекс ширины нижнего конца, %	34	19,8—21,9	20,68	0,09	0,57	2,8
Индекс ширины диафиза, %	33	10,0—12,7	11,45	0,12	0,68	5,9
<i>Пястная кость</i>						
Общая длина, мм	126	187—235	211,10	0,80	9,65	4,7
Ширина верхнего конца, мм	122	41—59	46,94	0,30	3,32	7,1
Ширина нижнего конца, мм	120	41—57	46,08	0,28	3,10	6,7
Ширина диафиза, мм	126	26,5—38	31,12	0,21	2,30	7,4
Индекс ширины диафиза, %	126	12,7—16,3	14,75	0,07	0,74	5,0
<i>Плюсневая кость</i>						
Общая длина, мм	112	225—292	251,55	1,25	13,25	5,3
Ширина верхнего конца, мм	105	41—57	46,80	0,32	3,30	7,0

Таблица 7 (окончание)

Признак	n	Lim.	M	± m	σ	C
Ширина нижнего конца, мм	111	42—55	46,08	0,26	2,78	6,0
Ширина диафиза, мм	110	25—35	28,34	0,20	2,17	7,0
Индекс ширины диафиза, %	110	10,0—13,0	11,34	0,06	0,61	5,3
<i>Копытная передняя кость</i>						
Ширина кости, мм	37	63—91	76,85	1,03	6,25	8,1
Длина передней стенки, мм	35	45—60	50,66	0,54	3,22	6,3
Высота кости, мм	35	34—43	38,00	0,31	1,96	5,2
Индекс ширины, %	35	134,0—167,0	150,20	1,46	8,60	5,7
Индекс высоты, %	35	43,7—59,4	50,92	0,72	4,24	8,3
<i>Копытная задняя кость</i>						
Ширина кости, мм	30	62—82	72,15	0,95	5,20	7,2
Длина передней стенки, мм	26	42—64	51,12	0,96	4,89	9,4
Высота кости, мм	25	31—44	36,52	0,59	2,96	8,4
Индекс ширины, %	26	128,0—162,0	142,90	1,73	8,80	6,2
Индекс высоты, %	25	44,9—58,1	50,84	0,70	3,52	6,9

своим структурным особенностям. В частности, например, индекс ширины диафиза варьирует у них от 12,7 до 16,3, причем почти $\frac{4}{5}$ всех экземпляров изученной серии характеризуются величиной рассматриваемого индекса в пределах 13,6—15,5%. Распределение пястей по величине относительной ширины диафиза дает следующие весьма показательные результаты, позволяя установить следующие типологические группы среди лошадей древней Москвы (в %):

крайнетонконогие (ширина диафиза менее 13,5%)	— 3,9
тонконогие	13,6—14,5—33,8
полутонконогие » »	14,6—15,5—45,0
среднеоногие » »	15,6—16,5—17,3
	100,0%

Мы видим, что в преобладающем большинстве пясти принадлежат тонконогим и особенно полутонконогим лошадям; значительно меньший процент относится к среднeno-

гим и лишь редко попадают среди них крайнетонконогие. Характерно, что среди пястных костей из раскопок Москвы вовсе не было встречено экземпляров, принадлежащих полутонконогим лошадям, не говоря уже о толстоногих.

Что касается плюсен, то в остатках из раскопок Москвы наиболее обычны экземпляры длиной до 270, чаще в пределах 240—260 мм. Более крупные кости редки: одна плюсна длиной 287 мм была обнаружена в Зарядье, в слое XVI—XVII вв. и еще более крупная кость длиной 292 мм — также в Зарядье, но в слое XIV—XV вв. По относительной ширине диафиза плюсны распределяются следующим образом (%):

ширина диафиза	менее 10,5%	— 8,1
»	10,6—11,5	— 58,6
»	11,6—12,5	— 27,9
»	более 12,5	— 5,4

100,0%

Наиболее характерны для лошадей древней Москвы плюсны шириной диафиза 10,6—11,5%, а изменчивость признака в пределах 10,6—12,5% охватывает более 85% исследованных экземпляров.

Следует специально подчеркнуть, что наблюдаемое разнообразие пястных и плюсневых костей по степени их массивности совершенно не связано с длиной, что наглядно демонстрируют приводимые графики корреляции (рис. 3, 1, 2): сходные величины индексов ширины эпифизов и диафизов встречаются у метаподий, имеющих самую различную длину. Определяя на основании метода В. О. Витта¹³ высоту в холке у лошадей древней Москвы (рис. 4) по сохранившимся длинным трубчатым костям конечностей (всего 354 экз.), мы получаем очень выразительную характеристику роста животных (в см.)

очень мелкие	(высота в холке 112—120 см)	—2,2%
мелкие	(высота в холке 120—128 см)	—28,2
малорослые	» » 128—136	—48,0
средние	» » 136—144	—19,0
рослые	» » 144—152	—2,0
крупные	» » 152—160	—0,6
		100,0%

Разнообразие древних московских лошадей по своим размерам совершенно очевидно. Но, вместе с тем, совершенно очевидно, что основная масса поголовья состояла из малорослых, мелких и средних по росту лошадей. Остальные размерные группы образовывали лишь весьма незначительный процент поголовья. Привлекает внимание обнаруженная в слоях XIV—XV и XVI—XVII вв. крупная лошадь ростом в холке 152—160 см. Такие лошади, крупные и по современным понятиям, были исклю-

чительной редкостью среди вообще всех субфоссиальных лошадей, в том числе и лошадей древней Руси. Возможно, что мы имеем дело в данном случае с тем, что «Русская Правда» называет «княж конь» и что скорее всего представляет восточноевропейский аналог западной рыцарской лошади, выращенной в особо благоприятных условиях содержания и кормления и предназначенной для тяжеловооруженного всадника.

Естественно, что такие особые крупные лошади не характеризуют основного поголовья древнерусских лошадей, которые в действительности, как было показано выше, не отличались крупными размерами. Отмечая это последнее обстоятельство, В. П. Левашова¹⁴ высказывает предположение, что объясняется оно постоянным притоком низкорослых лошадей степных кочевников, приобретавшихся как в качестве трофеев, так и мирным путем.

Имеются убедительные данные письменных источников, свидетельствующие о широких масштабах торговли лошадьми в древней Руси со степью. Показательна в этом отношении приводимая Г. Е. Кочиним летописная запись периода княжения Ивана III под 1474 г., в которой рассказывается о приходе в Москву из Большой Орды «послов шестьсот, коих кормили, а гостей с конми и иным товаром было три тысячи и 200; а коней продажных было с ними более 40 тысяч». Вполне обычен был пригон в Москву для продажи коней ногаями. Таким образом, вполне вероятно, что более или менее значительную часть конского поголовья составляли в древней Руси степные лошади.

Не ясно, однако, на чем основано представление В. П. Левашовой об особенно мелких размерах этих степ-

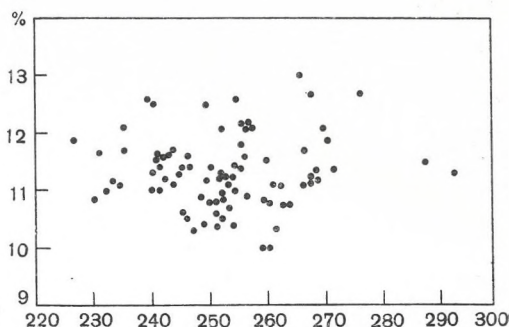
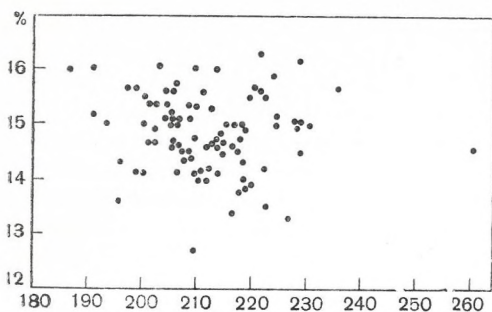

Рис. 3.

Корреляционные графики

1 — график корреляции длины пясти лошади и индекса ширины диафиза. На оси ординат — длина пясти (в мм), на оси абсцисс — ширина диафиза (в % к общей длине кости); 2 — гра-

фик корреляции между длиной плюсны лошади и шириной диафиза. На оси ординат — длина плюсны (в мм), на оси абсцисс — ширина диафиза (в % к общей длине кости)

ных лошадей. Вообще говоря, лошади кочевого населения Юго-Восточной Европы изучены до сих пор еще очень мало. Однако, поскольку можно судить, например, о половецких лошадях, известных по раскопкам Сарая Берке¹⁵, о хозарских — по раскопкам в Саркеле, как это показывают конские погребения в курганах кочевников, степные лошади вовсе не отличались какими-либо особо мелкими размерами. Они были весьма близки в этом отношении к древнерусским и в среднем были даже на 2—3 см ростом в холке выше последних. Поэтому решительно нет основания связывать рост древнерусских лошадей с влиянием на них степных. И вообще надо заметить, что во II тысячелетии по своим средним размерам, как в лесной, так и в степной полосе, лошади Восточной Европы довольно однородны.

Остальные виды домашних животных представлены в древней Москве собакой и кошкой. Кости собак встречаются повсюду и являются постоянным, хотя и немногочисленным ком-

понентом остатков из раскопок. Кошки были, видимо, малочисленное сообщество. Во всяком случае в слоях раскопок в Кремле и у башни Кутафьи остатки их вообще не найдены. Что же касается Зарядья, то кости кошек встречены во всех трех слоях, равно как и в составе материала, лишённого стратиграфической паспортизации, но по численности они всегда уступают костям собак. Обнаруженные кости не дают указаний на использование в пищу обоих этих видов и принадлежат, видимо, павшим животным.

В заключение нам остается обратиться к рассмотрению количественных соотношений между видами сельскохозяйственных животных в остатках из раскопок Москвы. Анализ этих соотношений позволяет судить не только о роли того или иного вида в питании населения, но и получить известное представление о составе стада сельскохозяйственных животных.

Во всех слоях, как Зарядья, так и Кремля, преобладающим по ко-

личеству особей видом является свинья (табл. 8). Своеобразное исключение представляет только раскоп у башни Кутафьи, где количество костных остатков свиней относительно невелико. Но выше мы уже имели случай отметить, что раскоп этот произведен не в жилом районе города и полученный из него материал имеет случайный характер.

По отдельным слоям Зарядья количество костных остатков составляет от 41,8 до 43,4, в среднем 42,7% особей; шире изменчивость в слоях Кремля (вероятно, это случайно, поскольку исследованный материал немногочислен) — от 40,0 до 52,2, в среднем 46,4%. Нельзя не заметить, что средние цифры по обоим упомянутым районам довольно близки.

Столь же постоянно второе по численности место в слоях Москвы принадлежит крупному рогатому скоту. В Зарядье количество его колеблется от 27,6 до 34,5, в среднем по раскопу 31,1% особей и лишь немного меньше процент особей крупного рогатого скота в слоях Кремля.

Значительно уступает обоим предшествующим видам, занимая по количеству особей третье место, мелкий рогатый скот, варьирующий по отдельным слоям Москвы в довольно широких пределах: в Зарядье, например, он составляет от 15,1 до 24,6, в среднем 18,9%, а в Кремле — от 15,2 до 23,4, в среднем 18,7%. Трудно не обратить внимание на то, что средние данные численности мелкого рогатого скота по отдельным районам практически совершенно сходны.

Таким образом, наиболее многочисленным видом в костных остатках из раскопок Москвы является свинья, затем крупный рогатый скот и, наконец, мелкий рогатый скот, представленный, как уже отмечалось, преимущественно овцами. Подобные же, по

существо дела, количественные соотношения между отдельными видами сельскохозяйственных животных наблюдаются и в других археологических памятниках древней Руси I и II тысячелетий н. э.

Именно в связи с этим обстоятельством следует, видимо, остановиться на довольно своеобразном суждении по интересующему нас вопросу, высказанному в последнее время Г. Е. Кочиным¹⁶. Согласно утверждению последнего, отмечаемое археологическими исследованиями преобладание свиней над мелким рогатым скотом ошибочно. «Это, конечно, результат обманчивого впечатления от материалов, пишет Г. Е. Кочин (стр. 263), в которых остатки костей домашних животных позднего времени (первой половины II тысячелетия) перекрываются большим числом костей, отложившихся в глубокой древности, в эпоху широкого распространения охоты». В древней Руси, замечает тот же автор, по широте распространения на первом месте стоят овцы, а затем уже свиньи. В каких именно древнерусских памятниках содержатся «перекрываю-

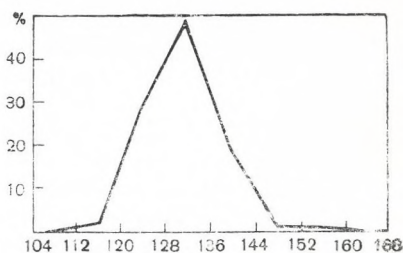

Рис. 4.

Изменчивость высоты в холке лошадей из раскопок Москвы. На оси ординат — высота в холке (в см), на оси абсцисс — количество экземпляров (в %)

щие» кости домашних животных обильные остатки костей, отложившиеся в глубокой древности, и каков вообще возраст этой последней — каких-либо данных по этим вопросам Г. Е. Кочин не приводит, равно как не приводит он и каких-либо аргументов в пользу своего мнения.

По Г. Е. Кочину, обилие костей свиней в археологических памятниках древней Руси II тысячелетия объясняется тем, что исследователи не отличают их от принадлежащих более раннему времени костей кабана. Это, однако, совершенно не соответствует действительности. Дикие и домашние свиньи Восточной Европы, находимые в остатках из раскопок археологических памятников древней Руси, остеологически различаются настолько отчетливо, что выделение их для специалиста не представляет каких-либо существенных затруднений. Кроме того, в памятниках дославянского времени, принадлежащих археологическим культурам раннего железного века центральной, северо-западной и восточной части европейской территории Союза, остатки кабана никогда не бывают многочисленны. Животноводство в хозяйстве племен этого времени уже сильно преобладает над охотой, и кости свиней повсюду весьма сильно преобладают над остатками кабанов. По обоим указанным обстоятельствам, даже если допустить справедливость не подкрепленного доказательствами утверждения, что во всех памятниках древней Руси имеется значительное количество костных остатков животных, принадлежащих более раннему периоду, то это при всех условиях не может изменить итогов изучения количественных соотношений между видами сельскохозяйственных животных.

Как овцы, так и свиньи являются видами чрезвычайно широко распространенными во II тысячелетии нашей эры и встречающимися повсеместно в археологических памятниках не только лесной, но и лесостепной полосы Восточной Европы. Вряд ли поэтому вообще можно говорить о более или менее широком распространении того и другого вида.

Наконец мы располагаем в настоящее время множеством данных о составе костных остатков животных в славянских памятниках I и II тысячелетий. Во всех случаях, когда дело касается изучения обширных материалов, дающих статистически надежные результаты, на первом месте по количеству особей находится среди сельскохозяйственных животных свинья, изредка уступающая первенство крупному рогатому скоту, но всегда многократно превосходящая по численности мелкий рогатый скот.

Оценивая вопрос о количественных соотношениях между свиньями и овцами, следует иметь в виду, что природные условия лесной и лесостепной полосы Восточной Европы, способствующие развитию свиноводства, гораздо менее благоприятны для овцеводства, приобретающего высокую численность только в степной полосе страны.

Помимо того, хорошо известна очень высокая плодовитость свиней, которой они значительно превосходят все другие виды сельскохозяйственных животных.

Таким образом, факт количественного преобладания свиней над овцами в животноводстве древней Руси вряд ли может вызывать сколько-нибудь оправданные сомнения. Довольно многочисленная литература по изучению костных остатков животных из раскопок памятников древней Руси осталась, видимо, вне поля

Таблица 8. Соотношения между видами сельскохозяйственных животных по количеству особей, в %

Вид	Зарядье					У башни Ку- тафеей	Кремль			Всего
	слой XI—XIII вв.	слой XIV—XV вв.	слой XVI—XVII вв.	материал, лишенный стратигра- фической паспорти- зации	Всего	слой XVII в.	слой XII—XIII вв.	слой XIII—XIV вв.	слой XIV—XV вв.	
Крупный рогатый скот	34,5	31,5	27,6	29,6	31,1	28,9	31,9	26,1	23,3	27,6
Мелкий рогатый скот	15,1	19,3	24,6	15,6	18,9	40,0	19,1	15,2	23,4	18,7
Свинья	43,4	43,2	41,8	41,9	42,7	28,9	44,7	52,2	40,0	46,4
Лошадь	7,0	6,0	6,0	12,9	7,3	2,2	4,3	6,5	14,3	7,3

зрения Г. Е. Кочина, что и породило рассмотренное выше совершенно ошибочное утверждение.

Самый малочисленный вид сельскохозяйственных животных в остатках из раскопок Москвы, несомненно, — лошадь, количество которой по отдельным слоям обычно не превышает 6—7% особей. Более высокий процент констатирован лишь в Зарядье, в составе материала, лишенного стратиграфической паспортизации, и в Кремле, в слое XIV—XV столетий; впрочем в последнем случае мы располагаем лишь весьма незначительными материалами. В среднем по обоим основным раскопам лошадь представлена совершенно сходным процентом особей (7,3%).

Существует и довольно широко распространено мнение, что русские конины не ели вообще. Выраженное в столь общей и категорической фор-

ме подобное утверждение неверно. Конечно, в отличие от крупного и мелкого рогатого скота, не говоря уже о свиньях, лошадь разводилась в древней Руси отнюдь не для мясных целей. Прежде всего она являлась основной рабочей силой в хозяйстве земледельца, и это обстоятельство определяет ее огромное значение в экономической жизни населения. Чрезвычайно велика роль лошади была и в военном деле, особенно учитывая все прогрессирувавшее значение конницы как в междоусобных, так и во внешних войнах. Наконец, лошадь — основное транспортное животное, использовавшееся как под седлом, так и в упряжи. И не случайно, конечно, «Русская Правда» пенит лошадь значительно выше всех других сельскохозяйственных животных. И тем не менее археологические исследования побуждают признать, что лошадь ис-

пользовалась также и для мясных целей. Не обращаясь здесь к подробному рассмотрению этого вопроса, разобранного нами в ранее опубликованной работе¹⁷, ограничимся лишь упоминанием основных фактов, убеждающих в использовании в пищу конины населением древней Руси.

Должно быть отмечено прежде всего то постоянство, с которым костные остатки лошадей встречаются, хотя и в относительно небольшом количестве, в культурном слое всех древнерусских городов и городищ. Характерно, что мы не находим, как правило, целых скелетов, а встречаем лишь разрозненные кости, да и трудно предположить возможность погребения трупов павших лошадей на территории древнерусского города. Черепа лошадей и кости проксимальных отделов конечностей, принадлежащие к ценным в мясном отношении частям туши, очень часто разрушены. Как объяснить все эти факты, постоянно наблюдающиеся при изучении археологических памятников древней Руси, если не признать употребление конины в пищу. Возможно, использование конины в пищу было вынужденным явлением, но в этом случае неизбежно надо допустить, что голод или во всяком случае недостаток другой мясной пищи были в древней Руси довольно обычным явлением. Анализируя количественные соотношения между отдельными видами, мы убеждаемся (табл. 8), что количество лошадей в костных остатках примерно в 2—3 раза меньше, чем мелкого рогатого скота, в 3—4 раза меньше, чем крупного рогатого скота, и в 6—7 раз меньше, чем свиней. Но нельзя забывать, что количество мяса, получаемое от каждой лошади, было значительно больше, чем от коровы,

и многократно превосходило получаемое от свиньи или овцы. Поэтому конина нередко, видимо, использовалась в пищу населением древней Руси.

Такова общая картина, которая возникает в результате изучения костных остатков из раскопок Москвы, довольно, впрочем, типичная и для большинства других археологических памятников древней Руси. Однако анализируя данные по отдельным слоям, можно заметить некоторые различия в количественных соотношениях между видами сельскохозяйственных животных, отмечающие некоторые изменения в составе мясной пищи. Наиболее интересен в этом отношении материал из раскопок Зарядья, поскольку именно он составляет основу произведенного нами исследования и, будучи весьма многочислен, позволяет избежать чисто случайных отклонений.

Рассматривая цифры, полученные при изучении материала по отдельным слоям Зарядья, легко заметить, что процент особей свиней и лошадей остается практически неизменным. Иное положение наблюдается в отношении крупного и мелкого рогатого скота. Начиная со слоя XI—XIII вв., где процент особей крупного рогатого скота достигает своего максимума (34,5%), он постепенно снижается и в слое XVI—XVII вв. падает до 27,6%. Параллельно этому от нижнего слоя к верхнему происходит увеличение количества особей мелкого рогатого скота, в слое XVI—XVII вв., составляющего почти четвертую часть от общего поголовья. Материал, изученный из раскопок Зарядья, настолько велик, что вряд ли отмеченные нами изменения могут расцениваться как явление случайное. В этом отношении очень показательным, что аналогичную карти-

ну мы наблюдаем и в Кремле, где количество особей крупного рогатого скота снижается от 31,9% в слое XII—XIII вв. до 23,3% в слое XIV—XV вв., а количество особей мелкого рогатого скота возрастает соответственно от 19,1 до 23,4%. Показательно и то, что в остатках из раскопа у башни Кутафьи, дающего материал XVII в., мы также встречаемся с относительно низким процентом крупного рогатого скота и многочисленностью мелкого.

Мы видим, что в обоих основных раскопах, в Зарядье и в Кремле, изменения в количественных соотношениях между видами сельскохозяйственных животных происходят в одном и том же направлении, что позволяет говорить об общем характере наблюдаемого явления. По-видимому, мы имеем дело с историческими изменениями в составе мясной пищи у населения Москвы, причины которых в настоящее время объяснить еще вряд ли возможно.

Примечания

- 1 В. И. Цалкин. Материалы для истории охоты и животноводства в лесной полосе древней Руси. МИА, № 53, 1956.
- 2 В. И. Цалкин. Фауна из раскопок в Гродно. Прилож. к книге Н. Н. Воронина «Древнее Гродно». МИА, № 41, 1954.
- 3 В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты...
- 4 В. И. Цалкин. Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности. «Бюллетень Московского общества испытателей природы», отдел биологии, т. V, № 1, 1960, стр. 264.
- 5 В. И. Цалкин. Изменчивость метаподий и ее значение...
- 6 И. С. Шестакова, Ю. П. Зыбин, Н. А. Богданов. Изучение древнего производства кожи и изделий из кожи. Архив ИА АН СССР, ф. 1, № 555.
- 7 П. Н. Кулешов. Крупный рогатый скот. М., 1926.
- 8 Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси. М.—Л., 1965, стр. 262.
- 9 И. Мердвер, В. Фирсов. Русская лошадь в древности и теперь. СПб., 1896.
- 10 Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899.
- 11 П. Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. ЧОИДР, кн. V, 1898, гл. XIII, стр. 123.
- 12 В. И. Цалкин. Изменчивость метаподий у овец. «Бюллетень Московского общества испытателей природы», отдел биологии, т. VI, № 5, 1961.
- 13 В. О. Витт. Лошади Пазырыкских курганов. СА, XVI, 1952.
- 14 В. П. Левашова. Сельское хозяйство. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». «Труды ГИМ», вып. XXXII, 1956, стр. 83.
- 15 В. И. Цалкин. Домашние животные Золотой Орды. «Бюллетень Московского общества испытателей природы», отдел биологии, т. II, № 1, 1967.
- 16 Г. Е. Кочин. Указ. соч.
- 17 В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты...

Е. А. Цепкин

Остатки рыб из раскопок древнего Кремля и Зарядья

Изучению промысловой фауны рыб из древних поселений славян было посвящено несколько работ¹. Однако на общем фоне археологических исследований славянских памятников костные остатки рыб из раскопок древнерусских городов изучены еще в очень малой степени. Между тем подобные исследования позволяют выяснить характер древней промысловой ихтиофауны.

Рыболовство издавна играло значительную роль в жизни славян. Об этом свидетельствуют находки почти во всех древних славянских поселениях и городах костных остатков рыб и разнообразных рыболовных принадлежностей. Это подтверждается и письменными источниками, относящимися к XII—XVII вв. и к более позднему времени. Безусловно, широкое распространение рыболовства среди славян определялось прежде всего обилием рыбы в реках и озерах европейской части страны.

Возникновение, рост и укрепление Русского государства, появление городов — способствовали развитию

рыбного промысла, продукты которого стали одним из наиболее обычных товаров городского рынка.

В древней Руси на протяжении многих веков рыболовство служило важным источником питания широких слоев населения. Во время же некоторых религиозных постов рыба, как известно, была едва ли не основной пищей.

Несомненно, рыба имела большое значение и в питании населения древней Москвы. При археологических раскопках, проводившихся в 1949—1951 гг. на территории Зарядья, были найдены керамические и каменные грузила для сетей, блесна, деревянные поплавки, крюки для подвешивания рыбы при копчении, указывающие на то, что рыболовство являлось одним из важных промыслов жителей московского посада². В культурном слое Зарядья и Кремля (двор Теремов, раскопки 1959 г.) среди кухонных остатков были обнаружены кости рыб, результатом исследования которых посвящена настоящая статья.

Имевшаяся в нашем распоряжении коллекция содержала 61 экземпляр костей. Изучение даже этого сравнительно небольшого остеологического материала представляло несомненный интерес, поскольку костные остатки рыб из культурного слоя древней Москвы до сих пор не исследовались.

Хорошая сохранность материала позволила определить все костные остатки с точностью до вида. На некоторых костях были заметны следы режущего инструмента, по-видимому ножа, употреблявшегося при разделке рыбы.

Видовой состав рыб, определенный по костным остаткам из культурного слоя Зарядья и Кремля, приведен в табл. 1.

Таблица 1. Количественное распределение костных остатков рыб по видам

Виды рыб	Зарядье, слои XI—XVII вв.	Кремль, двор Теремов		
		Раскоп II XII—XIII вв.	Раскоп I XIII—XIV вв.	Слой XIV—XV вв.
Белуга	4	4	—	—
Стерлядь	—	1	1	—
Осетр	2	4	6	1
Севрюга	2	3	4	3
Щука	1	3	5	—
Лещ	—	—	3	1
Голавль	—	1	1	—
Сом	3	5	—	—
Судак	—	1	2	—
Всего	12	22	22	5

Семейство осетровых — Acipenseridae

Белуга — *Huso huso* (L.)

Кости белуги найдены в культурном слое Зарядья и двора Теремов (табл. 1, рис. 1, 1). Среди остатков других видов рыб они особенно отличались своими крупными размерами. В исследованном материале обнаружены обломки *dentale*, *praemaxillo-maxillare*, *cleithrum* и покровных костей черепа, принадлежавших особям, абсолютная длина которых колебалась в пределах от 200 до 300 см.

Белуга — самая крупная по размерам и весу рыба, встречающаяся в пресных водах европейской части страны. В исключительных случаях она достигает длины 4—5 м и веса до 1 т и более. В прошлом столетии заходила из Волги в Оку до города Муром³. В 80-х годах XVII в. белугу промышленяли на р. Шексне, в Цылинском ёзе, где ее ловили с весны до поздней осени⁴.

Стерлядь — *Acipenser ruthenus* L.

Этому виду принадлежат: колючий луч грудного плавника от рыбы размером 55 см и обломок *clavicula* от рыбы длиной 75 см, которые были найдены в культурном слое двора Теремов (табл. 1, рис. 2, 3).

Стерлядь достигает размеров до 100—125 см, обычная длина ее — 30—50 см. В XVII—XVIII вв. имела весьма широкое распространение. Особенно много ее водилось в Волге и ее притоках, в частности в Оке⁵.

Осетр — *Acipenser güldenstädti* Brandt.

Костные остатки осетра обнаружены в культурном слое Зарядья и двора Теремов (табл. 1). Они представлены колючими лучами грудных плавников, фрагментами *operculum*, *entopterygoideum*, *clavicula*, *orbitale*,

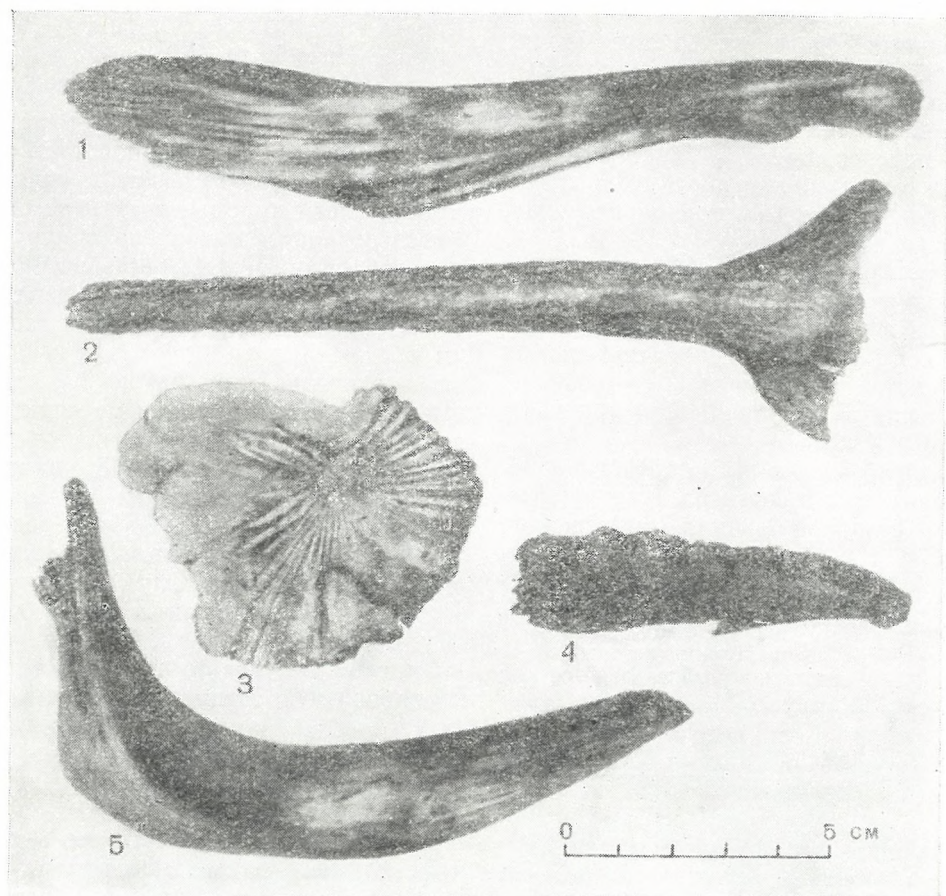

Рис. 1.

Остатки рыб XI—XVII вв. из раскопок в Зарядье

1 — белуга (dentale); 2 — осетр (marginale);
3 — севрюга (operculum); 4 — щука (dentale);
5 — сом (cleithrum)

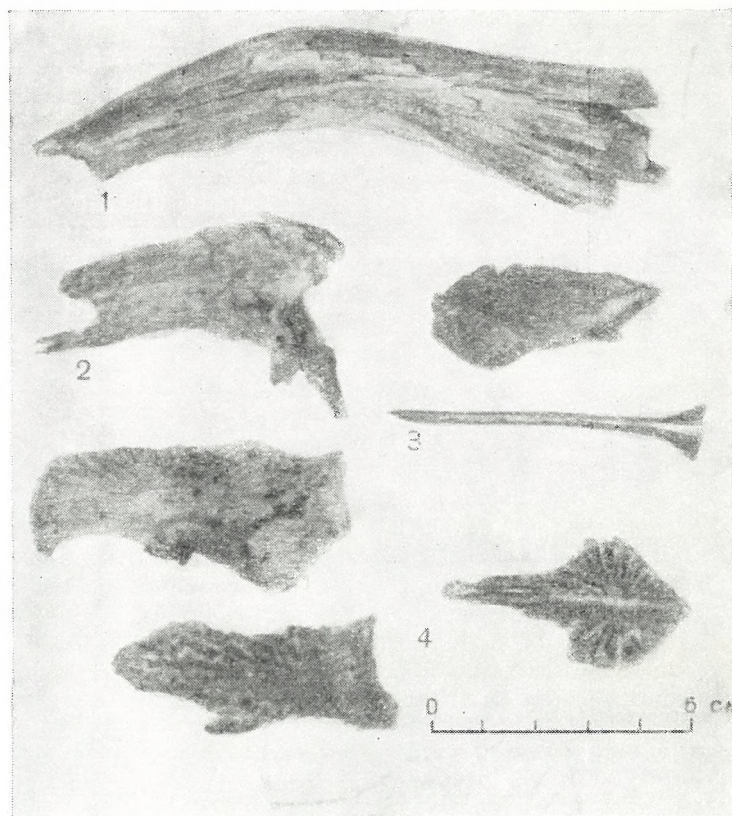
покровных костей черепа и жучек. Размеры рыб удалось восстановить по пяти экземплярам костных остатков. Они равнялись: 130 см, 130, 140, 160, 180 см.

Русский осетр достигает длины до 230 см. В XVIII в. осетры заходили из Волги в Оку, по которой подни-

мались до Калуги, а в прошлом столетии — до Серпухова⁶.

Севрюга — *Acipenser stellatus* Pallas.

Костные остатки севрюги так же, как и осетра, найдены в культурном слое Зарядья и двора Теремов (табл. 1). Этому виду принадлежат

Р и с. 2.

Остатки осетровых рыб XII—XV вв. из раскопок в Кремле

1 — белуга осетровая (dentale); 2 — севрюга (parasphenoideum, operculum); 3 — стерлядь (clavicula, marginale); 4 — осетр жучка, обломок покровной кости черепа

фрагменты parasphenoideum, operculum, squamosum, покровных костей черепа, жучки. Размеры рыб следующие: 130 см, 130, 130, 140, 150, 170, 170 см.

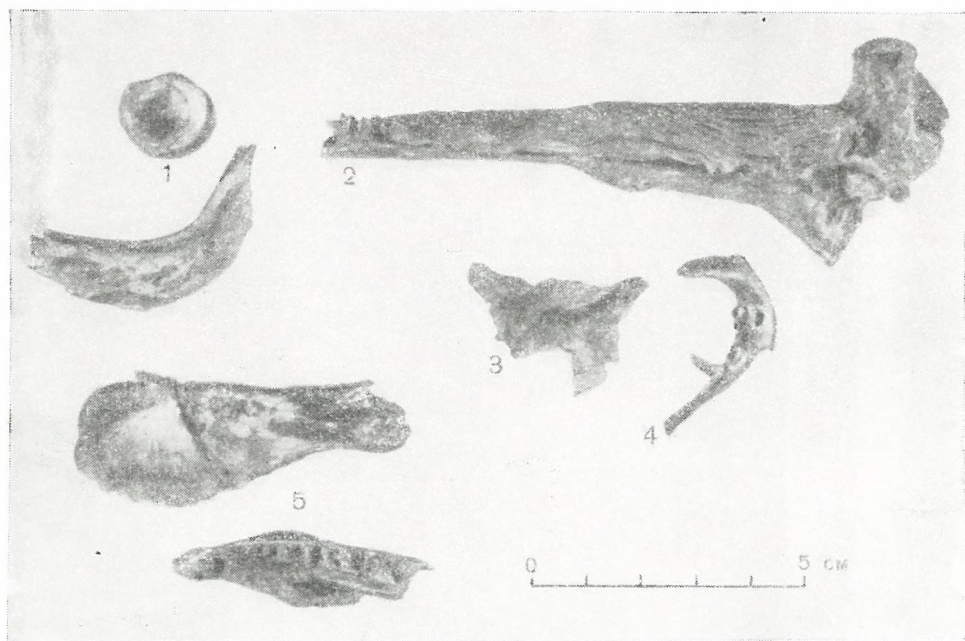
Севрюга достигает длины до 200 см. Во второй половине прошлого столетия поднималась по Волге до Рыбинска⁷. В XVII в. заходила из Волги в Оку⁸.

Семейство щуковых — Esocidae

Щука — *Esox lucius* L.

Кости щуки обнаружены в культурном слое Зарядья и двора Теремов (табл. 1, рис. 3, 1) найдены dentale, cleithrum, parasphenoideum, позвонки, принадлежавшие особям длиной 80 см, 80, 80, 90, 95 см.

Р и с. 3.

Остатки рыб XII—XV вв. из раскопок в Кремле

1 — щука (позвонок, cleithrum); 2 — сом (носовой луч грудного плавника); 3 — лещ (operculum); 4 — голавль (pharyngiale); 5 — судак (interoperculum, dentale)

Щука достигает размеров до 100 см, очень редко — 150 см. В реках и озерах европейской части страны распространена повсеместно. В прошлом столетии была довольно многочисленна в подмосковных прудах и являлась весьма обычной рыбой в Москве-реке⁹.

Семейство карповых — Cyprinidae
Лещ — *Abramis brama* (L.)

Лещу принадлежат фрагменты operculum и urohyale, найденные в культурном слое двора Теремов

(табл. 1). Размеры рыб, восстановленные по этим остаткам, равнялись 42 см, 46, 47, 47 см.

Лещ достигает длины 75 см, обычные же размеры его в современных уловах — 30—45 см. В прошлом столетии много леща ловили в Оке, близ Каширы. Водился лещ также в подмосковных прудах и в Москве-реке¹⁰.

Голавль — *Leuciscus cephalus* (L.)

Костные остатки этого вида происходят из культурного слоя двора Теремов (табл. 1). Здесь обнаружены глоточные кости, принадлежавшие

особям длиной 33 и 36 см. Современный голавль достигает размеров до 50—80 см. Во второй половине прошлого столетия ловился в Москве-реке, в черте города¹¹.

Семейство сомовых — Siluridae

Сом — *Silurus glanis* L.

Остатки этого вида найдены в культурном слое Зарядья и двора Теремов (табл. 1). Сому принадлежат: cleithrum, supracleithrum, позвонок, колючие лучи грудных плавников, тазовая кость. Абсолютная длина рыб, восстановленная по этим остаткам, равнялась 93 см, 97, 140, 170, 210 см. Сом достигает длины до 300 см и более (очень редко). В конце прошлого столетия промыслился в Оке и ее притоках. Встречался и в Москве-реке около столицы¹².

Семейство окуневых — Percidae

Судак — *Lucioperca lucioperca* (L.)

Кости судака (dentale, praeoperculum, interoperculum) обнаружены в культурном слое двора Теремов (табл. 1). Они принадлежали особям, длина которых равнялась 50 см, 78, 84 см.

Судак достигает размеров до 50—130 см. В конце прошлого столетия встречался в Москве-реке, недалеко от столицы¹³.

Исследованный остеологический материал далеко не полон, но все же, вероятно, в какой-то мере характеризует видовой состав промысловых рыб, употреблявшихся в пищу населением древней Москвы. Даже на этом небольшом материале заметно количественное преобладание в пище москвичей наиболее ценных рыб — осетровых. Костные остатки белуги,

стерляди, осетра и севрюги вместе составляют более 57% от общего числа костей рыб в коллекции. Причем, здесь нужно учесть, что вероятность сохранения остатков этих рыб была значительно меньше, чем других — костистых. Очевидно, осетровые сорта рыб в древней Москве предпочитались прочим.

Изобилие осетровых рыб в Верхней Волге и ее притоках в XII—XVII вв. вряд ли может вызвать сомнение. Известно, например, что даже в начале XVII в. на обиход только одного Троице-Сергиева монастыря ежегодно доставляли 6 тыс. осетров и севрюг, 300 белуг, 600 пудов (около 10) черной икры, 15 бочек осетрины, 500 спиннок и 200 теш белужьих¹⁴. Все это, по-видимому, привозили с Волги, Ока и ее притоки в прошлом также были богаты осетровыми; отсюда их доставляли в Кормовой дворец¹⁵.

По костным остаткам из культурного слоя древней Москвы определить, была ли рыба поймана в Оке, Волге или Москве-реке, не представляется возможным. Осетровых могли привозить в Москву с Оки и Верхней Волги, а, кроме того, в некотором количестве добывать и в самой Москве-реке. Что касается щуки, леща, голавля, сома и судака, то их вряд ли привозили издалека. В XVII в., а тем более в XI—XV вв. они встречались в достаточно большом количестве в бассейне Москвы-реки, неподалеку от города.

Даже в сравнительно недавнее время, в конце прошлого столетия, в Москве-реке в пределах г. Москвы добывалось довольно много рыбы. По свидетельству Л. Сабанеева¹⁶, в Москве-реке, в пределах столицы, только на удочку добывалось за год до 300—400 пудов одного язя, а кроме того, много другой рыбы (голавля, подуста, плотвы и др.).

Находки в культурном слое древней Москвы остатков разнообразного рыболовного инвентаря являются бесспорным свидетельством того, что москвичи промышляли рыбу в Москве-реке в черте города. Судя по находкам орудий лова, видимо, чаще всего для добычи рыбы применялись сети, невод, бредни и т. п., хотя наряду с этим был распространен и «любительский» лов (удочками и блесной).

Небольшое количество костного материала резко ограничило возможности его всестороннего исследования. Можно лишь надеяться, что дальнейшие археологические раскопки культурного слоя Москвы дадут более обильный материал, изучение которого позволит значительно полнее охарактеризовать промысловую ихтиофауну Москвы-реки и рыболовство древних москвичей.

Примечания

- ¹ В. Д. Лебедев. Пресноводная четвертичная ихтиофауна Европейской части СССР. М., 1960, стр. 5—373; А. Н. Световидов. К истории ихтиофауны р. Дона. МИА, № 8, 1948, стр. 124—127; Л. Д. Вороненкова. Промысловая фауна рыб Донецкого городища. «Вопросы ихтиологии», 1962, т. 2, вып. 4 (25), стр. 626—639; В. А. Шрамко, Е. А. Цепкин. Рыболовство у жителей Донецкого городища в VIII—XIII вв. СА, 1963, № 2, стр. 74—83; Е. К. Сычевская. Рыбы древнего Новгорода. СА, № 1, 1965, стр. 236—256.
- ² М. Г. Рабинович. Раскопки в Москве в 1950 г. КСИА, вып. 44, 1952, стр. 119, рис. 38; он же. О древней Москве. М., 1964, стр. 276, рис. 121; Э. А. Рикман. Результаты археологических наблюдений в Зарядье (по раскопкам 1949—1951 гг.). КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 89, рис. 32.

- ³ Л. Сабанеев. Рыбы России. М., 1911, стр. 825.
- ⁴ С. В. Кириков. Промысловые животные, природная среда и человек. М., 1966, стр. 257.
- ⁵ Там же, стр. 50, 258.
- ⁶ Л. Сабанеев. Указ. соч., стр. 845.
- ⁷ Л. С. Берг. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран, ч. I. М.—Л., 1948, стр. 98.
- ⁸ С. В. Кириков. Указ. соч., стр. 258.
- ⁹ Л. Сабанеев. Указ. соч., стр. 302—321.
- ¹⁰ Там же, стр. 505—515.
- ¹¹ Там же, стр. 603—605.
- ¹² Там же, стр. 795, 807.
- ¹³ Там же, стр. 36.
- ¹⁴ С. В. Кириков. Указ. соч., стр. 44, 45.
- ¹⁵ Там же, стр. 44, 45.
- ¹⁶ Л. Сабанеев. Указ. соч., стр. 668.

Палаты

Натали Кирилловны в Московском Кремле

(опыт реконструкции по документам
и археологическим данным)

Хоромы Натали Кирилловны, урожденной Нарышкиной, второй жены Алексея Михайловича, упоминаются в кремлевских документах с 1671 г. Достоверных сведений о местоположении первоначальных палат молодой царицы нет. В качестве возможной резиденции историками предполагались Теремной дворец (третий этаж¹ или подклет²) или Потешный дворец³.

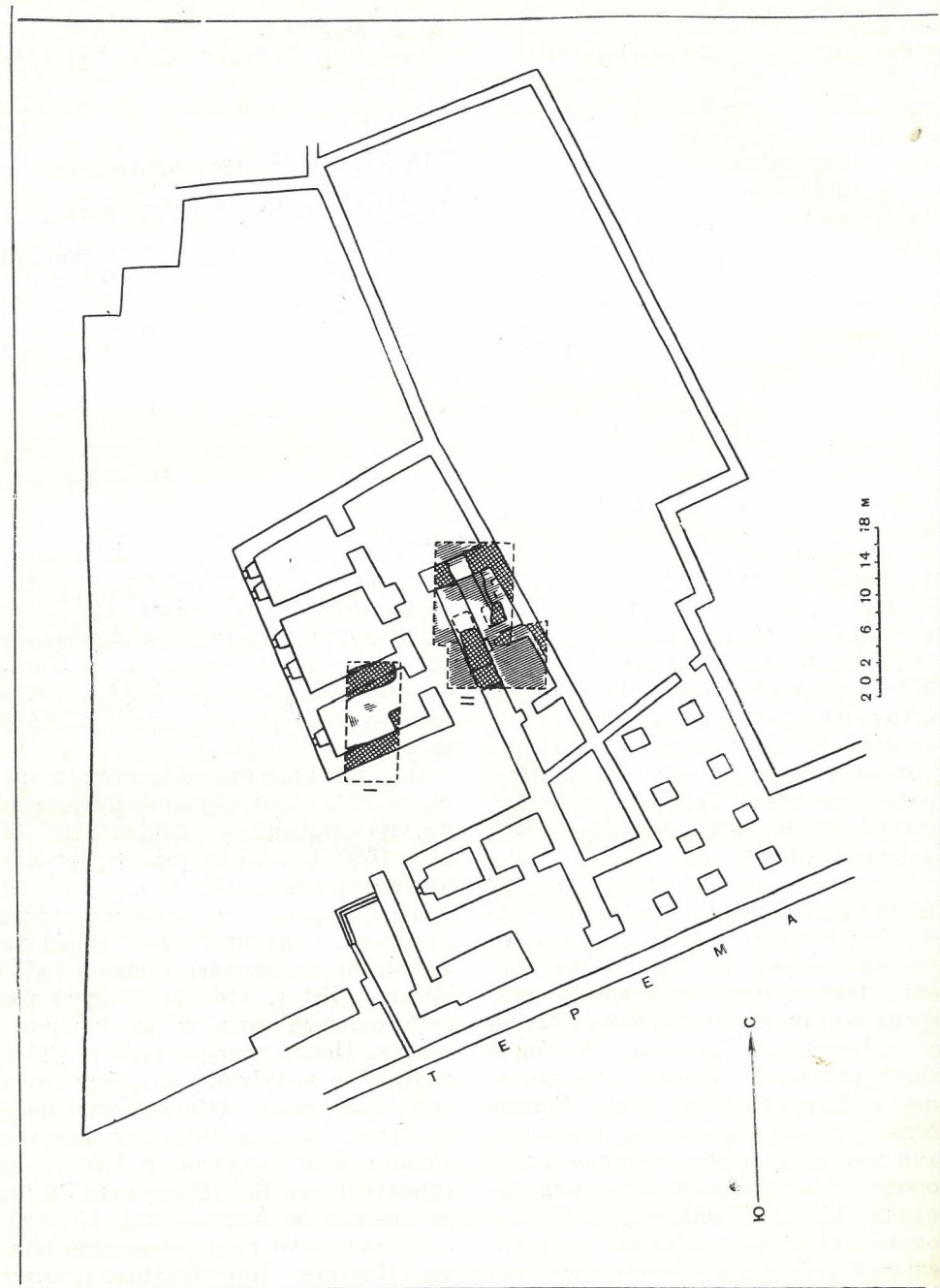
Отдельные палаты для Натали Кирилловны были выстроены на заднем Государевом дворе — к северу от теремов — через два года после рождения Петра. Этот внутренний двор ограничивали терема, палаты Сытного и Кормового дворцов, Хлебный дворец и хоромы царевен, примыкавшие к Патриаршему дому. Вскоре после окончания постройки над палатами надстраиваются «верхние новые хоромы»⁴ — непосредственно для царевича Петра. И, наконец, в 1679 г. документы вновь сообщают о строительных работах в «новых хоромаш» Натали Кирилловны. Под этим годом книга Приказа Большого дворца

сообщает о значительном расходе лесных материалов⁵. Тем же годом датируются живописные работы, завершившие строительство⁶. Таким образом, этой датой — 1679 г. — можно определить окончание постройки и ее устройства.

При больших кремлевских пожарах палаты Натали Кирилловны неоднократно сгорали. В 1682 г. (26. XI) и в 1696 г. (6. VI) горели деревянные части хором. Оба раза после этих пожаров здание полностью восстанавливалось. Значительная переделка здания производилась также в 1685 г. Пожар 1701 г. (16. VI) оставил разрушительный след и на каменных стенах. После пожара 1737 г. (29. V) дворец не возобновлялся, был оставлен в запустении. Обветшавшее после стольких опустошительных пожаров здание было разобрано в 1753 г. при строительстве В. В. Растрелли Зимнего дворца в Московском Кремле⁷.

Весьма недолго простоявшие палаты Натали Кирилловны остались вне поля зрения историков архитектуры. Это объясняется и чрезвычай-

ной скудностью письменных данных. Документы Приказа каменных дел были неизвестны; предполагают, что они погибли во время пожара 1737 г.⁸, поэтому чертежи и подрядные записи о строительстве не сохранились. На кремлевских планах была лишь отмечена планировка каменного подклета полуразрушенного здания перед самым его сносом — в 1751 г.

Эти планы — нижнего, среднего и верхнего «житья» всего комплекса Большого дворца — опубликованы Забелиным⁹. Местонахождение подлинника этого плана в настоящее время неизвестно. В Отделе рисунка Гос. Эрмитажа нами изучены точные копии плана, сделанные в том же масштабе. На копиях имеются подписи авторов — архитекторов князя Дм. Ухтомского и Ал. Евлашева¹⁰.

В 1959 г. во дворе Теремов в Кремле проводились специальные археологические раскопки на месте строившегося Дворца съездов. Уже в верхнем горизонте на обоих (I и II) раскопах 1959 г. (общая их площадь составляла 254 кв. м) обнажились белокаменные кладки и примыкавшая к ним кирпичная вымостка. Это был засыпанный при сломе палат

нижний ярус здания дворца Натальи Кирилловны. План этого яруса — дворцовых подвалов — не сохранился (на них опирались стены нижнего «житья» — рис. 1). Археологические раскопки на этом месте вскрыли мощные интересной конструкции кладки и вымостки. Приводим их краткое описание.

В раскопе II оказалось шесть белокаменных кладок, а остальная площадь раскопа была почти полностью занята примыкавшей к ним кирпичной вымосткой (рис. 2).

1) Остатки белокаменного столба имели направление СВВ — ЮЗЗ. Кладка состояла из вытянутого на 270 см ряда плотно подогнанных, положенных на извести гладко отесанных плит, лежавших попеременно — ложком и тычком (размеры: наибольший — $89 \times 27 \times 21$ см, средний — $64 \times 29 \times 22$ см, наименьший — $30 \times 28 \times 20$ см). Под верхним рядом шел второй ряд кладки, ниже залегал бут — густо залитые известью необработанные белые камни и обломки кирпича. Под бутом прослежены остатки забитых в культурный слой дубовых свай (диаметр — 5–6 см). Северный конец этой кладки был разрушен.

2) Кладка прямоугольная, ориентированная на ЮВ — СЗ. Размеры: ЮВ — СЗ — 254 см, ЮЗ — СВ — 206 см. Облицовка состояла из гладко отесанных квадров, сложенных, как и в кладке 1, крестовым способом. Размеры облицовочных плит: $98 \times 28 \times 18$, $78 \times 28 \times 19$, $60 \times 26 \times 17$. Внутренние углы, образованные перпендикулярными плитами, были заложены грубо отесанными плитами, размерами: $70 \times 42 \times 18$, $44 \times 38 \times 19$, $42 \times 38 \times 20$ см, а промежутки и середина кладки были забутованы необработанным камнем и обломками большемерного кирпича

←

Рис. 1.

План нижнего этажа Большого дворца 1751 г. с остатками сооружений, открытых раскопками 1959 г.

- — границы раскопов;
- — каменная кладка подвалов;
- — разрушенная часть кладки;
- — кирпичные полы подвалов;
- I, II — номера раскопов

($30 \times 12 \times 7$ см) на известковом растворе. Кладка имела шесть рядов (высотой 120 см), под которыми шел слой бута толщиной 35—40 см. Ниже бута также прослежены сваи диаметром 7—8 см, забитые в нижний горизонт культурного слоя.

3) Прямоугольная кладка имела такую же ориентировку, как и кладка 2. Размеры: ЮВ — СЗ — 250 см, ЮЗ — СВ — 240 см. Конструкция подобна описанной.

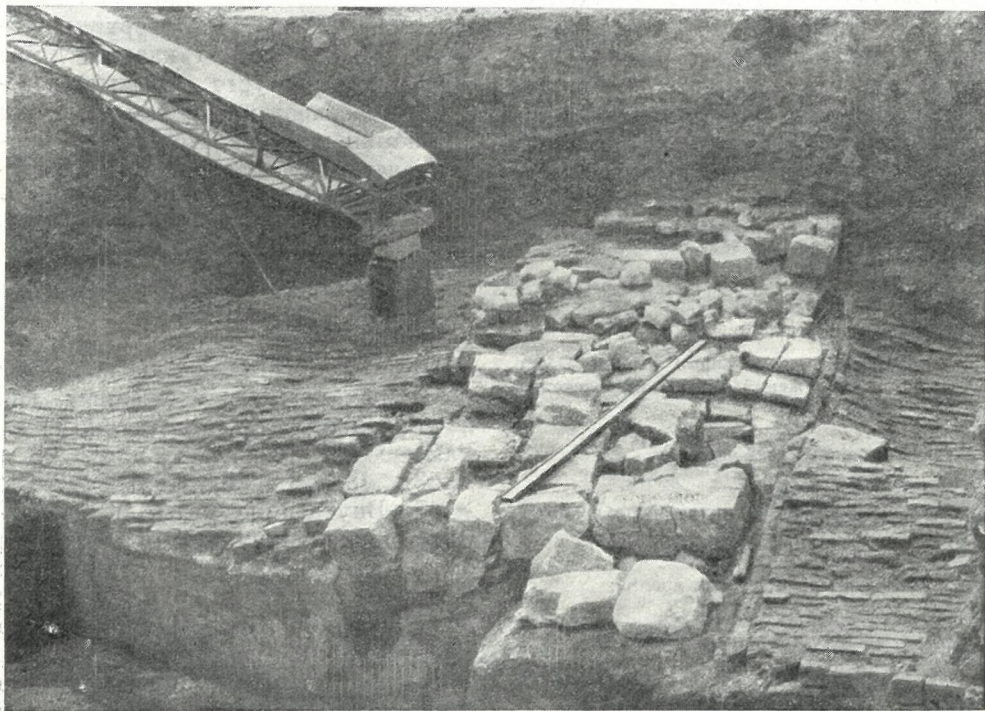
4) Белокаменный столб аналогичен по форме, ориентировке, размеру и способу кладки кладке 3, но сохранился на большую высоту (рис. 3). Уцелела верхняя плоскость: в бело-

каменную кладку были включены кирпичи размером $30 \times 12 \times 7$ см, лежавшие на поверхности кладки постелью на густом известковом растворе. В кладке сохранилось семь рядов плит (общая высота столба — 130 см). С южной стороны два нижних ряда плит выступали на 18 см за плоскость облицовки, образуя выступ, возможно сидение. Толщина бута под столбом — 60 см.

5) Кладка в направлении ЮВ — СЗ; она примыкала к кладкам 2 и 3 и была связана с ними известковым раствором. Она состояла из белокаменных плит ($70 \times 34 \times 30$, $50 \times 30 \times 25$, $30 \times 30 \times 25$ см) и кир-

Рис. 2.

Общий вид подклета в процессе раскопок

пича (30—31 × 14 × 8 см), густо залитых известью. В ее нижней части с западной стороны был выявлен верх свода, выложенного кирпичом 30 × 14 × 8 см. Открывшаяся часть свода имела ширину 50 см. Эта кладка углублялась неразобранной. Свод, по видимому, был возведен над засыпанным погребом.

6) Кладка, шедшая в длину в направлении ССЗ — ЮЮВ на 7, 10 м, слегка выгибалась в средней части, ширина ее составляла 2,80 м. Кладка была облицована тесаными плитами 90 × 64 × 23 см, 55 × 50 × 20, 30 × 26 × 19 см, связанными известью. Внутренность была забутована обломками белого камня и большемерного кирпича на извести. В бугре встречались обломки белокаменных надгробий с треугольчатым орнаментом. Кладка имела пять рядов плит, высоту около 100 см.

К описанным белокаменным кладкам на глубине 204—289 см вплотную примыкала кирпичная вымостка. Кирпич размером 30(31) × 13(12) × 7(7,5) см был уложен на ребре и ориентирован длинной стороной ЮЗ — СВ. Вымостка хорошо сохранилась и насчитывала 203 ряда кирпичей на известковом растворе. В северной части раскопа, между кладками 4 и 5, кирпичный пол отсутствовал. В разрыве по северной и южной его границам были расчищены обугленные бревна диаметром около 20 см, лежавшие по направлению вымостки. Бревна принадлежали стенам сгоревшего погреба, судя по заполнению, одновременного здания.

В раскопе I, находившемся в 5 м юго-западнее раскопа II с палатами, оказались связанные с палатами два фундамента, каменная выкладка и кирпичная вымостка, совершенно аналогичная описанной выше.

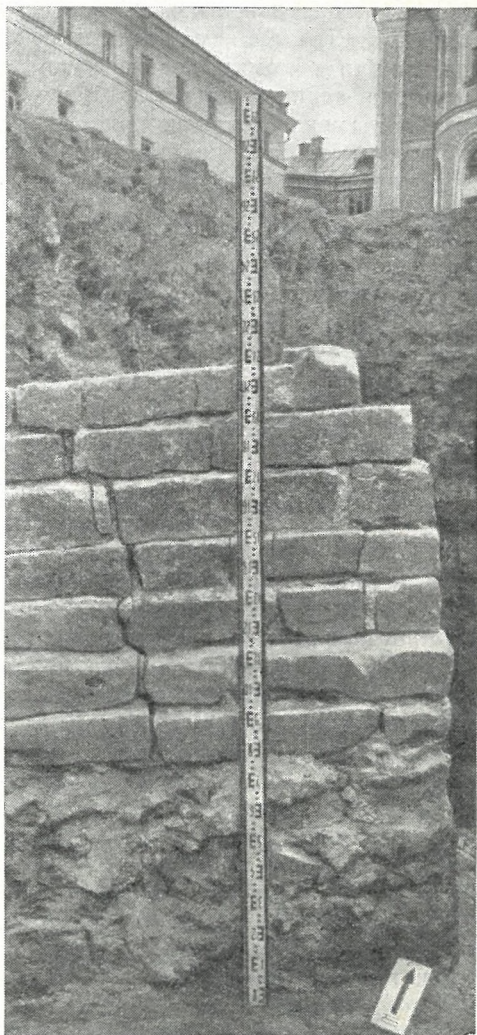

Рис. 3.

Остатки белокаменного столба 4, вид с юга

Южный ленточный фундамент имел ширину 2 м и шел в направлении СВ через весь раскоп. По краям он был ограничен рядами отесанных белокаменных квадров размером 18 × 65 × 70, 20 × 59 × 60 см, поло-

женных на известковом растворе. Пространство между этими рядами заполняли обломки белого камня и кирпича, залитые известью. В глубину фундамент имел три ряда кладки из квадратов, положенных в перевязку на известковом растворе, а ниже шла забутовка из грубо обработанных глыб белого камня и мелких кирпичных обломков. В северной части этого же раскопа в том же направлении проходил другой фундамент шириной 3,00—3,20 м. Он был сложен из необработанных глыб белого камня, положенных на глине. Каменная часть фундамента покоилась на вбитых в грунт дубовых сваях диаметром 20—25 см, длиной около 2 м (в пределах раскопа их насчитывалось 60 штук). Этот фундамент лежал несколько выше южного и, по-видимому, был связан с переделкой или ремонтом здания, судя по разнице в уровне с комплексом кладок раскопа I. Кирпичная вымостка находилась к СВ от фундамента и состояла из половин кирпича шириной 13—14 см при толщине 7,5 см, положенных плашмя, не слишком регулярно и не очень плотно друг к другу. На этой вымостке местами встречалась вымостка из целых кирпичей, положенных правильными рядами на ребро вплотную друг к другу в направлении ЮЗ — СВ и СЗ — ЮВ — результат ремонта пола.

Выше кирпичных вымосток в раскопе I была открыта горизонтальная белокаменная вымостка (на участке площадью 1,44×1,3 м). Эта дворовая вымостка отмечена в документах: в 1681 г. (20.V) велено было сделать у палат Натальи Кирилловны на склоне пять столбов «образцом и толщиною против столбов же, которые у Мастерские палаты; и на тех же столбах свести своды, и на тех же сводах выслать лещадми»¹¹.

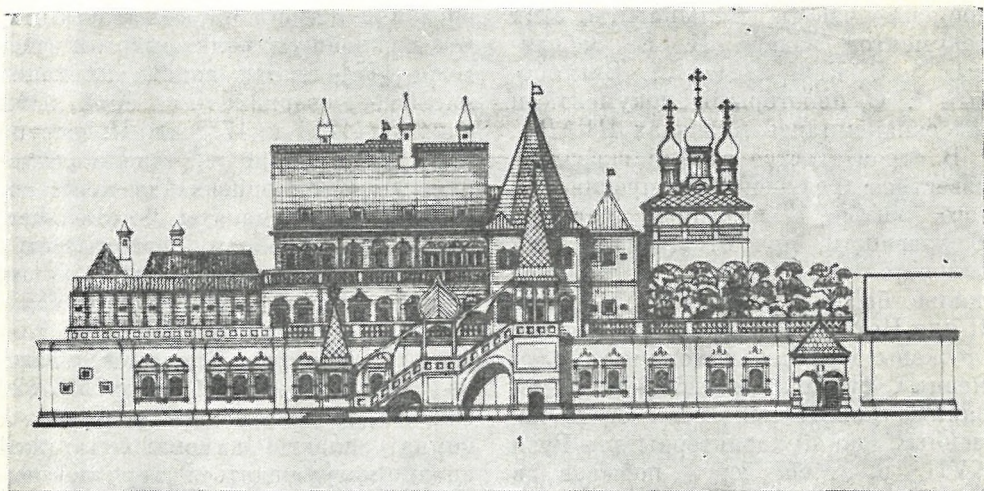
Южный край этой вымостки и зафиксирован в раскопе. Белокаменные хорошо отесанные плиты — лещадки — имели размеры: 72×65×20, 69×71, 5×14, 71×30×14 см и были плотно пригнаны друг к другу.

При определении места найденных белокаменных фундаментов археологические обмерные планы были совмещены в одном масштабе с планом нижнего «житья» палат Натальи Кирилловны 1751 г. При этом было определенно установлено, что раскопанные белокаменные стены и столбы являются основанием стен нижнего «житья» в подвалах южной части дворца. Это подтверждалось как размерами найденных остатков, так и их направлением. Проведенная работа позволила уточнить историческую карту Кремля С. П. Бартенева¹². Уточнилось, например, расположение палат Натальи Кирилловны относительно Теремного дворца: расстояние от Теремов до южного конца палат оказалось равно 58 м (по Бартеневу — 51 м), несколько уточнились и другие данные.

При раскопках на кирпичном полу подвалов и белокаменных кладках фундаментов были найдены разнообразные детали и материалы строительства: профилированный и резной камень, фасонный кирпич и керамические плитки, черепица и слюда от оконниц, муравленые и полихромные изразцы, оставшиеся от развала палат Натальи Кирилловны.

Это малоизвестное здание не отражено ни в одном старом рисунке. Нет его и ни на одной реконструкции Кремля. Поэтому после обработки археологических материалов, ознакомления с публикациями и архивными данными явилась мысль попытаться восстановить облик здания, создать графическую реконструкцию восточного фасада палат (рис. 4) и

портала. В этой работе вместе с автором настоящей статьи (начальником раскопа II Кремлевской экспедиции) участвовали также сотрудники Кремлевской археологической экспедиции — архитекторы-реставраторы центральных научно-реставрационных мастерских Министерства культуры СССР С. С. Кравченко и И. В. Ильенко.

Кроме археологических находок и чертежей 1751 г., документальными источниками для восстановления облика здания явились подробные описи ветхостей дворца 1713 и 1722 гг., сохранившиеся в делах Военной коллегии Московского отделения архива Главного штаба¹³. Некоторые, порой существенные, сведения были почерпнуты в документах Большого дворца — записках строительного дела: плотничих, столярных, подрядных, покупочных, расходных. Это приходно-расходные и другие книги Дворцового приказа, в которых записывали все, что строили, изготовляли, получали для царского обихода, а также ремонтно-строительные работы после пожаров — иконописные и жи-

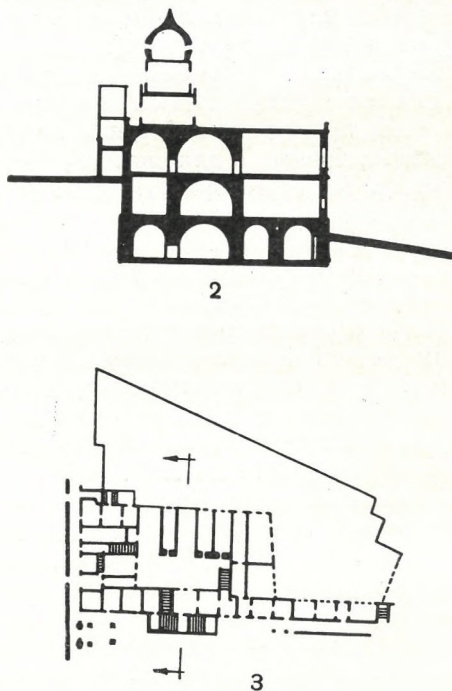

Рис. 4.

Реконструкция палат Натальи Кирилловны (восточный фасад)

1 — общий вид; 2 — разрез; 3 — план

вописные работы. Большинство этих документов издано И. Е. Забелиным¹⁴, В. Есиповым¹⁵, А. Викторovým¹⁶. С некоторыми документами мы ознакомились в фондах ЦГАДА.

В строительстве здания сказалось известное предубеждение против долгого житья в каменных палатах. В древности, при отсутствии центрального отопления, деревянное жильё было, естественно, здоровее. И для Натальи Кирилловны были сооружены деревянные хоромы «на каменных стенах и столбах»¹⁷. Деревянные жилые покои в составе каменных зданий характерны для Руси XVII в. Мейерберг, побывав в Москве в 1661—1662 гг., писал: «Только несколько лет тому назад многие из них стали строить себе дома из кирпича, либо из тшеславия, либо для того, чтобы безопаснее жить в них от очень частых пожаров. Со всем тем строят себе спальни из сосновых бревен, а для связи прошивают их мхом, говоря, что известка всегда имеет вредное свойство для здоровья, что и правда»¹⁸. К концу XVII в. устройство жилых надстроек из дерева над каменными плитами, в связи с опасностью пожаров, царским указом было строжайше запрещено: «...а на полатном строенье, ныне и впредь деревянного хоромного строения отнюдь никому не делать ни которыми делы»¹⁹.

Палаты Натальи Кирилловны были одним из последних зданий XVII в. такого вида. Это было пятиэтажное здание, в котором два этажа были каменными и три — деревянными (нижний каменный этаж выходил лишь на западную сторону — см. рис. 4, разрез I—I, план по II—II).

Для реконструкции каменных и деревянных частей здания использовались разные методы. При восста-

новлении каменного основания палат важнейшую роль сыграли чертежи 1751 г. Эти планы, имеющие масштаб, сверялись с архивными описями 1713 и 1722 гг. Проверено было соответствие чертежей размеров, данным в описях для таких помещений, как палаты богомольцев, портомойные палаты, церковь Петра и Павла, площадка с висящим садом, комнаты истопников, образная палата, сени у палат богомольцев, толщина стен палат. Проверка показала, что и в общих габаритах (13×20 саженей), и в размерах отдельных комнат планы каменных этажей вполне могут являться твердым основанием для реконструкции палат, учитывая, конечно, дату создания чертежей — 1751 г.

Планов верхних деревянных этажей не сохранилось. План верха был восстановлен нами по размерам сукон, устилавших пол в каждой комнате царицы и ее сына. Так, в 1685 г. в деревянные хоромы царя Петра Алексеевича отпускалось: «В три комнаты да в переднюю... половые сукна из аглинских светло-зеленых сукон: в переднюю... половое сукно в длину 8 арш., поперек тож... в комнату... в длину 7 арш., поперек 8 арш., в третью комнату... в длину 9 арш., поперек 8 арш.»²⁰. Известно также, что комнаты Петра располагались над комнатами Натальи Кирилловны. О размерах комнат Натальи Кирилловны узнаем следующее: в том же 1685 г. в деревянные хоромы Натальи Кирилловны велено было сделать «в переднюю да в две комнаты...» половые сукна из сукон анбурских, в переднюю длиной и шириной по 10 арш. с полуаршином, в одну комнату длиной 8½ арш., шириной 11 арш., в другую длиной 7 арш., шириной 8 арш.²¹ Из этих описаний видно, что комнаты Петра

имели одинаковую ширину и располагались друг за другом, начиная от сеней. Общую длину комнат Петра можно восстановить, расположив между комнатами поперечник стены толщиной 38 см (8 вершков). Она была равна 24,90 м. ($33\frac{1}{4}$ арш). Общая же длина комнат Натальи Кирилловны оказалась 18 м 71 см. Известны также общие размеры палат (42,6 м — 20 сажений в длину и 27,7 м — 13 сажений в ширину), а также расстояние до них от Теремного дворца (21,3 м — 10 сажений). Располагая данными и о высоте этажей палат Натальи Кирилловны, — а она была равна соответственно этажам Теремного дворца, — и о начале лестницы у восточного фасада, оказалось возможным определить место дверей в сенях деревянных хором Натальи Кирилловны. Длина сеней определялась с юга общей длиной комнат Натальи Кирилловны, а с севера — длиной площадки с висячим садом (11 м 71 см). Путем таких вычислений для реконструкции фасада было точно определено местоположение и размер сеней и местоположение дверей, ведущих в сени с площадки лестницы.

Над комнатами Петра располагались «верхние чердаки» Натальи Кирилловны. Пол этих помещений устилался сукном зеленого цвета, на окнах висели темно-зеленые занавесы.

Высота чердаков определялась высотой крыш, а последняя в свою очередь — шириной помещений, которые перекрывались. Живописная композиция помещений деревянных зданий XVII в. находила свое логическое завершение и в устройстве кровель. Эти закономерности прослежены историками архитектуры²². Форма крыш на реконструкции представлена в соответствии с планом

перекрываемых помещений (особо учитывались аналогии крыш дворца в Коломенском). Крыши палат были выкрашены в зеленый цвет и украшены деревянными резными гребнями. На кровле хором и на башенке крыльца, как и на всех кровлях Теремов, стояли прапора из белого железа, расписанные красками и золотом.

Стены деревянных брусных хором обшивались тесом, в сенях — с обеих сторон.

Окна палат Натальи Кирилловны с обеих сторон здания украшали резные наличники с «гзымсы и капители»²³, т. е. с карнизом и капителями. В окна были вставлены фигурные «кругчатые» слюдяные окончины с переплетами из белого железа и украшенные живописью. Живописцу Ивану Салтанову в 1676 г. велено было написать в хоромы царевича Петра Алексеевича оконницу по слюде «в кругу орла, по углам травы, а написать так, чтобы из хором сквозе видно было, а с надворья в хоромы чтоб не видно было»²⁴. При раскопках на месте палат встречено множество небольших кусков слюды неправильной формы, от всей вероятности, от этих наборов окончин. Размеры окон и дверей каменных этажей палат Натальи Кирилловны оказались в описи 1722 г. Размеры окон деревянных этажей на реконструкции представлены по аналогии с размерами окон Коломенского дворца.

Переходы и площадки ограждались балясником «из доброго липового лесу» с точеными балясинами высотой в 1,24 м (аршин и три четверти). В 1685 г. для палат было выточено 1500 балясин²⁵.

Наличники окон и цоколь первого каменного этажа восточного фасада палат представлены на реконструк-

ции в соответствии с археологическими данными (элементы их почти все найдены при раскопках и лишь для некоторых недостающих деталей использованы одновременные аналогии — окна трапезной Новодевичьего монастыря и келий Воскресенского Новоиерусалимского монастыря).

части на поперечную стенку, отделявшую церковь от трапезной, а в восточной части — на два четырехгранных столба (размеры церкви внутри: длина с алтарем — 11,54 м, ширина — 6,21 м; трапезная имела длину 5,32 м, ширину — 6,57 м). Толщина стен церкви равнялась

Рис. 5.

Резной камень портала

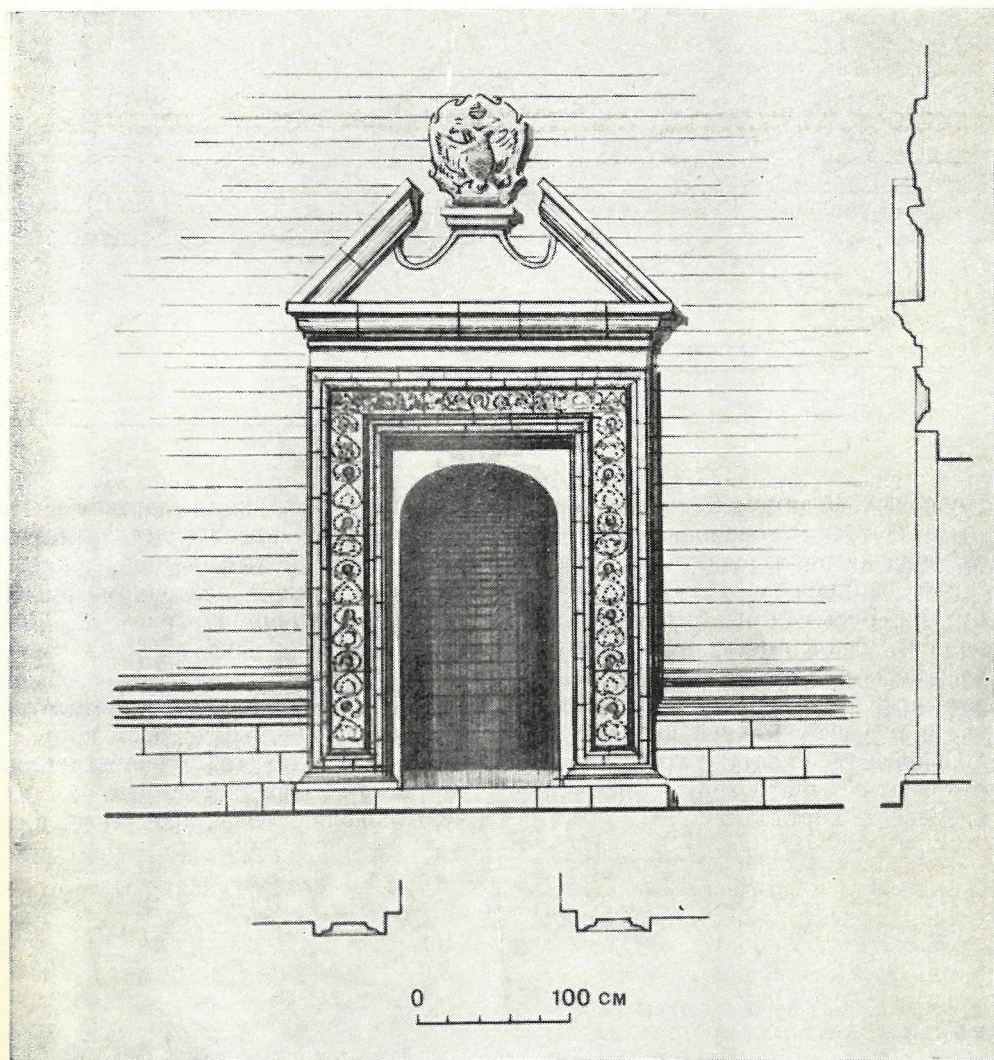
В ансамбле существенную роль играла домовая церковь Петра и Павла, построенная на столбах и сводах нижних этажей в 1684 г. Это была каменная трехапсидная пятиглавая церковь с золочеными главами и резными золочеными крестами. Длина ее (с трапезной) составляла около 20 м (при ширине 8,5 м), а высота была равна высоте Теремного дворца²⁶. В церковной трапезе были хоры, примыкавшие одной стороной к деревянным хорам царицы. В церкви имелось 17 окошек, в трапезе — 6 окон с железными решетками (высота окон — 1,96 м при ширине — 1,07 м). Полы в церкви были дубовые, косячатые — из брусков, расписанных «в шахмат».

Вплотную к церкви примыкала палатка с сенями, из сеней кверху вела винтовая каменная лестница. Свод церкви опирался в западной своей

1,6 м. Фасад церкви оказалось возможным реконструировать документально на основании этих данных и некоторых других московских аналогий, в частности, близких по времени церкви Григория Неокессарийского и Покровского собора в Измайлове. Церковь Петра и Павла соединялась переходами с жилыми палатами, переходы имелись и около церкви, с северной и западной ее сторон. В этой скромной дворцовой церкви в январе 1688 г. венчался 16-летний Петр с Евдокией Лопухиной²⁷.

К востоку от алтаря на том же ярусе была расположена площадка с висячим садом (размеры: длина — 18,1 м, ширина с одной стороны — 12,78 м, с другой — 7,81 м). На покрытие площади сада потребовалось 640 пудов свинца, из которого водовзводного дела мастер Галактион Ни-

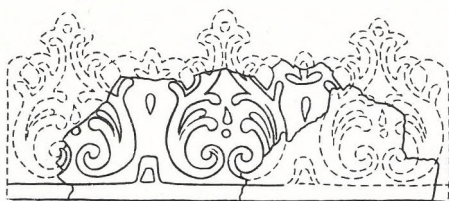
Р и с. 6.

Реконструкция портала

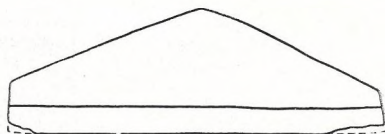
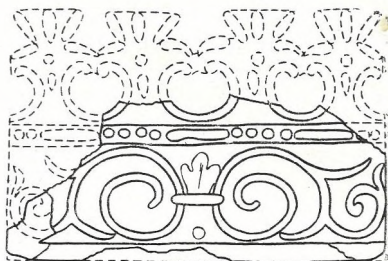
китин лил доски, покрывал ими сво-
ды и прочно запаивал стыки²⁸. На
подготовленную таким образом пло-
щадку была насыпана просеянная
земля толщиной аршин с четвертью

(89 см)²⁹. В саду были грядки и
ящики для цветов, в нем же росли
плодовые деревья. Даже в 1737 г.,
когда дворец был запущен, в саду
оставалось 24 яблоневых дерева и 8

1

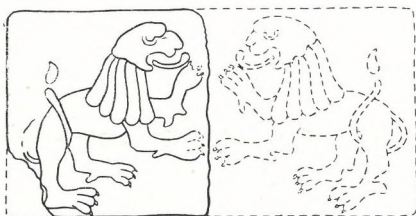
2

грушевых. К зиме их закрывали рядными рогожами и войлоком. В 1687 г. сюда была проведена вода (посредством свинцовых труб) и устроен прудок. Весь сад был огорожен деревянным балясником, раскрашенным «черленью» (красной краской). На реконструкции сад виден с востока, а далее к северу на ней показан вход в Судейскую палату с крыльцом, перекрытым шатровой черепичной кровлей и порталом.

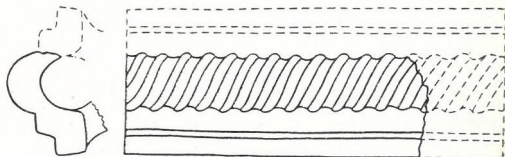
Для реконструкции портала была использована археологическая находка — резной белый камень, оказавшийся в южном ленточном фундаменте, в раскопе I (рис. 5). Камень был заложен туда при перестройке здания, а размер и резьба на камне полностью соответствуют имеющимся данным об этом портале. Остальные детали реконструкции портала — профилированный камень цоколя, профилированный кир-

Рис. 7.

Обломки изразцов (1—2)

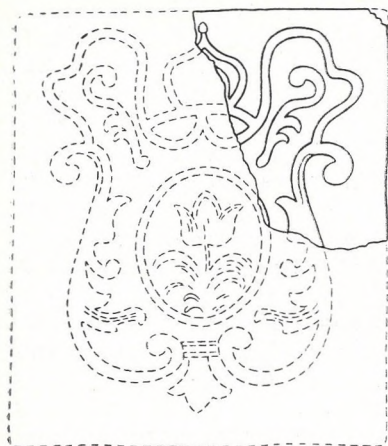

3

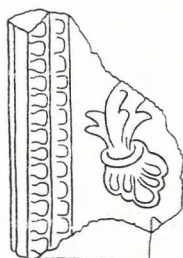

4

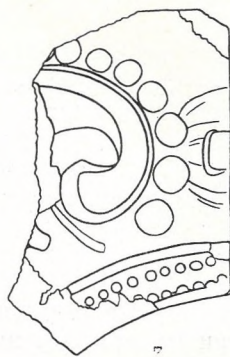

5

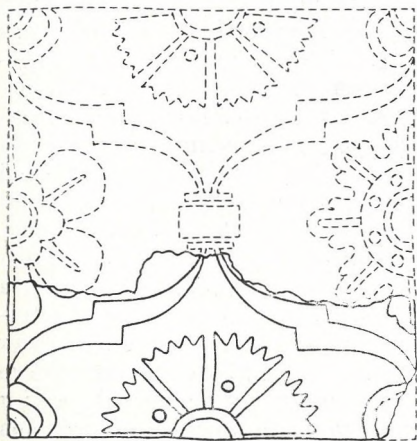
6

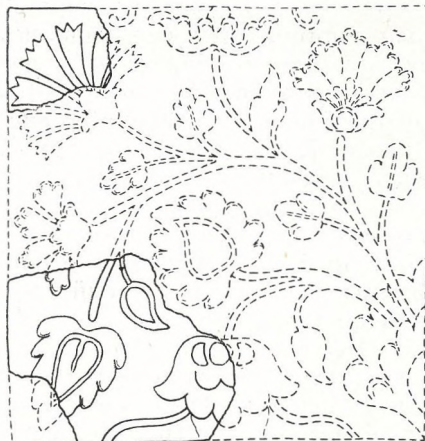
пич с бусинами и др. — найдены в развале палат (рис. 6). Декор портала близок резным окнам южной стороны Грановитой палаты (конца XVII в.). Мастерски резаны грозди винограда, листья аканфа — эти мотивы «фряжской рези» характерны для прикладного искусства второй половины XVII в. Совершенно подобная резьба, но по дереву с позолотой имелась в алтаре церкви Николо-Угрешского монастыря³⁰. Та-

ковы же керамические колонны от наличников Главной аптеки³¹. Белокаменная резьба в палатах Натальи Кирилловны была ярко раскрашена красной и синей краской.

Самая северная часть здания на реконструкции — начало «Портовой палаты» и переход к Светличной лестнице. К югу же от палат Натальи Кирилловны шли переходы к Теремному дворцу, а за ними — хозяйственные помещения.

8

9

0 2 4 6 8 10 cm

Под церковью была Судейская палата — домашняя администрация царицы — там сидели судьи и было «место судейское», «обитое красным сукном»³², и три Казенных палаты, где хранились царицына казна (платья и драгоценные уборы). Под хорами, в самом нижнем ярусе, который выходил лишь на запад, находились Мастерская палата царицы и три палаты, где жили старцы «государевы богомольцы» (нищие) длиной каждая в 6 сажен, шириной в 2 сажени. Опоры этого яруса и оказались в раскопках.

Таковы были нижние — служебные этажи.

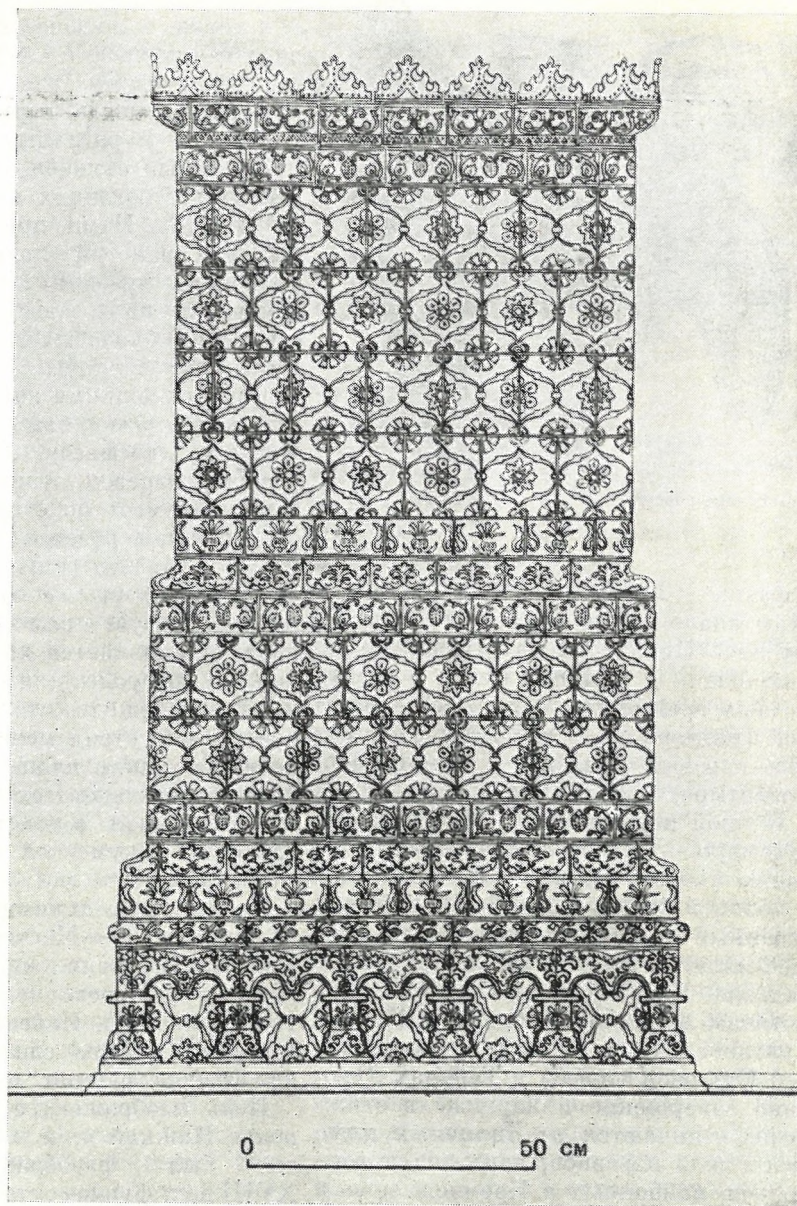
При археологических раскопках 1959 г. в руинах палат была собрана коллекция изразцов — разнообразных по сюжетам и технике выполнения (образцы приведены на таблице — рис. 7). Большинство изразцов — ценинные второй половины XVII в. Более поздние изразцы — белые с синим рисунком — связаны с ремонтом печей в начале XVIII в. При исследовании обломки изразцов дополнялись до полной формы по точным аналогиям из фондов московских музеев³³.

Интересен комплекс из семи обломков многоцветных изразцов, имеющих зеленовато-бирюзовый фон. Изразцы, по-видимому, были изготовлены в одно и то же время по одному заказу. Два обломка при этом являлись составными частями изразца 9 (см. рис. 7). Для реконструирования его был найден и использован аналогичный по рисунку и расцветке изразец, но оттиснутый в другой форме (размер его — $25 \times 24 \times 2$ см). Первоначально это был печной изразец. Во вторичном использовании он украшал фриз церкви Андрианова и Натальи (на Первой Мещанской ул., 1686—1688 гг.)³⁴. Другой

изразец такого же рисунка, но оттиснутый уже в третьей форме, также украшал фасад церкви Троицы в Зубове на Пречистенке (середина XVII в.). Размер его — $24,6 \times 23$ см³⁵. Обломки кремлевского изразца (9) не имеют следов копоти, и, следовательно, этот изразец мог быть и не от печи. Возможно, что он так же, как и его аналоги, украшал фриз церкви Петра и Павла.

Представляет интерес обломок ценинного изразца 1. На нем легкий стилизованный орнамент. Фон зеленовато-бирюзовый, рельеф желтый и коричневый. Это скругленный городок от обогревателя («ценинной трубы»). В брусяных хорах царицы Натальи Кирилловны, безусловно, стояли «ценинные трубы», а топки их размещались в печах нижних служебных этажей (размеры изразца: длина — 22,5 см, высота — 10 см). Кроме городка (рис. 7, 1) от этой ценинной трубы нет никаких других изразцов. Аналогичные обогреватели сохранились в церкви с. Алексеевского, куда они были перенесены из Путевого дворца царя Алексея Михайловича. Один из них обмерен И. Г. Сахаровой и опубликован³⁶. Изразец 2 (см. таблицу) также представляет собой обломок городка, но от четырехугольной печи. Это многоцветный ценинный изразец со стилизованным растительным и геометрическим орнаментом (размер — 19×13 см). Аналогией для него являются изразцы печи Приказной палаты в с. Коломенском. Интересен обломок муравленого печного изразца с изображением льва (рис. 7, 3). Палаты Натальи Кирилловны одновременно украшали как рельефные полихромные изразцовые печи (это время их расцвета), так и зеленые монохромные из изразцов типа приведенного (полный размер

Р и с. 8.
Реконструкция печи

Рис. 9.

Свистулька-конек

изразца — $20,6 \times 10,6$ см). Полностью аналогичные изразцы составляют печь Приказной палаты в с. Коломенском. Ценинный валик с веревочным орнаментом (рис. 7, 4) — печной (размеры — $19 \times 7,5$ см). Подобные изразцы найдены в Симоновом монастыре.

Печной изразец начала XVIII в.³⁷ (размеры — $22,5 \times 19$ см) — белый с синим узором: медальоном в центре и короной сверху (рис. 7, 5). Стилизованный орнамент желтого цвета окаймляет зеленое поле вокруг медальона. Из аналогичных по форме и мотивам орнамента изразцов Н. В. Султанов сделал реконструкцию печей Столовой палаты в Теремах. Однако завершение и карнизы в этих печах отличаются от типичных для этого вида изразцов, карнизов и гордков, найденных в Кремле.

Таким образом, большинство типов изразцов в палатах Натальи Кирилловны имеют широкие московские аналогии и, значит, для царицыных палат приобретались обычно московские изразцы. Весьма распростра-

нен также в московском производстве мотив изразца с гвоздикой (рис. 7, 8). Встречаются как полихромные, так и муравленные изразцы этого вида. Такой муравленный изразец, например, был отмечен при археологических наблюдениях на строительстве метро³⁸. Нами просмотрено несколько аналогий полихромных изразцов из музея в с. Коломенском. Несмотря на чрезвычайную стилистическую близость, все они отличаются друг от друга формой розеток и другими мелкими деталями. Изразцы полностью соответствуют кремлевскому по цвету. Однако кремлевский изразец отличается от них тем, что имеет по сторонам остатки от половинок розеток разного рисунка. Этот изразец (рис. 7, 8) имеет необычную румпу: с одной стороны, румпа образует прямой угол с краем изразца и является как бы подставкой, на которой стоял изразец. Можно предположить, что изразец с такой румпой стоял между «ножками» печи, на заднем плане. Изразец этот прямой, и, следовательно, печь была прямоугольная, а не круглая. Привлечение документов показало, что самое вероятное местоположение ценинной печи с такими изразцами — средний этаж — Мастерская палата, где впоследствии «сидели судьи». Именно для этого помещения архитектором И. В. Ильенко по нашим материалам была сделана графическая реконструкция печи (рис. 8).

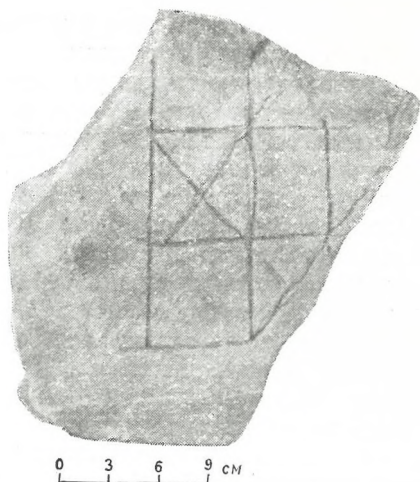
Печь изображена с торцовой стороны. Нижний ярус «каменного жилья» был разобран в середине XVIII в., и фундаментов печи, естественно, не сохранилось. Поэтому размеры печи приняты минимальные на основании изучения аналогий. Ширина торцовой части взята по размерам фундаментов печей Андроникова и Новодевичьего монастырей, а также

по раскладке самих изразцов (ширина фундамента печи Настоятельского корпуса Андроникова монастыря — 1,66 м, ширина фундамента печи из палат Софьи в Новодевичьем монастыре — 1,65 м, видимо, в этом размере существовала определенная закономерность (связанная скорей всего с размером изразцов). Высота печи установлена на основании реконструкции высоты среднего этажа палат и также по аналогиям с печами конца XVII в.

Печь примыкала к стене, в которой был расположен камин, отсюда и осуществлялась загрузка печи топливом. Для облицовки печи использован изразец с гвоздикой (рис. 7, 8), который поставлен между «ножками» печи. Этот же изразец являлся, видимо, основным кафелем, которым стенка печи была облицована как в нижней, так и в верхней части. При этом, поскольку на изразце было два вида розеток, они чередовались в шахматном порядке. Менее вероятно, хотя также допустимо, другое расположение, при котором изразец 8 стоял бы между «ножками», а выше были изразцы с другими розетками и без чередования, или же низ — из одних розеток, а верх — из других. Для остальных элементов печи — «ножек», карнизов, валиков, фриз — взяты близкие по стилю изразцы последней четверти XVII в. Для завершения печи использован кремлевский городок, который чрезвычайно подходит по цвету поливы.

Расцветка изразцовой печи, как и обогревателя, — зеленовато-бирюзовый фон и желтые с коричневым рельефом — сочеталась с убранством комнат Натальи Кирилловны. Оформлению интерьера в то время придавалось немалое значение, и, безусловно, внутренний «шатерный наряд» палат был увязан с цветом из-

Р и с. 10.

Чертеж на известняковой плите

разцовой печи. Это подтверждается документами. В 1685 г. (29 марта) велено было «сделать парицы Натальи Кирилловны в новые деревянные хоромы в переднюю да в две комнаты полавочники из сукон кармазиновых, средины зеленые, а опушки темно-крапивные...»³⁹. Того же года 7 апреля — «отпустить из казны Казенного приказу в новые деревянные хоромы парицы Натальи Кирилловны на три лавки, на полавочник на середину бархату коричневого флоренского... на каймы бархату ж осинового... на оторочку отласу зеленого»⁴⁰. В 1688 г. (9 октября) приказано было отпустить «в хоромы парицы Натальи Кирилловны на оббивку стен и лавок, и потолку, и дверей, и окон, и на стол... сукон полукармазиновых коричневого 20 арш., две половинки сукна агличского коричневого, скроено половое сукно, в кроенье пошло половинка сукна анбурского зеленого»⁴¹ и т. п.

Таким образом, хоромы Натальи Кирилловны были оформлены в не-

ярких коричневых и зеленых тонах, что по тогдашним понятиям наиболее подходило к положению вдовствующей царицы.

С печью и полом гармонически сочеталась роспись палат. В 1685 г. потолок и стены деревянных комнат хором Натальи Кирилловны были покрыты росписью цветными красками и золотом, которая, судя по закупленным краскам, вполне сочеталась с печью полом, резьбой⁴². Сюжеты — притчи Ветхого и Нового заветов. Расписывали их крупные живописцы — мастера Оружейной палаты — Иван Салтанов и Иван Безмин «с учениками». Интерьер дополняли стоявшие вдоль стен лавки и поставцы с драгоценной замысловатых форм посудой и ларцами (поставцы также были расписаны — одни только зеленым аспидом, другие — цветными)⁴³.

С этими палатами связано раннее детство Петра — до 1682 г. В материнских хорах Петр останавливался и впоследствии — во время наездов в Москву⁴⁴. Петр с самых ранних лет рос в окружении ровесников — «робятки». Крекшин⁴⁵ сообщает, что на четвертом году Петр уже являлся «полковником» — это был целый маленький полк — «Петров полк» (истинность этого рассказа признавал и И. Е. Забелин)⁴⁶. У хоров была устроена потешная площадка, на которой поставлены потешный деревянный шатер и потешная изба, — это было нечто вроде воинского стана. На площадке стояли рогатки, деревянные пушки, из которых стреляли деревянными обтянутыми кожей ядрами. Историки подробно описывают весь этот арсенал сложных военных игрушек, а также заморские игрушки царевича — «клевикорды» и др. Но «робятки», безусловно, пользовались народными

игрушками, в том числе изделиями мастеров Яузской Гончарной слободы. Некоторые из них сохранились в остатках палат. Такова свистулька — коник — лепной из белой глины, с широкими коричневыми полосами, с изогнутым крупом и широкой грудью, с хвостом, круто выгнутым вверх (рис. 9). Неспроста подобных коников нет в большом комплексе игрушек XVI — первой половины XVII в. из Гончарной слободы⁴⁷. Дата его — вторая половина XVII в. Интересна и обломанная глиняная фигурка мужчины — приземистая, на коротких толстых ногах.

Потехи «Петрова полка», можно полагать, сопровождались немалым шумом. «Робятки» колотили в потешные барабаны, пробивая их насквозь (эти барабаны постоянно приходилось чинить в Оружейной палате⁴⁸), они дудели на деревянных дудках и, конечно, свистали в свистульки, одна из которых и обнаружена раскопками.

Особый интерес представляет находка в развале палат (раскоп 2) обломка гладкого белого камня с каким-то чертежом (рис. 10).

Древнейшие русские чертежи на камне и керамике — «вавилонны» — со всей полнотой изучены академиком Б. А. Рыбаковым⁴⁹. Среди них исследователь различает архитектурные, игральные и «символы зодческой мудрости». Г. Ф. Корзухина склонна считать все наскоро нацарапанные «вавилонны» игральными досками⁵⁰. На кремлевском чертеже семь близких по размеру прямоугольников, четыре из которых — чередующиеся — пересечены диагоналями. Чертеж мог бы быть сочтен планом сооружения, в котором перечеркнутые прямоугольники означали бы крестовые своды, а четыре — циркульные. Однако ни одного соору-

жения подобного плана в Кремле в это время не известно и гораздо естественнее другое объяснение — игральная доска. Для таких, не дошедших до нас игр, как тавлеи, сакки, бирки, леки, судя по их описанию⁵¹, доска не подходит. Не годилась она и для игры в шашки — древнейшие шашки имели иные доски (иногда шашки идентифицируют с леками)⁵². Правильная форма клеток и их чередование на чертеже не могут не привести к заключению, что перед нами обломок шахматной доски⁵³. Вторая половина XVII в. — это время широкого распространения шахмат в Москве. Я. Рейтенфельс, побывав здесь в 70-е годы, рассказывал, что почти все время дети и старики на улицах и площадях Москвы играют в шахматы⁵⁴. О популярности шахмат свидетельствует и наличие специальных мастеров токарей — «шахматников», делавших шахматные фигуры⁵⁵. Эти деревянные и костяные фигурки довольно часто встречаются при раскопках средневековых слоев в русских городах; доски же археологами не были найдены ни разу.

Вполне возможно, что именно каменщики, строившие палаты, процарапав гладкую плиту известняка, играли на ней наспех сделанными фигурами, а затем импровизированную доску пустили в кладку.

В процессе исследования все полнее представляются нам палаты царицы — это интересное здание со сложным планом, без правильности и симметрии. Многоэтажные палаты с шатрами, крыльцом, гульбищем, садом, декоративным убранством, полихромными резными украшениями, со сложной обработкой дверных оконных проемов были весьма живописно скомпонованы. Красочное нарядное здание органически вписывалось в ансамбль Теремов.

Архитектура — светская, красочная — характерна для декоративного стиля второй половины XVII в. Здесь нет еще той пышности и изощренности форм, которые вскоре выльются в «нарышкинское барокко».

До нас не дошло имя зодчего, руководившего постройкой палат, но тем более ценны сохранившиеся в росписях «за рукой путного ключника» Федора Геева имена плотников Никиты Перфильева, Нефёда Гаврилова, Василия Степанова, делавших наличники «со гзымзы и капители», — т. е. творцов резного декора палат⁵⁶. Общая композиция палат напоминает Коломенский дворец, однако это, безусловно, оригинальное, художественно-интересное произведение — еще один пример творчества московских зодчих XVII в.

Примечания

¹ И. Е. Забелин. Дворец московских царей до Петра I. «Москвитянин», 1849, ч. III, кн. 2, стр. 90.

² Ф. Рихтер. Памятники русского зодчества, тетрадь 2. Теремной дворец. М., 1853, стр. 26.

³ «Деяния Петра Великого», ч. I. М., 1788, стр. 145.

⁴ И. Е. Забелин. О детстве Петра Великого.

Опыты изучения русских древностей и истории, ч. I. М., 1872, стр. 148.

⁵ И. Е. Забелин. Дворец московских царей до Петра I. «Москвитянин», ч. II, кн. 7, стр. 131.

⁶ ЦГАДА, ф. архива Московской оружейной палаты, д. 17512, л. 71.

⁷ И. Е. Забелин. Домашний быт русских ца-

- рей в XVI—XVII вв., т. I, ч. 1, изд. 4. М., 1918, стр. 69—71, 124.
- 8 П. Иванов. Описание Государственного архива старых дел. М., 1850, стр. 14; А. И. Сперанский. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930, стр. 80.
  - 9 И. Е. Забелин. Домашний быт..., т. I, ч. 1 — приложен план среднего этажа; там же, т. I, ч. 2, 1915 — приложены планы нижнего и верхнего этажей.
  - 10 Государственный Эрмитаж, отдел Рисунка, рулон 4, № 12893—12895.
  - 11 И. Е. Забелин. Домашний быт..., т. I, ч. 1, прилож.: записки строительного дела, стр. 625.
  - 12 С. П. Баргенов. Московский Кремль в старину и теперь, т. I. М., 1912, прилож.
  - 13 Опубликованы: И. Е. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, ч. 1. М., 1884, стр. 1271—1340.
  - 14 И. Е. Забелин. Домашний быт..., т. I, ч. 1, прилож.
  - 15 В. Есилов. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом, т. 1—2. М., 1872.
  - 16 А. Викторов. Описание записных книг в бумагах старых дворцовых приказов 1584—1725 гг., вып. 1. М., 1877.
  - 17 Н. Скворцов. Археология и топография г. Москвы. М., 1913, стр. 445.
  - 18 А. Мейерберг. Путешествие в Московию. М., 1877, стр. 60.
  - 19 «Полное собрание законов Российской империи», т. II. СПб., 1830, стр. 356, № 892 (указ. от 23 октября 1681 г.).
  - 20 И. Е. Забелин. Домашний быт..., т. I, ч. 1, стр. 676.
  - 21 Там же.
  - 22 И. Е. Забелин. Русское искусство. Черты самобытности в древнем зодчестве. М., 1909; А. А. Потапов. Очерк древнерусской гражданской архитектуры. М., 1902; А. А. Тиц. О методах пропорционирования в русском гражданском зодчестве XVII в. «Научные сообщения высшей школы». М., 1958, № 3.
  - 23 И. Е. Забелин. Домашний быт..., т. I, ч. 1, стр. 639.
  - 24 Там же, т. I, ч. 2, стр. 200.
  - 25 Там же, т. I, ч. 1, стр. 637.
  - 26 С. П. Баргенов. Большой Кремлевский дворец. Дворцовые церкви и придворные соборы. М., 1916, стр. 129.
  - 27 М. М. Богословский. Петр. I. Материалы к биографии, т. I. М., 1940, стр. 66.
  - 28 И. Е. Забелин. Московские сады в XVII столетии. «Опыты изучения русских древностей и истории», ч. 2. М., 1873, стр. 302.
  - 29 И. Е. Забелин. Домашний быт..., т. I, ч. 1, стр. 101.
  - 30 Фонды филиала ГИМ. Коломенское, инв. № К 1875.
  - 31 Там же, инв. № II 768.
  - 32 И. Е. Забелин. Опись ветхости дворца 1713 г. «Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы», ч. 1. М., 1884, стр. 1278.
  - 33 Приношу благодарность архитектору И. В. Ильенко, наблюдения которой использованы при описании изразцов.
  - 34 Фонды филиала ГИМ. Коломенское, инв. № II 99.
  - 35 Там же, инв. № II 102.
  - 36 Н. В. Воронов, И. Г. Сахарова. О датировке и распространении некоторых типов московских изразцов. МИА, № 44, 1955, стр. 93.
  - 37 М. Г. Рабинович. Гончарная слобода Москвы XVI—XVIII вв. МИА, № 7, 1947, стр. 68.
  - 38 А. Л. Монгайт. Московские изразцы. Архитектурные памятники Москвы XVII—XVIII вв. М., 1948, стр. 76, рис. 11, стр. 77.
  - 39 И. Е. Забелин. Домашний быт..., т. I, ч. 1, прилож. Шатерный наряд хором, стр. 676.
  - 40 Там же, стр. 677.
  - 41 Там же, стр. 679.
  - 42 ЦГАДА, ф. архива Московской оружейной палаты, д. 18134, л. 2; д. 22961, лл. 216—217, 221—222.
  - 43 И. Е. Забелин. Домашний быт..., т. I, ч. 1, стр. 711.
  - 44 С. П. Баргенов. Большой Кремлевский дворец, стр. 130.
  - 45 «Записки Крекшина», записки русских людей, изд. И. П. Сахаровым. СПб., 1841, стр. 13.
  - 46 И. Е. Забелин. Домашний быт..., т. I, ч. 2, стр. 210.
  - 47 М. В. Фехнер. Глиняные игрушки московских гончаров. МИА, № 12, 1949, стр. 52—56.
  - 48 И. Е. Забелин. Домашний быт..., т. I, ч. 2, стр. 207, 208, примеч.
  - 49 Б. А. Рыбаков. Русские системы мер длины XI—XV вв. СЭ, 1959, № 1, стр. 91.
  - 50 Г. Ф. Корзухина. Из истории игр на Руси. СА, 1963, № 4, стр. 98.
  - 51 А. Терещенко. Быт русского народа, ч. IV. СПб., стр. 78, 79 и др.
  - 52 Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., стр. 94, 95, 100.
  - 53 Такая трактовка чертежа была полностью поддержана историком шахмат И. М. Линдером.
  - 54 Я. Рейгенфельс. Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1906, стр. 149.
  - 55 М. П. Фабрициус. Кремль в Москве. М., 1883, стр. 130.
  - 56 ЦГАДА, ф. архива Московской оружейной палаты, д. 10333, л. 576.

Г. П. Латышева

Торговые связи Москвы в XII—XIV вв.

(по материалам
археологических раскопок
1959—1960 гг.
в Московской Кремле)

Роль археологии в изучении ранних периодов истории русских городов общеизвестна. Скупое или вовсе не отраженные в письменных источниках, ремесло и торговля — основные признаки, характеризующие экономику города — могут быть изучены по археологическим материалам. Конечно, материалы эти еще не дают полной картины. Не все виды ремесленного производства оставляют в культурном слое осязаемые вещественные следы. Что касается торговли, то данных о ней и того меньше. Очень мало отражаются в археологических материалах торговые связи с сельской округой, имевшие для экономики города решающее значение. Естественное, что в культурном слое города можно встретить остатки далеко не всех привозившихся из деревень сельскохозяйственных продуктов, относительно часто встречаются лишь скопления зерна. С другой стороны, среди вещей, найденных на селищах и в курганах, не всегда можно выделить изделия городских ремесленников, часто они ничем не

отличаются от продукции деревенских мастеров. Так, по внешнему виду кузнечных изделий и большинства ювелирных украшений (о драгоценных золотых вещах здесь речь не идет) нельзя определить, сделаны они деревенскими или городскими ремесленниками.

Лишь некоторые украшения особой тонкой работы или покрытые специфически городским «книжным» орнаментом можно считать сделанными в городе.

Несколько лучше прослеживаются на археологических материалах (по предметам импорта) более отдаленные торговые связи, так как издавна привозили в основном такие товары, которые на месте не производились. Их обычно и удается сравнительно легко выделить из общей массы археологических находок. Привозные предметы оседали в городах, поскольку их покупали главным образом представители феодальной верхушки; значительно реже (и то при помощи городских купцов) они попадали в деревню.

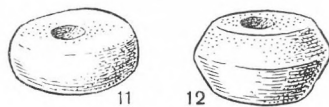
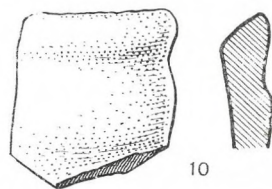
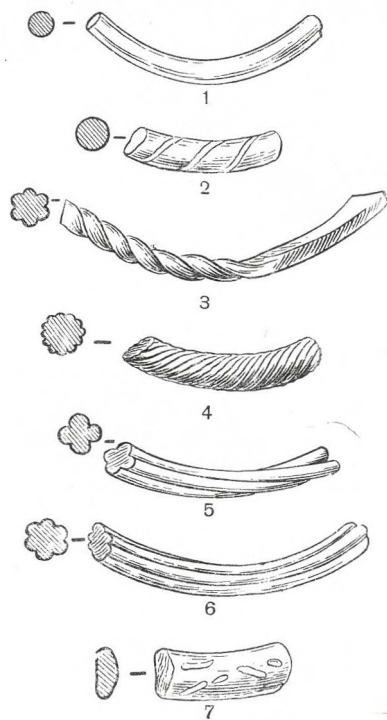

В настоящей работе делается попытка на основании археологических материалов наметить некоторые направления торговых связей Москвы в XII—XIV вв. Использованы были главным образом находки, полученные при археологических работах 1959—1960 гг. на территории Московского Кремля.

Хронологические рамки работы продиктованы двумя соображениями. Во-первых, это период, который до последнего времени не был доступен изучению. В письменных источниках сведений о московской торговле XII—XIV вв. вообще нет, а археологические данные до раскопок в Кремле были слишком скудными. Во-вторых, сыграл роль и характер самого материала. На исследованных в 1959—1960 гг. участках Кремля более поздние горизонты культурного слоя (XV—XVI вв.) были в значительной мере нарушены, а местами и вовсе уничтожены при строительных работах XVII в.

Большинство находок, характеризующих торговые связи Москвы, относится к домонгольскому периоду — XII и первой половине XIII в. Из них наиболее многочисленную группу составляют стеклянные изделия — браслеты, перстни, обломки бокалов. Браслетов найдено 266 фрагментов. Они разнообразны и по форме — (рис. 1, 1—7) гладкие, крученые, витые, рубчатые, — и по расцветке — желтые, коричневые, зеленые, черные, голубые, синие, фиолетовые. Встречены и два обломка печеночно-красного цвета. Один из зеленых браслетов, в сечении плоско-выпуклый, ширина его — 9 мм, имеет на внешней стороне поверхности следы желтой росписи. Это довольно редко встречающийся тип¹.

Выборочный анализ, произведенный Ю. Л. Щаповой в Лаборатории

0 1 2 CM

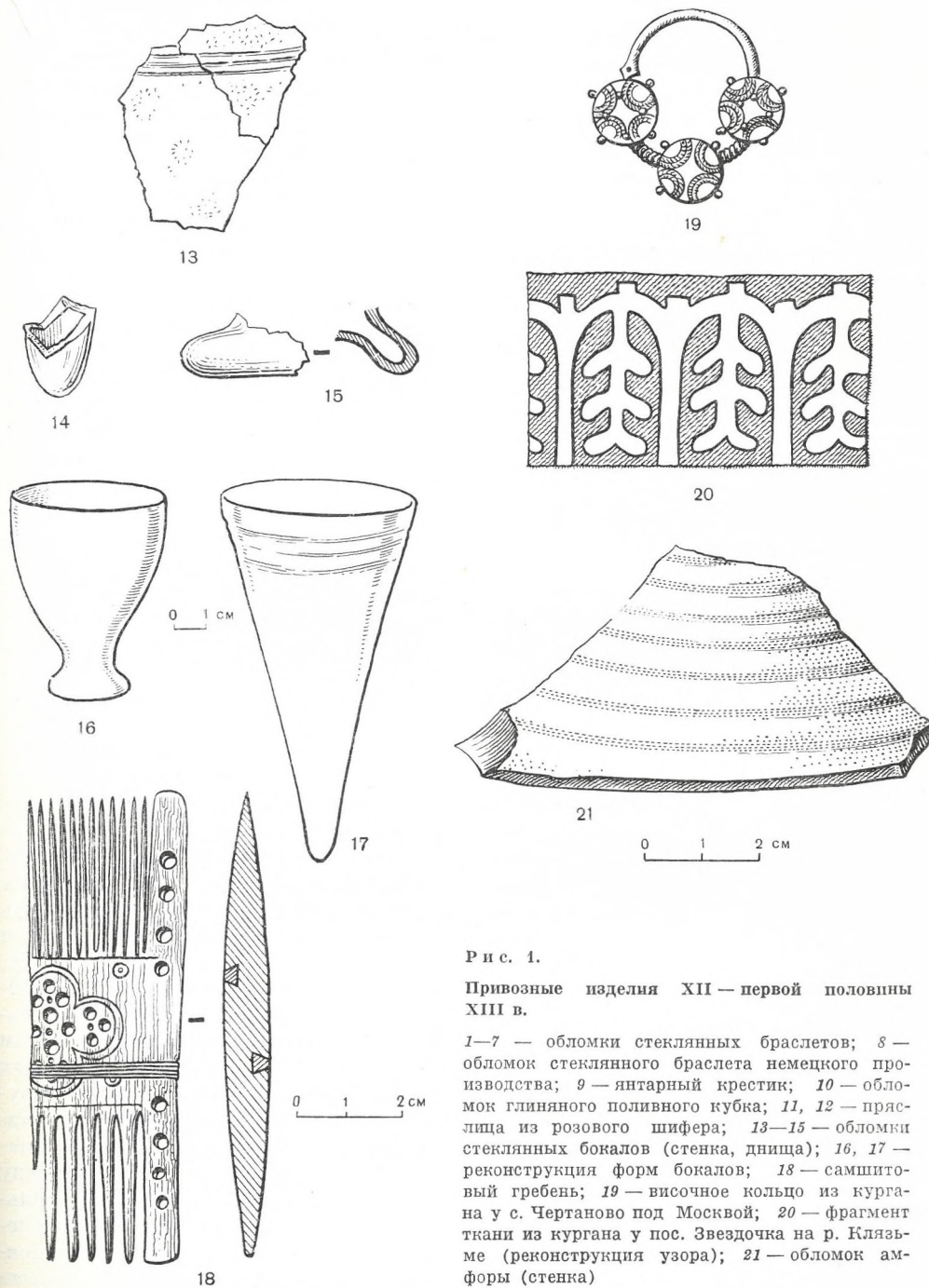

Рис. 1.

Привозные изделия XII — первой половины XIII в.

1—7 — обломки стеклянных браслетов; 8 — обломок стеклянного браслета немецкого производства; 9 — янтарный крестик; 10 — обломок глиняного поливного кубка; 11, 12 — пряслища из розового шифера; 13—15 — обломки стеклянных бокалов (стенка, днища); 16, 17 — реконструкция форм бокалов; 18 — самшитовый гребень; 19 — височное кольцо из кургана у с. Чертаново под Москвой; 20 — фрагмент ткани из кургана у пос. Звездочка на р. Клязьме (реконструкция узора); 21 — обломок амфоры (стенка)

спектрального и структурного анализа Кафедры археологии МГУ (см. приложение), показал, что среди браслетов и перстней есть сделанные из стекла классического русского состава (таких большинство) и из свинцового стекла, характерного для киевского производства XI в. и для периферийных домонгольских русских производств. Встречены также браслеты, сделанные, судя по составу стекла, в греческих мастерских Киева, существовавших там с середины XI в. до 70—80-х годов XII в. Таким образом, часть стеклянных украшений наверняка привезли в Москву из Киева. Вопрос о том, все ли перстни и браслеты были привозными или частично производились на месте, остается неясным, так как в Москве следов собственного стеклянного производства пока не обнаружено.

К предметам киевского производства² относятся и найденные в Кремле (в горизонтах конца XI—начала XIII вв.) обломки посуды, сделанной из тонкого прозрачного желтоватого стекла, иногда с коричневой росписью (горизонтальные полосы у края венчика). По обнаруженным фрагментам можно определить, что это сосуды двух форм — воронкообразные бокалы и кубки на поддоне (рис. 1, 16, 17). Такие бокалы, известные по находкам в домонгольских слоях других русских городов, в Москве встретились впервые и только в Кремле. Видимо, хрупкая стеклянная посуда была слишком дорога для рядовых жителей посада и употреблялась лишь в самых богатых домах.

Не имела широкого распространения в московском обиходе и поливная посуда, единичные обломки которой были встречены при раскопках в Кремле и ранее — в Зарядье (рис. 1, 10). Были найдены части кувши-

нов с валиком на венчике и глубоких мисок — «кубков», сделанных из белой глины и покрытых глухой зеленой поливой. Центром производства такой керамики являлся Киев³. Вероятно, оттуда посуда и привозилась в Москву. Однако производство собственных поливных изделий для Москвы не исключено. Начиная с рубежа XI—XII вв. производство поливных изделий из местных глин распространяется в городах древней Руси довольно широко⁴. В Новгороде, например, среди изделий, найденных в мастерской гончара XIII в., имелось несколько поливных буро-желтых птичек-погремушек⁵. В Московском Кремле (также в слое начала XIII в.) была найдена птичка-погремушка, отличающаяся от новгородских и размерами (она значительно меньше), и цветом поливы — буровато-зеленым. Сделана она не из белой, а из красной глины, что отличает ее от киевских изделий и может свидетельствовать в пользу местного происхождения.

Кроме перечисленных выше привозных изделий, по этому же торговому пути в Москву поступали широко распространенные во всей древней Руси шиферные пряслица овручского производства. В Кремле их найдено 15 (десять розовых и пять серых). Они были бочкообразной и биконической формы (рис. 1, 11, 12). Шесть из них (все розовые) были обнаружены на непотревоженном участке раскопа II, в предматериковом слое, ниже залегания стеклянных браслетов, т. е. в горизонте, датированном рубежом XI и XII вв.⁶ Очевидно, именно к этому времени начинают устанавливаться связи между Киевом и Москвой, имевшие не только торговый характер. Об этом свидетельствует, в частности, печать киевского митрополита, найденная впо-

ледствии Н. С. Шеляпиной при археологических работах в юго-западной части кремлевского мыса⁷. Что касается торговых связей, то именно связи с Киевом, видимо, были наиболее систематическими и прочными в течение всего домонгольского периода.

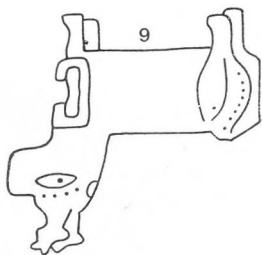
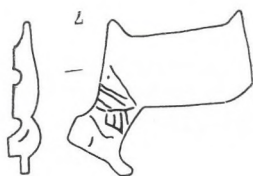
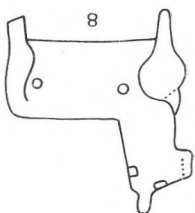
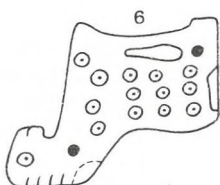
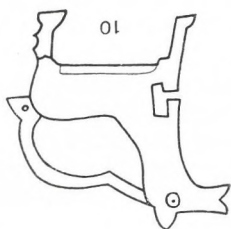
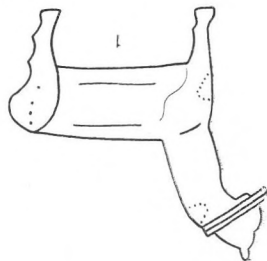
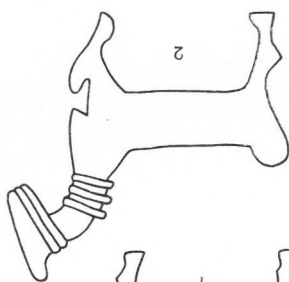
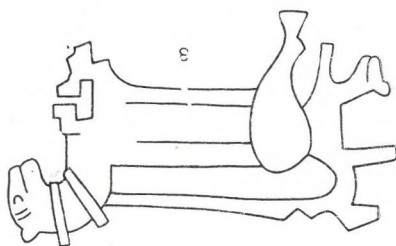
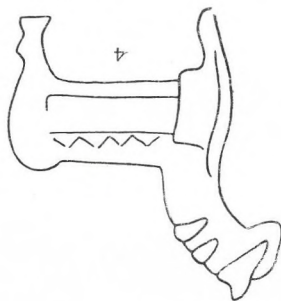
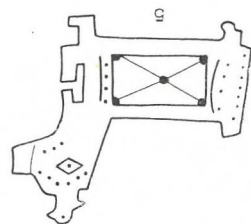
О торговых связях Москвы с Крымом свидетельствуют найденные в Кремле — впервые в Москве — обломки амфор — 40 фрагментов (в настоящее время число находок значительно увеличилось; амфоры найдены и при археологических наблюдениях, проводившихся в Кремле в последние годы). Фрагменты амфор были встречены в различных горизонтах домонгольского культурного слоя Кремля — от начала XII до первой половины XIII в. включительно. Это были обломки крупных толстостенных сосудов с двумя ручками. Внешняя поверхность стенок была покрыта рифлением. По имеющимся фрагментам полностью реконструировать форму амфор не удастся. В этих сосудах могли привозить в Москву дорогие южные продукты — вино и оливковое масло. О таком назначении амфор свидетельствуют найденные в других городах Руси обломки аналогичных сосудов с пропаранными надписями: «масло»⁸, «ярополче вино»⁹, «новое вино Добрило послал князю Богунка»¹⁰. Не случайно фрагменты амфор были обнаружены в Москве только на территории Кремля. Безусловно, и вино, и оливковое масло являлись предметами роскоши, доступными лишь феодальной верхушке. В торжественных случаях на стол князю и наиболее богатым феодалам подавали различные экзотические фрукты и орехи. Скорлупка миндаля встречена и среди кремлевских находок.

Еще одна находка, из числа интереснейших, по-видимому, подтвер-

ждает наличие торговых связей древней Руси с Крымом в XII в. Это небольшой бронзовый замок, сделанный в виде фигурки фантастического зверя (рис. 2, 14). Длина его — 7 см, высота 5 см, ширина 1,2 см. Он состоит из двух половин, отлитых в формах и соединенных между собой железными заклепками. Голова зверя выполнена реалистически и напоминает голову львицы. Отчетливо видны рот, ноздри, глаза, небольшие уши. За ушами на высокой, слегка изогнутой шее — один рог. Тело — длинное, в сечении — восьмигранное. Ноги — короткие, с копытцами, причем передние заметно длиннее задних. Голова — гладкая, остальные части — шея, туловище, верхние части ног — сплошь покрыты затейливым орнаментом, различным на каждой половине корпуса (возможно, что для отливки замка были использованы половинки двух разных форм). В основном орнамент представляет собой различные комбинации завитков, но некоторые его элементы напоминают по очертаниям буквы кириллицы. На правой задней ноге можно прочесть лигатуру Н — И, на шее — слева букву Н. Механизм замка был железным. Он представлял собой пружину, вставлявшуюся в корпус сзади. От пружины вверх отходила дужка, которая, пройдя сквозь специальную петлю на корпусе, попадала концом в отверстие на шее зверя, за рогом. Замок подобного устройства из числа найденных при раскопках в Херсонесе описаны Н. Третским¹¹.

Известно, что бронзовые замки в виде фигурок животных в X—XII вв. изготовлялись в Херсонесе. Оттуда они, вероятно, попали в Булгар, где возникло собственное производство подобных замков по образцу херсонесских, но более

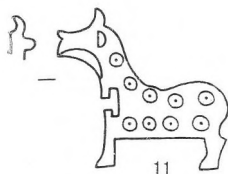

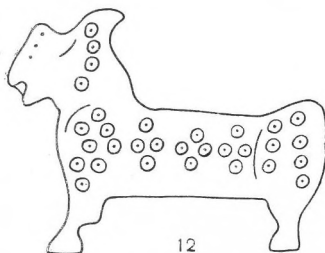
Р и с. 2.

Бронзовые замки херсонесской и болгарской работы

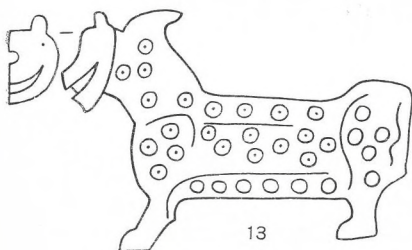
1 — фонды Херсонесского музея (без паспорта); 2—3 — замки из раскопок Косцюшко-Волужинича в Херсонесе (1898 г.), экспозиция ГИМ; 4 — замок из раскопок Косцюшко-Волужинича в 1897 г. (см. Отчет императорской археологической комиссии за 1897 г. СПб., 1900, стр. 111, рис. 222); 5 — замок, найденный при раскопках Гнездовских курганов (разрушенное погребение из Ольшанского центрального городища. Археолого-этнографический музей МГУ, Оп. 43, № 434); 6 — замок из Херсонеса (см. Отчет Императорской археологической комиссии за 1891 г. СПб., 1893, стр. 4, рис. 1); 7, 8 — замки из раскопок Косцюшко-Волужинича, планшет 67, инв. № 1929, 1930, фонды Херсонесского музея; 9 — экспозиция Херсонесского музея, Средневековый зал, инв. № 6591; 10, 11 — замки болгарской работы, фонды ГИМ, оп. 948; 12 — замок из Б. Мечетки (см. Известия Императорской археологической комиссии, вып. 53, Пг., 1914, стр. 103, рис. 35); 13 — замок из Виллара, фонды ГИМ, оп. 948, № 19; 14 — замок, найденный в Кремле, экспозиция музея Истории и реконструкции г. Москвы, зал. 1; 15 — схема устройства замка

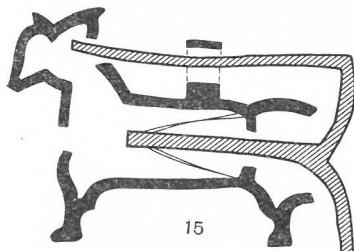
11

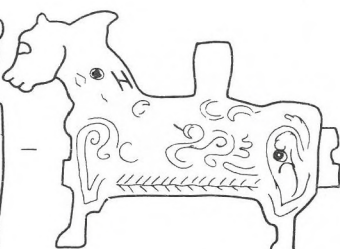
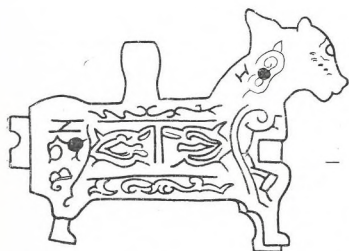
12

13

15

14

0 4 CM

однообразных форм. Среди херсонесских замков можно выделить несколько типов (рис. 2, 1—9). Одни замки сделаны в виде коньков с хорошо моделированными формами, высокой изогнутой шеей и элементами упряжки в виде выпуклых полос (рис. 2, 1—4). Другие выполнены также в виде фигур животных, но более условно. На туловище — точечный и геометрический орнамент, уши сделаны в виде фигурок птиц (рис. 2, 5, 6). Третий тип еще более лаконичен. Формы фигурок очерчены очень схематично, ноги и глаза иногда еле намечены (рис. 2, 7, 9). Наконец, в некоторых замках изображение животного еле угадывается, настолько оно условно (рис. 2, 9).

Что касается болгарских замков, то они удивительно схожи между собой. Это небольшие фигурки животных — коньков (рис. 2, 10) или коров (рис. 2, 11). Очертания тела, ног и морды с приоткрытым ртом у них совершенно одинаковы. Коров отличаются лишь изогнутые рога и расположение ушей по бокам головы, а не сверху, как у коньков. Туловище — или гладкое, или покрыто циркульным орнаментом. Другие виды орнамента не встречены.

Наш замок не имеет прямых аналогий ни среди херсонесских, ни среди болгарских замков. От всех опубликованных и хранящихся в фондах музеев экземпляров¹² он отличается богатством ornamentации и наличием петли для дужки в верхней части корпуса. Имеется лишь два замка, которые сходны с московским по общим очертаниям. Оба они происходят не из раскопок, а являются приобретениями музеев. Один из них найден на городище Большая Мечетка (рис. 2, 12), приобретен Саратовским музеем и опубликован в известиях императорской Археологи-

ческой комиссии¹³, другой (рис. 2, 13) хранится в фондах Государственного исторического музея¹⁴. Он также приобретен из частных рук, место находки — Биляр. Оба эти замка значительно грубее кремлевского по отделке. Мелкие детали (глаза, ноздри) отсутствуют. На первом не намечены даже уши. Орнамент на обоих замках — циркульный. Не исключена возможность, что они сделаны в Булгаре по образцу привезенного из Херсонеса замка, сходного с найденным в Кремле. Однако мастер не стал повторять всех деталей, а ограничился лишь передачей общего облика. Думается, что найденный в Москве замок вышел все же не из болгарских, а из херсонесских мастерских, где форма и отделка замков были значительно разнообразнее. Трудно сказать, когда именно замок попал в Москву, сколько времени служил своим хозяевам (запирал он, разумеется не дверь, а какой-нибудь ларец с дорогими вещами). Определяется лишь время, когда он был сломан и выброшен. Замок обнаружен в раскопе II, в предматериковом слое, который на этом участке (кв. 16) датируется второй половиной XII в. Рядом было большое угольное пятно — следы пожара этого времени.

Кроме изделий, привезенных в готовом виде, среди кремлевских находок домонгольского времени есть и такие, которые были сделаны на месте московскими мастерами, но из привозного сырья. К их числу относится часть самшитового гребня, найденная в слое второй половины XIII в. Гребень сделан чрезвычайно искусно. Он прямоугольный (высота — 11,5 см, ширина обломка — 3,2 см), двусторонний (рис. 1, 18). На одной стороне зубья были редкими — для расчесывания волос, на другой —

частые, для гигиенических целей. Частые зубья слегка опалены. Гребень: богато украшен сквозными отверстиями и циркульным орнаментом. На обеих сторонах обломка — следы умелой починки, вырезанные трапецевидные в сечении пазы, в которые были задвинуты соответственно обструганные березовые планки. Очевидно, гребень успел отслужить довольно длительный срок — и до, и после починки — был выброшен только после вторичной поломки. Известно, что в XII в. торговые связи Руси с Закавказьем, откуда привозили самшитовую древесину, временно прерываются. Нужно думать, что именно поэтому гребнем очень дорожили, не выбрасывая после первой поломки. Из-за отсутствия самшита пришлось починить менее прочной березой.

Как видим, все перечисленные выше привозные изделия имеют южное происхождение. Таково было основное направление московских торговых связей до монгольского нашествия. Наметить сейчас торговые пути, по которым товары попадали в Москву, довольно сложно. Связь с Киевом могла осуществляться по Днепровскому пути через Смоленск и волоком к верховьям Москвы-реки; с Крымом — или также через Киев, или же по Дону, через волоки к верховьям Оки, а затем по Москве-реке. Но всего вероятнее, что большинство товаров попадало в Москву по Волжскому торговому пути, с которым Москва была непосредственно связана через Москву-реку и Оку.

Есть среди кремлевских находок и такие, которые указывают на существование торговых связей иного направления. Один из черных стеклянных браслетов, принятых нами первоначально за брак производства (рис. 1, 8), по составу стекла оказал-

ся типичным образцом средневекового немецкого стеклоделия (см. приложение 2, ан. 251:18). Торговля с Западной Европой могла идти через Новгород, связанный с бассейном Москвы-реки через Волок Ламский. Этим же путем, очевидно, доставлялись и другие западноевропейские товары, например сукна (вспомним свинцовую plombу с клеймом одного из рейнских епископов, найденную ранее в Зарядье¹⁵⁾ и прибалтийский янтарь. Несколько таких необработанных кусков янтаря — сырья для московских ремесленников — обнаружено при раскопках в Кремле в слоях второй половины XII — начала XIII в. В горизонте, относящемся к первой половине или середине XIII в., встречено и янтарное изделие — небольшой шестиконечный крестик (рис. 1, 9).

Находки в Москве предметов, сделанных за тысячи километров от нее, не означают, конечно, что все они были непосредственно привезены из тех мест, где производились. Скорее, эти товары должны были неоднократно перепродаваться, прежде чем попасть в Москву. Так было по крайней мере до второй половины XII в. Позже торговые связи стали и более широкими, и более непосредственными. К концу XII в. уже не может быть речи о какой-то обособленности Московского края. В это время «гости» из других русских городов и из-за рубежа появляются, очевидно, со своими товарами непосредственно в Москве. Да и московские купцы наверняка отваживаются на более далекие путешествия, доходя со своими товарами до Булгара, а может быть, и до низовьев Волги.

Москва в этот период могла быть посредником по перепродаже привозных товаров, например восточных —

на запад и обратно. Кроме того, из Москвы некоторое количество привозных товаров перепродавалось в сельскую округу. Безусловно, основным потребителем привозных товаров была верхушка феодального общества, но некоторые виды изделий получили широкое распространение и в деревне. В первую очередь это относится к каменным сердоликовым бусам (хрустальные могли производиться в самой Москве из привозного сырья; в свое время в Зарядье был найден кусок необработанного горного хрусталя)¹⁶. Сердоликовые бипирамидальные бусы, находки которых (как, впрочем, и других бус) в самой Москве единичны, в большом количестве находят в подмосковных курганах. Попадали они на Русь из Средней Азии, где существовал ряд центров по производству поделок из камней¹⁷. В курганных же погребениях находят и такие привозные изделия, которые просто не могли сохраниться в культурном слое города, хотя в деревню попадали, безусловно, через городской рынок. Это — византийские ткани и парчевые ленты, которыми украшали женские головные уборы (рис. 1, 20). Фрагменты совершенно одинаковых лент и тканей были найдены в курганах, расположенных и у поселка «Звездочка» на Клязьме и у с. Чертаново Павелецкой железной дороги¹⁸, т. е. и к северу от Москвы, и к югу от нее. Нет сомнения, что ткани были куплены в Москве. Вероятно, через Москву попадали в деревню и шиферные пряслица, которые изредка находят в курганах, и некоторые другие изделия, даже привозные ювелирные украшения. Так, под Москвой (с. Чертаново) в том же погребении богатой крестьянки, которое содержало привозные ткани, были обнаружены великолепные ажурные сереб-

ряные височные кольца киевско-черниговского типа (рис. 1, 19)¹⁹.

Таковы домонгольские торговые связи Москвы, намечающиеся по археологическим материалам. Москва в этот период — это центр небольшого местного рынка, снабжающий округу своими и привозными товарами²⁰ и связанный в свою очередь с русскими и зарубежными торговыми центрами — Киевом и Новгородом, Крымом и Закавказьем, Западной Европой и Средней Азией.

Татаро-монгольское нашествие нанесло экономике всей Руси значительный урон. Разрушены были центры многих производств, лучшие мастера угнаны в Орду. Нарушились сложившиеся к этому времени торговые связи; множество городов, в том числе Москва, были сожжены дотла. Некоторым городам так и не удалось подняться из пепла, но Москва, как известно, восстановилась, причем довольно быстро. Одной из причин этого было сложившееся уже значение города как торгово-ремесленного центра. Уцелевшие жители постепенно возвращались в Москву, сюда собирались люди и из других мест, разоренных татарами. Нормальная жизнь города понемногу налаживалась даже в тяжелейших условиях татаро-монгольского ига.

Начали восстанавливаться и торговые связи. Волжский путь не потерял своего значения, и русские купцы вновь стали вести торговлю в низовьях Волги. Во всяком случае, послы египетского султана к татарскому хану уже в 1263 г. отмечали, что на Нижней Волге «постоянно видны плавающие русские суда»²¹.

Торговля с Востоком по Волжскому пути стала основным направлением торговых связей и для Москвы. Насколько этот путь был важен для Москвы, видно из того, что и позже

Дмитрий Донской, стремясь утвердить свое господство на среднем течении Волги, принудил болгарских князей посадить у себя русских таможенников²², которые должны были защищать интересы московских купцов.

По Волжскому пути в Москву из Персии, Средней Азии, Индии и Закавказья ввозились ткани, пряности, сафьян, краски и другие товары, которые, к сожалению, не находят отражения в археологических материалах. Из всех товаров, привозившихся в Москву с Востока во второй половине XIII и в XIV в., при раскопках встречена лишь так называемая золотоордынская керамика. Это была дорогая нарядная посуда. Ее находят при раскопках почти во всех русских городах, но везде в небольшом количестве. Видимо, из-за дороговизны она была доступна лишь немногим. Посуда производилась в среднеазиатских керамических центрах еще в домонгольское время, но на Русь стала попадать лишь после монгольского завоевания. В это время (после разгрома 1218 г.) вновь начинает налаживаться керамическое производство Средней Азии, в частности Хорезма, вошедшего в состав Золотой Орды. Под большим влиянием Хорезма развивается все керамическое ремесло Золотоордынского государства²³, в том числе таких центров, как Сарай-Берке. Поэтому зачастую трудно по фрагментам привозной керамики судить, сделана она в Средней Азии или же по хорезмийским образцам в золотоордынском Поволжье.

В Кремле, в слоях второй половины XIII и XIV в., было найдено всего 19 фрагментов посуды восточного происхождения. Почти вся она — поливная, лишь один фрагмент принадлежит неполивной со-

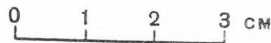
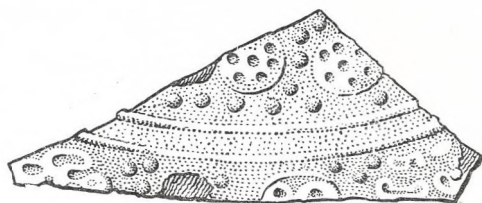

Рис. 3.

Обломок стенки кувшина со штампованным орнаментом

суду (рис. 3). Такая посуда встречена в Москве впервые. Это был обломок стенки кувшина из плотной глины, серый в изломе и на поверхности. Внешняя поверхность покрыта штампованным орнаментом, состоящим из выпуклых горизонтальных линий, розеток и точек. Сосуды этого типа, покрытые штампованным орнаментом, встречаются на памятниках Хорезма²⁴ и Поволжья²⁵ в слоях XII—XIV вв.

Среди поливной посуды, выявленной при раскопках в Кремле, можно выделить несколько типов, если не по форме (все это чаши средних размеров типа пиял), то по характеру отделки.

К первому типу относятся сосуды, изготовленные из белой глины и покрытые светлой, прозрачной зеленовато-серой поливой (рис. 4, 2, 3). Под глазурью слабый рельеф. Фон обычно бывал серый, реже — белый, с мелкими зелеными точками. Выступающий рельеф — белый, обведенный по контуру зеленоватой линией. Рисунок на внутренней поверхности состоит из композиций миндалевидных фигур или стилизованных цветов, на внешней поверхности образует ряд арок. Керами-

ка этого типа имеет аналогии среди сосудов XIII—XIV вв. с. Шемаха-калы и других памятников Средней Азии²⁶, а также среди керамики XIV в. из Сарая-Берке²⁷. Эта орнаментация поливных изделий имела, видимо, самое широкое распространение. Подобные мотивы встречаются не только на посуде, но и на поливном архитектурном декоре памятников Поволжья первой половины XIV в.²⁸ Поэтому и посуда этого типа чаще другой попадала в русские города. Ее обломки найдены и в Новгороде²⁹, и в Рязани³⁰, несколько фрагментов было обнаружено ранее при раскопках в Зарядье³¹.

Вторую группу составляет керамика с тестом из белой глины, довольно плотным. Внутренняя и внешняя поверхности покрыты ярко-бирюзовой блестящей поливой очень хорошего качества. Этот тип керамики хорошо известен среди хорезмийских изделий XIII—XIV вв.³² Там это были небольшие чаши на поддоне.

Не удалось пока найти аналогий интересной чаше небольшого размера (диаметр по венчику — 14 см), часть которой найдена в раскопе II. Сделана она из красной глины. Тесто — плотное. Под бесцветной поливой, покрывающей внутреннюю и внешнюю поверхности, — белый ангоб и роспись (рис. 4, 8—10). Внутренняя поверхность расписана крупной голубой и мелкой коричневой клеткой, наружная — коричневыми полосами, идущими параллельно краю. Между двумя из горизонтальных полос — косые вертикальные. Коричневая роспись имеет характерный металлический блеск. Поскольку находка сделана на перекопанном участке, датировать ее невозможно. Возможно, что она относится к бо-

лее позднему времени, чем вся остальная поливная керамика. Анализ поливы, произведенный Ю. Л. Шаповой, вопроса не прояснил. Она принадлежит к группе натриево-калиево-свинцово-кремнеземных полив и отличается лишь прекрасной очисткой всех компонентов стекломассы.

Наибольший интерес представляет последняя из найденных в Кремле чаш. По шести фрагментам (две — от венчика, четыре — от стенок) представляется возможность примерно реконструировать форму и характер росписи сосуда (рис. 4, 6). Это — сравнительно небольшая (диаметр по венчику — 18—20 см) чаша со слегка отогнутым краем венчика. Сделана она из белой глины и богато орнаментирована с применением многоцветной надглазурной росписи и позолоты. Чаша расписана и снаружи, и изнутри. Снаружи роспись — более скромная: на белом фоне красновато-коричневые и плавно изогнутые кривые линии, крупные синие точки. Внутренняя поверхность — гораздо более нарядная, она расписана по белому фону поясами орнамента, расположенными параллельно краю. Самый крайний внешний пояс орнамента, идущий по отогнутому наружу краю венчика, представляет собой синюю полосу шириной 11 мм, на которой золотом нанесены фигуры, напоминающие

Рис. 4. Привозная восточная керамика второй половины XIII—XIV вв.

1, 4, 5, 7 — обломки чаши с многоцветной росписью и позолотой; 2, 3 — обломки чаш, покрытых зеленовато-серой поливой; 6 — реконструкция чаши с многоцветной росписью и позолотой; 8, 10 — обломки «клетчатой чаши»; 9 — реконструкция «клетчатой чаши» (рисунки автора)

6

1

2

3

4

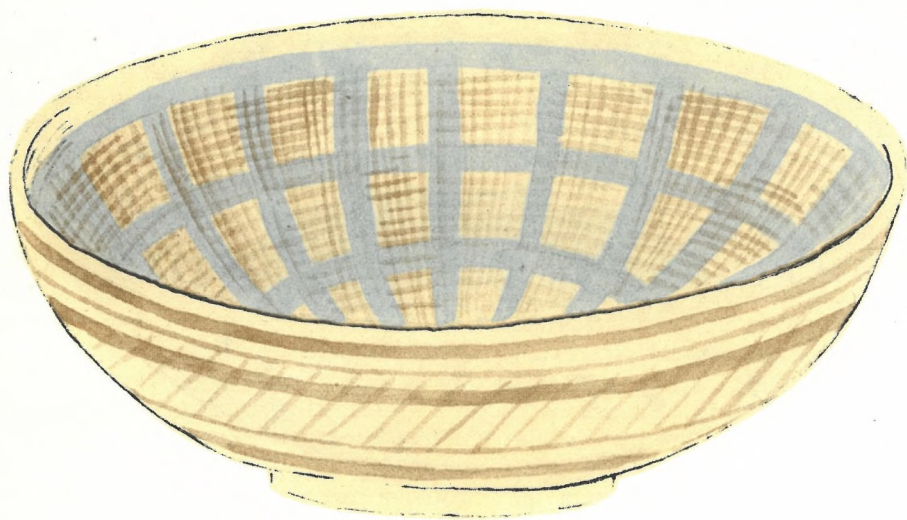

5

7

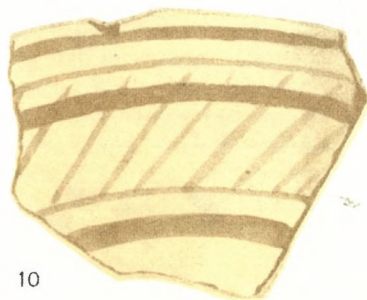

9

8

10

перевернутую букву «М». Они расположены попарно и разделены золотыми же ромбами. И синия полоса, и фигуры орнамента имеют узкую красную обводку. Под синей полосой, рядом с красной обводкой, параллельно ей проходит узкая черная полоса.

Ниже расположен пояс растительного орнамента, от которого сохранилась лишь часть зубчатого листка — коричневатого-зеленого с черной обводкой. Этот пояс растительного орнамента реконструируется условно.

Еще ниже по белому фону идет полоса растительного орнамента, состоящего из небольших цветов с круглыми лепестками синего цвета, обведенными по краю красной линией. Серединки цветов — золотые, также обведенные красным. Цветы соединены между собой плавно изогнутыми черными стеблями. Между цветами — листья двух форм (трехзубчатые и удлиненные ланцетовидные) — желтовато-зеленого цвета с черной обводкой. От цветов вниз отходят попарно черные усики с зелеными точками на закрученных концах. Эта орнаментальная полоса отделена снизу зубчатой красной линией. Далее идет свободный, не заполненный орнаментом промежуток.

Центральная часть чаши занята орнаментом, состоящим из двух концентрически расположенных синих розеток с закругленными зубцами, окаймленными красной полосой. Внешняя розетка — просто синяя, на внутренней прослеживаются вытянутые, расходящиеся от центра прямоугольники — золотые с красной обводкой. Самый центр чаши не сохранился. Предлагаемая реконструкция, безусловно, не вполне точная в деталях, все же дает представление об общем виде этой чрезвычайно нарядной чаши.

Керамика этого типа (с позолотой и многоцветной надглазурной росписью) характерна для средневекового производства Ирана, в Средней Азии ее не делали. Образцы ее встречены и при раскопках Сарая-Берке³³. Здесь она могла быть сделана на месте вывезенными из Ирана мастерами. Во всяком случае, местное ее производство развилось под иранским влиянием. Подобные чаши редко попадали в русские города. Даже в Новгороде (при колоссальном масштабе раскопок) обломки очень сходного расписного сосуда найдены только однажды — на усадьбе знатнейших новгородских бояр Онцифоровичей, в срубе, сгоревшем в 1368 г.³⁴

В Москве — только на территории Кремля, где стояли наиболее богатые усадьбы, включая княжеский двор. Видимо, такая посуда стоила чрезвычайно дорого; может быть, и привозилась она не на продажу, а в качестве даров. Не исключена возможность, что наша чаша была собственностью самого Ивана Калиты, при котором связи с Золотой Ордой и взаимный обмен дарами были довольно оживленными. Среди имущества Ивана Калиты имелась и другая посуда иранского происхождения. В его завещании, написанном около 1339 г., упоминается блюдо серебряное, «езднинское», т. е. из города Иезда в Иране³⁵.

К концу XIV в. подвоз поливной посуды сокращается, если вовсе не прекращается; это, видимо, связано и с разгромом Хорезма Тимуром в 1388 г., что вызвало упадок керамического производства в Хорезме, и с обострением отношений между Московским княжеством и Ордой.

Безусловно, торговля с Востоком по Волге не прекратилась, но к это-

му времени все большее значение приобретают другие торговые пути.

Уже в конце XIII в. установился торговый путь по Дону, который в дальнейшем приобрел крупнейшее международное значение. По Донскому пути шла оживленная торговля с Константинополем и итальянскими городами Причерноморья — Кафой (Феодосией) и Сурожем (Судаком). Сурожские купцы впервые упоминаются в Москве в 1356 г., когда они прибыли сюда из Орды вместе с послом Ирынгеем (а много позже в Москве на торгу существовал даже особый Сурожский ряд). Москва ввозила из Константинополя и итальянских городов главным образом дорогие шелковые ткани, изделия из драгоценных металлов и другие предметы роскоши. Стаканы и кресты цареградские, пояс фряжский (т. е. итальянский) неоднократно упоминаются среди имущества московских великих князей³⁶.

Путь, которым купцы в XIV в. добирались от Москвы до Константинополя и обратно, известен нам до мельчайших подробностей благодаря сохранившемуся описанию путешествия митрополита Пимина в Царьград в 1389 г. Подробному исследованию сурожской торговли, составу товаров и купцам, ведшим эту торговлю, посвящена специальная работа В. Е. Сыроечковского³⁷.

Торговые связи Москвы с Западной Европой в конце XIII — первой половине XIV в. были не столь

оживленными. Конечно, западноевропейские товары — сукна, медь, серебро, различные мелкие изделия (в их числе стеклянные непрозрачные перстни, известные по археологическим находкам) попадали в Москву. Но торговлю с Западом держали в своих руках новгородские купцы. Московские великие князья в своих договорах с тверскими князьями (а именно через Тверскую землю лежал торговый путь), заинтересованные в поступлении товаров из Западной Европы, специально оговаривали беспрепятственный проезд для новгородских купцов: «А гостем и торговцем Новгорода Великого... дати ти пути чист сквозе Тверь...»³⁸. В этих договорах между князьями находит отражение и другое явление. Почти во всех соглашениях оговаривается беспрепятственный проезд для всяких купцов и освобождение их товаров от пошлин (кроме ранее установленных). Это объясняется тем, что к концу XIV в. существенно меняются экономические связи между отдельными областями Руси, они становятся все более тесными. Москве, занимавшей выгодное место на пересечении торговых путей, принадлежит в развитии этих связей ведущее место.

Дальнейшему развитию экономики Москвы, в частности ее внешней и внутренней торговли, посвящен ряд специальных исследований, созданных уже не на основе археологических материалов, а по письменным источникам³⁹.

Приложение 1

Результаты спектрального анализа стеклянных изделий, найденных при раскопках в Московском Кремле

Исследовано четыре браслета и два перстня.

Браслет — бракованный (?), 80, ан. 270:15. Стекло относится к группе стекол $K-Mg-Si$. Прослеженная в составе окись фосфора является признаком использования золы в качестве сырья. Наличие P_2O_5 в стекле указанного состава является признаком производства европейских мастеровских, начиная с XI в.

Три браслета (желтый 1 и два темно-оливковых 2 и 91) изготовлены из калиево-свинцово-кремнеземного стекла, производство которого характеризует древне-

русское домонгольское стеклоделие, ан. 270:13 14 16. Один браслет изготовлен из свинцового стекла, ан. 270:17.

Один перстень (193, ан. 270:18) изготовлен из стекла $K-Na-Ca-Mg-Si$. По всей вероятности, перстень сделан в греческих мастерских Киева середины XI — 70—80-х годов XII в.

Второй перстень (286, ан. 270:19) приготовлен из стекла $Na-Pb-Si$. Этот рецепт можно отнести к разделу опытов в поиске рецепта $K-Pb-Si$, имевшего место с середины XI — начала XII в.

Приложение 2

Результаты спектрального анализа стеклянных изделий, найденных при раскопках в Московском Кремле

Было исследовано 65 фрагментов стеклянных браслетов, посуды, перстней и бус. Стекло, употребленное на их изготовление, по своему составу может быть разделено на несколько групп.

I. Калиево-свинцово-кремнеземное стекло было употреблено для производства 42 предметов. Ан. 250:1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 15 19 20 22 23 24; 251:1 2 5 6 7 8 19 20 21 22 23; 252:1 2 6 7 8 9 10 11 12 13 14 16 17.

Осколки посуды принадлежат к изделиям киевских мастерских, существовавших там с середины XI до разорения города татарами в 1240 г. Сосуды, найденные в Кремле, имели две формы: или воронкообразную, или форму кубка на поддоне. Стекло имеет легкий желтоватый оттенок, который возникает вследствие того, что в процессе варки стекла не были нейтрализованы действия окислов металлов, загрязняющих песок, и другие сырьевые материалы.

Два перстня были сделаны путем навивки из стекла бирюзового цвета, последний получен с помощью окиси меди. Перстни, по-видимому, относятся также к продук-

ции киевских мастерских домонгольского времени.

Две стеклянные бусины также изготовлены путем навивки из стекла фиолетового цвета (окраска получена с помощью окиси марганца) и зеленого цвета (окраска получена с помощью окиси меди).

Стеклянные браслеты типичны для древней Руси по форме, технике изготовления (вытягивание с последующим скреплением концов дрота для гладких браслетов, вытягивание с последующим кручением и скреплением концов дрота — для браслетов крученых). Окраска стекла в фиолетовый цвет достигалась с помощью введения в состав стекла окиси марганца (ан. 250:1—7, 10; 252:1), один раз введение окиси марганца привело к получению стекла черного цвета (ан. № 251:19), что, видимо, связано с нарушением технологии производства.

Окись меди обычно придает стеклу состава $K-Pb-Si$ синий цвет (берлинская лазурь), ан. 250:24 23; 251:21—23; 252:13 14; четыре раза с помощью окиси меди получено стекло зеленого цвета (ан. 250:11; 252:16), дважды вследствие нару-

шения технологического режима получения стекла коричневого цвета (ан. 251:12). Красный цвет (ан. 251:5, 6, 7) получен через окись меди и варку в восстановительной атмосфере печи. Иногда зеленый цвет стекла зависит от повышенного содержания в песке окиси железа (ан. 250:15; 251:14), эти же причины иногда влекли за собой появление у стекла черного цвета (ан. 251:20). Стекло желтого цвета состава $K-Pb-Si$ получалось, естественно, вследствие присутствия в составе окислов свинца, придающих стеклу желтый цвет, и небольших количеств естественных примесей окисей титана, железа и других (ан. 250:19 20; 251:8; 252:6—12).

На основании статистики находок по ярусам новгородской стратиграфии, географического распределения находок и находок посуды указанных типов, перстней и бус в киевской мастерской на Подоле сосуды и прочие изделия (кроме браслетов) состава стекла $K-Pb-Si$ можно отнести к киевскому производству домонгольского времени. Вопрос о производстве стеклянных браслетов пока еще остается открытым.

II. Свинцовое стекло было употреблено для изготовления 14 браслетов. Ан. 250:12 13 14 16 17 18; 251:3 4 9 10 11 12 15 16.

Стекло без специально введенного красителя имело или желтый (251:9), или коричневый цвет (ан. 250:12 13; 251:3 4). При изготовлении зеленого стекла в качестве красителя использовалась окись меди (ан. 250:16—18; 251:10—12, 15, 16), один раз получилось стекло грязного коричневого цвета (ан. 251:14).

III. Стекло состава $K-Na-Ca-Mg-Si$ употреблено на изготовление двух браслетов и одного перстня (ан. 250:24; 251:17; 251:15). Браслет — синий (окрашен окисью кобальта), второй — без красителя. Мы можем с уверенностью говорить о том, что это продукция греческих мастерских Киева, существовавших там с середины XI в. до 70—80-х годов XII в. О перстне мы не можем так говорить. Хотя основной состав стекла перстня совершенно аналогичен составу первых двух браслетов, однако в его составе прослежена некоторая примесь фосфора, которая заставляет осторожно определять его происхождение.

IV. Из стекла состава $K-Na-Mg-Pb-Si$ изготовлено три перстня (ан. 251:13 и 252:3, 4), один желтый, один голубой и один зеленый. По многочисленным аналогиям, известным из Москвы (у дворца Троекурова), Смоленска, Белоозера, Новгорода, эти перстни относятся к послемонгольскому времени, точнее (по новгородскому материалу), ко второй половине

XIII — первой половине XIV в. Эти перстни, видимо, западноевропейского происхождения, в пользу чего свидетельствует и наличие некоторой примеси фосфора. Последний в сочетании с основным составом является хронологическим признаком (и локальным) для средневековых стекол Германии¹.

V. Классическим примером средневекового немецкого производства является изделие 251:18 (II, коричневый слой, 80). Здесь и состав, и примесь фосфора очень характерны. Состав стекла — $K-Ca-Mg-Si$.

VI. По немногочисленным новгородским и киевским аналогиям, бирюзовый перстень из стекла состава $Na-Pb-Si$ (ан. 252:5) нужно отнести к русским изделиям второй половины XI в., может быть, к самому началу XII в. Этот состав является одним из примеров экспериментальной работы по созданию классического русского рецепта.

VII. Очень трудно интерпретировать состав синего браслета (ан. 251:24). Здесь налицо смешение стекол двух составов: $K-Pb-Si$, где Mn и Cu выступают как красители и $Na-Ca-Si$ с красителем в виде Co . Можно предполагать, что это тоже киевское изделие домонгольского времени, однако это заключение необходимо проверить. Выводы:

1. Стекло классического русского состава $K-Pb-Si$ было употреблено на изготовление браслетов, перстней, бус, посуды, что составляет $\frac{2}{3}$ от всего числа исследованных изделий, часть изделий киевского производства.

2. Свинцовое стекло, изделия из которого характерны для киевского производства XI в. и для периферийных домонгольских русских производств, использовалось в Москве только для производства браслетов (около 18% от общего числа использованных изделий). Свинцовое стекло наиболее простое по условиям варки и технологической обработки изделий.

3. Изделия греческого (киевского) производства составляют незначительную часть, лишь 3%.

4. Несколько больше найдено изделий западноевропейского происхождения: перстни (3) и браслет (1). Кроме того, один перстень может быть отнесен в эту группу условно.

¹ W. Geilmann, H. Jenemann. Der Phosphatgehalt alter Gäser und seine Bedeutung für die Geschichte der Schmelztechnik. Glastechnische Berichte, 1953, H. G, S. 269—272.

Примечания

- 1 В Новгороде из 5226 браслетов, найденных на Перевском раскопе, таких всего 21 экземпляр. См.: М. Д. Полубояринова. Стекланные браслеты древнего Новгорода. МИА, № 117, 1963, стр. 171, табл. 1.
- 2 Ю. Л. Шапова. Стекланные изделия Новгорода. МИА, № 117, 1963, стр. 135.
- 3 Т. И. Макарова. Поливная керамика в древней Руси (автор. канд. дисс.). М., 1966, стр. 14.
- 4 Там же, стр. 13, 14.
- 5 А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 132, рис. 9, б.
- 6 А. Г. Векслер. К вопросу о древнейшей дате Московского Кремля, СА, 1963, № 1, стр. 114.
- 7 Н. С. Шеляпина. Археолог поправляет летописца. «Наука и жизнь», 1965, № 9, стр. 146, 147.
- 8 Л. А. Голубева. Надпись на корчаге из Белоозера. СА, 1960, № 3, стр. 321—323.
- 9 Т. В. Равдина. Надпись на корчаге из Пинска. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 151—153.
- 10 А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 188.
- 11 И. Третеский. О древних херсонесских замках и ключах. «Известия Императорской Археологической комиссии», вып. 42. СПб., 1911, стр. 131.
- 12 При подготовке статьи были просмотрены все публикации, коллекции ГИМ и зарисовки экспонатов Херсонесского музея.
- 13 А. А. Спицын. Некоторые новые приобретения Саратовского музея «Известия Императорской Археологической комиссии», вып. 53, 1914, стр. 103, рис. 35.
- 14 Фонды ГИМ, оп. 948, № 19.
- 15 М. Г. Рабинович. О древней Москве. М., 1964, стр. 132.
- 16 Там же, стр. 78.
- 17 М. В. Фехнер. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в. «Международные связи России до XVII в.». М., 1961, стр. 58.
- 18 Экспозиция Музея истории и реконструкции г. Москвы, зал 1.
- 19 Г. П. Латышева. Отчет о раскопках кургана у ст. Чертаново. Архив ИА, ф. 1, № 1306; экспозиция Музея истории и реконструкции г. Москвы, зал 1.
- 20 Радиус сбыта изделий городских мастеров в этот период, по Б. А. Рыбакову, составлял 50—100 км. См.: Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 481.
- 21 В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к Золотой Орде, т. I. СПб., 1884, стр. 63.
- 22 ПСРЛ, т. XXV, стр. 192.
- 23 Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», вып. IV. М.—Л., 1959, стр. 301.
- 24 Н. Н. Вактурская. Указ. соч., стр. 302.
- 25 Б. Б. Жиromский. Ага-Базар. МИА, № 42, 1954, стр. 334; Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. СА, 1964, № 1, стр. 248—271.
- 26 Н. Н. Вактурская. Указ. соч., рис. 29, 1, 4.
- 27 А. Ф. Медведев. Поливная керамика из Новгорода. МИА, № 117, 1963, рис. на стр. 278.
- 28 А. С. Воскресенский. Исторический очерк развития поливного архитектурного декора в Поволжье. «Доклад на заседании сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР 23 марта 1967 г.».
- 29 А. Ф. Медведев. Указ. соч., стр. 280.
- 30 А. Л. Монгайт. Указ. соч., стр. 158.
- 31 Экспозиция Музея истории и реконструкции г. Москвы, зал 1.
- 32 Н. Н. Вактурская. Указ. соч., стр. 319.
- 33 А. В. Терещенко. Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая. ЖМВД, 1847, № 9, стр. 355—375.
- 34 А. Ф. Медведев. Указ. соч., стр. 271, 282.
- 35 «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». М.—Л., 1955, стр. 7.
- 36 См., например: «Духовные и договорные грамоты...», стр. 16.
- 37 В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. «Известия ГАИМК», вып. 127. М.—Л., 1935.
- 38 «Духовные и договорные грамоты...», стр. 22, 30, 42 и др.
- 39 Н. А. Бакланова. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. «Труды ГИМ», вып. IV, 1928; Д. И. Тверская. Москва второй половины XVII в.—центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959, и др.

А. Л. Якобсон

**Художественные связи
Московской Руси
с Закавказьем
и Ближним Востоком
в XVI в.**

Формирование русского национального искусства в XV—XVI вв. было длительным и сложным процессом, впитавшим вековые традиции художественной культуры Киевской и, особенно, Владимиро-Суздальской Руси, Новгорода и Пскова. Искусство Московской Руси, освободившейся от татарского ига, быстро развивалось. В XVI столетии оно достигло уже большой зрелости и славилось далеко за пределами страны, особенно на Востоке¹.

Но культура Русского государства не отгораживалась и от всего того передового, что создавалось в соседних с ним областях, по крайней мере тех из них, с которыми Москва в XV и XVI вв. установила тесные политические и торговые связи.

Особое значение имели связи с теми христианскими странами, которые в XV и XVI вв. были захвачены Турцией и Персией: югославянскими странами, Византией, Крымом, отдельными областями греческого Востока и с Закавказьем.

Завоеватели разорили эти некогда цветущие страны, уничтожили

их самостоятельность, попирали их культуру. Население было порабощено, экономическая жизнь заглохла, города запустели. Только в Грузии удержались местные правители, но и их власть была по существу номинальной. А в соседней Армении и их не было. О положении в Закавказье можно судить по словам московского посла в Грузию кн. Мышецкого (1640—1643 г.): «А городов никаких в грузинской земле нет. А которые малые городки встарь бывали, и как шах воевал грузинскую землю, и те городки шах разорил и разбил до подошвы... А земля в Грузех... от пустоты поросла вся лесом... базаров и съезжих ярмонок нигде нет и ничего не продают...»².

В Москву «милостыни ради» потянулись представители царьградского патриарха, монахи из Афонских монастырей, Сербии, Болгарии, Трапезунда, далекого Синая и т. д. «...Прииде некий гречин митрополит на Русь именем Феогност Тряпизоньский милостыни ради»³ «...прииде к великому князю Василию Ива-

новичу... на Москву из Царяграда от вселенского патриарха Феолимита митрополит Григорий Грек от града Жихна Цареградския области да с ним вместе приидоша старцы от Святыя Горы... быти челом от нищеты поможения ради»⁴; «...прииде к великому князю от Синайския горы старецъ Климент Грек милостыни ради...»⁵; «...пришел от патриарха Деонисия из Царяграда митрополит Иасаф Кизитцкой ко царю и великому князю... Патриарх писал бити челом для нужи Турьских о милостыни»⁶ и т. д. Такими сообщениями пестрят страницы летописи и особенно в первой половине XVI в.⁷ Возвращались эти старцы с «милостыней доволенной»⁸. Аналогичное явление продолжалось и в XVII в. Например, в 1646 г. «иверской земли хопивский и ланильский митрополит» Герман ездил в Москву «для испрошения милостыни» своей епархии»⁹. В 1491 г. за помощью к великому князю Ивану III обращался кахетинский правитель Александр¹⁰; в следующем XVI столетии челобитные грузинских царей к московскому правительству с просьбой о заступничестве и помощи против Турции и Персии после захвата ими Грузии повторяются неоднократно: в 1557, 1564, 1586 гг., когда начались, по видимому, и регулярные дипломатические сношения, в 1589 г. и т. д.¹¹ Политические связи сопровождались и культурными сношениями. В таких условиях и художественные связи приобретали политическое значение¹².

Сношения с югославянскими странами — с Сербией и Болгарией, верней, с уцелевшими там очагами культуры — христианскими монастырями принесли, как известно, плодотворные результаты как в литературе¹³, так и в декоративном искусстве и

зодчестве¹⁴. Но существовали и другие источники, которые вливали свежую струю в московское искусство XVI в., внося сюда новые художественные мотивы и композиции. Одним из таких источников явилось, по видимому, искусство Ближнего Востока, конкретно Закавказья — Грузии, главным образом Армении и Азербайджана. Значение этого источника в процессе сложения художественной культуры Москвы XVI в. еще почти не учтено, хотя относящиеся сюда памятники образуют уже достаточно большую группу.

Речь идет о произведениях декоративного искусства, в первую очередь о резьбе по дереву. Некоторые памятники в этом отношении особенно важны. Среди них назовем царские врата из Боровского Пафнутьева и Кирилло-Белозерского монастырей. В первом из них сохранилось двое царских врат; одни из них издаются здесь впервые. С них мы и начнем¹⁵.

Двустворчатые врата (рис. 1) сделаны из толстой доски (в 2,5 см) и состоят из собственно врат, укрепленных на столбиках, и «коруны». Общая высота врат — 2,13 м, т. е. ровно сажень, ширина — 84,5 см, а вместе со столбиками — 112,5 см. Собственно врата представляют два прямоугольных полотнища с завершением в виде кокошника с легким заострением вверх. Деревянная обвязка делит прямоугольную часть на четыре поля с крестом в середине каждого из них (рис. 2, 1); каждое из этих полей заполнено орнаментом, выполненным ажурной резьбой и состоящим из вьющихся спирально тонких двойных стеблей, ответвляющихся один от другого, с небольшими спиралевидными ответвлениями, заканчивающимися «глазком» и с утолщениями. Эта ажурная резьба

заполняет почти все поле, оставляя лишь небольшие свободные промежутки, резко контрастирующие темными углублениями на фоне доски, на которой укреплены эти ажурные резные панно. Игра света-тени явно входила в замысел мастера-художника. Тот же ажурный орнамент заполняет и две полукруглых полосы кокошника врат (рис. 2, 2). По обвязке («опалубке») ворот протянута полоска орнамента в виде вьющегося тройного стебля; но орнамент выполнен не ажурной резьбой, а плоской, на особых дощечках, прикрепленных к брусам обвязки. На «кокошнике» орнамент состоит из своеобразных пальметок, заключенных в двойную сердцевидную рамочку; выполнен он непосредственно по обвязке. Орнаментальная полоса прерывается накладными шишками. Врата укреплены на двух столбиках с навершием в виде куба со срезанными углами. Узкое поле столбиков с трех сторон заполнено плоским резным орнаментом в виде густой сети вьющихся спиралью и пересекающихся стеблей с небольшими отростками. В средней части столбиков орнамент прерывается киотцами с изображением святителей.

К кокошнику непосредственно примыкает завершение врат — полукруглая «коруна» с ажурным крестом в центре и двумя киотцами по сторонам его (вставленные в них изображения утрачены). Поверхность коруны сплошь заполнена плоской резьбой из тех же спиралеобразно-вьющихся тонких двойных стеблей с «глазком», причем орнамент скомпонован вне зависимости от формы плоскости, которую он заполняет (внешний край коруны срезает неместившуюся часть орнамента). Коруна окаймлена ажурным бордюром из сплетенных между собой пальме-

ток, напоминающих орнамент обвязки кокошника.

Таким образом создается ритмическое чередование двух видов орнамента и двух манер его передачи: панно ажурной резьбы из вьющихся стеблей в основной части врат (прямоугольной и кокошнике) окаймлена плоской резьбой обвязки; плоская резьба коруны окаймлена ажурным бордюром, повторяющим в более крупном виде орнамент обвязки кокошника.

В основе композиционного замысла русского резчика лежало, несомненно, стремление передать контраст ажурной резьбы и плоской, контраст света и тени. Этот художественный прием, применительно к рассматриваемой орнаментике, был, как известно, блестяще развит в армянской монументальной декорировке XII—XIII вв., откуда эта орнаментика и прием ее воспроизведения (в изразце) перешли в мусульманское искусство Персии¹⁶, а с другой стороны — в сельджукское искусство Малой Азии¹⁷, а оттуда — в Крым.

Московскому резчику XVI в. этот прием был, по-видимому, знаком, хотя и воспринял он его по-своему и немного упрощенно, применив к исконно русским формам, из которых сложились на Руси царские врата. Уже одно это полностью исключает возможность приписать рассмотренный памятник руке какого-либо иноземца. Царские врата из Боровского монастыря, несомненно, — русского происхождения.

Другие царские врата из Боровского Пафнутьева монастыря совершенно одинаковы вплоть до размеров, которые в точности совпадают¹⁸. Царские врата из Боровского монастыря не одиноки. Вполне тождественны с ними — не только сти-

листически, но и в деталях — царские врата из Кирилло-Белозерского монастыря (из ц. Сергия Радонежского)¹⁹ (рис. 3.) Мелкие отличия заключаются лишь в количестве лопастей во внутреннем киотце кокошника и количестве шишек на нем, а также в обработке последних розеткой или «сегнеровым колесом».

К этой же группе памятников следует отнести и царские врата из ц. Иоанна Милостивого на Мячине близ Новгорода²⁰, опять-таки почти тождественные царским вратам из Боровского и Кирилло-Белозерского монастырей, если не считать крайне незначительных вариаций в орнаменте, на которых можно не останавливаться; к тому же и размер их²¹ почти совпадает с размерами обоих врат Боровского монастыря²².

Все эти царские врата составляют целостную группу тождественных памятников, единую не только по композиции и стилю, но даже по размерам, словно вышедших из-под резца одного мастера, из одной мастерской. Наиболее характерной чертой всех их, помимо самой композиции врат, является своеобразный орнамент из вьющихся спиралью тонких стеблей с «глазком» в центре, с ответвлениями и мелкими отростками, с широким «глазком» на конце и прижатыми к стеблям листочками в виде характерных утолщений, заполняющий сплошным узором всю поверхность врат. Другой характерной чертой является принцип двухплоскостной резьбы с ажурным орнаментом на углубленном фоне, окруженном тягами (обвязками) с плоской резьбой, с чередованием той или другой²³.

Эти основные черты позволяют присоединить к рассмотренной группе памятников еще два: вторые царские врата из Кирилло-Белозерского

монастыря и царские врата из Ростова Великого.

Первые²⁴ (рис. 4—5) происходят из монастырской надвратной церкви Иоанна Лествичника²⁵. Врата (общая высота, без коруны, — 1,87 м, ширина — 1,10 м) состоят из тех же основных элементов: двух полотнищ собственно врат, разделенных на четыре поля, затем завершающего их кокошника и коруны. Плоскость всех этих частей также сплошь покрыта резным орнаментом, в который как бы вмонтированы киотцы, а в коруне — выпуклые шишки и круглые иконки. Как и в рассмотренных вратах, резьба основных плоскостей — ажурная, в обвязках — плоская. В орнаментике основных плоскостей господствует уже знакомый нам мотив вьющихся спиралью тонких двойных стеблей с «глазком», с теми же ответвлениями и утолщениями. Плоский орнамент в виде мелких пальметок в рамочке украшает обвязку. Орнаментика и здесь трактована как сплошной ковер резьбы, причем орнамент на кокошнике и коруне также скомпонован вне зависимости от их формы. Как и там, здесь соблюден принцип ритмического чередования ажурной резьбы основных полей врат и плоской резьбы широких полос обвязок.

Но вместе с тем в этих царских вратах имеются и существенные особенности: усложнилась первоначальная композиционная схема, кокошник приобрел вычурную многолопастную форму с волутами внизу; коруна усложнена введением двух выпуклых шишек, покрытых тонкой резьбой, и двух больших круглых икон, заключенных в богато декорированную раму; в верхние два поля врат введены дополнительные вертикальные полосы, заполненные четырьмя различными орнаментами,

повторяющимися на симметрично расположенных полосах. В кокошник также введена дополнительная горизонтальная полоса. Эти полосы нарушают композиционную стройность врат и вносят в нее некоторую дробность, как и маленькие круглые иконки, помещенные на нижнем крае коруны, занимающие место круглых шишек на других вратах. Наконец, особенностью врат является и сочетание двух совершенно различных видов орнамента: основного, заполняющего почти все плоскости врат в виде знакомых нам стилизованных растительных спиралей с «глазком» и как бы вкрапленного в него орнамента в виде пышной листвы (в нижней полосе кокошника и на боковых столбиках врат), напоминающего «фряжские травы» — орнамента западноевропейского по происхождению и хорошо известного в русской декоративной резьбе XVI в.²⁶ Как видно, мастер-резчик стремился возможно шире использовать накопленные им декоративные средства, не смущаясь их стилистическим различием.

В какой-то мере это также нарушило первоначальный художественный замысел, который так целостно выражен в приведенных выше памятниках. Их мы вправе поэтому рассмотреть как тот круг источников, из которого исходил в своем творчестве московский резчик царских врат Кирилловского монастыря. Это произведение воспринимается как последующее звено развития.

Можно назвать и третье звено в этом художественном процессе, связанном, вероятнее всего, с одним центром — одной художественной мастерской. Имею в виду царские врата, выполненные из липы в 1562 или 1566 гг., из ц. Вознесения или Исидора Блаженного в Ростове Вели-

ком, сохранившиеся, к сожалению, не целиком — без коруны и столбиков²⁷. Удерживая основную схему царских врат Боровского монастыря и им подобных (прямоугольная часть двух створок врат и завершение в виде простого кокошника), они, однако, композиционно сложнее их, причем эта усложненность выражается в измельчении и дроблении всего композиционного рисунка. Створки врат членятся по горизонтали не на два, а на пять поясов с двумя парами китеев в каждом из них и с многочисленными круглыми иконами по краям (они занимают место шишек). Все свободное поле заполнено глубоко вырезанным (ажурным) и уже знакомым нам орнаментом из тех же вьющихся спирально стеблей. Обязка здесь отсутствует или не сохранилась; ее имеет лишь нижний край. В верхней части (кокошнике) эту обязанку имитирует довольно широкое обрамление с 14 медальонами-иконками, также заменяющими шишки на других вратах. Промежутки между этими иконками и остальное поле кокошника заполнены одним и тем же орнаментом: различие в характере резьбы между тем и другим здесь стерто. Весь кокошник обведен узеньким бордюром с мелким орнаментом из пальметок и с плоскими кружками наподобие шишек.

Таким образом в этих вратах оказалась уже утраченной та декоративная система, которая достаточно ясно выражена в Боровских вратах и еще удерживалась во вратах Кирилловского монастыря. Резчик вознесенских врат, как видно, не понял этой системы двухплоскостной резьбы и, следовательно, основного декоративного замысла. Лишь чисто внешне следуя старой композиционной схеме, он максимально насытил поверхность врат резьбой, которая

стала мельче и дробнее. Дробность приобрела и вся композиция врат, расчлененная на пять поясов, усыпанная киятками и иконками. Потеряло смысл и широко обрамление кокошника. Эти черты представляют явление вторичное и позволяют видеть в Вознесенских вратах следующее звено развития прослеживаемой нами определенной декоративной системы с ее орнаментикой, которая на какой-то период времени, как видно, упрочилась в художественном репертуаре московских резчиков по дереву.

Ряд памятников с описанной орнаментикой можно продолжить. Сюда относятся и некоторые другие предметы из церковного обихода, например, деревянный подсвечник из Псковского музея²⁸ с резным орнаментом, очень близким к орнаменту на столбиках царских врат из Боровского монастыря. Почти тождественный рисунок резьбы на обвязке царских врат — времен Ивана Грозного (1561 г.) в Саввином монастыре близ Твери²⁹.

Рассматриваемая орнаментика в какой-то степени распространилась и в архитектурной декорировке. Имеется в виду изразцовый пояс так называемого дворца Дмитрия в Угличе, построенного, вероятно, во второй половине XV в.³⁰ Орнамент изразца состоит из трехлопастных пальметок (с длинными дополнительными усиками), соединенных тонким двойным стеблем и заключенных в овальные рамочки со слегка заостренным верхом. В каждом изразце раппорт (состоящий из овальной рамочки и заключенной в ней пальметки) повторен дважды.

Достаточно сравнить этот орнамент с бордюром коруны Боровских врат, чтобы убедиться в почти полной тождественности этой орнамен-

тики (некоторые различия вполне объясняются мелким масштабом бордюра врат, заставившим резчика немного обобщить рисунок орнамента). Кстати сказать, зависимость орнамента на угличских изразцах от деревянной резьбы несомненна уже по одному тому, что изразцы формировались в деревянных матрицах, на которых был вырезан орнамент, переходивший посредством оттиска на изразец.

Та же орнаментика была широко распространена и в ювелирном искусстве; она представлена целой серией памятников. Остановимся сначала на двух серебряных позолоченных панагиарах, происходящих из ризницы все того же Кирилло-Белозерского монастыря. Панагиары украшены чеканными орнаментами и изображениями. Оба они довольно близки друг к другу, но вместе с тем имеют существенные отличия.

На лицевой крышке одного из них (рис. 6)³¹ в круге симметрично помещены знакомые нам выющиеся спиралью два тонких двойных стебля с отростками-завитками. Остальное пространство занято двумя симметричными парами таких же, но более мелких спиралей. Все это с исключительным мастерством и виртуозностью вкомпоновано в круг. Снизу панагиар имеет подзор, украшенный очень мелкими, но также выющимися спиралью стебельками с завитками-отростками.

На противоположной стороне панагиара в двойном круге помещено изображение Вознесения; обрамление его заполнено теми же выющимися спиралью стебельками.

Совершенно такую же орнаментiku видим на серебряном окладе евангелия 1499 г., являвшемся вкладом Ивана III в Успенский собор³² (рис. 7). Здесь попарно выющиеся

спиралью стебли с завитками-ответвлениями заполняют многолопастный кокошник над распятием.

Лицевая крышка другого панагиара³³ композиционно почти не отличается от соответствующей части только что описанного. Бордюр, обрамляющий круг, украшен соединенными между собой пальметками, заключенными в овальные рамочки — мотив, уже неоднократно встреченный нами, но в несколько иной модуляции, соответственно иной технике воспроизведения этого орнамента. Снизу — такой же подзор, что и на другом панагиаре.

В украшении обоих панагиаров имеется еще одна общая черта: орнамент центральных кругов и бордюров дан на сравнительно глубоком фоне (поскольку это возможно было при технике чекана), причем на трех створках³⁴ бордюр и круг отделены плоским пояском, украшенным скобками. Кроме того, центральные круги немного выступают вперед из плоскости бордюров. Таким путем мастер и в этих небольших произведениях, как бы в миниатюре, передал двухплоскостность орнаментации, стремясь и здесь доступными при данной технике средствами создать некоторую игру света-тени или по крайней мере иллюзию ее. Эта черта еще больше роднит оба панагиара с деревянной резьбой царских врат Боровского и Кирилло-Белозерского монастырей.

Кстати, забегаая вперед, отметим и ближайшую параллель орнаментике панагиаров, особенно первого из них, причем также на металлических изделиях; имею в виду пластинки от поясного набора, вероятно XV в., из ст. Белореченской на Кубани, но происходящие, как выясняет их издатель, из Киликии — армянской области Малой Азии (рис. 6, 2, 3)³⁵.

Сходство орнаментики здесь достигает тождества.

К этим двум кирилло-белозерским панагиарам следует присоединить вполне аналогичные им два панагиара из Троице-Сергиевской Лавры (ныне в музее г. Загорска) с той же восточной орнаментикой и почти тождественной компоновкой ее и с аналогичной же по композиции сцене Вознесения и один панагиар из музея Новодевичьего монастыря³⁶. Один из первых двух панагиаров, по монастырской описи XVII в., принадлежал игумену Никону; соответственно памятнику датируют первой четвертью XV в. Композиционно он очень близок первому из кирилло-белозерских панагиаров; разница лишь в том, что сплошное орнаментальное заполнение круга парами спиралей выполнено не чеканом, а лишь гравировкой и выглядит беднее; мастер загорского панагиара исходил, очевидно, из более богатых образцов типа белозерского панагиара.

Второй панагиар, игумена Герасима, относится к первой половине XVI в. В отличие от других трех панагиаров здесь на одной из створок внутри помещен крест с вкомпонованным в него распятием, а промежутки между ветвями креста заполнены выющимися спиралью отрезками — знакомым нам мотивом восточной орнаментики.

В целом орнаментика обоих панагиаров из Загорска однородна, хотя и дана в различных сочетаниях. Оба памятника поэтому скорее всего одновременны: указанная издателем дата первого из них (первая четверть XV в.) нам представляется маловероятной.

Тождествен по орнаментике и серебряный панагиар конца XV — начала XVI в. из Новодевичьего мо-

настыря: медальоны святых на оборотной его стороне помещены на фоне ажурного восточного орнамента в виде тех же выющихся спирально побегов с утолщением и с миндалевидной фигурой в центре каждого промежутка между медальонами.

Еще три панагиара, близких к бе-лозерским и загорским, оказались в Румынии³⁷. Их объединяет с московскими совершенно одинаковая орнамента обрaмлений и подзоров из сплетенных спиралей, а также аналогичное по композиции изображение Вознесения. Та же орнамента использована и в остальных компонентах панагиаров — на кивориях над Троицей и Деисусом (на панагиарах из Бистрицы и Тисмана). Близость румынских панагиаров к московским исключает, нам кажется, румынское происхождение первых, хотя отдельные части их, судя по резко отличающейся орнамента, сделаны на месте. Скорее всего все три панагиара попали в Молдову из Москвы и там были отчасти переделаны румынскими мастерами.

Стилистически близкая орнамента представлена на серебряной чаре из Оружейной палаты. Чара имеет овальную форму с широкой ажурной ручкой³⁸; по венцу чары идет надпись: «Божиею милостию црь и великий князь Иван Васильевичъ гсдарь всея Руси Владимиръ-ский, Московский, Ноугородский, црь Казанский и Астраханский, гсдарь Псковский и иных многих». Памятник относится к началу второй половины XVI в. (во всяком случае, не выходит за рамки времени между концом 50-х и началом 80-х годов XVI в.).

Для нашей темы важна ручка чары. Семилопастный ободок ручки³⁹, изображающий змею, обрамляет

сложное орнаментальное построение, в основе которого — хорошо знакомая нам восточная орнамента. Ободок заполнен несколькими симметрично выющимися и пересекающимися тонкими двойными стеблями с прихотливо извивающимися ответвлениями и мелкими отростками-завитками с обычными утолщениями. Следует отметить, что орнамента внутренней поверхности чаши (в виде плетенки с растительными побегами) резко отличается от орнамента ручки.

В связи с панагиарами и чарой следует рассмотреть еще один замечательный памятник московского ювелирного искусства середины XVI в. — так называемую шапку царскую Казанскую, сделанную в Москве по указу Ивана Грозного для последнего хана Эдигера — Ядыгара — Мухаммеда, астраханского царевича, посаженного на ханский престол в Казани после переворота 9 марта 1552 г. К последующим годам и следует, очевидно, отнести изготовление Казанской шапки. Роскошная золотая шапка «сканного дела»⁴⁰ имеет форму полусферы и увенчана большим «яблоком», украшенным чернью и вставными драгоценными камнями (бирюза и яхонт). Поверхность самой шапки, сплошь покрытой мелким орнаментом, выполненным чернью, представляет собой лишь узорчатый фон для золотых пластинок сложного контура с большим драгоценным камнем в каждой из них, окружающих шапку тремя ярусами. Мастер как будто мыслит архитектурными образами; сравни с «Царским местом» Ивана Грозного. И то, и другое увенчивало монарха.

Нам особенно интересен второй ярус пластинок; они также имеют многолопастный контур и воспроиз-

водят пышный цветок. Пластинки заполнены паутиной ажурного (прорезного) растительного орнамента в виде вьющихся спиралью стеблей с ответвлениями и с множеством мелких отростков-завитков, тождественных орнаментике описанных панагиаров и чары. Орнаменты, заполняющие пластинки нижнего и верхнего ярусов (в виде плетенки и растительных побегов), резко отличаются. Таким образом и в этом ювелирном произведении сочеталась различная орнаментика; соблюден был и принцип двухплоскостной декорировки (пластинки помещены на углубленном фоне).

Общие черты изученных нами произведений деревянной резьбы и ювелирного дела позволяют рассматривать их как единую стилистическую группу памятников, близких и хронологически: все они относятся ко времени около середины XVI в. и носят признаки одной художественной школы, связанной, вероятно, с одной художественной мастерской, может быть, с мастерской Оружейной палаты в Москве.

Аналогичная орнаментика встречается и на окладах: икон Бориса и Глеба XIV в. из Новгородского музея (оклад, несомненно, XVI в., рис. 8, I)⁴¹, Владимирской богородицы (в Оружейной палате) и Кирилла из Кирилло-Белозерского монастыря (рис. 9, I)⁴². Штамп, которым выполнены чеканные орнаменты окладов всех трех икон, воспроизводит тот же сплошной ковровый восточный узор, состоящий из вьющихся спиралью стеблей, размещенных или раздельно (на иконе Бориса и Глеба), или переплетающихся (на иконе Владимирской богородицы), точно так, как на описанных панагиаре и окладе евангелия 1499 г. Третий оклад (иконы Кирилла) особенно инте-

ресен: по богатству орнаментики и ее сложному ритму она напоминает армянскую декорировку еще XII — XIII вв.; рисунок этого орнамента находит себе близкую аналогию в резьбе армянских деревянных дверей 1371 г. из ц. Михаила и Гавриила в Кафе (Феодосии) в Крыму⁴³, но привезенных туда, несомненно, из самой Армении (рис. 9, 2). Один из чеканных окладов (на иконе Вседержителя, хранящейся в Благовещенском соборе Московского Кремля) украшен орнаментом в виде миндалевидного обрамления с пальметкой внутри (ср. изразцовый пояс из Углича).

Наконец, мы вправе привлечь и произведения живописи. На нижней пелене фресковой росписи Благовещенского собора Московского Кремля, выполненной Феодосием в 1508 г., размещены почти одинаковые круги (рис. 10); они заключают сложное орнаментальное построение, в основе которого — четыре пары стеблей, попарно соединяющихся и образующих килевидную фигуру, завершенную пальметкой. Схема этого узора связана с той же восточной орнаментикой, хотя и с «фряжским» налетом.

Особый характер эта восточная орнаментика приобрела на некоторых других памятниках ювелирного искусства, среди которых выделяется шлем Ивана Грозного с русской надписью: «Шелом князя Ивана Васильевича великого князя, сына Василия Ивановича Господаря всеа Руси самодержца»⁴⁴. Судя по термину «князь», шлем, изготовленный для взрослого человека, был выполнен незадолго до 1547 г. (в этом году Иван IV принял царский титул). Островерхий шлем (пишпак) по вертикали украшен гладкими полосами, которые чередуются с поло-

сами, заполненными орнаментом в виде растительных побегов, образующих миндалевидные обрамления. Ниже идет горизонтальная полоса «эпиграфического» орнамента, т. е. орнаментального подражания надписи арабскими буквами, и узкая полоса с приведенной надписью; под ней протянута полоса орнамента, представляющего собой вариант мотива сплетенных пальметок, между которыми помещен цветок тюльпана (рис. 11). Орнамент этот — не рельефный: он выполнен золотой насечкой. Плоскостность его придала ему графический характер, что сближает орнаменты шлема с московской первопечатной графикой XVI в., в которой также встречается стилистически близкая орнаментика в виде различных растительных разводов с широкой листвой. В этом отношении особенно показательна заставка и инициал из анонимного евангелия начала второй половины XVI в., хранящегося в Публичной библиотеке (Ленинград) ⁴⁵. В качестве параллелей такой графической трактовки можно указать и еще на несколько ювелирных изделий с подобной орнаментикой в виде выходящих спиралью тонких стеблей с утолщениями и отростками; орнамент этот выгравирован на старой части оклада иконы Богородицы Умиления (из ризницы Кирилло-Белозерского монастыря) ⁴⁶ и на старой части оклада иконы Благовещения (из Оружейной палаты) ⁴⁷. В таком виде и этот орнамент встречается в московской первопечатной графике ⁴⁸, в которой изучаемая орнаментика вообще представлена довольно разнообразно, хотя и известна пока лишь по немногим изданиям второй половины XVI в.

Судя по всем этим довольно многочисленным памятникам деревян-

ной резьбы и ювелирного дела, интересующая нас орнаментика, своеобразная по формам и характеру стилизации ⁴⁹, была очень популярна в московском декоративном искусстве отчасти уже в XV, но главным образом в XVI в.

Из всех привлеченных памятников определенно датированы пять: оклад евангелия 1499 г., роспись Благовещенского собора 1508 г., шапка Казанская начала 50-х годов XVI в., шлем Ивана Грозного — 40-е годы XVI в. и царские врата из ц. Вознесения в Ростове — их поставил Иван Грозный в 1566 г. ⁵⁰ К XVI же веку, несомненно, относятся и царские врата из Ивановского монастыря, обители которого построены были еще в начале 30-х годов XVI в. ⁵¹, как и царские врата из надвратной церкви Кириллова монастыря, сооруженной также в первой половине XVI в. во времена Грозного ⁵². Врата Боровского монастыря хронологически, бесспорно, примыкают к Ивановским.

Вероятнее всего, что царские врата из Ивановского и пара врат из Боровского монастырей, попав туда в качестве «царской дачи», относятся еще к 30-м годам XVI в., когда, в частности, Кириллов монастырь становится ружным царским богомольем, иначе говоря, к концу царствования Василия III (умер в 1533 г.). Сердцу его оба монастыря были, по-видимому, особенно близки: молитвам Кирилла, по мнению некоторых современников, царь обязан был рождением сына (будущего Ивана Грозного) ⁵³, в честь него Василий III поставил в монастыре две церкви (оконченные в 1533 г.), одну из них — «на горе» — будущему Ивановскому монастырю, откуда происходят, как сказано, рассмотренные царские врата. Но то же собы-

тие (рождение Ивана) другие современники, как видно, стремились приписать молитвам Пафнутия, на чем, например, впоследствии настаивал рязанский епископ Леонид в своей челобитной от 1584—1585 гг. царю Федору Ивановичу⁵⁴. По всей вероятности, из кругов Боровского же Пафнутьева монастыря вышел любопытный памятник политической литературы XVI в. — панегирик Василию III⁵⁵; значение этого произведения на фоне оппозиции царю, возникшей тогда в связи с его политическими неудачами и вступлением вторично в брак, не мог не оценить Василий III.

Так или иначе, царские врата из Ивановского и Боровского монастырей, а также идентичные с ними Новгородские царские врата вряд ли выходят за пределы первой половины XVI в., но скорее всего относятся, полагаю, ко времени Василия III.

Царские врата из Кирилловского монастыря, представляющие собой дальнейшее развитие первоначальной композиции и усложнение ее, мы склонны, исходя из их сложности, датировать более поздним временем. Наличие некоторых параллелей их орнаментики среди памятников середины XVI в. (например, привлеченное выше «царское место» Ивана Грозного 1551 г.) позволяет к этому времени отнести и наши врата, явившиеся, быть может, «царской дачей» самого Грозного, столь чтившего Кириллов монастырь.

Во всей этой серии памятников деревянной резьбы Ростовские царские врата 1566 г. скорее всего наиболее поздние, что подсказывает их большая композиционная сложность, дробность и искажение первоначальной композиции, из которой, несомненно, исходил резчик этих врат.

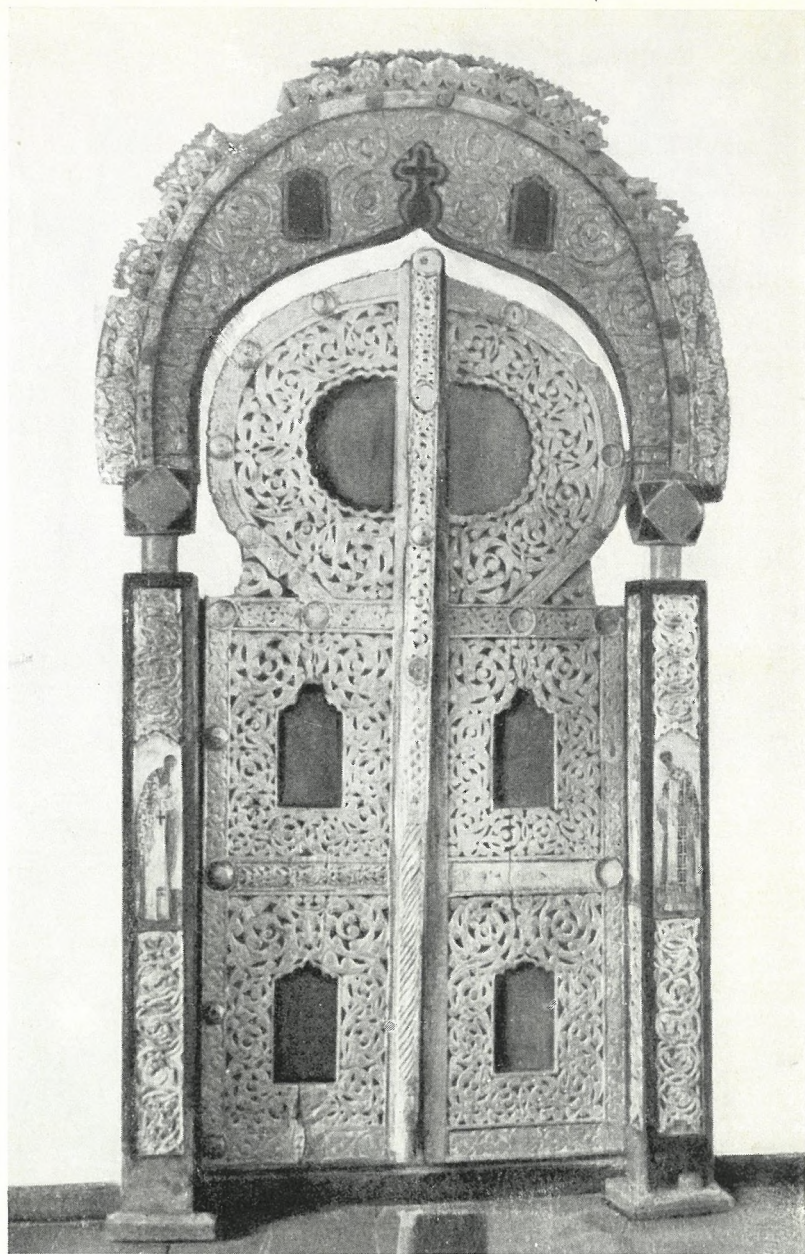
К первой половине XVI в. можно отнести оба панагира из ризницы Кирилло-Белозерского монастыря⁵⁶ и близкую им по орнаментике чару из Оружейной палаты, а также привлеченные выше старые оклады икон, находящие себе близкие аналогии в книжной графике того времени.

Перед нами прошла целая серия произведений деревянной резьбы и ювелирного дела XV—XVI вв., в украшении которых широко использована восточная орнаментика. В художественном отношении они представляют собой единую группу памятников, ясно выделяющуюся на фоне всего декоративного искусства средневековой Москвы.

Это обстоятельство уже довольно давно обратило на себя внимание, но по существу до недавнего времени никакого объяснения ему дано не было, если не считать вскользь брошенного А. М. Павлиновым замечания (по поводу Ростовских врат) о некотором сходстве этой резьбы с «рисунком кавказских рукописей и крымской орнаментикой»⁵⁷. Впервые специально этим материалом (хотя и не в полном объеме) занялся А. И. Некрасов, связавший происхождение описанной орнаментики на московской почве, в частности в деревянной резьбе, с искусством Золотой Орды⁵⁸. Если и раньше указывалось на восточный характер этой резьбы, то, по словам автора, «теперь мы можем утверждать, что этим Востоком были татары»⁵⁹, имея в виду культуру именно Золотоордынского Поволжья.

Однако бросается в глаза существенное противоречие в концепции А. И. Некрасова. Дело в том, что те четыре русских памятника восточного характера, которыми оперирует автор и к которым можно присоединить

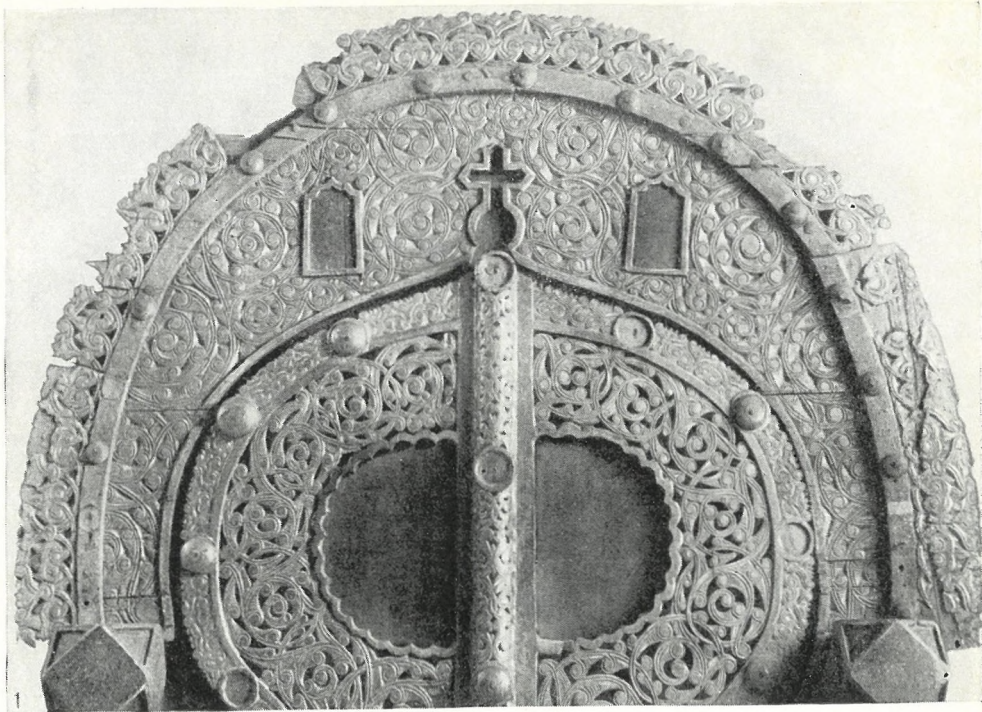

Р и с. 1.

Общий вид царских врат из Боровского Пафну-
тьева монастыря

Р и с. 2.

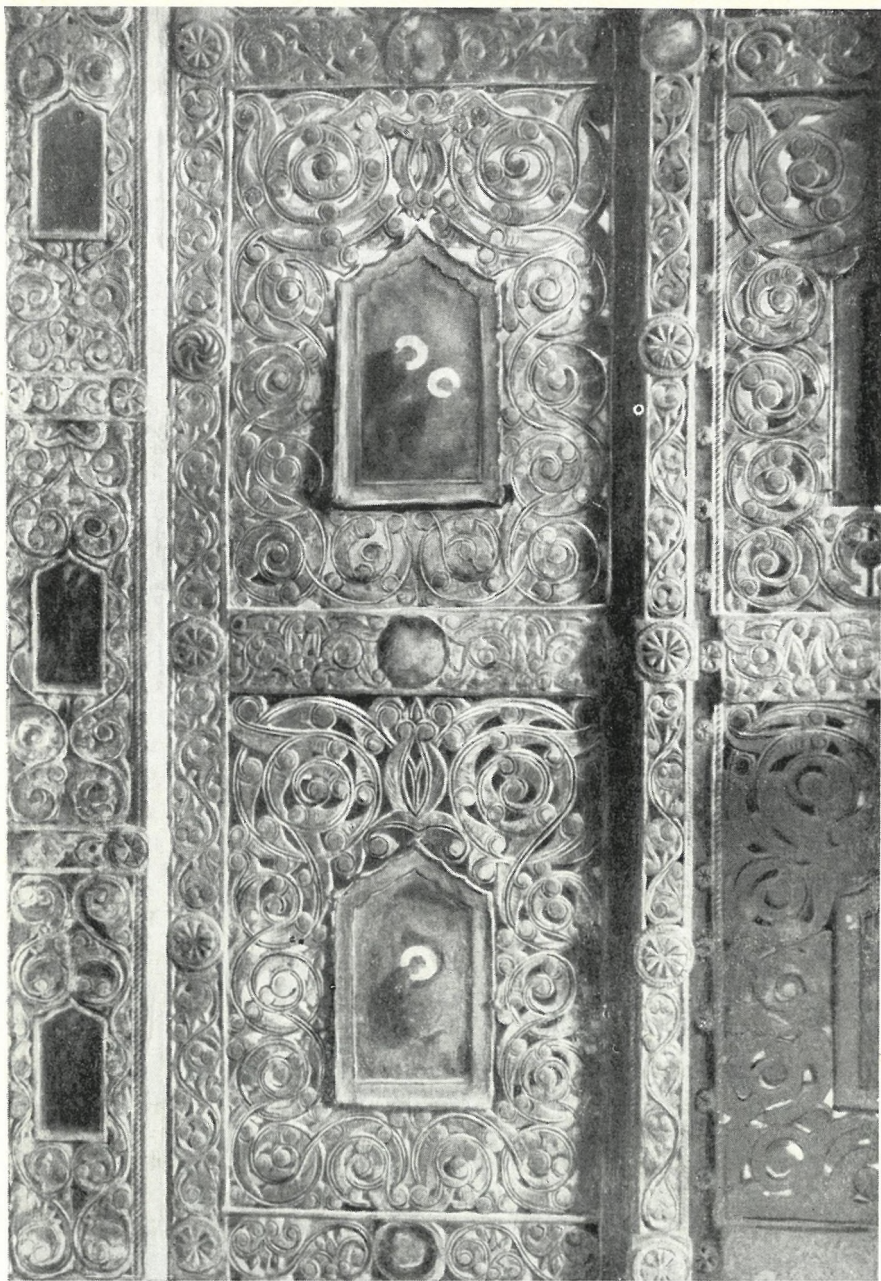
Детали резьбы царских врат из Боровского
Пафнутаева монастыря

1 — кокошник; 2 — деталь резьбы дверей

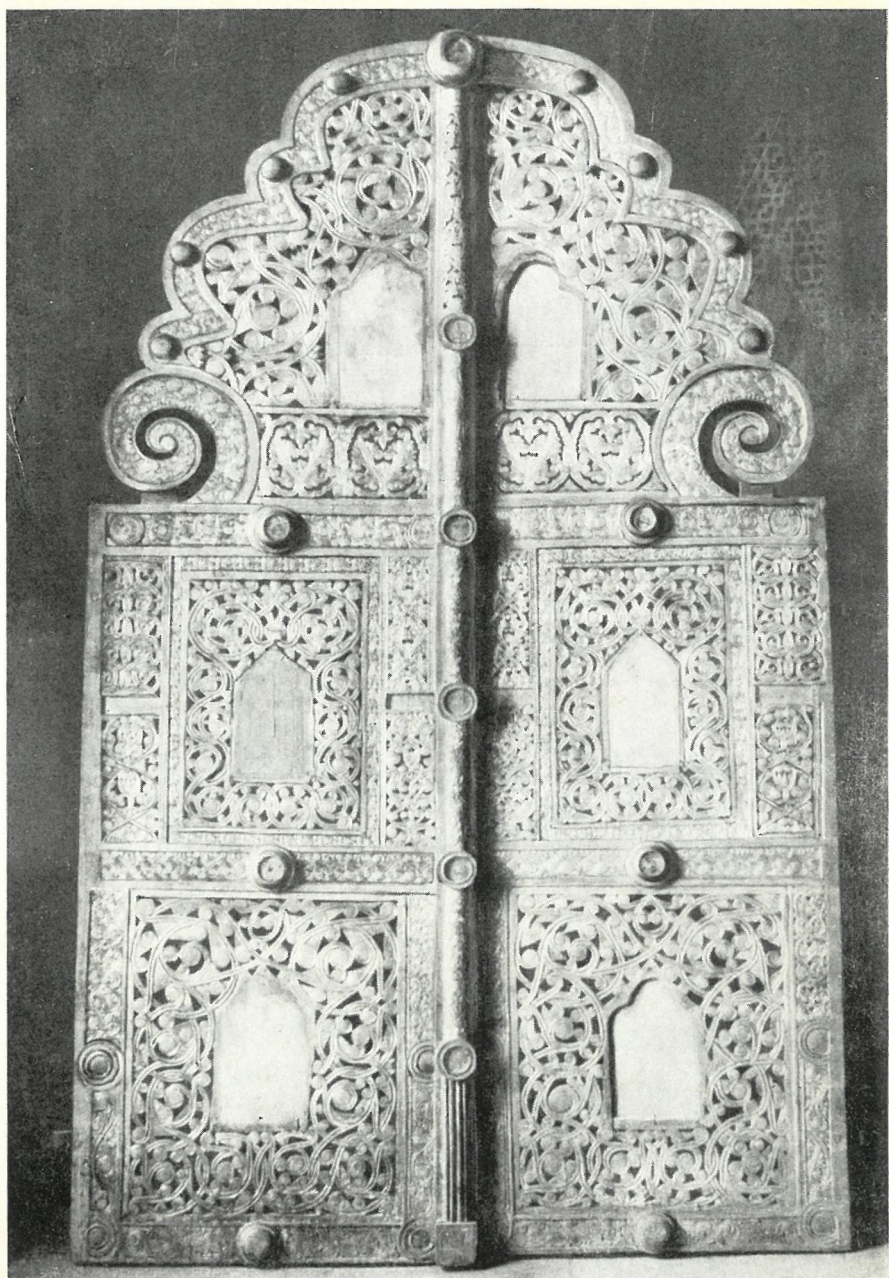

Р и с. 3.

Детали резьбы дверей царских врат из церкви
Сергия в Кирилло-Белозерском монастыре

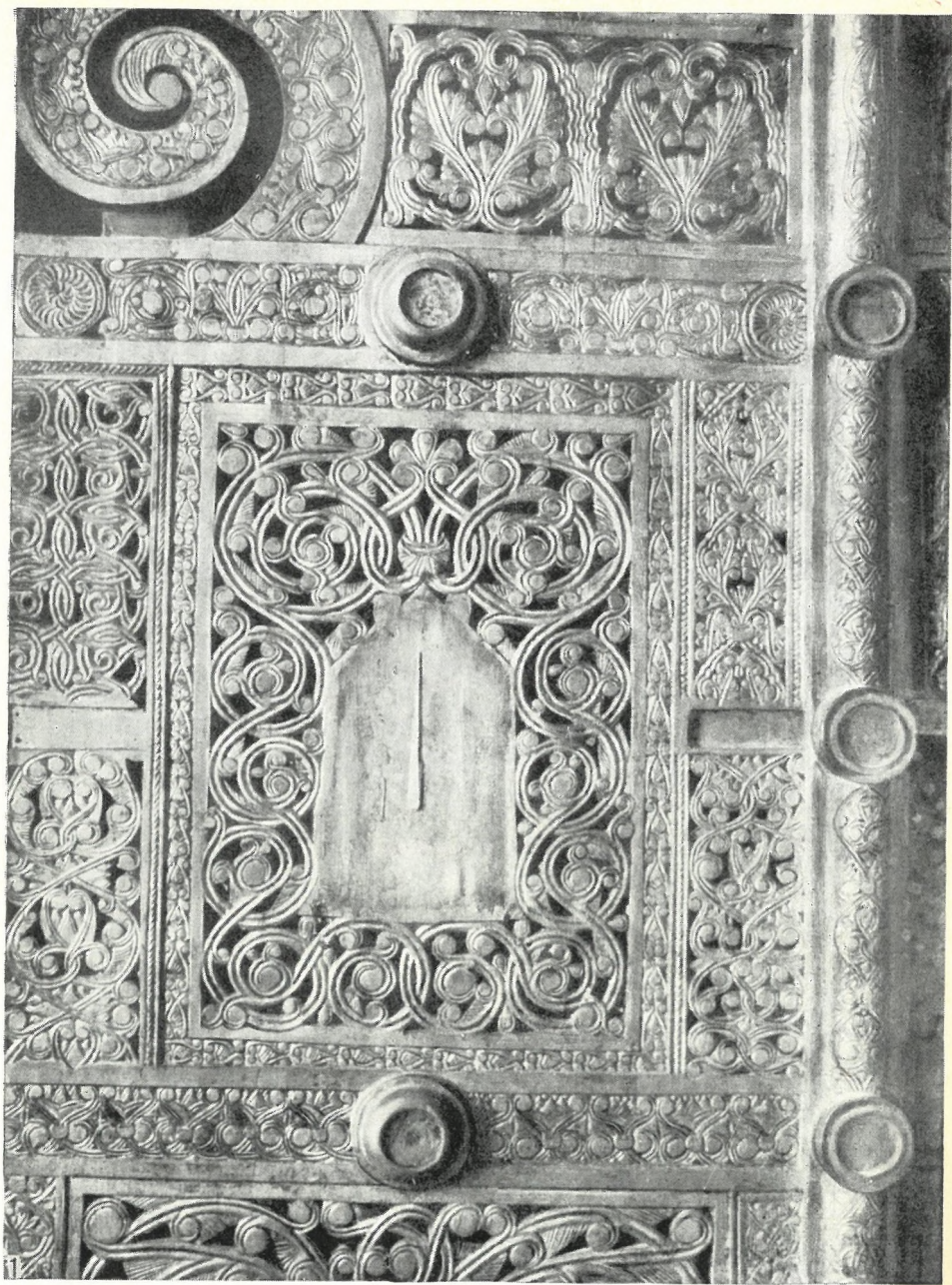

Р и с. 4.

Общий вид царских врат из церкви Иоанна Лествичника в Кирилло-Белозерском монастыре (фотография 1962 г.)

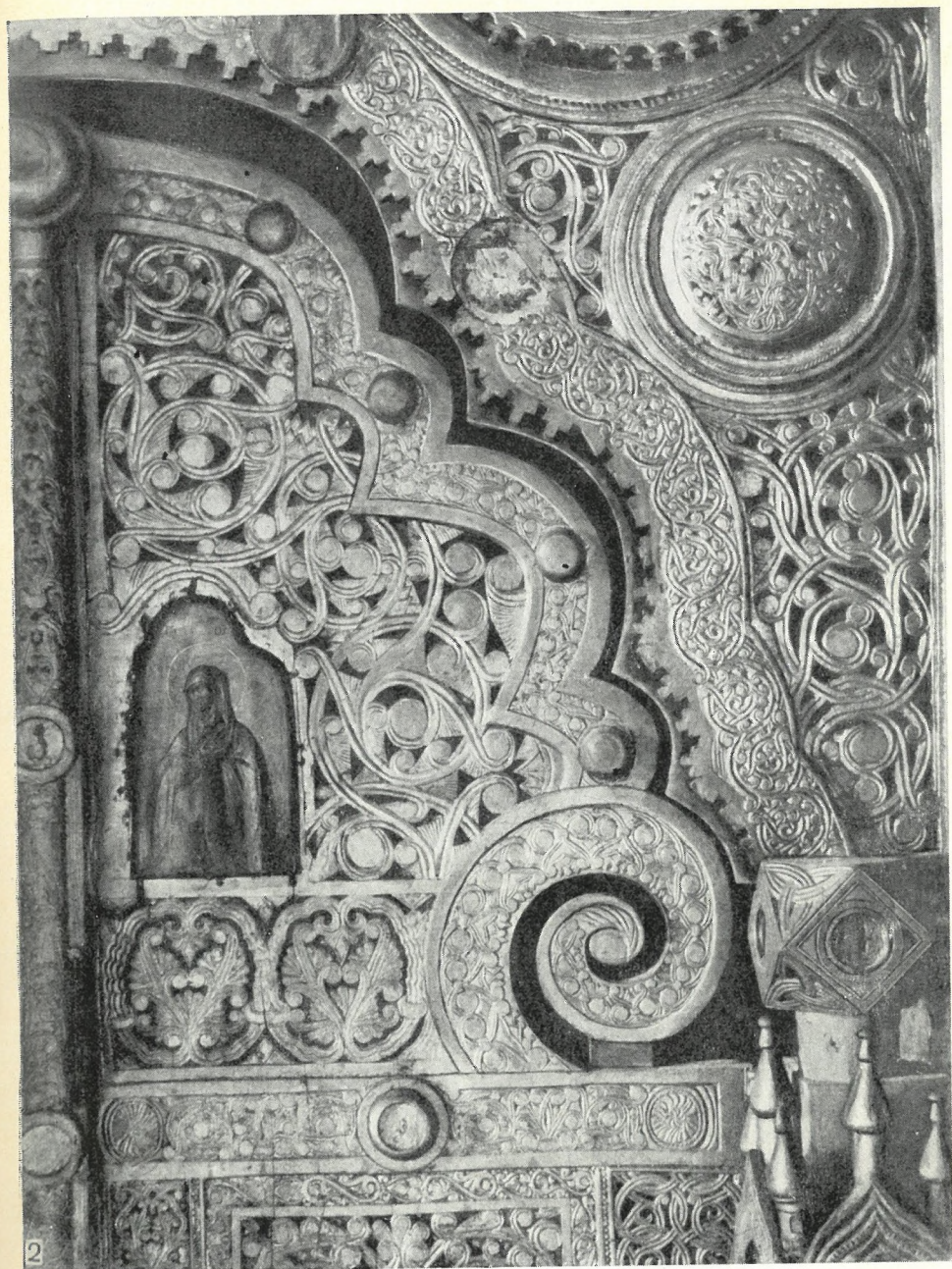

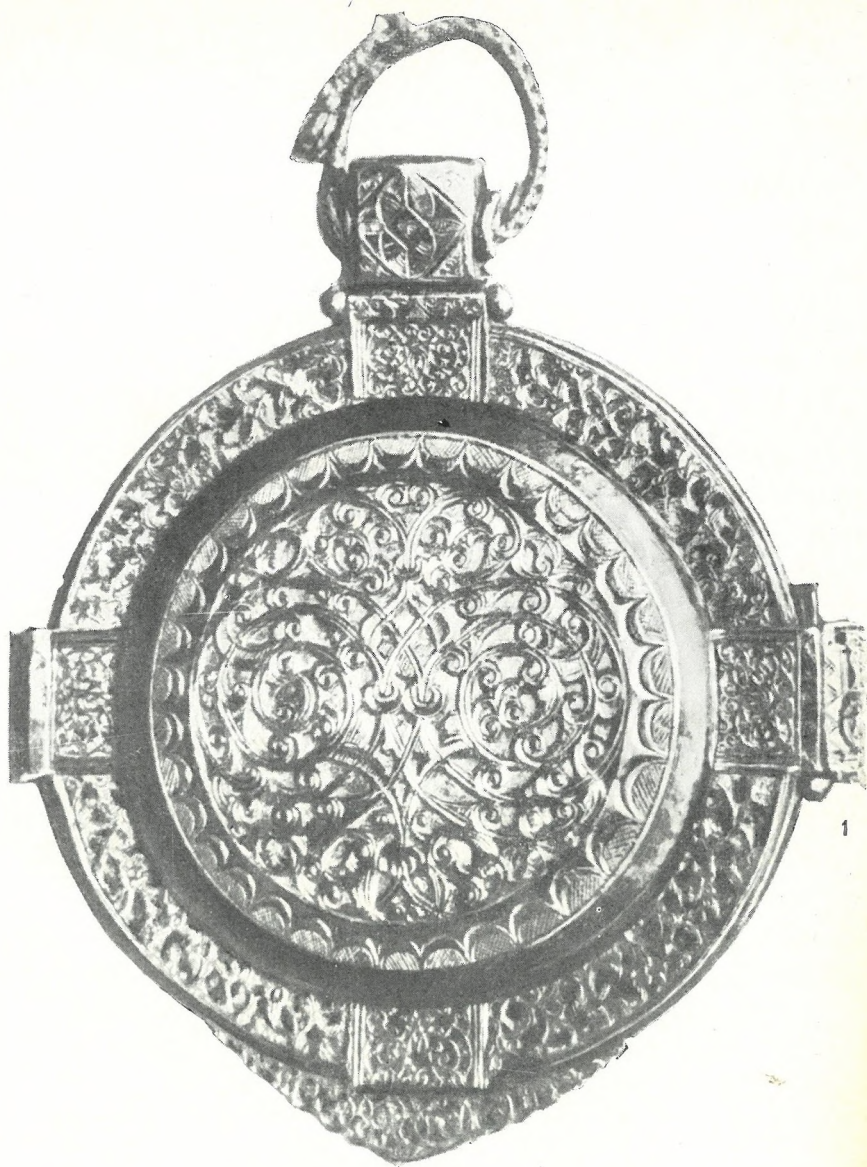
Р и с. 5.

Детали резьбы царских врат из церкви Иоанна Лествичника в Кирилло-Белозерском монастыре
 1 — детали резьбы дверей; 2 — деталь верхней части врат

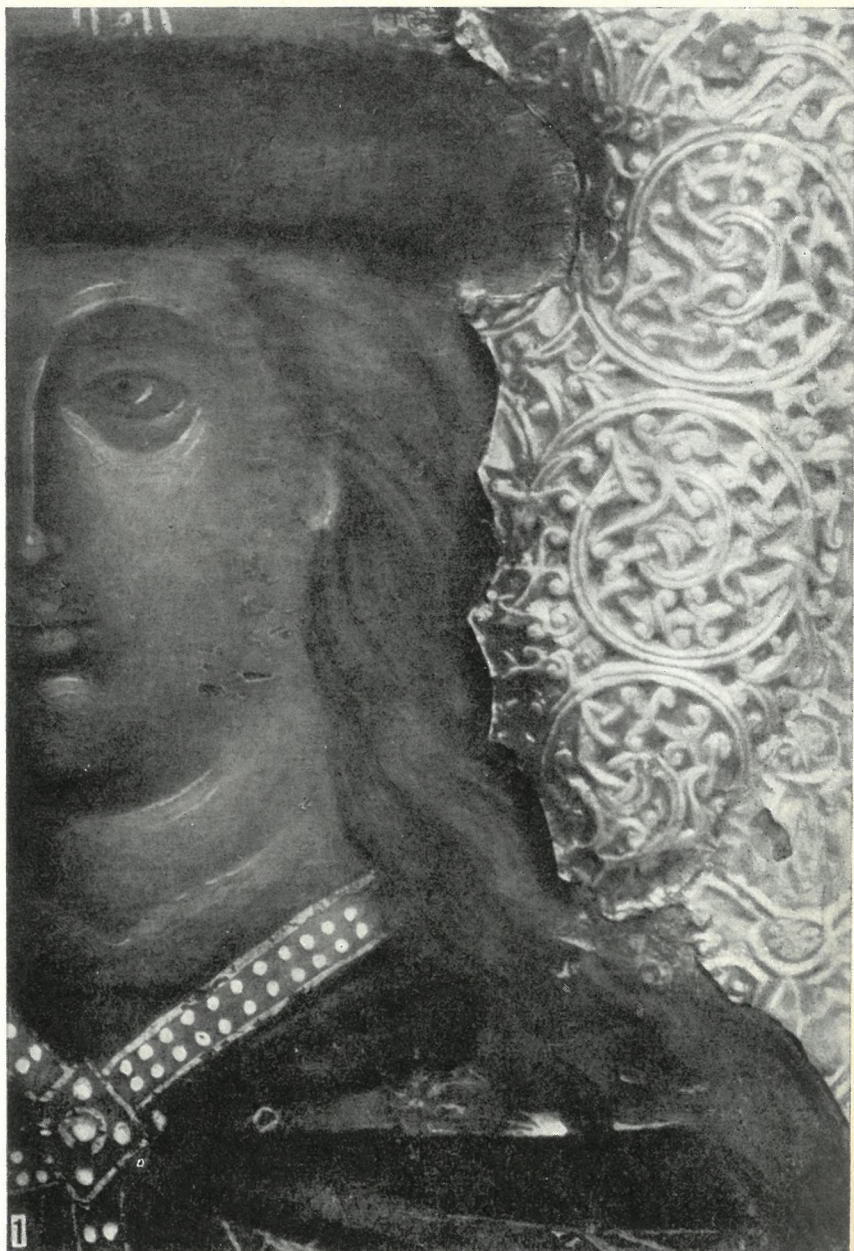

Р и с. 6.

Панагнар из ризницы Кирилло-Белозерского монастыря (1) и пластинки от поясного набора из могильника близ ст. Белореченской на Кубани (2, 3)

Р и с . 8

1. Оклад иконы Бориса и Глеба (Новгородский музей). 2. Оклад иконы Вседержителя (в Благовещенском соборе Московского Кремля)

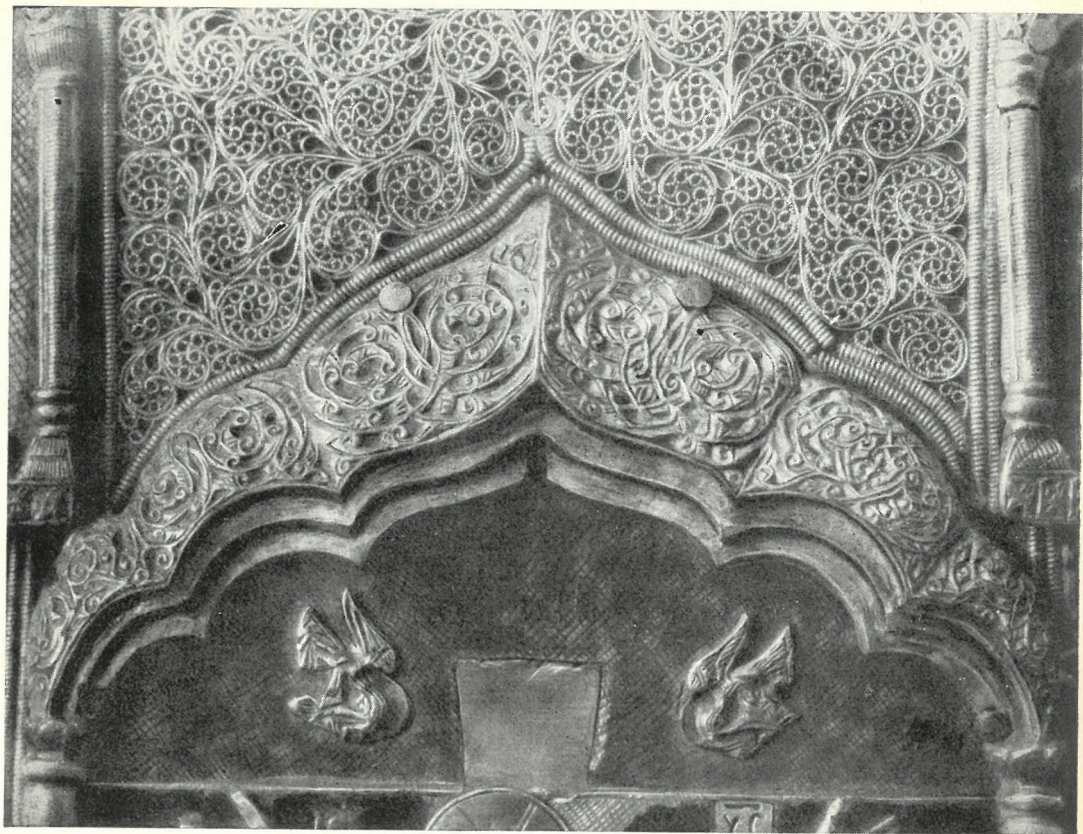
Р и с. 9.

Оклад иконы Кирилла из Кирилло-Белозерского монастыря (1); деталь деревянной резной двери 1371 г. из армянской церкви Михаила и Гавриила в Феодосии, ныне в Государственном Эрмитаже (2)

Р и с. 7

Деталь серебряного оклада евангелия 1499 г.
(Оружейная палата)

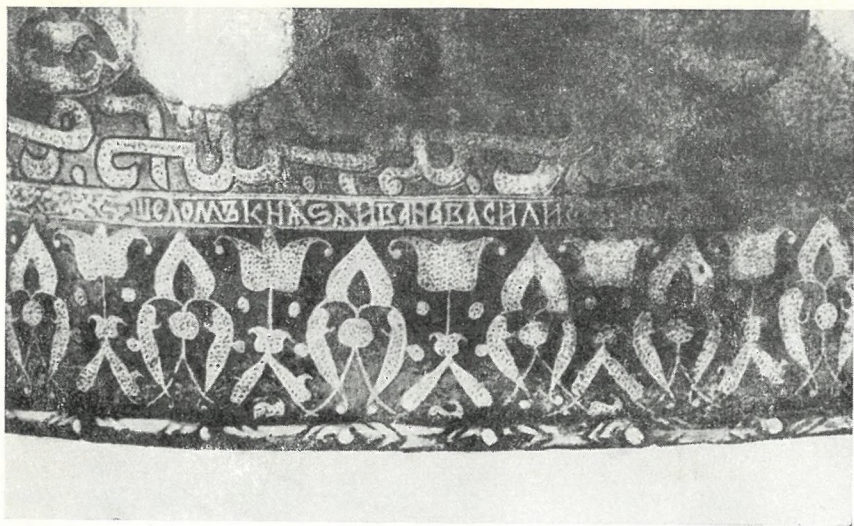
Р и с. 10. →

Деталь фресковой росписи 1508 г. Благовещен-
ского собора в Московском Кремле

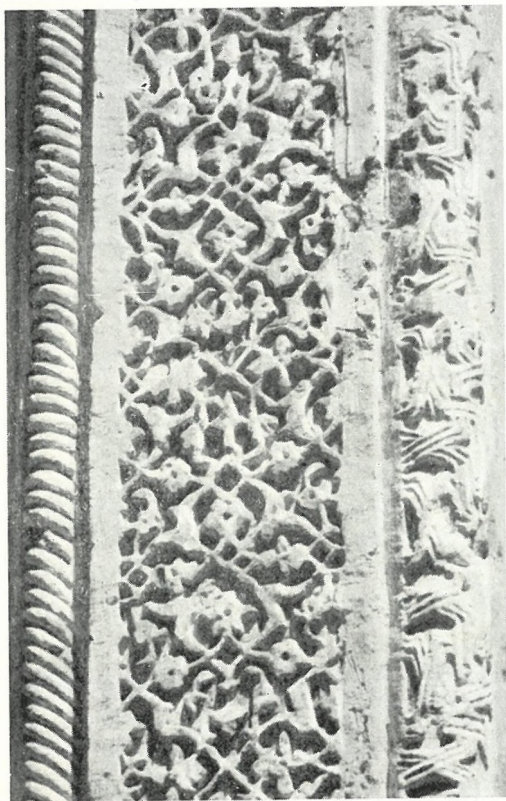

Р и с. 11.

Деталь нижнего пояса шлема
Ивана Грозного. Музей в Сток-
гольме

Р и с. 12.

Деталь портала дюрбе Хад-
жи-Гирея 1501 г. в Салачике
близ Бахчисарая

множество других, относятся ко времени не ранее второй половины XV в., а большей частью — к первой половине XVI в., т. е. к тому времени, когда не только почти прервались связи Москвы с Золотой Ордой, но и сама Золотая Орда, как политическая организация, как государство, захиревшее еще в конце XIV в., вовсе прекратила свое существование⁶⁰. Понятно поэтому, почему те немногие аналогии из приволжских золотоордынских городов (Сарая-Бату и Сарая-Берке), которые привлекает автор, относящиеся ко времени расцвета этих городов (XIII и первая половина XIV в.), намного древнее соответствующих русских памятников; уже по одному тому они мало объясняют появление на русской почве восточной орнаментики. Не больше вносят ясности в дело и ссылки автора на татарские термины оружия, тканей, одежды и предметов утвари, бытовавших в московской феодальной среде и, тем более, на некоторые татарские термины изделий русского художественного ремесла (например, басменные изделия). Все эти термины проникли в Москву вместе с восточной торговлей, снабжавшей московские социальные верхи дорогими персидскими тканями, восточными пряностями, парадным оружием и пр. Но все это не столько золотоордынского производства, сколько результат транзитной торговли, шедшей по территории, подвластной Золотой Орде. Но, помимо того, нет никаких оснований не только полностью, но и преимущественно связывать с золотоордынской торговлей этот восточный импорт: начиная с XIV в. немалую долю, а с XV в. даже большую часть этого восточного импорта «татарских» вещей следует отнести уже за счет торговли с Персией, шедшей

через города Закавказья, отчасти за счет «суроужской» торговли⁶¹, т. е. торговли с городами Крыма, также в основном транзитной. Так что проникновение изделий восточного ремесла через золотоордынские города на Русь еще ровно ничего не объясняет в генезисе того стиля деревянной резьбы и ювелирных изделий, который распространился в московском искусстве XV—XVI вв. и некоторые памятники которого рассмотрены выше.

Золотоордынское происхождение этой орнаментики на московской почве еще и потому маловероятно, что в самой Золотой Орде (имея в виду ее поволжскую область) художественная культура так и не получила самостоятельного развития. Вещи, происходящие из обоих Сараев, носят ясно выраженные черты заимствования (прежде всего из Средней Азии — Хорезма), как, например, это убедительно показано А. Якубовским на столь массовом материале, как поливная керамика⁶². Еще Пушкин отметил, что татары, «завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля»; не подарили татары и искусства.

Исключена зависимость изучаемой орнаментики на московской почве и от искусства культурной наследницы Золотой Орды — Казанского царства (XV—XVI вв.), хотя и находившегося в то время в оживленных связях с Москвой — политических и торговых.

В этом смысле очень показательна орнаментика на татарских надгробных стелах XVI — начала XVII в., несомненно восходящая к растительной орнаментике еще золотоордынских времен⁶³. Но под резцом татарских мастеров XVI в. она приобрела крайнюю дробность и измельченность форм и совершенно специ-

фический облик: в разработке золотоордынского художественного наследия искусство казанских татар пошло, по-видимому, своим особым путем, далеко уклонившимся от той линии развития, которая привела к восточной орнаментике в ее московской переработке.

И если все же некоторые, указанные А. И. Некрасовым, золотоордынские аналогии и сохраняются в силе (таков орнамент, аналогичный изразчатому поясу дворца Дмитрия в Угличе середины XV в.)⁶⁴, то куда более многочисленные и более близкие аналогии и точки соприкосновения можно указать в Закавказье и отчасти в тех странах, позднесредневековое искусство которых развивалось в тесной связи, верней в зависимости, от культуры Закавказья: имею в виду Малую Азию и Крым.

Мотив вьющихся спиралью стеблей с ответвлениями — еще античного происхождения; в очень реалистическом виде он характерен для раннесредневекового искусства — сасанидского и восточновизантийского: наконец, начиная приблизительно с XI в., он начал приобретать отвлеченный, чисто орнаментальный характер⁶⁵. В XII—XIII вв. такого рода орнамента на Ближнем Востоке становится очень популярной, особенно в архитектурной декорировке Армении. Именно под резцом армянских мастеров этот растительный мотив получил блестящее развитие, в чем убеждают многочисленные памятники XII—XIII вв.⁶⁶ Ту же орнаменту часто можно наблюдать и в армянской книжной миниатюре того времени⁶⁷, и в одновременном грузинском художественном чекане⁶⁸. Помимо Армении и Грузии, интересующий нас орнамент характерен и для прикладного искусства XII—XIII вв. соседней Пер-

сии (в ювелирном деле и в книжной миниатюре)⁶⁹, Месопотамии⁷⁰, а затем он распространился и в Средней Азии. Правда, орнаментация, представленная на этих памятниках в совершенно развитом и законченном виде, еще далека от той стилизации и отвлеченности почти что геометрического узора, которую приобрела эта орнаментика в Москве. Но такова была судьба ее не только здесь, но, по-видимому, и в самой Армении⁷¹, и особенно в Малой Азии, а через нее и в Крыму.

В этом отношении очень показательного другого рода памятник — упомянутые украшения на поясных наконечниках XIV или, вернее, XV в., найденные при раскопках могильника близ ст. Белореченской на Кубани, но армянские по своему происхождению (рис. 6, 2, 3)⁷². Орнамент этих наконечников уже полностью утратил реалистический характер и превратился в чисто орнаментальный узор, притом абсолютно тождественный по своему характеру орнаментации русских панагиаров и близкий к орнаменту царских врат Боровского монастыря и других, им подобных.

Последующие века легли черной полосой в жизни стран Закавказья: монгольское иго, разорившее эти страны и постепенно уничтожившее самостоятельность армянских и грузинских феодальных княжеств, нашествие вторгшихся из Средней Азии племен кара-коюнлу (черного барана), затем в конце XIV — начале XV в. опустошительное нашествие Тимура, в XV в. новые нашествия племен кара-коюнлу и ак-коюнлу (черного и белого барана), наконец, в начале XVI в. захват большей части Закавказья Персией, а западных его районов Турцией — все это привело к застою и упадку. Только в северном Азербайджане

после распада в 40-х годах XIV в. государства ильханов (монголов) окрепло и обеспечило себе независимость мусульманское государство Ширван со столицей в Шемахе. И лишь там в XV в. возродилось монументальное строительство, выдающимся памятником которого является обширный дворцовый комплекс в резиденции Ширваншахов в Баку. Интересующая нас орнаментика широко представлена в декорировке дворца в Диван-хане (конец XV в.), Тюрбе (1435—1436), восточных ворот (1585—1586)⁷³. Правда, растительная форма — вьющиеся спиралью тонкие стебли с утолщениями и отrostками — здесь сильно орнаментализована и превратилась в ковровый узор, плотно заполняющий панно на портале или нише, но тем больше напоминает эта декорировка орнаментики на изделиях московских мастеров⁷⁴.

В других странах Закавказья — в Армении и Грузии — монументальное строительство почти прекратилось. Для художественного творчества народа оставались лишь некоторые виды прикладного искусства, например книжная миниатюра.

Именно в области прикладного искусства удерживалась и занимающая нас орнаментика в виде вьющихся спиралью стеблей с «глазком» или каймы в виде гирлянды пересекающихся полукруглых жугов, завершенных пальметками. Но теперь эта орнаментика выступила в несколько модифицированном виде, еще более упрощенном и геометризированном.

Один из памятников такого рода был приведен выше: это белореченские поясные наконечники. Присоединим к ним близкие по орнаментике бронзовые изделия XV—XVI вв., происходящие из смежных районов

Персии⁷⁵, и изделия грузинского художественного чекана XV—XVI вв.; орнаментика некоторых из них особенно близка московским памятникам⁷⁶. Далее сошлемся на миниатюры армянского евангелия XVI в., найденного Х. И. Кучук-Иоаннесовым в г. Григориополе быв. Херсонской губернии⁷⁷, куда рукопись попала, вероятно, из Крыма, вместе с той частью армян, которая после завоевания полуострова турками в 1475 г. эмигрировала на Украину, в Польшу и другие западные области и где в XVI—XVII вв. образовались значительные армянские колонии с центрами во Львове и Каменец-Подольске. Рукопись выполнена скорее всего в самой Армении, а если в Крыму, то по армянским образцам.

Заставки этой рукописи дают не только знакомый нам орнаментальный мотив вьющихся спиралью стеблей с широкими листочками, прижатыми к стеблю (на московском орнаменте они превратились в утолщения), но и знакомую нам по русским царским вратам компоновку этого орнамента, окружающего среднюю многолопастную часть заставки⁷⁸ (в русских вратах соответствующее место заняли киотцы, см. рис. 2). Композиция там и здесь совпадает полностью. Отличие от русских памятников заключается лишь в меньшей степени геометризации и еще некоторой реалистичности (например, в центре каждой спирали на заставке помещены яркие цветочки); отчасти это может быть объяснено самой художественной природой памятников: в одном случае перед нами многокрасочная миниатюра, в другом — деревянная резьба. Однако указанные отличия не могут заслонить стилистическую связь этих двух памятников —

армянского и московского. Не менее ясно ощущается такая связь и из приведенного сравнения оклада иконы Кирилла с резными деревянными дверями 1371 г. из армянской церкви в Кафе (Феодосии) (рис. 9, 2), но происходящими из коренных областей Армении. Эта связь указывает нам на тот круг источников, которые питали московских художников — резчиков по дереву и ювелиров.

В поздней редакции ту же орнаментiku мы встречаем и в монументальном искусстве Крыма. Наиболее ранний пример сплошного узора из тонких вьющихся спиралью ветвей дает михраб мечети Узбека 1314 г. в Солхате (Старом Крыму)⁷⁹. Но там эта декорировка еще близка к своему реалистическому оригиналу и далека от московского узора. Она характеризует, подобно армянским памятникам XIII в., предшествующее звено в развитии этой орнаментики, хотя все элементы ее, имевшиеся в московской резьбе XVI в., здесь уже налицо. То же относится и к орнаменту, сделанному в виде гирлянды из соединенных стебельков, заканчивающихся сверху пальметками с «глазком». Этот мотив постоянно встречается в монументальной декорировке Крыма XIV и XV вв., как восточного, так и западного, преимущественно на капителях порталов: упомянутой мечети Узбека 1314 г.⁸⁰ и пристроенного к ней медресе (открытой раскопками 1925 г.)⁸¹, портале армянской церкви 1368 г. в монастыре Сурб-Хач близ Солхата⁸², с теми или иными вариациями на татарских надгробиях XIV в. из того же Солхата⁸³, на внутреннем портале армянской церкви Иоанна Предтечи XIV в. в Кафе⁸⁴, портале дворца 1425 г. на Мангупе⁸⁵; на вставных орнаментальных

плитах XIV — XV вв. из Чуфут-кале близ Бахчисарая⁸⁶, наконец, в несколько упрощенном виде на портале дюрбе Хаджи-Гирея 1501 г. в Салачике (около Бахчисарая)⁸⁷.

На боковых плоскостях портала того же дюрбе, по сторонам от ниш, встречаем и мотив пальметок в обрамлении сложного контура (рис. 12). Орнамент этот не только по своему построению, но и по рисунку очень напоминает графический узор на шлеме Ивана Грозного. Наконец, заднюю плоскость портала дюрбе Хаджи-Гирея, над входом, заполняет надпись на фоне вьющихся стеблей с ответвлениями в виде завитков и с утолщениями. Но этот мотив по своей трактовке еще близок к орнаментам XIII—XIV вв.

Однако следует отметить, что вся эта своеобразная орнаментика из Крыма, представленная, как видим, довольно многочисленными памятниками XIV—XVI вв., выработана была отнюдь не на почве самого Крыма: своим появлением она обязана была тесным связям с сельджукскими городами Малой Азии⁸⁸. Именно сельджукские мечети XIII—XIV вв. с их богатым декоративным убранством послужили источником орнаментального творчества крымских резчиков по камню.

Важно отметить, вопреки мнению А. С. Башкирова, что нет никаких оснований связывать распространение этой орнаментики в Крыму специально с татарами⁸⁹, ибо «крымско-сельджукская» декорировка в одинаковой степени была свойственна в то время и татарским мечетям, и армянским храмам, и греческому дворцу, и европейской синагоге, точно так же, как творцами великолепного декоративного убранства сельджукских мечетей XIII—XIV вв. в Малой Азии не были собственно

сельджуки — недавние кочевники. Само сельджукское искусство на почве Малой Азии во многом объясняется искусством Закавказья, в частности, во многом обязано армянским мастерам — зодчим и каменотесам, воплотившим в так называемом сельджукском искусстве свою веками слагавшуюся художественную культуру; в отдельных проявлениях оно полностью возникло на почве Армении и армянских областей Малой Азии⁹⁰.

Через сельджукскую Малую Азию это искусство Закавказья воспринято было и в Крыму, но получило там несколько приглушенный, провинциальный отклик. Вот, кстати сказать, почему появление восточной орнаментики в Москве трудно связывать с Крымом, хотя сношения с ним в XVI в. были довольно оживленные.

Каковы пути проникновения всей этой восточной орнаментики в Москву? Большинство рассмотренных русских памятников, происходящих главным образом из Кирилло-Белозерского и Боровского монастырей, поступали туда в качестве вкладов, преимущественно от представителей боярских родов и служилой знати. Возможно, что существовала персональная связь вкладчиков этих монастырей с Закавказьем или с Персией в виде участия их в дипломатических сношениях или торговле. Однако выяснить этот факт почти невозможно из-за отсутствия соответствующего материала: вкладные книги XVI в. по Кириллову монастырю, хотя и наиболее изученному, остаются неизданными, а по Боровскому монастырю, по-видимому, не сохранились. Но если и можно было бы установить персональные связи с Закавказьем того или иного ктитора, мы ничуть не приблизились бы к

решению вопроса, так как все равно отсутствуют какие-либо данные, позволяющие связать ту или иную вещь с определенным вкладчиком. При этом надо иметь в виду, что основным ктиторм Кирилло-Белозерского монастыря в XVI в., столь щедро обогатившим его, был сам царь Иван Грозный, жертвовавший туда и деньги, и угождая, и предметы церковного обихода для украшения храмов, построенных главным образом при нем же⁹¹. Монастырская опись 1601 г. отмечает происхождение многих церковных предметов «из царской дачи», т. е. что предметы были пожертвованы царем или, как указывает Н. Никольский, готовыми привезены из Москвы⁹². То же самое, надо думать, имело место и при Василии III, особенно чтившем монастырь.

В этой связи следует напомнить отмеченное выше обстоятельство: большинство изученных царских врат настолько похожи друг на друга, если не сказать — тождественны, что, естественно, вызывают предположения, что все они вышли из одной мастерской, выполнившей целую серию однородных изделий. Такая мастерская, возможно, существовала при Оружейной палате, изделия которой (церковного назначения) затем раздавались по монастырям и церквям в качестве вкладов. Царские посещения монастырей обычно сопровождались такого рода вкладами. В Кириллов монастырь они были особенно обильны, но вряд ли был обойден и Боровский монастырь, царские посещения которого также засвидетельствованы источниками⁹³. Так, и в Боровском монастыре могли появиться вещи, идентичные кирилло-белозерским.

В такой своего рода центральной художественной мастерской могли,

во-первых, работать мастера, сами побывавшие в восточных странах и привезшие в Москву изделия с полюбившейся им орнаментикой, которую они затем и использовали в своем творчестве. Известны московские иконописцы и другие мастера церковного дела, посылавшиеся в Грузию в конце XVI и в XVII в., о чем упоминалось выше; ими дорожило московское правительство и неоднократно требовало их возвращения домой⁹⁴. Не исключено, что такие поездки имели место и ранее, на протяжении всего XVI в., ибо дошедшие до нас на этот счет сведения отнюдь не исчерпывающие. На вероятность таких поездок указывает приводившееся выше сообщение о московском ювелире, работавшем в 1517 г. в Кафе⁹⁵.

Во-вторых, непосредственным источником ближневосточной орнаментики в московской среде могли служить те художественные изделия, которые в большом числе попадали в XVI в. в Москву из Закавказья, в частности из Грузии и из Азербайджана, торговля с которым была в XVI в. очень оживленной: путь в Шемаху, столицу Ширвана, а оттуда в Персию в то время хорошо знали русские торговые люди⁹⁶. Достаточно вспомнить относящиеся сюда слова Генриха Штадена: «Персия — кизильбаши, Бухара, Шемаха — все эти страны постоянно торгуют с русской землей. Обычный их товар — золотые изделия, разных сортов шелковые ткани, пряности и многое другое»⁹⁷.

В-третьих, очень вероятен и специальный привоз в Москву из стран Закавказья различных графических материалов в виде образцов художественных изделий или по крайней мере альбомов, подобных тем западноевропейским «тетрадам рисунков с

листьями, арабесками и тому подобным», которые в 1565 г. заказывал привезти в Москву Рафаэль Барберини⁹⁸. Надо иметь в виду, что Московское правительство интересовалась в Закавказье, помимо экономических и политических проблем, и собственно культура: отправлявшимся в Грузию послам поручалось узнать, «какие в ней узорчья живут», т. е. про прикладное искусство⁹⁹. Правда, о такого рода поручениях мы узнаем из статейных списков послов 40-х и 50-х гг. XVII в. Но вряд ли можно сомневаться в том, что такими вопросами интересовались в Москве и раньше — в период первых сношений с Закавказьем, т. е. в XVI в.

Появлению в Москве вещей с восточной орнаментикой способствовал, вероятно, и «Арменский двор», существовавший в Москве во второй половине XVI в.¹⁰⁰

Так или иначе, ближневосточная орнаментика получила в московском искусстве XVI в. довольно широкое распространение, стала предметом своего рода моды. Применение этой орнаментики отнюдь не ограничивалось деревянной резьбой: те же мотивы мы встречаем и в ювелирных изделиях, и в архитектурной декорировке; определенное отражение, хотя, может быть, и мимоletное, это получило и в московском первопечатном деле¹⁰¹.

Русские мастера отнюдь не копировали иноземные образцы, не механически переносили в Москву ближневосточный орнамент: они своеобразно перерабатывали его и придавали ему специфический облик сплошного узора, уже полностью утратившего связь с растительной формой, еще живой в искусстве Закавказья и Персии XVI в., но оказавшейся чуждой московской художественной школе. Московские памятники дают последу-

ющее и последнее звено в развитии этого узорочья, но уже на русской почве. Ближневосточная орнаментика в Москве не пережила XVI столетия: к концу века она стала анахронизмом, но отзвуки ее, хотя и глухие, продолжают ощущаться и в следующем столетии: элементы ее, хотя и по-новому, постоянно встречаются в резьбе XVII в.¹⁰²

Примечания

- 1 Известно, что присылки московских художников и ювелиров настойчиво добивались в Закавказье (*М. Полиевктов*, Новые данные о московских художниках XVI—XVII вв. в Грузии. Тбилиси, 1941) и Крыму. Дипломатическая переписка Москвы и Крыма содержит обращение к Ивану III хана Менгли-Гирея с просьбой прислать ему для каких-то весенних праздников «в два ведра доброво дела серебряны чары да наливки серебряны... У нас так сделати мастера доброво не добыти, а у тебя, у брата моего, такие есть» (см.: Сб. РИО, т. XLI, стр. 220). В двух документах упоминается «Обакумка серебряный мастер», работавший в Кафе в начале XVI в. (Сб. РИО, т. XCV, стр. 414).
- 2 «Посольство кн. Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640—1643». Тифлис, 1928, стр. 158—161.
- 3 В 1388 г.— ПСРЛ, т. XI, 1897, стр. 94; XVIII, стр. 138.
- 4 В 1518 г.— ПСРЛ, т. XIII, ч. I. СПб., 1904, стр. 28; XX. СПб., 1910, стр. 393, 394; ср. стр. 401.
- 5 В 1518 г.— ПСРЛ, т. XX, стр. 395, 397.
- 6 В 1557 г.— ПСРЛ, т. XX, стр. 577, ср. стр. 579—580; т. XIII, ч. I, стр. 275 и 278.
- 7 Например, в 1496 г. (ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 233), в 1506 г. (ПСРЛ, т. VIII, стр. 247), в 1507 г. (ПСРЛ, т. XX, стр. 377, 378), в 1555 г. (ПСРЛ, т. XX, стр. 558), в 1558 г. (ПСРЛ, т. XIII, ч. II. СПб., 1906, стр. 306—311; т. XX, стр. 601—605), в 1517, 1518, 1519 гг. (Сб. РИО, т. XCV, стр. 441, 495—496, 623). О многочисленных посольствах, приходивших в Москву из монастырей Афона как в конце XV, так и особенно в

Так намечается одно из интересных явлений в московской художественной жизни XVI в., обязанное культурным связям со странами Ближнего Востока и особенно с Закавказьем. Эти связи, несомненно, обогатили слагавшееся под эгидой Москвы русское национальное искусство.

- XVI в., см.: *Н. В. Синицына*. Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей. ВВ, XXVI, 1965, стр. 116—121.
- 8 Чуть ли не ежегодно, с оказией или специально, посылались субсидии на Афон, в Царьград, Солунь, Синай, в Крым и т. д. См.: Сб. РИО, т. XCV, стр. 106, 128, 431; Сб. РИО, т. LIX, стр. 224, 231, 260; ПСРЛ, т. VIII, стр. 233, 247; ПСРЛ, т. VI, СПб., 1846, стр. 41—42; т. XIII, стр. 126—127, 310, 407—408. Другие факты см.: *Н. В. Синицына*. Указ. соч. ВВ, XXVI, стр. 116—121. О существовании в Крыму греческих монастырей в районе Бахчисарая и около Балаклавы, ежегодно получавших, начиная с 80-х годов XVI в., если не раньше, «ружные деньги» от московского правительства, сообщает список с жалованной грамоты, данной этим монастырям в 7107 (1599) г. со ссылкой на предшествующую жалованную грамоту царя Федора Ивановича (издана: *А. Л. Бергье-Делагард*. К истории христианства в Крыму (мнимое тысячелетие), ЗООИД, XXVIII, 1910, стр. 73—74; ср. документ 1586 г., опубликованный Ф. Ф. Лашковым: ЗООИД, XVII, 1894, отд. IV, стр. 6—7).
- 9 См.: *М. А. Полиевктов*. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932, стр. 23, примеч. 35.
- 10 *С. Белокуров*. Сношения России с Кавказом, вып. 1. М., 1889, стр. XXI—XXII, XXVIII.
- 11 1557 г.— см.: ПСРЛ, т. XIII, ч. I, стр. 284; *С. Белокуров*. Указ. соч., стр. IV; 1564 г.— судя по жалованной грамоте царя Михай-

- ла Федоровича 1611 г.: см.: С. Белокуров. Указ. соч., стр. LXXXIV; 1556 г.—С. Белокуров. Указ. соч., стр. 12; 1589 г.—С. Белокуров. Указ. соч., стр. 55—56.
- 12 Ср.: М. Полиектов. Новые данные..., стр. 20, 21.
  - 13 См.: М. Н. Сперанский. История древнерусской литературы, московский период. М., 1921, стр. 95 и сл.; А. И. Соболевский. Южнославянское влияние в русской письменности в XIV—XV вв. СПб., 1894.
  - 14 См.: А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества. М., 1936, стр. 198.
  - 15 Эти царские врата были вывезены из Боровского монастыря П. Д. Барановским и хранятся в Музее с. Коломенского под Москвой (филиал ГИМ).
  - 16 И. А. Орбели. Мусульманские изразцы. Пг., 1923, стр. 14 и сл., особенно 20.
  - 17 И. А. Орбели. Проблема сельджукского искусства. «Труды III МКИИА», т. I. Л., 1939, стр. 150—154.
  - 18 М. Т. Преображенский. Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. СПб., 1891, стр. 50, л. V. Мелкие и несущественные отличия имеются лишь в декоре боковых столбиков с тремя киятами в каждом из них, вместо одного — в других вратах.
  - 19 А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия, вып. XII. М., 1914, табл. 180, 1. Деталь тех же врат, однако, в не совсем точном рисунке издана; Л. В. Даль. Обзор русского орнамента. «Зодчий», 1877, № 9-10, л. 45. О них же см.: Н. Никольский и Кирилло-Белозерский монастырь, т. I, вып. 1. СПб., 1897, стр. 205.
  - 20 Д. К. Тренев. Иконостас Смоленского собора Московского Новодевичьего монастыря. М., 1902, рис. 43, стр. 43. Ср.: А. М. Павлинов. История русской архитектуры. М., 1894, стр. 224.
  - 21 Без коруны, которая, по-видимому, давно утрачена; она уже отсутствует на старой акварели А. Мартынова, воспроизведенной в книге Д. К. Тренева (Д. К. Тренев. Указ. соч., рис. 43).
  - 22 Именно $2\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{4}$ аршина, т. е. $1,775 \times 0,887$ м; соответствующие размеры Боровских врат — $1,775 \times 0,845$ м.
  - 23 В дальнейшем этот художественный принцип был унаследован московским декоративным искусством XVII в.
  - 24 А. А. Бобринский. Народные русские..., табл. 108, 3. Врата ныне хранятся в музее г. Кириллова.
  - 25 Н. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. 1, стр. 204—206. В издании А. А. Бобринского указано, что врата происходят из придела Феодора Стратилата.
  - 26 См. нижнюю обвязку — полувалик «царского места» 1551 г., поставленного для Ивана Грозного в Московском Успенском соборе (отчет Российского Исторического музея за 1907 г., табл. XVIII, 54). Тот же орнамент в точности повторен на целом ряде царских врат XVI в.: из Ярославской области, Новгорода, Архангельска, Ростова (А. А. Бобринский. Народные русские..., табл. 178, 1—4; табл. 181, 2); ср. орнамент на амвоне Новгородского Софийского собора, поставленного Макарием в 1553 г. (там же, табл. 189, 4). Все эти памятники, несомненно, московского происхождения; судя по абсолютному тождеству орнаментики, они вышли вернее всего из одной придворной мастерской.
  - 27 Высота врат — 1,80 м, ширина — 0,90 м. А. М. Павлинов. Древности Ярославские и Ростовские. «Труды VII АС», т. III, 1892, стр. 42 и табл. XXIV. Переиздавались многократно: А. А. Бобринский. Указ. соч., вып. XII, 1914, табл. 180, 2; Б. Н. Эдинг. Ростов Великий — Углич. М., [1914], стр. 66; Д. К. Тренев. Указ. соч., рис. 41; Н. Н. Соболев. Русская народная резьба по дереву. «Academia», 1934, стр. 195, рис. 102. Н. Померанцев. Русская деревянная скульптура. М., 1967, табл. 54, 55.
  - 28 «Русские древности по снимкам И. Ф. Барщевского», изд. Строгановского художественно-промышленного училища [б. г.], л. 139.
  - 29 Остальная резьба представляет типичные «фряжские травы». См.: «Древности Российского государства; памятники древнего русского зодчества». М., 1853, отд. VI, л. 5.
  - 30 Изразец издавался неоднократно. См.: «Русские древности по снимкам И. Ф. Барщевского», л. 89; А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы. М., 1938, табл. I.
  - 31 «Русские древности по снимкам И. Ф. Барщевского», л. 67; Н. Макаренко. Путевые заметки и наброски о русском искусстве, вып. 1. Белозерский край [СПб.], 1914, стр. 13 и рис. 23.
  - 32 Из бывшей синодальной библиотеки, ныне в Государственной Оружейной палате.
  - 33 «Русские древности по снимкам И. Ф. Барщевского», л. 62.
  - 34 Исключение составляет створка, круг которой целиком заполнен изображением Вознесения.
  - 35 К. А. Ракина. Группа серебряных украшений из кубанских могильников XIV—XV вв. «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», т. III. Л., 1940, стр. 212 и сл. табл. II, 4, 5.
  - 36 Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960, стр. 215—

- 218 (№ 96), стр. 58, 230—233 (№ 102); она же. Прикладное искусство. В кн.: «Троице-Сергиева Лавра. Художественные памятники». М., 1968, стр. 147, рис. 183; она же. Древнерусская мелкая пластика XI—XVI вв. М., 1968, № 46.
- 87 Один из них — в монастыре Снагов (дар жупана Драгича Винтилиску в 6999 г.—1490—1491 г.), другой — копия первого — в монастыре Тисмане (дар, согласно славянской надписи на панагиаре, сыновей жупана Неагое из Крайовы — Барбу, Пирву, Данчу и Раду), третий — в монастыре Бистрица (дар, согласно славянской надписи на панагиаре, «Монаха Пахомия и жупана Преда, великого бана в году 7029», т. е. в 1520—1521 гг.). См.: T. V o i n e s c u. *Argintaria in colectia de arta medievala [din tezaur. В сб.: «Studii asupra tezaurului restituit de URSS». Bucuresti, 1958, стр. 68 и сл., рис. 3—8.*
- 88 «Опись Оружейной палаты», ч. II, кн. 2. М., 1885, № 1805, стр. 147—148; рисунки, т. II, табл. 189, второй ряд слева; «Русские древности по снимкам М. Ф. Барщевского», л. 49.
- 89 По своему контуру он очень напоминает кокошник царских врат Кирилловского монастыря.
- 40 «Опись Оружейной палаты», ч. I, 1884, № 65, стр. 28—29; рисунки, т. I, табл. 3.
- 41 Восточный узор здесь уже частично переработан и начал походить на «фряжские травы». Четкой системы выходящих стеблей с ответвлениями здесь уже нет.
- 42 Н. Никольский. Указ. соч., т. I, фронтиспис.
- 43 Памятники ныне хранятся в Государственном Эрмитаже. Дата содержится в надписи на дверях. См.: *Хр. Кучук-Иоаннесов*. Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-Западной Руси и в Крыму. Древности Восточные. «Труды МАО», т. II, вып. 3, 1903, стр. 69, рис. 15.
- 44 Хранится в музее Стокгольма, куда попал после 1611—1612 гг. А. А. Бобринский. Шлем Ивана Грозного. ЗРАО, X, вып. 1—2, 1893, стр. 316—321.
- 45 А. И. Некрасов. Ориентализмы в первоначальном московском орнаменте. Труды секции искусствознания. Институт археологии и искусствознания. РАНИОН, IV, 1929, стр. 330, рис. 1.
- 43 «Русские древности по снимкам И. Ф. Барщевского», л. 35. Пышный чеканный оклад, богато украшенный драгоценными камнями и вставными гравированными изображениями, относится к 1680 г., но включает в себе части несомненно более старого оклада, вероятно, еще XVI в.
- 47 «Опись Оружейной палаты», ч. I, № 32, стр. 32; рисунки, т. I, табл. 29; сама икона — XV в., новый оклад относится к XVII в.
- 49 В Часовнике 1565 и 1598 г. См.: А. И. Некрасов. Указ. соч., рис. 5 и 8 (стр. 335 и 336).
- 49 В литературе ее обычно называют арабесками. Однако этот термин крайне неопределен, а по существу, как увидим, искажает суть дела; поэтому я здесь предпочел от него отказаться.
- 50 Б. Эдинг. Указ. соч., стр. 68—70.
- 51 Н. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. 1, стр. 29, 30, 250, 251.
- 52 Там же, стр. 251.
- 53 Н. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. 1, стр. 31; вып. 2, стр. 158.
- 54 «Преподобного Пафнутия чудотворца, по прошенью его и по моленью дал Бог деду твоему наследника царствию вашему отца твоего, нашего государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, а приемник его был во святой купели Касьян Босой, ученик Пафнутия чудотворца и собеседник старцу Иосифу преподобному, да Даниил архимандрит малой Переславской, ученик Пафнутия чудотворца». АИ, т. 1, № 216, стр. 410.
- 55 М. Н. Тихомиров. Новый памятник Московской политической литературы XVI в. «Московский край в его прошлом», ч. 2. М., 1930, стр. 106, 107. Написание сборника, в составе которого находится панегирик, автор относит к концу 20-х годов XVI в.
- 56 В связи с датировкой панагиаров следует заметить, что композиция Покрова на одном из них находит себе довольно близкую аналогию в соответствующей композиции на панагиаре из ризницы Софийского собора в Новгороде; надпись на крышке панагиара содержит дату: 6944 = 1436 г. (Н. В. Покровский. Древняя ризница Софийского собора. «Труды XV АС», т. I, табл. IX, рис. 1, стр. 70); однако вернее всего, что композиция Покрова является более поздним дополнением и, следовательно, не может служить основанием для столь же ранней датировки кирилло-белозерских панагиаров.
- 57 А. М. Павлинов. Древности Ярославские и Ростовские. «Труды VII АС», т. III, 1892, стр. 42; он же. История русской архитектуры. М., 1894, стр. 225.
- 58 А. И. Некрасов. Татаризм в русской орнаментике XV—XVI вв. «Slavia», 1930, IX, вып. 1, стр. 145, 147, 148.
- 59 Там же, стр. 147.
- 60 Б. Греков, А. Якубовский. Золотая Орда. Л., 1937, стр. 62, 73, 74.
- 61 В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. М.—Л., 1935, стр. 53 и сл.
- 62 А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении

- дении ремесленной промышленности Сарая Берке. Л., 1931, стр. 13, 14, 25, 28 и сл., 47.
- ⁶³ Некоторые из них изданы. См.: *Али-Рахим*. О двух татарских надгробных памятниках XVII в. «Материалы по охране и реставрации памятников ТССР», вып. III. Казань, 1929, стр. 16 и табл. перед титулом, табл. 2; *П. Дульский*. Несколько слов по поводу орнаментики татарских памятников XVI—XVII вв. Там же, стр. 22, табл. 4; *он же*. Народное искусство Татарской Республики в сб.: «Художественная культура Советского Востока». Л., 1931, стр. 79, 80, табл. XII, рис. 2. Для сравнения см. орнаменту болгарских построек XIV в. «Казанский музейный вестник», № 5—6, 1920, стр. 16, 17, 44, 65 (рисунки В. И. Корсунцева).
- ⁶⁴ А. И. Некрасов ссылается на изразец из раскопок Сарая-Бату (*Ф. В. Баллод*. Старый и Новый Сарай — столицы Золотой Орды. Казань, 1923, стр. 54, табл. 24). Но и эта параллель, отвлекаясь от хронологии, может быть принята лишь условно, так как нет уверенности, что этот изразец — местного происхождения, а не привозной.
- ⁶⁵ См., например: SPA, VI, табл. 1348.
- ⁶⁶ Хорошими примерами являются: солея и тимпан арки монастыря Имризик на р. Гарни XIII в., хачкар 1213 г. из Гегарда, тимпан над входом в гавит 1261 г. в Нораванке (МАК, XIII, 1916, стр. 67, 69, рис. 18, 20; табл. V, XXXVI, XXXVII), памятники Сананина (*А. Егиазаров*, *Р. Мартirosянц*. Памятники древнеармянской архитектуры. СПб., 1904, табл. XXV), тимпан входа в ц. Григория 1295 г. в Татевском монастыре (Зангезур, близ Гориса), портал ц. Григория 1237 г. в Нор-Гетике и др. (*А. Л. Яковсон*. Очерк истории армянского зодчества. Л., 1950, стр. 96, 97, 138, 139, 144, 145). Из памятников Ани назовем ц. Тиграна Оненца 1215 г. и ц. рода Бахтагеки (*Н. Я. Марр*. Ани. Л., 1934, табл. XVIII, XLIII).
- ⁶⁷ См., например: Древнеармянская миниатюра. Ереван, 1952, табл. 11, 13 (рукопись 1205 г.), 25 (киликийская рукопись конца XII в.), 27 (рукопись XIII в.), 35 (рукопись 1288 г.) и др. Последнее издание альбома: «Армянская миниатюра». Ереван, 1967, табл. 17 (рукопись 1204 г.), 31 (рукопись середины XIII в.), 47 (рукопись 80-х годов XIII в.), 56 (рукопись 1304 г.), 58 (рукопись 1323 г.). Орнаментика эта доживает в армянской миниатюре до XVII в. (см.: там же, табл. 74 — рукопись 1610 г.).
- ⁶⁸ Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство с VIII по XVIII в., т. I. Тбилиси, 1957; табл. 35, 42, 44, 60, 65, 76, 77, 86, 95, 117, 121, 131, 153, 160, 162, 163, 165; *он же*. Грузинское чеканное искусство. Исследование по истории грузинского средневекового искусства, т. II (иллюстрации). Тбилиси, 1959, фот. 66—70, 80, 81, 84, 206, 207, 227, 254, 341, 365, 381, 397, 398, 401—405, 408, 409, 412, 416—418, 422, 423, 432, 463, 479, 480. Орнамент в виде вьющихся спирально и переплетающихся стеблей, а также миндалевидных фигур с утолщениями представлен на многочисленных изделиях грузинского художественного чекана в различных вариантах и модификациях. Московская орнаментика находит себе здесь близкие прототипы (особенно см.: фот. 66, 67, 341, 402, 403, 423, 479). Г. Н. Чубинашвили считает, что в XII в. эта орнаментика на произведениях грузинского художественного чекана является уже «относительно поздним перепевом» (*Г. Н. Чубинашвили*. Грузинское чеканное искусство с VIII по XVIII в. I, текст, стр. 563), а расцвет ее относит к X—XI вв. (например, икона из Хопи. Там же, стр. 561, 564, 583). Однако такая датировка ничем не обоснована; наоборот, распространение интересующей нас орнаментики только начинается с XII в., в чем убеждает вся история ее развития на Ближнем Востоке (правильнее датировать соответствующие памятники III. Амиранашвили. III. Амиранашвили. Бека Описари. Тбилиси, 1956, стр. 35).
- ⁶⁹ Ювелирные произведения: SPA, VI, табл. 1336, 1357 В и др.; ср.: SPA, IV, табл. 396, 397, 399; VI, табл. 1288, 1294—1296, 1306—1311, 1315, 1316, 1318—1323. Книжная миниатюра: SPA, V, табл. 929а, 934, 935, 937а.
- ⁷⁰ См., например: *Sarre, E. Herzfeld*. Archäologische Riese im Euphrat und Tigris-Gebiete, т. II, 1920, рис. 256, 259, 289; т. III, 1911, табл. V, VII, X, XC — XCII, XGVII, IIC, IC, CII.
- ⁷¹ Превращение этой орнаментики в отвлеченный узор ощущается в некоторых армянских памятниках уже XIII в. В качестве примера сошлемся на упомянутый тимпан входа в ц. Григория 1291 г. в Татевском монастыре.
- ⁷² К. А. Ракитина. Группа серебряных украшений из кубанских могильников XIV—XV вв. «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», т. III, 1940, стр. 212 и сл., табл. II, 4, 5.
- ⁷³ Декорировка дворца Ширваншахов издавалась неоднократно: *С. А. Дадашев*, *М. А. Усейнов*. Ансамбль дворца Ширваншахов в Баку. М., 1956; *П. Е. Пуколов*. Орнаменты комплекса зданий дворца Ширваншахов в Баку. В сб.: «Памятники архитектуры Азербайджана». Москва — Баку, 1946, стр. 37—42; *Н. Аскерова*. Орнаменты ан-

- самбля зданий дворца Ширваншахов в Баку (XV в.). Сб.: «Искусство Азербайджана», VII. Баку, 1959, стр. 246—261. О дате Диван-хане см.: Л. С. Бретаницкий. К вопросу назначения и датировки Диванхане «Искусство Азербайджана», V, Баку, 1956, стр. 156—161.
- 74 Ср. оклад иконы Кирилла-Белозерского монастыря (рис. 11, 1) с резьбой на фасадах Диван-хане (С. А. Дадашев, М. А. Усейнов. Указ. соч., табл. 27, 33) или чеканный оклад иконы Вседержителя (рис. 10, б) с резьбой портала на галерее Диван-хане (там же, табл. 35, 36, ср. табл. 72), или орнаментальные круги на фресках Благовещенского собора в Кремле и собора Новодевичьего монастыря с резными кругами на портале восточных ворот (там же, табл. 74—76).
- 75 SPA, VI, табл. 1379 а (жаровня); ср. табл. 1394.
- 76 Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство с VIII по XVIII в., табл. 169, 177, 188; *он же*. Грузинское чеканное искусство, т. II, 1959, фот. 489, 497, 498, 504, 506, 526, 529 (ср. 479), 538.
- 77 Х. И. Кучук-Иоаннесов. Указ. соч.; Древности восточные. ТМАО, т. II, вып. 3, 1903, стр. 57, рис. 11, 12.
- 78 Источники этой композиции заставки не трудно выяснить: заставки воспроизводят хозяйственные или только декоративные ниши (патуhanы) с наличником, украшенным богатой резьбой, очень распространенные в жилой архитектуре средневековой Армении и Азербайджана, особенно хорошо известные по богатым жилым домам XII—XIII вв. в Ани (см.: Н. Я. Марр. Указ. соч., табл. LIII, стр. 107). Иначе говоря, таким источником являлась архитектурная декорировка средневекового Закавказья.
- 79 Издан, но неудовлетворительно: А. С. Башкиров. Сельджукизм в древнем татарском искусстве. «Крым», № 2, 1926, стр. 114, рис. 13.
- 80 А. С. Башкиров. Художественные памятники Солхата. «Крым», № 1, 1927, стр. 135, рис. 9. Лучшее воспроизведение: В. Д. Смирнов. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г. ЗВРАО, т. I, вып. IV, 1887; А. М. Павлинов. Искусство у татар. «Художественный сборник работ русских архитекторов и инженеров», вып. 4, 1892—1893, л. 66, рис. 6.
- 81 А. С. Башкиров. Сельджукизм..., рис. 16 (стр. 118).
- 82 А. Л. Якобсон. Армянская архитектура в Крыму. ВВ, VIII, 1955, рис. 6 (к стр. 177).
- 83 И. Н. Бороздин. Солхат. «Новый Восток», № 13-14, 1926, стр. 281, рис. 5; А. С. Башкиров. Художественные памятники..., стр. 137, рис. 10.
- 84 А. М. Павлинов. Указ. соч., л. 67, рис. 7, 8, стр. 27. При этом автор ошибочно относит портал к ц. Иверской Б. М. О портале см. также: Н. С. Барсамов, А. Полканов. Феодосия. Прошлое города и археологические памятники. Феодосия, 1927, стр. 34, 35. Рассуждения авторов о каком-то «смешении стилей» являются, очевидно, недоразумением.
- 85 См. наш отчет о раскопках двора в 1938 г. МИА, № 34, 1953, стр. 416.
- 86 О. Акчокраклы. Новое из истории Чуфут-кале. ИТОИАЭ, т. II, 1928, стр. 169, рис. 10; У. Э. Боданинский, Б. Н. Засылкин. Чуфут-кале. ИТОИАЭ, т. III, 1929, стр. 178, рис. 12. Возможно, что плиты принадлежали старой мечети, но датировка их XIV в. маловероятна: схематичность рисунка скорее указывает на XV в.
- 87 Богатая декорировка портала дюрбе не издана. О постройке см.: Б. Н. Засылкин. Памятники архитектуры крымских татар. «Крым», № 2, 1927, стр. 125—127. Ср. тот же орнамент в упрощенном виде на татарском надгробии XV в. из района Очакова (В. В. Латышев. ИАК, вып. 47, 1913, стр. 104, рис. 2, 3).
- 88 См.: А. С. Башкиров. Сельджукизм..., стр. 108 и сл.; *он же*. Художественные памятники..., стр. 128—132.
- 89 А. С. Башкиров. Сельджукизм..., стр. 124, 125: по мнению автора, это связано было «с той определенной общественно-политической ролью, какую играли турки М. Азии в судьбах Крыма». В условиях этнической пестроты позднесредневекового Крыма с богатой культурной традицией (до татарской) нет никаких оснований ставить вопрос о приоритете татар в происхождении этого стиля в Крыму. Все дело в живом повседневном общении — и торговом, и политическом, и сопоступающем ему культурном общении с М. Азией — и с мусульманским Синомом, и с христианским Трапезундом, в которые были вовлечены, помимо татар, и даже в большей степени, чем они, и греки, и армяне, и евреи, и другие народности Крыма.
- 90 См. замечания Н. Я. Марра об армянских строителях сельджукских мечетей. Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 36; И. А. Орбели. Проблема сельджукского искусства. «Доклады III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии». М.—Л., 1939, стр. 150—154.
- 91 Н. Никольский. Указ. соч., т. I, вып. 2, стр. 160—170.
- 92 Там же, т. I, вып. 1, стр. 33, 34.

- ⁹³ В 1515 г. его посетил Василий III (Сб. РИО, т. XCV, стр. 149, 150, 218, 219); в 1563 г. Иван Грозный (ПСРЛ, т. XIII, стр. 343); в 1595 г. — Федор Иванович (ПСРЛ, т. XIV, стр. 44—46). Вклады, связанные с последним посещением, известны по надписям на вещах из монастырской ризницы. См.: *Леонид*. Историко-археологическое и статистическое описание Боровского Пафнутьева монастыря. Калуга, 1894, стр. 42. Известны вклады в монастырь и Василия III (см.: там же, стр. 98, 99, ср. стр. 80, 81).
- ⁹⁴ *М. Полиевктов*. Новые данные о московских художниках..., стр. 14, 15.
- ⁹⁵ В качестве аналогии напомним тех русских литературных деятелей — монахов, которые в XIV—XV вв. работали в Афонских монастырях (Афанасий Русин, Ефрем Русин и др.). См. например: *А. И. Соболевский*. Указ. соч., стр. 28, 29.
- ⁹⁶ *М. В. Фехнер*. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. «Труды ГИМ», вып. XXXI, 1956, стр. 25—34.
- ⁹⁷ *Г. Штаден*. О Москве Ивана Грозного (записки немца-опричника). М., 1925, стр. 116.
- ⁹⁸ «Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г.», «Сын отечества», 1842, кн. 7, стр. 42.
- ⁹⁹ «Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650—1652 гг.». Тифлис, 1926, стр. 17, 18. См. также: «Посольство кн. Мышечкого и дьяка Ключарева в Кахетию». Тифлис, 1928, стр. 45; *С. Беложуров*. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадиянскую землю. «Чтения МОИДР», 1887, кн. 2, стр. 284 (из наказа Ф. Елчину), ср. стр. 340. В самих статейных списках Елчина, особенно сопровождавшего его священника Павла Захарьева, дается описание посещенных ими монастырей, виденных там ими икон и церковных украшений (там же, стр. 319—322, 340 и сл.). Статейный список Ф. Елчина переиздан: «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.». М. — Л., 1954 (соотв. стр. 208—211, 213—215).
- ¹⁰⁰ *АИ*, II, 1841, стр. 19; *Н. М. Карамзин*. История государства Российского, изд. Н. Эйхенерлинга, т. X. СПб., 1843, стр. 155; *К. Н. Григорьян*. Из истории русско-армянских культурных связей X—XVII вв. «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», IX, 1953, стр. 335.
- ¹⁰¹ *А. И. Некрасов*. Ориентализм в первопечатном московском орнаменте. РАНИОН, IV, 1930, стр. 329 и сл.; *А. С. Зернова*. Орнамента книги московской печати XVI—XVII вв. Альбом. М., 1952, л. 2 (9—12), 4 (50) — евангелие ок. 1564 г.
- ¹⁰² См.: *В. В. Суслов*. Памятники древнерусского искусства, вып. I. СПб., 1908, рис. на стр. 13, 18, 19, 20, табл. 10; вып. II, 1909, табл. 8; вып. III, 1910, рис. 39 и др. Особенно интересна «сельджукская цепь» на царских вратах XVII в.; «Русские древности по снимкам И. Ф. Барщевского», л. 121; колл. И. Барщевского в ГИМ, А. 899, фот. № 2383—2388. Очень показательны в этом отношении и царские врата конца XVI или рубежа XVI и XVII вв. в Благовещенском соборе Сольвычегодска (сведения об этих царских вратах см.: *Н. Макаренко*. У Соли Вычегодской. Пг., 1918, стр. 25—27 и рис. 12—14) и орнаментация в виде миндалевидных рамок на «дыньках» западного портала и на расписной пелене рядом с этим порталом в ц. Воскресения на Дебре 1652 г. в Костроме.

Инструменты московских ремесленников

Москва, как и всякий другой крупный древнерусский город средневековья, была значительным ремесленным центром. При раскопках и наблюдениях в культурном слое столицы постоянно встречаются остатки различных ремесленных производств, заготовки и испорченные при изготовлении вещи, отходы производств, запасы сырья, инструменты.

Большинство инструментов ремесленников происходит с территории Зарядья — одного из древнейших районов города. Район этот издавна был ремесленным. Даже в XVI и XVII вв., когда его заняли в основном усадьбы феодалов и монастыри, многие «дворники» боярских и дворянских усадеб, располагавшихся в Зарядье, обитатели монастырских подворий, причетники церквей, даже монахи занимались промыслами и торговлей.

Значительная коллекция инструментов московских ремесленников происходит и с территории лагеря Лжедмитрия II из Тушино. Она собрана инженером В. А. Политковским

при проведении через территорию лагеря железнодорожного полотна. Коллекция особенно интересна тем, что в нее входят разнообразные инструменты, которые можно точно датировать. Лагерь в Тушино существовал около двух лет (1608—1610 гг.). Поэтому большую часть предметов этой коллекции можно датировать временем до начала 1610 г.

Много инструментов ремесленников было обнаружено и при наблюдениях за земляными работами в городе, особенно при строительстве первой очереди Московского метрополитена.

К инструментам московских ремесленников уже не раз обращались как исследователи ремесла, так и исследователи Москвы¹. Накопленный новый материал и проведенное автором настоящей статьи исследование коллекций из Тушинского лагеря позволяют кое в чем дополнить имеющиеся в научной литературе сведения, вернуться к атрибуции некоторых прежних находок. Речь будет идти в основном об ин-

струментах сравнительно поздних, относящихся к XVI—XVII вв.

До начала XVIII в. Москва была преимущественно деревянным городом. Только кремль, стены города и несколько сот каменных церквей и домов возвышались среди десятков тысяч деревянных изб и хозяйственных построек москвичей, окруженных деревянными частоколами и палисадами. Сотни колодцев, погреба, дренажные сооружения, мостовые, набережные, мосты — все было сделано из дерева. Поэтому нередко в культурном слое города встречаются орудия для обработки дерева, в частности топоры. Ранние образцы топоров, найденные в Москве при строительстве метрополитена, датируются по новгородским аналогиям² XI—XIV вв. Топоры имеют клиновидной формы асимметричное лезвие, обычно круглый, реже — овальный проух, округлый или (начиная с XV в.) уплощенный обух. Бородки у таких топоров отсутствуют (рис. 1, 1—3). Топоры этого типа в основном таковы же, как другие проушные древнерусские топоры домонгольского времени, и отличаются от них, как правило, лишь более крупными размерами. Длина лезвия их достигает 18 см при ширине в 10—12 см. Такие топоры были относительно тяжелыми. Их использовали главным образом на рубке леса и плотницких работах. Такого типа топоры в Москве существуют до середины XVII в. В коллекции из Тушина встретились два целых и три фрагментированных образца топоров данного типа. У одного наверху — уплощенная площадка, у другого — обух граненый, (рис. 1, 5), третий имел молотковидный массивный обух и являлся, по видимому, комбинированным орудием. Рукояти этих топоров были прямыми, округлыми в сечении,

диаметром в 2,5—4 см. Длина топорищ, судя по одному из них, с сохранившейся ручкой, найденному в подвале дома № 11 XV—XVI вв. по Москворецкому переулку, равнялась 60 см. Второй топор с рукоятью обнаружен был в колодце на Моховой улице при строительстве первой очереди Московского метрополитена. Вес этого топора — около 600 г. Длина рукояти — 62 см. Она была изготовлена из дуба³ (рис. 2, 23, 24).

Ручки домонгольских более легких топоров такого типа достигали 60—70 см⁴. Судя по находке в колодце на Моховой улице, рукояти у топоров этого типа были ровными и не имели на конце утолщения или закраины. Начиная с XV в., в Москве и других древнерусских городах, таких, как Владимир, Новгород, Псков, Белгород⁵, получают широкое распространение железные клиновидные топоры с проухом в виде узкой треугольной щели и с плоским обухом (рис. 1, 6—12). Они были разнообразны в деталях и сильно варьировали как по размерам, так и по весу. Наиболее крупные предназначались для плотницких и лесорубных работ, а более мелкие использовались для обтесывания дерева и столярных работ. У топоров этого типа можно проследить постепенное выделение бородок. Для лучшего скрепления рукояти с топором верхняя площадка обуха их вытянута в сторону рукояти. Рукоятки таких топоров тоже неоднократно встречались при раскопках как отдельно, так и вместе с топорами. Они тоже всегда были прямыми, но не круглыми, а овальными в сечении, потому считались более удобными в работе. Один конец топорища по форме соответствовал проуху топора, а другой утолщался для того, чтобы

Р и с. 1.

Железные топоры из раскопок в Москве

1—3, 6, 8, 13 — из коллекции вещей, добытых при строительстве метрополитена; 4, 11, 12 — из раскопок в Зарядье; 5, 7, 9, 10 — из Тушино

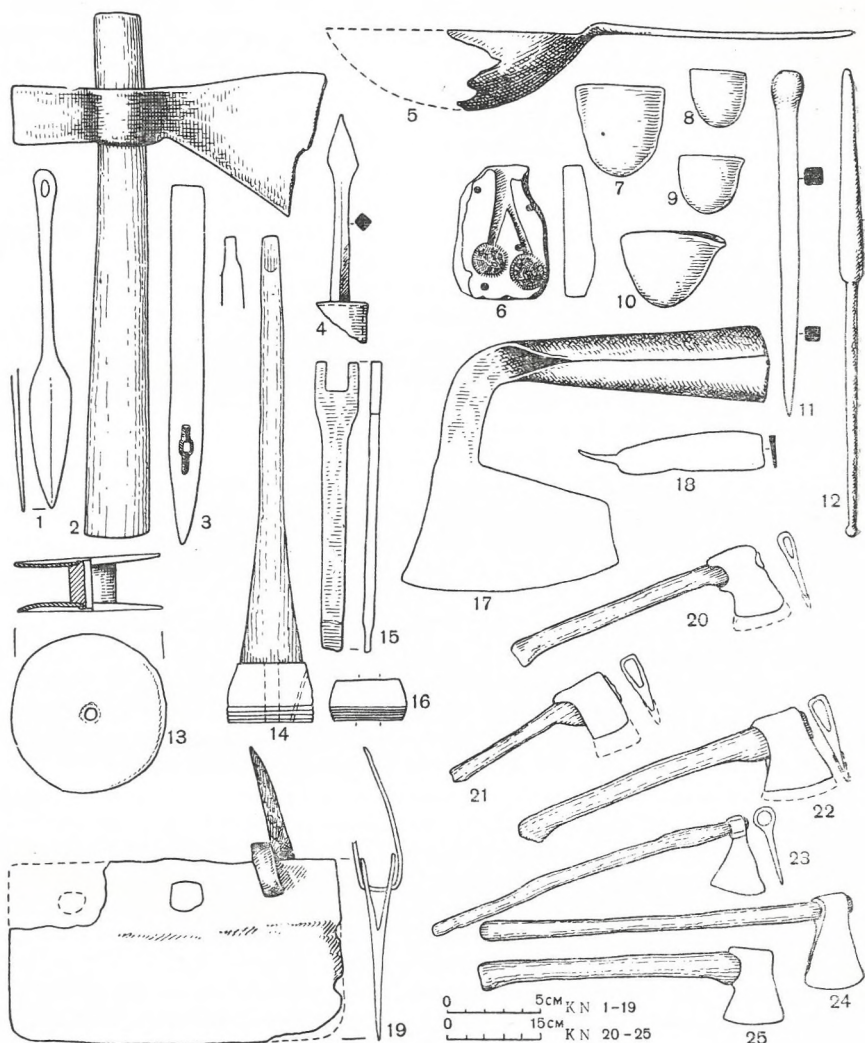
топорище не могло выскользнуть из рук при работе. Наличие бородок у таких топоров, появившихся в середине XVII в., не только обеспечивало лучшую устойчивость топора на рукояти, но и предохраняло топорище при работе от ударов снизу. Рукояти топоров этого типа часто расклинивались. Один такой топор есть в тушинской коллекции (рис. 1, 10), несколько найдено при раскопках в Зарядье (один из них был с рукоятью; рис. 2, 25) и три — в колодцах на Моховой улице при строительстве первой очереди Московского метрополитена (рис. 2, 20—22). Следует отметить, что большинство из обнаруженных топоров имеют укороченные пропорции лезвия, однако такими они стали в результате многократной заточки, из-за чего пришли в негодность и были выброшены, ибо стальная наварка их лезвий сточилась на нет⁶. Нормальная длина клинка такого топора равнялась, судя по лучше сохранившимся экземплярам, 14—15 см при ширине лезвия 10—12 см. Именно от этого типа проушного топора происходит и современный топор. Топоры, найденные в колодцах на Моховой улице при прокладке первой очереди Московского метрополитена⁷, судя по сопровождающему их керамическому материалу (чернолощенным кувшинам с рифлением по поверхности сосудов, красноглиняным изразцам), по нашему мнению, датируются серединой XVII в.⁸ Длина рукоятей у топоров этого типа в среднем достигала 45—55 см. Изготовлены они были из дуба, березы или липы. При раскопках в городе найдены и топоры специального назначения — миниатюрные и различных типов, топоры втульчатые, очевидно, специального производственного назначения, характер

которого определить не удалось (рис. 1, 4, 13; 2, 17).

Железные тесла при раскопках в Москве встречаются относительно редко, хотя остатки долбленых изделий в культурном слое многочисленны. К началу XVII в. относится железное втульчатое тесло, обнаруженное в Тушино (рис. 3, 2), ширина лезвия его — около 4 см. Тесла этого типа были широко распространены на Руси и в домонгольское время, большая серия их происходит из раскопок в Новгороде, где некоторые найдены с короткими деревянными рукоятями⁹. Такими теслами изготовлялись обычно изделия с относительно глубокими и небольшими по площади углублениями в них. К XVI в. относится обнаруженное в Москве массивное проушное тесло типа узколезвийной мотыги. Ширина лезвия тесла — около 7 см. Тесла этого типа предназначались для долбежных работ большого объема, например для выдалбливания челнов или других крупных предметов. Находка такого тесла единична (рис. 3, 1).

Находки долот в культурном слое Москвы многочисленны. Они найдены двух типов: простые — целиком железные и железные втульчатые. Наиболее ранние из них, которые датируются XV в., имеют ровный, прямоугольный в сечении стержень. Ширина лезвия такого долота — 1,5 см, длина инструмента — 21 см (рис. 3, 4). По размерам и внешнему виду они сходны с долотами домонгольского времени. К XVII в. относятся также целиком железные долота, но с расширением в нижней части стержня. Долото такой конструкции встретилось в Тушино (рис. 3, 5). Ширина лезвия этого долота — тоже 1,5 см. В XVI—XVII вв. в Москве появляются долота с

Р и с. 2.

Инструменты московских ремесленников

1 — игла для плетения; 2 — камнетесный инструмент; 3, 4, 12, 13—16, 18 — инструменты неизвестного назначения; 5 — железная ложка; 6 — литейная форма; 7—10 — тигли; 11 — керн; 17, 20—25 — топоры; 19 — оковка лопаты

втульчатой рукоятью. Два таких долота с полыми втулками, в которые вставлялся деревянный обрубок, чтобы не разбивать верх долота при работе, есть в Тушинской коллекции (рис. 3, 6, 8). Одно долото встретилось в культурном слое Зарядья (рис. 3, 7). Обломок втулки долота с деревянной рукоятью найден в колодце 1 на Моховой при сооружении первой очереди Московского метрополитена. В отличие от втульчатых долот, распространенных в I тысячелетии в лесной зоне Восточной Европы, позднесредневековые имели уступ на стержне ниже втулки. Ширина лезвия таких долот колебалась от 1,5 до 2,5 см. Длина металлической части инструмента варьировала от 18 до 29 см. При раскопках в Зарядье в слое XVI в. в 1957 г. на раскопе V встретилась стамеска с полукруглым лезвием. Черешок стамески был отделен от ее пера специально сделанными при изготовлении орудия выступами для того, чтобы он не утапливался в деревянную рукоять (рис. 3, 20). Ширина лезвия стамески — около 1 см. Находки пил в культурном слое города относительно редки, что, впрочем, не свидетельствует об ограниченном распространении их. В слое первой половины XVI в. в Зарядье был найден обломок полотна ножовки, предназначенной для поперечного распила дерева. По конструкции этот инструмент, по-видимому, не отличался от ножовок, бытовавших в домонгольское время. Хочется отметить только относительно небольшой размер зубьев у нее (рис. 4, 7). Очевидно, ножовка употреблялась преимущественно столярами при изготовлении мебели и других небольших изделий.

Обязательным инструментом мастеров, занятых обработкой дерева,

были скобели. Они бытовали широко в Подмоскovie и в домонгольское время. Находки их зафиксированы в подмосковных вятических курганах¹⁰. В Зарядье при раскопках найдены были в виде обломков несколько скобелей: одни — с полукруглым лезвием, другие — с прямым (рис. 3, 10), обломок прямолезвийного скобеля имеется в коллекции из Тушинского лагеря. Скобели обнаружены и при раскопках Московского Кремля. Все скобели, найденные в городе, — двуручные (рис. 3, 11). Длина лезвий скобелей, судя по сохранившимся остаткам, — не менее 20 см.

Для сверления в дереве круглых отверстий употреблялись буравы. В культурном слое города их найдено более десятка. Многие из них поломаны. Характерны буравы небольших размеров со сверлом диаметром 0,7—0,9 см и с двумя зацепами — в верхней части стержня инструмента (рис. 3, 15, 16). Между ними зажималась поперечно расположенная деревянная ручка, которой бурав вкручивался в изделие при работе. Судя по находкам, эти инструменты были распространены преимущественно в XVII в. Глубина стверстей, которые можно было просверлить этими буравчиками, равнялась 12—15 см. С XV в. в культурном слое Москвы встречаются и более крупные массивные буравы со сверлом диаметром до 10—12 мм. Поперечная деревянная рукоять их вставлялась в специальную петлю, которой наверху оканчивался стержень. При помощи этих инструментов можно было просверлить отверстия глубиной до 20 см (рис. 3, 14). В коллекции из Тушинского лагеря есть бурав длиной 35 см. Все найденные при раскопках буравы имеют спиральную рабочую часть,

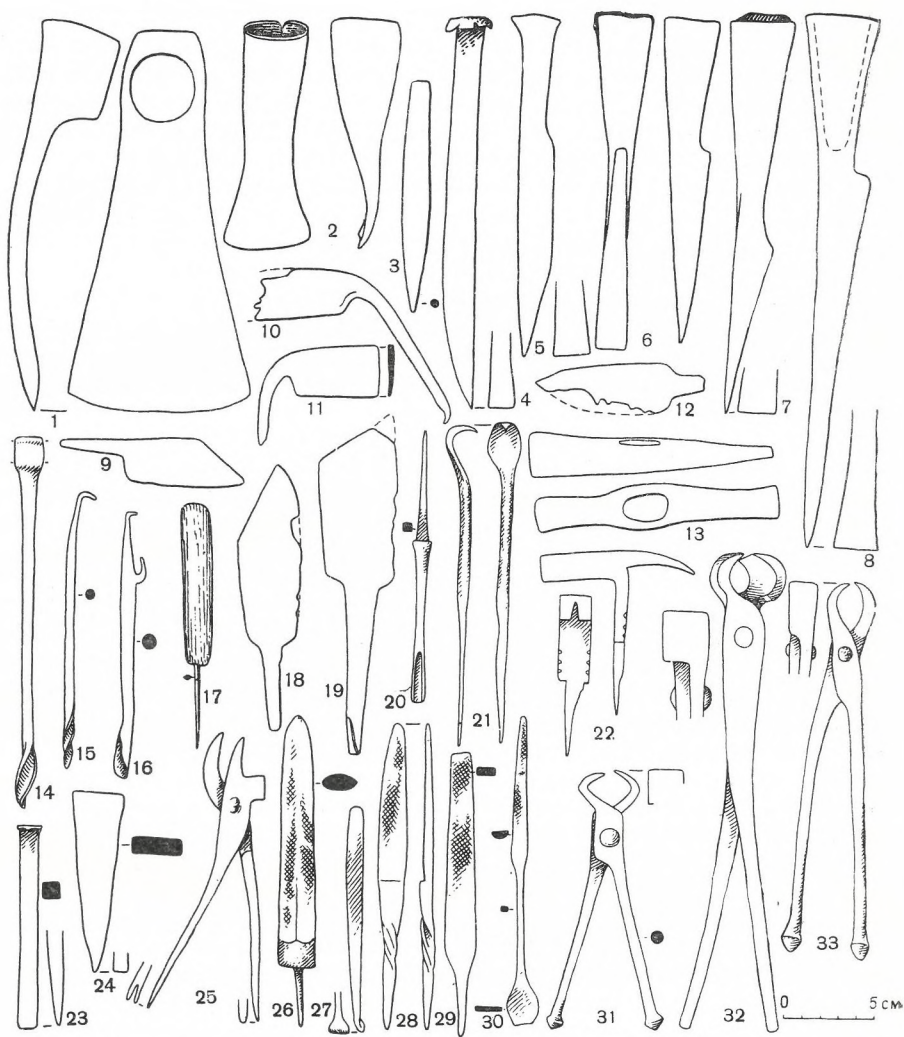

Рис. 3.

Инструменты московских ремесленников

1, 2 — тесла; 3 — керн; 4—8 — долота; 9, 12, 13, 19 — усморезные ножи; 10, 11 — скобели; 13, 22 — молотки; 14—16 — буравы; 17 — шило; 20 — стамеска; 21 — резец токарный; 23 — зубило; 24 — клин; 25 — инструмент оружейника; 26—30 — напильники; 31—33 — клещи (1, 3, 4, 7, 9, 10, 12, 15—20, 23, 24, 27—31 — За-рядье; 2, 6, 8, 11, 13, 14, 21, 25, 26, 29, 32, 33 — Тушино)

рассчитанную на заглубление в дерево при вращении их по часовой стрелке. Нам представляется, что небольшие буравчики не все были ремесленными инструментами. Часть их использовалась в обиходе населения, в то время как крупные инструменты, предназначенные главным образом для строительных работ, несомненно, являлись инструментами ремесленников. При раскопках встречаются и длинные круглые в сечении стержни, которыми прожигались более глубокие отверстия. В Москве при раскопках найдено несколько дренажных труб, датированных XVII в., отверстия в которых были прожжены. Длина колен этих труб достигает 2 м.

Многочисленны в культурном слое города и находки токарных изделий. Их изготовляли из дерева, кости, рога. Некоторые изделия были крупными — тарелки и блюда, но подавляющее большинство — относительно небольшие, с максимальным диаметром до 7—10 см. Обычный универсальный клювовидной формы резец от токарного станка известен из коллекции Тушинского лагеря (рис. 3, 21). Он однотипен с резцами от токарного станка домонгольского времени.

Каждый столяр или плотник имел молоток. Обычно один конец его — с бойком — служил для забивания гвоздей, а другой — уплощенный и раздвоенный — гвоздодером. Такой молоток найден при раскопках в Зарядье в слое XVII в. Он не проушной, как современные молотки, а с деревянной рукояткой, насаженной на железный штырь (рис. 3, 22). Массивная пластина, соединяющая штырь рукоятки с молотком, украшена художественной ковкой. Древнерусские молотки домонгольского времени, в особенности происходя-

щие из северорусских городов, таких, например, как Новгород¹¹, тоже имели обычно железные рукоятки и одновременно являлись гвоздодерами. Один небольших размеров проушной молоток имеется в коллекции из Тушинского лагеря. Оба конца его предназначены для нанесения ударов (рис. 3, 13).

На территории Тушинского лагеря найдены 2 экземпляра столярных клещей типа современных кусачек с относительно длинными рукоятками (рис. 3, 32—33), третий встретился в Зарядье в слое середины XVII в. (рис. 3, 31). Ширина губок этих инструментов — от 14 до 25 мм.

Среди слесарных инструментов, собранных в культурном слое города, особенно много выявлено напильников. Они обычно небольших размеров, часто изготовлены из пластин, не всегда выдержанной формы. В сечении напильники прямоугольной, сегментовидной или миндалевидной формы. Инструменты эти употреблялись не только в слесарном, но и в ювелирном деле и, судя по небольшим размерам предметов и относительно неглубокой насечке, которая, конечно, производилась вручную, предназначались для обработки изделий и из цветных металлов. Большая часть напильников была со штырями, на которые насаживались деревянные рукоятки (рис. 3, 28, 29); один экземпляр — с железной ручкой в виде уплощенного кружка (рис. 3, 30). Насечка на напильниках была различной: на одних — поперечная прямая, на других (и таких больше) — косая, «елочкой». Наиболее ранние из напильников, найденные при раскопках в Москве, относятся к XV в. (рис. 3, 27). Они обычно прямоугольные в сечении, — с двусторонней насечкой. Два напильника — прямоугольный (рис. 3,

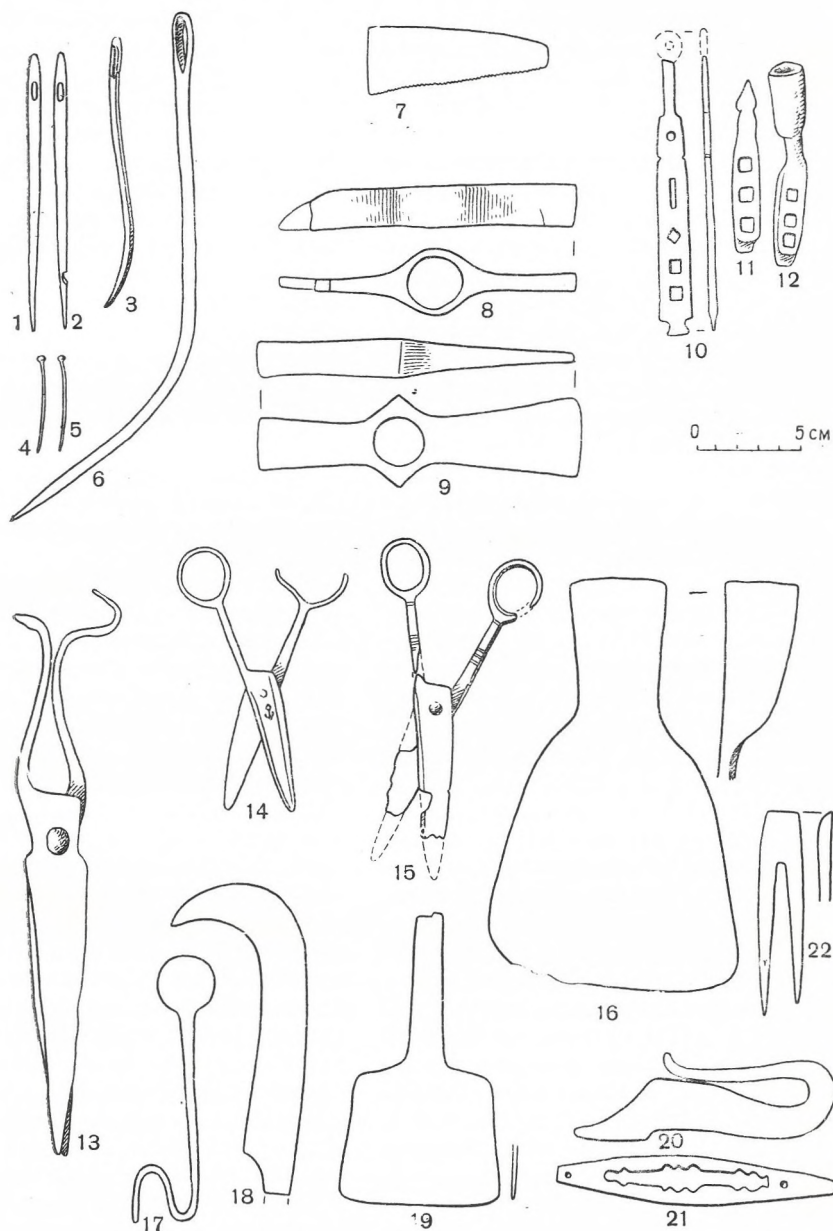

Рис. 4.

Инструменты московских ремесленников

1—3, 6 — портняжные иглы; 4—5 — булавки; 7 — обломок пилы ножовки; 8—9 — инструменты камнетесов; 10—12 — инструменты оружейников; 13—15 — ножницы; 16, 19 — лопатки железные; 17, 18, 22 — инструменты неизвестного назначения; 20 — кресало-кочедыг; 21 — кресало-гаечный ключ-отвертка

29) и миндалевидный в сечении (рис. 3, 26) — известны в коллекции из Тушинского лагеря. Из этой же коллекции происходит и редко встречающийся комбинированный инструмент, который одновременно служил ножницами для резки металла, молотком и гвоздодером (рис. 3, 25). Не исключено, что он являлся портативным инструментом для оружейника. Раздвоенные концы рукояти инструмента, служившие гвоздодерами, были рассчитаны на гвозди небольшого размера. Широко распространенным инструментом слесаря были и небольшие ручные зубильца, которыми вырубались из листа металла детали изделия (рис. 3, 23). Они более тупоносые, чем долота, и более короткие. Длина зубил редко превышала 10 см при ширине лезвия в 1 см. Конец инструмента, по которому били молотком, обычно был сильно расклепанным. Имеются зубила и клиновидной формы (рис. 3, 24). В Москве, в Зарядье и в Тушино, встретились два пробойника (рис. 2, 11; 3, 3). Эти инструменты могли использоваться для нанесения углублений на поверхность металла, а также могли служить для оправки круглых отверстий, как, например, колец у ножниц и для других целей. При раскопках в Москве найдены и железные подкладки в виде прямоугольника со срезанными углами, которые могли употребляться в ювелирном деле в качестве небольших наковаленок. Крупные наковальни типа кузнечных при раскопках в городе не встретились, хотя на Руси в домонгольское время они широко известны в нескольких модификациях и, несомненно, широко бытовали и в более позднее время.

В Москве в какой-то мере было развито и изготовление деревянных и

костяных изделий, таких как ложки, ковши. Правда, Москва никогда не была центром такого производства, но тем не менее отрицать его существование трудно. При раскопках найдены не только полностью изготовленные изделия из кости и дерева, но и заготовки их. К сожалению, никаких инструментов, связанных с этим производством, пока неизвестно. М. Г. Рабинович, впрочем, приводит в нескольких статьях рисунок ложкаря.

Однако, по нашему мнению он является не режущим инструментом, а половинкой разрушенного мундштука двусоставных кольчатых удил¹². Для обработки поверхностей деревянных изделий употреблялись топоры и ножи.

Немногочисленным и несложным был инструментарий сапожника, в состав которого входили колодки, молоток, «усморезный» нож, иглы, шилья¹³. Для Москвы характерны короткие, остроносые, широколезвийные сапожные ножи (рис. 3, 9, 12, 18, 19). У них при коротком лезвии имелся длинный черешок, на который надевалась массивная и прочная деревянная рукоять, которая обычно не сохраняется. Ножи эти, как и другие режущие инструменты, находят обычно очень сточенными, непригодными к работе. Длина лезвия их не превышает 5—7 см при ширине лезвия до 3—4,5 см, длине рукояти до 15 см. Тип специализированного «усморезного» ножа в Москве выработался уже в XIV в. и без изменений существовал в XV—XVII вв., хотя при раскопках встречены и ножи несколько иной формы. Инструменты эти, несомненно, изготавливались местными кузнецами, потому никогда не имеют на себе клейм, так широко распространенных на московских бытовых ножках

XVI—XVII вв. Сапожных шильев в культурном слое города найдено несколько, как прямых, так и кривых. У некоторых из них были деревянные рукояти. Судя по сохранившимся экземплярам и по форме проколов в коже, острия шильев обычно граненные — четырехугольные, ромбические или миндалевидные в сечении (рис. 3, 17). Наиболее ранние шилья датируются XIII в. Длина острия одного из шильев, найденного при раскопках в Зарядье, равнялась 4 см при длине рукояти в 9 см. Иногда в месте перехода шила в черешок имелось утолщение, которое препятствовало заглублению черешка в рукоять. При раскопках в Москве, преимущественно в слоях второй половины XVI—XVII вв., найдена большая серия (около полутора десятков) шильев с круглым в сечении острием и костяной или деревянной рукояткой, прикрепленной к пластинчатому черешку заклепками. С тыльной стороны ручки у этого инструмента всегда имелась медная овальная в плане пластинка. По-видимому, это не инструменты сапожника; значительная часть этих предметов, вероятно, не московского производства, а привозные. Они носились обычно в одних ножнах с бытовыми узколезвийными ножами, у которых рукояти были такой же конструкции, как у этих шильев. Большинство ножей такого типа имеют клейма на лезвии.

Железные и медные иглы многократно встречены при раскопках. Все они имеют овальное ушко и легкое сужение иглы выше ушка (рис. 4, 1—3). Иглы — круглые в сечении или ромбические. Ромбические иглы употреблялись преимущественно в сапожном производстве, на что указывают следы инструмента, оставленные на обуви; круг-

лые — в портняжном ремесле. Самая крупная игла известна в коллекции из Тушинского лагеря. Ее длина — около 26 см, диаметр — 6 мм. Иглу применяли для сшивания грубой ткани типа парусины, возможно, шедшей на изготовление шатров (рис. 4, 6).

Среди ножниц, найденных в Москве при раскопках, пока невозможно отделить экземпляры, употреблявшиеся в швейном деле, от тех, которые употреблялись в быту москвичей. Ножницы по большей части — шарнирные, и рукояти многих из них кончаются кольцами¹⁴, а не кольцеобразными петлями, как у древнерусских ножниц XI—XIII вв. Впрочем, последний способ изготовления рукоятей иногда встречается на крупных экземплярах ножниц, относящихся даже к началу XVII в. (Тушино). Есть они в Кремле и Зарядье¹⁵. Основная масса ножниц, найденных в Москве, датируется XVI—XVII вв., чаще всего они — небольшого размера, имеют клейма, сходные по рисунку с клеймами на ножах этого времени (рис. 4, 14, 15). Известно, однако, несколько экземпляров крупных ножниц с лезвиями, достигавшими длины 14 см, которые были специально предназначены для раскраивания тяжелой ткани и овчины (рис. 4, 13). Клейм на крупных ножницах пока не зафиксировано. На некоторых экземплярах ножниц, на ручках, видна художественная ковка.

Несомненной принадлежностью портняжного ремесла являлись и булавки, похожие на современные — с тонким заостренным стержнем и шаровидной головкой. Они неоднократно встречались при раскопках (рис. 4, 4, 5). Все они — медные, изготавливались литьем. Обнаружены и литейные формы для изготовления

булавок в Кремле, Зарядье и в других древнерусских городах, например в Новгороде¹⁶.

Длина булавок обычно не превышала 3 см.

При раскопках найдены и наперстки, которыми работали швеи и портные. Наперстки тоже делались из меди и были литыми. Режущий, долбящий и колющий инструменты регулярно точились. В культурном слое встречены не только многочисленные обломки точильных брусков, но и обломки точильных кругов из песчаника. Диаметр точильного круга XVII в. из Зарядья — 36 см, толщина его — 4 см (раскоп 5, 1957 г., инв. № 731). В Тушино тоже найден обломок точила, изготовленный из песчаника. Его диаметр — около 20 см, ширина круга — 7 см.

Со слесарным инструментарием сходен и инструмент московских оружейников. Особый интерес представляют сравнительно поздние инструменты оружейников, найденные в Тушино. К ним прежде всего относится коллекция комбинированных предметов, одновременно являющихся отвертками для ружейных замков и набором гаечных ключей для отвертывания колков замков, пицалей и пистолетов (рис. 4, 10—12). Эти предметы имеют вид вытянутых брусочков, в которых пробито несколько разновеликих прямоугольных отверстий. Один из концов инструмента — с отверстием для ношения, а другой уплощен, употреблялся как отвертка. Есть разновидность этого инструмента, изготовленная не на бруске, а на уплощенной пластине.

Мы уже отмечали, что в качестве инструментов оружейников использовались и некоторые разновидности «овальных» кресал с угловыми вырезами вдоль прорези этого инструмен-

та¹⁷, служившими для отвертывания колков, и с суженными концами, которые употреблялись как отвертки (рис. 4, 23). Такие кресала известны в коллекции Тушинского лагеря и из раскопок в Москве.

Из коллекции Тушинского лагеря происходит и несколько железных массивных черпаков, предназначенных, по-видимому, для плавки свинца (рис. 2, 5). Один из них имеет на стороне противоположной ручки отросток, предназначенный для постановки черпака на подставку при разогревании содержимого — предмет явно производственного назначения. Многие из них насаживались на деревянные рукоятки.

В Москве в слое XVII в. найдено несколько асимметричных кресал, которые употреблялись не только для высекания огня; заостренный конец их служил кочедыком (рис. 4, 22).

Несмотря на то что большинство москвичей в это время были одеты в кожаную обувь, плетение лаптей в городе было распространено достаточно широко, и в культурном слое этого времени встречаются их остатки. Впрочем, одновременно с ними попадают и кожаные лапти, которые тоже носили москвичи. Кресало-кочедык было очень распространено и в более позднее время. Известны десятки иного вида кресал, употреблявшихся также и в качестве кочедыков; коллекция таких кресал хранится в отделе металла ГИМ.

При раскопках в Зарядье найдены и кузнечные клещи, которыми крица или поковка укладывались или извлекались из горна. У них пружинные полукруглые губки и рукоятки длиной в 90 см. Они обнаружены в подклете дома XVII в.

В различных горизонтах культурного слоя Зарядья найдены при рас-

копках глиняные горшки XV—XVII вв. с прикипевшим к стенкам железным шлаком, а также куски железного шлака, имевшие форму нижней части горшка. Это — остатки процесса науглероживания железа — процесса цементации¹⁸. Цементировались лезвия ножей и другие виды режущего инструмента. Формы горшков, в которых производился этот процесс, не отличались своеобразием. Это были обыкновенные бытовые горшки, предназначенные обычно для приготовления пищи.

Весьма распространенным в Москве было и литейное дело. Характер его в Зарядье был различным в разные периоды жизни города. В XIV—XV вв. здесь существовали относительно крупные специализированные мастерские литейщиков, связанные преимущественно с ювелирным производством. В них готовились различные виды изделий одним или несколькими мастерами. Остатки этих мастерских, обнаруженные при раскопках, свидетельствуют о том, что обработка (плавка) чистного металла велась здесь в относительно большом объеме. Так, на территории одной из мастерских была найдена серия тиглей XV в., рассчитанная на плавку одновременно большого количества металла: большинство тиглей имело рабочий объем по 100—115 куб. см и могло вместить до 850 г расплавленной меди¹⁹.

Трудно говорить о наличии в Зарядье в более позднее время крупных мастерских по изготовлению различных литых изделий. По нашему мнению, здесь не было особой специальности литейщика, но существовали различные категории ремесленников, в производстве которых необходимым элементом была плавка металла: пуговичники, булаво-

ники, ювелиры и др. Из металла, преимущественно меди, отливались только небольшие изделия. По-видимому, в значительной степени сырьем для них был металлический лом. Литейные тигли, найденные в культурном слое Москвы, за исключением тех, которые происходят из литейной мастерской, все относительно небольшого размера, емкость каждого редко превышала 100—200 г металла. Они изготовлялись из относительно легкоплавких глин и при нагревании их в горне в присутствии паров металла шлакировались. Высота тигельков равнялась 3—5 см при максимальном диаметре от 2,5 до 4 см. Дно их всегда было закругленное. Ручек у таких тигельков обычно нет (рис. 2, 7—10). Лишь у одного из них от края тигелька отходит выступ, предназначенный для удержания его щипцами. У некоторых тигельков есть сливы (рис. 2, 10). Наиболее ранние обломки тиглей в Москве (в Зарядье) найдены в слое XII в. Тигли из раскопок в Зарядье отличаются толстостенностью — от 4 до 6—7 мм. В слое XVI в. наряду с такими тиглями использовались и тигельки такого же или несколько большего размера, но изготовленные из сильно запесчанной глины, более тонкостенные, на поверхности которых нет следов шлакирования (рис. 2, 8). Можно думать, что они отличаются либо большей тугоплавкостью глины, либо были предназначены для более легкоплавких материалов, чем металл.

В слое XVII в. на участке 10 была найдена большая серия крупных тиглей емкостью до 1—1,5 кг металла, которые имели вид высокого цилиндра с закругленным дном, они встретились в подклете кирпичной постройки.

При раскопках в Москве найдено более десятка литейных форм. Все они вырезаны из известняка. Литейные формы из известняка есть и в славянских курганах²⁰. При раскопках в городе найдены как односторонние формы, так и формы составные, собираемые из двух и трех частей. Наиболее ранняя литейная форма, найденная в Москве (в Зарядье), — форма для отливки перстня. Сохранилась только часть формы, на которой вырезан щиток перстня. На поверхности сохранившейся части формы виден рисунок щитка перстня, литок и углубления от соединительных шпильков. На участке 1 (1953 г.) в Зарядье была найдена половинка литейной формы, на одной стороне которой вырезаны углубления для отливки поясных блях (инв. № 713). На раскопе 5 (1957 г.) в слое XVII в. обнаружена литейная форма для отливки булавок. Более совершенный экземпляр литейной формы, тоже предназначенный для отливки медных булавок, найден на раскопе 1 (1949 г.) в Зарядье. В этой форме можно было одновременно отливать девять булавок. Как и предыдущая, она — двусоставная. Длину булавок, отливавшихся в форме, установить нельзя, потому что часть формы утрачена. На половинке литейной формы видны два гнезда от штырей, при помощи которых половинки литейной формы соединялись.

Литейная форма для изготовления пуговиц, тоже двусоставная, была найдена при раскопках в Московском Кремле в слое XIV—XV вв. Три такие же литейные формы были обнаружены в Зарядье²¹.

В культурном слое города найдено и еще несколько литейных форм, отливки из которых были менее определенными²². Среди найденных

в Зарядье интересна тоже двусоставная литейная форма, в которой изготавливались круглые бляшки, на лицевой поверхности ее имелись изображения зверя. На одной литейной форме были вырезаны два гнезда для изготовления таких бляшек. Этот предмет выявлен в Зарядье на раскопе 5 (1957 г., рис. 2, 6). С плавкой металла или с кузнечным производством следует связывать находки в культурном слое города и, в частности, в Зарядье нескольких небольших железных лопаток, которые, по-видимому, предназначались для промешивания угля (рис. 4, 16, 19). Впрочем, они могли употребляться и в ином назначении. Остатки обычных лопат в культурном слое города тоже встречались. От них обычно остаются только оковки из железа (рис. 2, 19).

В Зарядье около южного участка стены Китай-города был найден и камнетесный инструмент в виде топорика с клинком асимметричной формы, а на оборотной стороне — с вытянутым обухом. Он похож на современные инструменты, употребляющиеся для этих целей. Рукоятка у инструмента была короткой и прямой. Длина ее — около 30 см (рис. 2, 2). В коллекции из Тушинского лагеря есть два молотка камнетеса. Один имеет вид клевца (рис. 4, 8), у другого — заостренный широкий боек (рис. 4, 9).

В культурном слое города найдены и другие ремесленные инструменты, назначение которых пока выяснить не удалось (рис. 2, 1, 3, 4, 12—16; 4, 17, 18, 25). Находки инструментов ремесленников при археологических раскопках дают возможность судить о размещении ремесленников различных специальностей на территории города, корректируя обычно неполные сведения

письменных источников. Так, массовые находки инструментария по обработке кожи, сделанные в Зарядье, говорят о том, что именно этот район специализировался на изготовлении изделий из кожи, преимущественно обуви²³, и в XVI—XVII вв., что плохо отражено в письменных источниках и наглядно подтверждается материалами археологических раскопок.

преимущественно обуви²³, и в XVI—XVII вв., что плохо отражено в письменных источниках и наглядно подтверждается материалами археологических раскопок.

Примечания

- 1 См.: Б. А. Рыбаков. Металлические вещи, найденные на Метрострое. «По трассе I очереди Московского метрополитена». Л., 1936; Б. А. Колчин. Обработка железа в Московском государстве. МИА, № 12, 1949; Э. А. Рикман. Результаты археологических наблюдений в Зарядье. КСИИМК, вып. 57, 1955; М. Г. Рабинович. О древней Москве. М., 1964, стр. 85—127.
- 2 Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 26.
- 3 А. В. Арциховский. Находки в колодцах на Моховой. «По трассе I очереди Московского метрополитена», стр. 137.
- 4 Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 27.
- 5 А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 190, рис. 78.
- 6 В. А. Желиговский. Эволюция топора и находки на Метрострое. «По трассе I очереди Московского метрополитена», стр. 138—148. Выводы В. А. Желиговского, по нашему мнению, нуждаются в уточнениях, так как он не учел сточенности топоров.
- 7 А. В. Арциховский. Находки в колодцах на Моховой, стр. 133—138.
- 8 Р. Л. Розенфельдт. Московское керамическое производство XII—XVIII вв. САИ, 1969, стр. 58.
- 9 Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 33.
- 10 А. В. Арциховский. Царицынские курганы. МИА, № 7, 1947, стр. 80, рис. 1.
- 11 Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 47.
- 12 М. Г. Рабинович. О древней Москве. М., 1964, стр. 120, рис. 57, 2. Рисунок этот не совсем точен.
- 13 М. Г. Рабинович. Материалы по истории Великого посада Москвы. «Археологические памятники Москвы и Подмосковья». М., 1954, стр. 91.
- 14 Шарнирные ножницы с кольцевыми петлями появляются на Руси с XIV в. См.: Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 62, рис. 47, 6.
- 15 М. Г. Рабинович. О древней Москве, стр. 116, рис. 54.
- 16 Н. В. Рындина. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. МИА, № 117, 1963, стр. 217, рис. 10, 4.
- 17 Р. Л. Розенфельдт. Русский ружейный прибор начала XVII в. КСИИМК, вып. 72, 1958, стр. 93—95.
- 18 М. Г. Рабинович. О древней Москве, стр. 93, рис. 35.
- 19 Там же.
- 20 А. В. Арциховский. Митяевские литейные формы. «Техника обработки камня и металла». М., 1930, табл. IX.
- 21 М. Г. Рабинович. О древней Москве, стр. 88, рис. 33, 1, 2, 3; А. Ф. Дубинин. Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 г. КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 78, рис. 36, 1.
- 22 А. Ф. Дубинин, Д. А. Соболева. Археологические работы в Зарядье. Москва (1957—1961 гг.). КСИА, вып. 96, 1963, стр. 55, рис. 15, 7.
- 23 М. Г. Рабинович. О древней Москве, стр. 100—116.

А. В. Никитин

**К характеристике
материалов
раскопок в Дмитрове
(1933—1934 гг.)**

Строительство канала Москва-Волга позволило широко развернуть археологические наблюдения на его будущей трассе. В районе наблюдений был включен и древний Дмитров, где с 1932 г. велись разведки, установившие наличие древних археологических отложений.

В 1933—1934 гг. здесь были проведены под руководством Н. П. Милонова раскопки, итоги которых были освещены в его статье¹. Однако спорность многих высказанных автором положений и определений требовала проверки их путем изучения полевой отчетности и коллекций раскопок. Результаты этой работы и изложены в настоящей статье. Коллекции раскопок, хранившиеся в Истринском музее, погибли во время немецкой оккупации, и наша статья в какой-то мере восполнит характеристику утраченных материалов.

Так как Дмитровский кремль расположен на ровной, сильно заболоченной поверхности, то поэтому и возникла необходимость обнести его

особенно высоким валом. В плане вал кремля образует яйцевидный овал, обращенный широкой стороной на юг. Общая длина его — около 950 м. Высота вала колеблется от 16 до 22 м. Различие высот объясняется тем, что к северно-восточной части кремля подходили р. Яхрома и болота, которые сами по себе служили хорошей защитой. Поэтому и вал здесь был ниже. Особенно высок он в северной части, где более доступен при нападении. С наружной стороны вала, кремль окружен широким рвом от 12 до 30 м. Ров не образовывал замкнутой линии, а доходил только до заболоченной северной части. На вершине вала стояла деревянная стена с башнями, не исследованными археологически, остатки которых сохранились до нашего времени². Из-за небольшого объема археологических работ 1933—1934 гг. о внутренней планировке древнего кремля сказать ничего нельзя. Древнейшая постройка, сохранившаяся в сильно измененном виде, — Успенский собор XVI в.³, около кото-

рого и были расположены главные раскопы — I—III и V. Кроме того, были заложены две траншеи на валу и 40 шурфов (1×1 м) на территории кремля (рис. 1)⁴, но ввиду отсутствия удовлетворительной документации материалы этих разведочных раскопок не могли быть использованы для характеристики построек и планировки.

Точно так же крайне неблагоприятно обстоит дело с материалами по основному раскопу 1933 г. (раскоп V) около собора. Весь он был разбит на участки разной величины (1×1, 2×1, 4×1 м) — результат мелких прирезок и расширения площади; при этом обозначения их состоят из бессистемной комбинации арабских и римских цифр и букв, отдельные шифры повторены несколько раз⁵. Привязка вещей при этих условиях крайне затруднена, а порой и невозможна. В описи коллекции сам автор часто отказывается от своей номенклатуры и точных определений⁶.

Эти пробелы в фиксации могли бы

0,70 м, то ясно, что названный план относится к древнейшим слоям кремля. Профили раскопа V носят также схематичный характер. Если судить о стратиграфии Дмитровского кремля по чертежам 1933 г., может сложиться впечатление, что город с 800-летней историей имеет только два культурных слоя, разделенных песком. В чертежах профилей 1933 г. культурные слои представлены без прослоек, перекопов и включений, тогда как в прилегающих к ним стенкам раскопов 1934 г. отражена сложная стратиграфия Дмитровского кремля, столь характерная для всякого древнерусского города. Описания к профилям раскопок 1933 г. отсутствуют, что при схематичности графической фиксации создает непреодолимые трудности в пользовании ими. Указанные упущения не дают возможности привлечь полностью полевой материал раскопок 1933 г. Поэтому при характеристике результатов работ этого года можно использовать только вещи, частично план раскопа V и статью

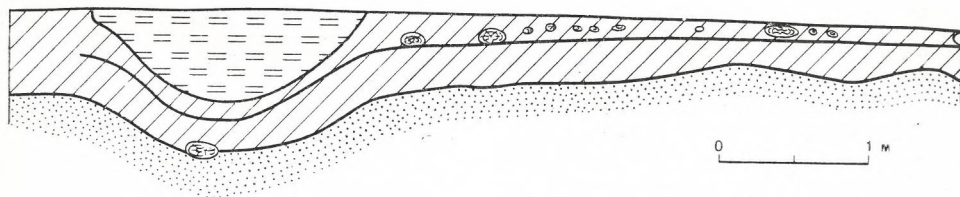

Рис. 1.

Профиль западной стенки траншеи жилища 3

быть компенсированы хорошей письменной и графической отчетностью, но и здесь положение весьма затруднительно. Письменного отчета о раскопках 1933 г. нет. Существует только схематичный план на глубине от 1,30 до 2,00 м. Если учесть, что культурный слой в Дмитровском кремле нигде не превышает 2 м, а слой XII—XVII вв. — не более

- — культурный слой;
- — дерево;
- — глина;
- — песок

Н. П. Милонова как своеобразный «полевой отчет».

Работы 1934 г. продолжались под руководством Н. П. Милонова. Профили и большинство планов сделаны А. Е. Алиховой, что чрезвычайно благоприятно отразилось на качестве графической отчетности. Три раскопа 1934 г. заложены вплотную к раскопу V⁷. Площадь была разбита на метровые четко шифрованные участки. Послойные планы велись, начиная с глубины 1 м, через каждые 20—25 см. В удовлетворительном состоянии находятся планы раскопов II и III, тогда как планы раскопа I носят фрагментарный характер; здесь планы снимались с глубины 0,25 до 1,10 м, но со случайной глубины 1,10 м, не дойдя до материка, прекратились. Фиксация находок шла по квадратам и глубинам. В пределах участка положение находок не фиксировалось в плане. Профили раскопов I—III отличаются тщательностью выполнения, правильность их проверяется датирующим материалом из прилежащих к профилю участков (см. ниже).

В дневнике 1934 г., который вел Н. П. Милонов, не отражены археологические наблюдения по ходу раскопок, поэтому он не может служить источником для детального суждения о раскопках 1934 г. Нам и здесь придется пользоваться названной статьей Н. П. Милонова. Таким образом, материалы раскопок 1934 г. находятся в лучшем состоянии, но и здесь можно использовать только профили и частично планы раскопов.

Наиболее эффектные сооружения («усадьба», «кузница», «жилище гончара-ремесленника») находятся в раскопе V 1933 г.

На рис. 2 изображен «план усадьбы XII в.»⁸. В центре сруб 4×4 м. Описание жилища 1 целиком совпа-

дает с изображенным на чертеже центральным срубом⁹. В словесной реконструкции и чертеже автора эта изба является «центром усадьбы», а между тем автор характеризует ее как «жилище гончара». После описания следует такая краткая фраза: «С одним большим по размеру жилищем в планировке связан двор»¹⁰, но характеристики этого «большого жилища», кроме описанной «избы гончара», нет.

У автора получилось расхождение между описанием и чертежом: одно жилище фигурирует и как дом гончара, и как центр богатого двора-усадьбы.

К дому, судя по описанию и чертежу, примыкает сарай с четырьмя ямами по углам. Если посмотреть на план и учесть описание дома и сарая-кузницы¹¹, то окажется, что сарай подходит вплотную к жилищу под углом в 45°, что делает планировку фантастичной. К сараю также примыкает загон для скота. Три ямы, по мнению автора, были предназначены для хлеба, а четвертая (южная) трактуется им как подтоп кузнечного горна. Из описания видно, что находящиеся вместе хлебные ямы, кузница и загон для скота хронологически совпадают. Но сочетание в одном сарае зернохранилища и кузницы, к которой к тому же примыкает еще скотный загон, вряд ли реально.

На фотографии «кузницы»¹² видно, что в «горне» находится не один жернов, как об этом говорит автор в статье, а два. Оба жернова при сравнении их в натуре оказались комплектом жерновов ручной мельницы, характерной для хозяйственного инвентаря древней Руси. Так что трактовать два жернова как «наковальню», как это делает автор, невозможно, к тому же под одним из

жерновов найдено 12 фрагментов керамики и 7 — в самом «горне»¹³. 15 кусков шлака и крицы¹⁴, выявленные при раскопках, находятся или в юго-западном углу сруба, или у его стенок, т. е. на расстоянии от «кузницы» около 5 м. Зубило, якобы найденное в кузнице, отсутствует вообще в описи. Все это заставляет отказаться от определения Н. П. Милоновым открытого им сооружения как «сарая-кузницы».

Автор, по-видимому, и сам после своей статьи 1937 г. отказался трактовать открытые ямы как сарай, поэтому три хлебные ямы не показаны внутри сарая. Материал четвертой ямы — «подтоп кузницы», продолжает, судя по той же реконструкции, толковаться по-прежнему. Правда, весь он перемещен территориально в раскоп III, заложенный годом позже. Попытаемся понять, как это произошло.

В раскопе III 1934 г. (наблюдение и чертежи вела А. Е. Алихова) были обнаружены гумуссированные полосы, сходящиеся под углом (полевой чертеж раскопа III на глубине 110—130 см). Очевидно, что это остатки какого-то сооружения, как объясняет автор. Его внутренняя часть описывается им так: «По-видимому, внутри здания помещался небольшой горн, основание которого стояло на четырех сложенных из камней столбах. По расположению каменных столбов можно предполагать, что горн занимал почти все пространство внутри сруба, т. е. площадь в 7—8 кв. м. Другие детали в устройстве горна нельзя было установить. Внутри сооружения на полу были обнаружены кучки золы, угля, груды шлаков, криц, медных обломков и железного лома. Здесь же найдена обоюдоострая, небольшая железная кирка-молот, возможно, применявшаяся при

размельчении кусков руды. Помещалась эта мастерская позади двора одной из вышеописанных усадеб¹⁵. Посмотрим, как это подтверждается на деле (рис. 2). В восточной части «горна» на пространстве 0,5 м лежит куча камней; остатков трех «каменных столбов» нет. На расстоянии около 1,0 м от восточной стены находится деревянный столб, обложенный тремя камнями (автор о существовании этого столба не упоминает). Остатков криц и шлаков, упоминаемых автором, нет в обстоятельной описи материалов 1934 г., но зато керамика в «горне» найдена в достаточном количестве (70 фрагментов)¹⁶. «Кирка-молот» также отсутствует в описи находок. Таким образом, никаких реальных оснований для описываемого автором «горна», да еще площадью в 7—8 кв. м, нет. А. Е. Алихова, ведшая наблюдения в раскопе III, не видела никаких оснований трактовать это сооружение как сыродутный горн. Данная автором позже реконструкция усадьбы XII в. включила также и горн¹⁷, но в нем был помещен и весь материал из южной ямы (так называемой кузницы): так в «горне», отстоящем от «кузницы» на 10 м, оказались и жернов, и косы-горбуши, хотя их положение на этот раз было зафиксировано самим автором в единственном полевом чертеже 1933 г. не в раскопе III, а в раскопе V. Следовательно, и «горн», как и «кузница», является плодом фантазии автора.

Остановимся на последней эффектной детали раскопок 1933 г. — торговой «лавке», также весьма смело описанной автором¹⁸, но отсутствие ее изображения в полевом чертеже 1933 г. и неясное отражение в изданном плане не дают возможности принять или отвергнуть мнение автора. Однако история с «кузницей» и

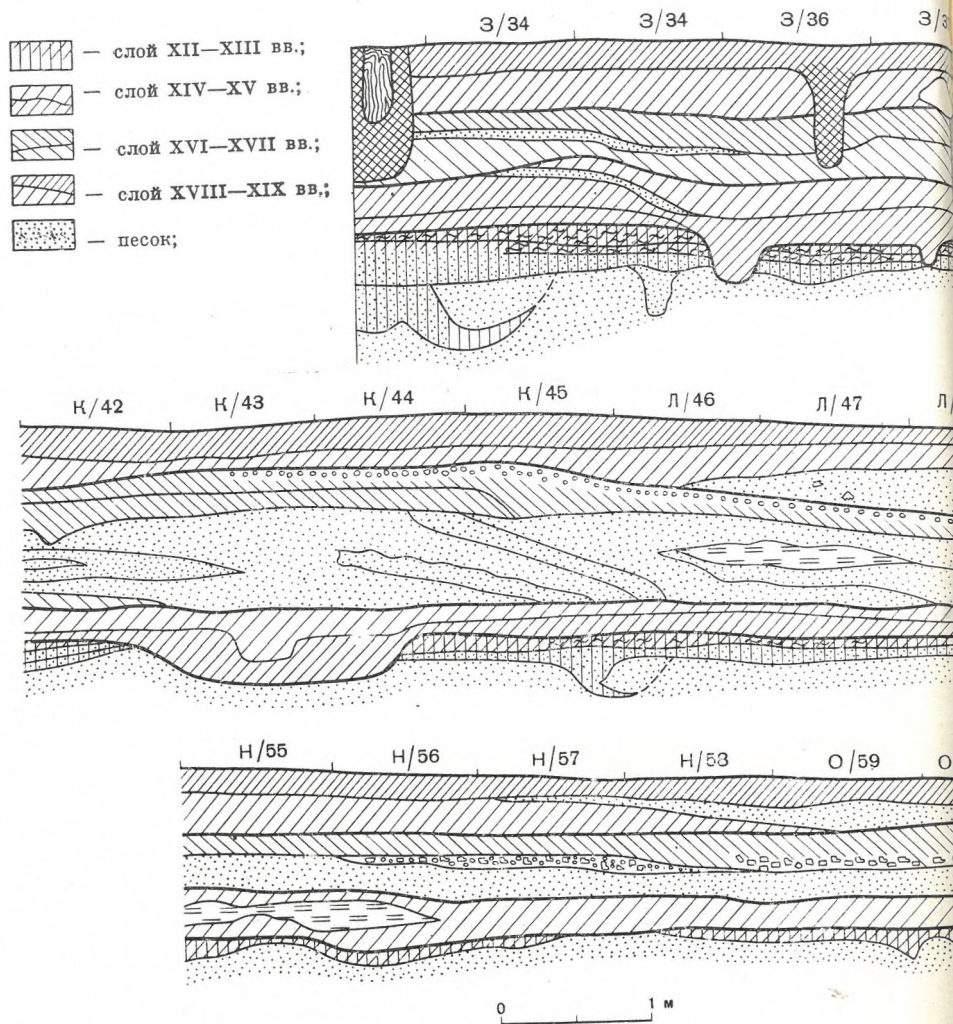
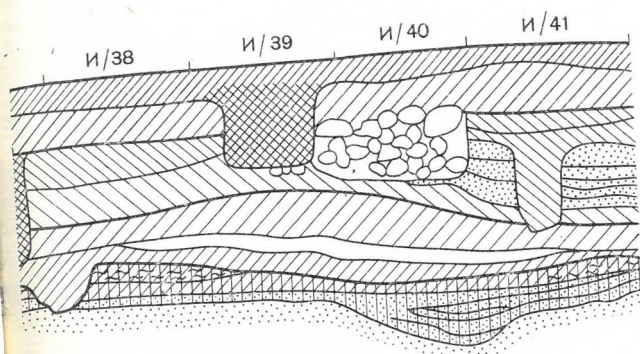

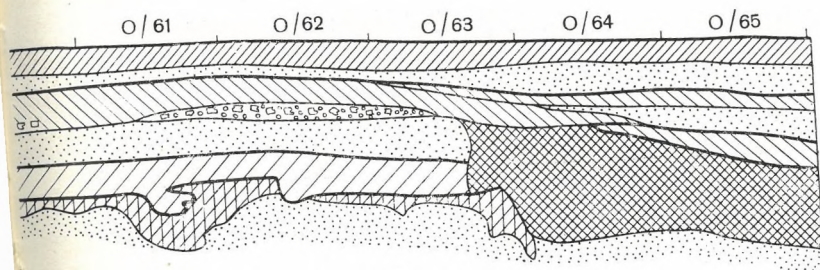
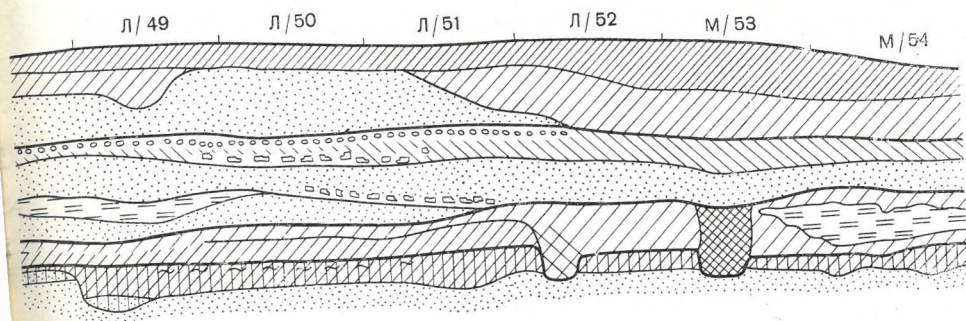
Рис. 2.

Профиль ЮЮЗ стенки раскопов I—III

- — известь;
- — глина;
- — перекоп;
- — сгнившее дерево и уголь

«горном» заставляет усомниться в реальности и этой детали.

В раскопе III (южная часть) было открыто еще одно жилище, довольно обстоятельно описанное автором и датированное им XII в.¹⁹ Графический материал на этот раз совпадает с описанием. Сруб 6 × 6 м с глинобитным полом, который полностью попал в профиль ЮЮЗ стенки раскопа I—III; в юго-восточном углу жилища находилась печь с глинобитным основанием. Остальные детали жилища в настоящее время трудно восстановить. «Помост», о котором говорит Н. П. Милонов, вызывает сомнение, так как от него остались только две плахи, лежавшие в центре жилища; такое положение полатей — помоста делало бы избу по меньшей мере неудобной для жилья. Сени, о которых упоминает автор, на полевых чертежах отсутствуют, поэтому судить о них нельзя. Однако не все чертежи по этому участку изданы; в частности, не опубликован профиль контрольной траншеи, проведенной через дно жилища. Если постройка возникла вместе с городом в XII в., то культурный слой под жилищем должен отсутствовать, а между тем профиль траншеи показал, что под полом жилища находится значительный культурный слой. Благодаря счастливой случайности в профиль ЮЮЗ стенок раскопов I—III попал разрез пола жилища, поэтому датировку, данную автором, можно проверить стратиграфией. В профиле заметно, что пол подстилает культурный слой до 25 см. Слой этот датируется XIV—XV вв. По словам автора, в жилище были найдены стеклянные браслеты. Судя по фотографии²⁰, очень плохо сохранившиеся остатки деревянных жилищ в процессе раскопок оставались лежать на подстилающем их слое, тогда как вокруг и внутри сооруже-

ний этот более ранний слой продолжал выбираться. Найденные браслеты, хотя и могли оказаться в пределах жилища, но относятся к более ранним подстилающим слоям. Всего, по данным описи, было найдено 36 обломков браслетов; 31 из них залегал ниже 1,20 м, 2 — на глубине 1,10 м и 3 — на глубине до 1 м. Между тем пол жилища лежит, по данным профиля, не ниже 1,20 м. Таким образом, даже при максимальной глубине залегания пола жилища большинство браслетов было найдено ниже уровня его пола. Следовательно, ни положение пола в профиле, ни тем более залегание браслетов не дают права датировать жилище 3 XII в., а заставляют отнести его к XIV—XV вв.

Теперь перейдем к описанию вещевого материала, остановившись предварительно на той методике, которую пришлось применить при датировке профилей и вещей, из-за недостаточной полной их фиксации в раскопках 1933—1934 гг.

Датировка слоев не была аргументирована автором раскопок, ограничившегося только описанием напластований и снова допустившего при этом грубые ошибки. Так, он указывает: «Общая мощность культурных слоев доходит до 2,3 м»²¹, между тем культурный слой нигде не превышает 2 м. Слой XI—XIII вв., по мнению Н. П. Милонова, достигает в среднем 130 см, что также не соответствует данным графической отчетности (рис. 2; 3). Это заставляет заново произвести описание и датировку слоев Дмитровского кремля.

Основанием для датировки будут служить: стеклянные браслеты, лощеная керамика, стратиграфия.

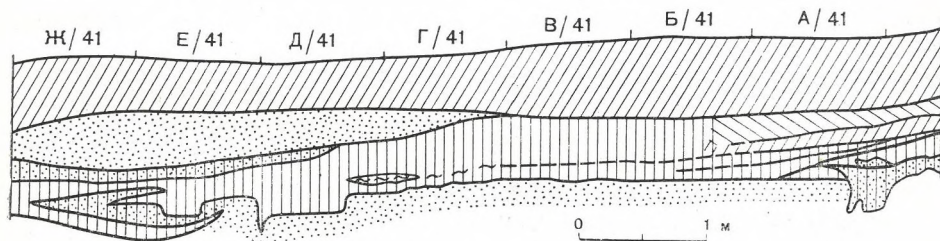
Вещи, найденные в участках, лежащих около борта раскопа, можно датировать по профилю. Как извест-

но, обломки стеклянных браслетов в Новгороде, Галиче, Старой Рязани и других древнерусских городах встречаются преимущественно в слоях домонгольского времени (XII—XIII вв.), поэтому их можно использовать для выделения этих слоев и в Дмитрове. Здесь, в раскопках 1934 г., их было выявлено 220 штук²². Такое количество браслетов позволяет воспользоваться ими при датировке и других находок. Участок, где найден определяемый предмет, мы берем в окружении восьми соседних квадратов. Поэтому если взять все браслеты, обнаруженные на этих девяти квадратах (вместе с центральным), то картина их залегания дает точки слоя XII—XIII вв. Примерную мощность слоя определяет глубина нахождения браслетов. После этого можно будет сопоставить залегание браслетов и определяемой вещи. Если окажется, что точка залегания предмета находится между браслетами, то его смело можно да-

мерности культурного слоя вряд ли возможно, хотя не исключено. Тогда в качестве вспомогательного материала мы привлекали частично сохранившиеся планы 1934 г., по которым иногда можно судить о перекопах и культурных слоях в интересующих нас участках. Этот прием датировки используется только для слоя XII—XIII вв., где имеются стеклянные браслеты.

Для определения находок XIV—XV вв. применяются таким же образом профили и планы, а браслеты служат только ориентирующим и исключающим признаком. Выше слоя залегания браслетов начинается поздний слой XIV—XV вв. Верхняя граница этого слоя может быть определена лишь залеганием появляющейся в начале XVI в. лощеной керамики. Таким образом, можно будет отнести вещи к XIV—XV вв. В случае если предмет хорошо датирован, он в свою очередь используется при установлении даты других вещей.

Р и с. 3.

Профиль ССЗ стенки раскопа III

	—	слой XVIII—XIX вв.;
	—	слой XVI—XVII вв.;
	—	слой XII—XIII вв.;
	—	песок;
	—	сгнившее дерево

тировать XII—XIII вв. Такой способ датировки применим, конечно, лишь в том случае, если нет перекопа. При наличии перекопа на одном из квадратов залегание браслетов, найденных на нем, будет резко отклоняться от нахождения на других участках. Аналогичная картина может быть при наличии резкого утолщения культурного слоя, что при равно-

Находки XVI—XVII вв. определяются тем же способом, что и XII—XIII вв., но здесь место браслетов занимает лощеная керамика.

Изданные вещи, аналогичные дмитровским, привлекались после того, как весь материал был продатирован вышеуказанным способом. Делалось это для того, чтобы проверить правильность выбранного приема датировки. В том случае, когда имеется расхождение между датировкой по стратиграфии кремля и данными в литературе, делается соответствующая оговорка. К счастью, расхождение оказалось только в одном случае.

Теперь обратимся к определению культурных напластований Дмитровского кремля.

Возьмем точно зафиксированные по глубине стеклянные браслеты, найденные в количестве 220 обломков в I—III раскопах. В прилегающих к профилю кв. (д, ж/41, а/35, б/33, а, д, е, з/35, к/44, л/48, 91, г/61, 63) их найдено 22: 19 залегают на 1,05—1,35 м и только 2 — на 0,75—0,95 м. При сличении этих данных с профилем оказалось, что 20 обломков из 22 точно падают в границы самого нижнего слоя, не попадая в выше лежащие слои.

Если взять квадраты, отстоящие на 1 м от бортов профилей по линиям а — з/41, г — о/64, д/55—65, и проследить залегание браслетов, получится картина, аналогичная предыдущей: из 18 браслетов 16 залегают на 1,20—1,40 м, т. е. опять-таки дают нижний слой, приблизительно совпадающий с прослойкой в профиле. Можно провести фиксацию залегания браслетов и на участках, более отдаленных от профилей, но там большая опасность встретить перекоп, не зафиксированный профилем.

Таким образом, браслеты ясно определяют границы слоя XII—XIII вв.

и одновременно убеждают в точности его графической фиксации; в случае ее неправильности мы не могли бы получить такого совпадения слоя с датировемыми вещами.

Слой XII—XIII вв. только на отдельных участках достигает 0,50 м (ЮЮЗ профиль раскопа III, кв. д—ж/33, рис. 2), в основном же мощность — 0,30 м. Небольшая толщина культурного слоя объясняется тем, что Дмитров возник только в 1154 г. Залегание слоя XII—XIII вв. идет равномерно по всем раскопам, изредка прерываясь перекопами. Слой расчленяется на прослойки, правда, не везде прослеживаемые. Его подстилает материковый песок с примесью гумуса, переходящий выше в ярко окрашенный культурный слой XII—XIII вв. Интересно, что слой этот имеет резко выраженную прослойку угля, перекрытую в верхней части остатками дерева. Возможно, что это след от пожара 1181 г., когда Святослав Черниговский, после неудачного похода на Суздаль на обратном пути «пожга город Дмитров, возвратися опять в Русь»²³.

Нижняя граница слоя XIV—XV вв. в основном определяется верхним горизонтом слоя XII—XIII вв. Слой XIV—XV вв. толщиной в 0,30 м залегал равномерно почти по всем раскопам, только изредка достигая 0,50 м. Он содержит остатки древесного тлена и немного угля, хотя четких участков угольных прослоек, как правило, выделить нельзя. Вместе с прослойками угля встречается глина; ее особенно много в ЮЮЗ стенке раскопа I на кв. м/53—54 и кв. н/55—36, что связано с остатками пола и печи жилища 3.

Слой XVI—XVII вв. определяется подстилающей его прослойкой песка, лежащим над ней слоем строительного мусора и залеганием лощеной

керамики. Песок хорошо виден на протяжении 22 м в ЮЮЗ обрезе раскопа, примыкающем к собору. Прослойка начинается на кв. 1/40, где находится фундамент собора, и постепенно утолщается до 0,70 м в районе кв. к/43—44, а далее идет равномерным пластом в 0,20—0,25 м до угла раскопа III. Конец ее невозможно проследить из-за большого перекопа в кв. м — п/65. Прослойка песка отсутствует в противоположных ЮЮЗ стенке обреза раскопа, что заставляет думать, что она связана с постройкой собора, точная дата которой неизвестна, но историки и искусствоведы единодушно определяют ее началом XVI вв.²⁴ Прослеживая характер прослойки и песка в ССЗ стенке раскопа III (по линии е — ж/41), дающей как бы ее поперечный разрез, видим, что она имеет линзообразную форму. Следовательно, песчаная прослойка шла вдоль стенки собора в виде гряды. Такая гряда могла получиться при выбросе материкового песка из котлована для фундамента собора и, следовательно, была насыпана в короткий срок, поэтому не должна содержать культурных остатков. Проверка этого факта по описи вещей подтвердила полную стерильность песчаного слоя. Слой строительного мусора залегающий над песчаной прослойкой, состоит из битого кирпича, извести и глины. В ССВ профиле раскопа I, где прослойка песка отсутствует, строительный мусор лежит непосредственно над слоем XIV—XV вв., а в остальных случаях — непосредственно над песчаной прослойкой.

Над строительным мусором находится более поздний культурный слой. Известно, что черная лощеная керамика появилась в Московской Руси в первой половине XVI в. и была распространена в XVII в., поэто-

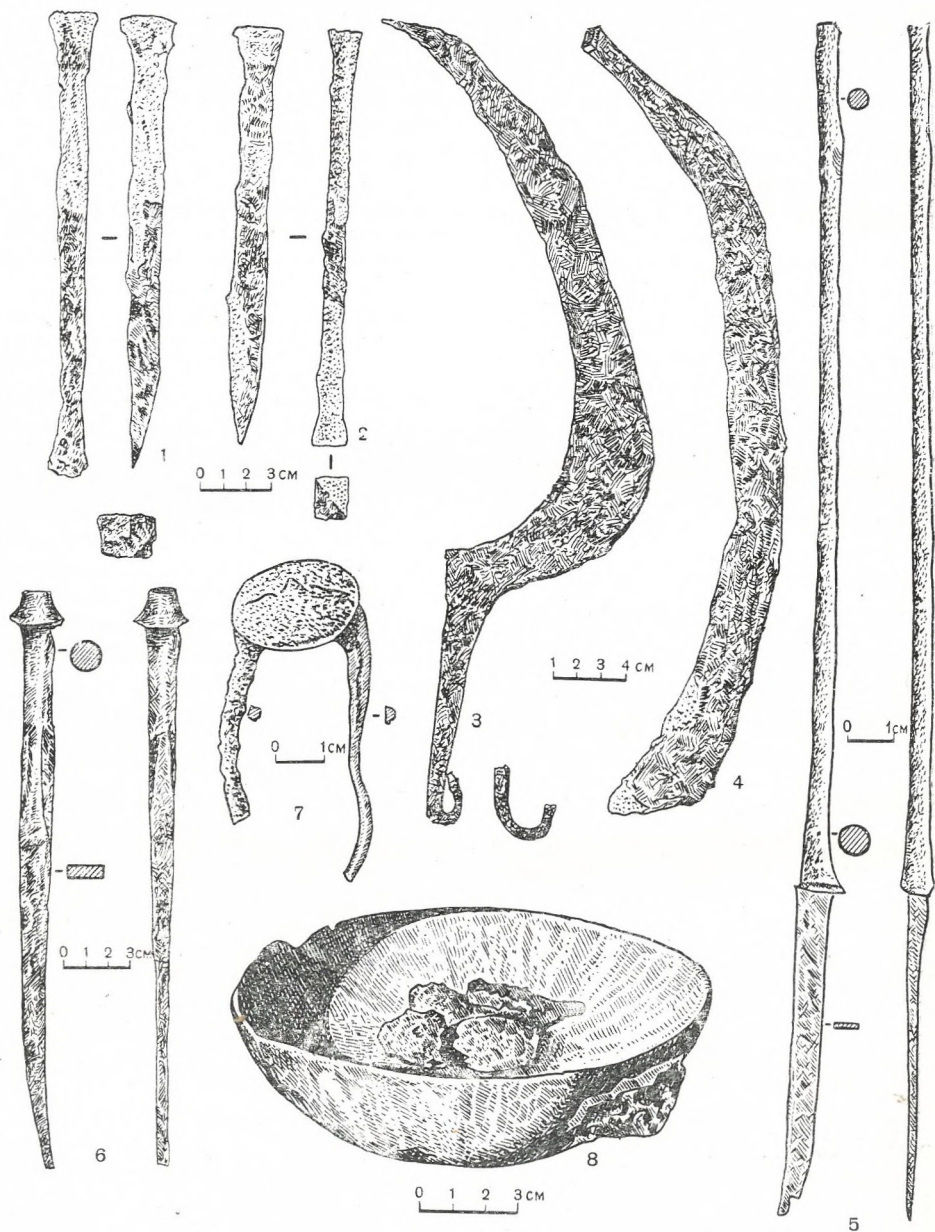
му ею можно воспользоваться для датировки слоев XVI—XVII вв. На участках, прилегавших к краям раскопа, эта керамика залегает следующим образом.

Распределение чернолощеной керамики по краям исследованной площади раскопа

Профиль и участок	Культурный слой над песком и строительным мусором (в вертикальных отметках)	Уровень залегания лощеной керамики
г/59	0,55—0,75	До 0,60
г/60	0,60—0,80	До 0,60
г/63	0,45—0,69	0,30—0,60
к/42	0,35—0,58	До 0,40
к/46	0,45—0,60	0,30—0,60
ж/41	До 0,54	До 0,50

Из сопоставления этих данных с профилями видно, что вся лощеная керамика лежит в слое над строительным мусором и песчаной прослойкой — ни одного фрагмента в нижележащие слои не попало, так что основание слоя можно твердо датировать XVI в., а песчаная прослойка появилась не позже XVI в. Определить дату верхних слоев по находкам невозможно, так как материал собирался, начиная с глубины 30 см. Перейдем к характеристике некоторых вещей из раскопок Дмитровского кремля.

Вещи XII—XIII вв. Долото так называемого простого типа (рис. 4, I), прямоугольной формы (10×14×197 мм)²⁵. Один конец долота проковки превращен в режущую грань с углом заострения в 30°, как и у современных долот. Режущее лезвие — дугообразной формы, оно шире, чем тело долота, что уменьшает трение и облегчает выход стружки. Долото

лишено втулки для укрепления деревянной ручки, свойственной для этого инструмента, его форма напоминает зубило. Рабочий угол зубила имеет 90° и находится на предварительно заостренной части. Угол заострения зубила симметричен, и у него отсутствуют скосы боковых граней, часто встречаемые у долот. У описываемого инструмента имеются все признаки долота: острый асимметричный рабочий край, боковые скосы, дугообразное лезвие. Долото найдено на кв. з/43, на глубине 1,30—1,35 м вместе с четырьмя браслетами, залегающими на глубине 1,32—1,35 м.

На соседних участках, прилегающих к кв. а/43, обнаружено три браслета на глубине 1,20—1,30 м. Залегание браслетов при отсутствии перекопов определяет семь точек слоя XII—XIII вв., между которыми находится долото. Следовательно, его можно твердо датировать также XII—XIII вв. Аналогичные долота, судя по описанию, встречены в Райковецком городище XIII в.²⁶

Другое долото (рис. 4, 2) по своей конструкции идентично предыдущему, отличаясь от него меньшими размерами ($8 \times 15 \times 180$ мм). Найдено на кв. в/41, примыкающем к

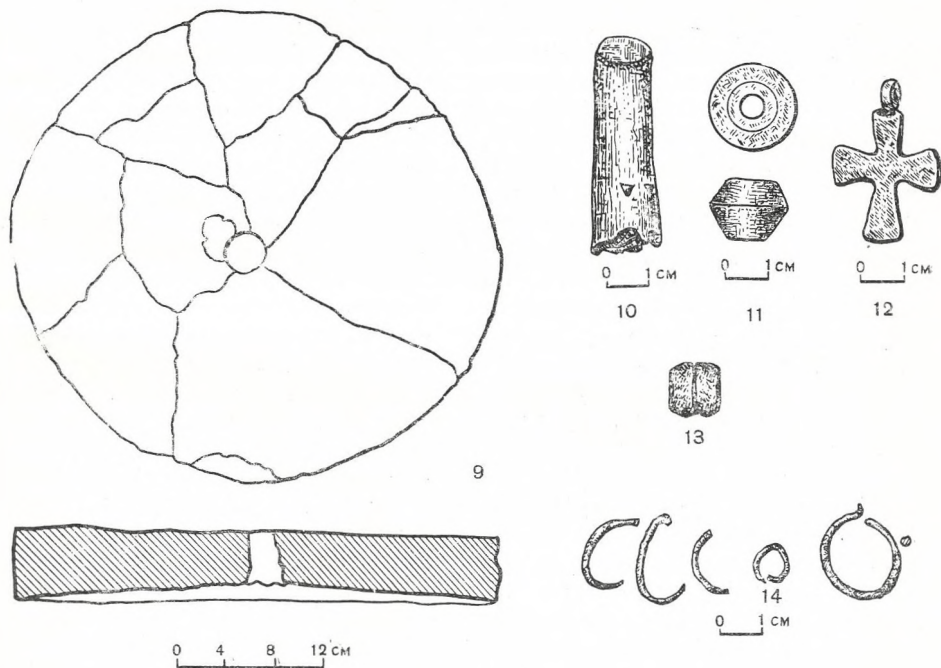

Рис. 4.

Вещи XII—XIII вв. из раскопок в Дмитрове

1, 2 — долота; 3 — серп; 4 — коса-горбуша; 5 — резец; 6 — костыль; 7 — щип; 8 — бронзовая чаша; 9 — жернов; 10 — костяной предмет; 11 — пряслице; 12 — крест бронзовый; 13 — бу-
сына; 14 — височные кольца

ССЗ профилю раскопа III, поэтому профиль можно взять за основу датировки. Долото обнаружено на глубине 1,05—1,20 м, чему в профиле соответствует слой XII—XIII вв. Датировка, еще раз проведенная по профилю, дала ту же дату, что и по браслетам, а это еще раз подтверждает правильность датировки долот XII—XIII вв.

Резец (рис. 4, 2). Длина — 270 мм. Черенок длиной 193 мм слегка конический книзу. Клинок прямоугольный (6 × 1,5), длиной 77 мм, сужающийся к концу, образует угол в 15°. Скрепление черенка и лезвия необычно для ножа. Оси их сдвинуты по отношению друг к другу так, что клинок выступает вперед на 2 мм. Черенок в месте соприкосновения с лезвием утолщается, что дает ему хорошую опору о ручку при осевом давлении. Прямоугольная форма лезвия, не дающая острой боковой грани, мешала пользоваться им как режущим орудием. Рабочей частью служил нижний конец, хорошо приспособленный для работы в качестве резца, о чем свидетельствует крепление черенка с резцом, рассчитанное на осевое давление. Аналогичный резец с длинной рукоятью, на которой сохранилась костяная обкладка, обнаружен в Гнездовском могильнике X в. ²⁷ В. И. Сизов считал этот нож орудием ритуального или ремесленного назначения.

Резец найден на кв. з/48, на глубине 1,35 м, на расстоянии 2 м от профиля; отсутствие стеклянных браслетов на близлежащих участках заставляет опираться на менее достоверные данные. Культурный слой в Дмитровском городище в среднем — 1,30 м. В кв. 1/98 ЮЮЗ профили I—III раскопов мощность слоя достигает 1,50 м, так что можно предполагать, что в участке, отстоя-

щем на 2 м от профиля, будет приблизительно та же глубина залегания культурного слоя. Сохранившиеся планы не дают перекопов. Таким образом, резец, найденный на глубине 1,35 м, т. е. в самом нижнем слое, может быть датирован XII—XIII вв.

Серп «московского типа», по классификации А. В. Арциховского ²⁸ (рис. 4, 4). Рабочая часть серпа сильно коррозирована, поэтому нельзя установить существование зубчатой насечки. Форма лезвия в сечении по линии А—В имеет треугольник с основанием в 2,5 мм, высотой 400 мм, так что ручка серпа прямоугольного сечения образует с лезвием угол в 135°. К концу стержень ручки суживается и образует на конце петлю, которая закрепляла деревянную ручку серпа. Аналогичный способ крепления, судя по кухонным ножам с согнутым концом, был широко распространен на Руси. Описанный вид серпов встречается в русских курганах X—XI вв., ²⁹ и в курганах вятичей XIII в., доживая вплоть до XVII в. ³⁰ Такая устойчивость формы, по-видимому, объясняется хорошей приспособленностью данного типа серпа к полевым работам.

Серп найден на кв. к/47, на глубине 1,35 м. Основой для датировки служат: профиль ЮЮЗ стенки I—III раскопов, от которого кв. к/47 находится на расстоянии 1 м, и находки браслетов на уч. к/47 и его окружающих. В профиле ЮЮЗ стенки в кв. л/47, на глубине 1,35—1,50 м лежит слой XII—XIII вв. Семь браслетов находятся на кв. л/47—48 и к/46—47, на глубине 1,30—1,47 м, так что серп стратиграфией и браслетами датируется XII—XIII вв.

Железный костыль длиной 257 мм (рис. 4, 3) с острием прямоугольного сечения (9 × 3 мм). Острие немного загнуто. Верхняя часть костыля ци-

линдрическая. При переходе прямоугольной части в круглую видны следы обработки ковкой (костыль слабо покрыт коррозией). Головка костыля имеет форму усеченного конуса высотой 10 мм с дугообразной боковой поверхностью. Возможно, употреблялся для крепления толстых плах и бревен. Обнаружен на кв. з/39, на глубине 1,05—1,20 м. Участок от ближайшего профиля находится на расстоянии 2 м, так что использовать профиль для датировки затруднительно. На кв. з/39 и соседних с ним 2/38 и ж/39 найдено семь стеклянных браслетов на глубине 0,95—1,35 м. Только один браслет лежит на глубине 0,95—1,20 м, остальные шесть — на глубине 1,20—1,30 м. Так как костыль попадает в верхний слой с браслетами, то его можно датировать не ранее XIII в.

Коса-горбуша (рис. 4, 6) сильно корродирована. Конец ее обломан. Сохранившаяся длина режущего лезвия — около 400 мм, ширина — 35 мм. Постепенно уменьшаясь, рабочая часть его переходит в железный стержень для ручки (толщина — 6 мм, длина — около 80 мм). На конце стержня находится перпендикулярный шип высотой 16 мм; он служит для насаживания на рукоять. Длина рукояти, лежащей в одной плоскости с режущей гранью, заставляет отнести косу к типу горбуш. Аналогичные косы-горбуши встречены на Каме³¹, в русских курганах XI в.³², в Костромских курганах³³, в слое XII—XIII вв. при раскопках Владимирского детинца³⁴.

Дмитровская коса-горбуша найдена вместе с жерновами и другой косой, худшей сохранности в раскопе 1933 г., поэтому проверить датировку стратиграфией или залеганием вещей невозможно. Архаичность кос-горбуш, обнаруженных в курганах, и

глубина залегания их (1,30 м) свидетельствуют о их древнем происхождении и о датировке их XIII в.

Жернов верхний³⁵ (рис. 4, 7) сделан из белого камня или известняка. Разбит на куски. Диаметр — 43 см, высота — 6 см. Рабочая поверхность жернова наклонена под углом в 5° к центру, где находится коническое отверстие для засыпки зерна. Он аналогичен жерновам, найденным Б. А. Рыбаковым при раскопках Вщижа в 1940 г.³⁶ На боковой поверхности он имел лубяное крепление, к которому присоединялся деревянный стержень для вращения ручками. Жернов лежит вместе с описанными выше косами-горбушами, так что аргументация датировки та же. Жернов, обнаруженный Б. А. Рыбаковым, также определяет-ся XIII в.

Шип (рис. 4, 8) сильно покрыт коррозией и песком, так что выявить точно форму невозможно. Головка шипа круглая, диаметром около 25 мм. В центре головки находится железный стержень. К головке прикреплены сужающиеся книзу усы, в сечении полуовальной формы, плоской частью обращенные внутрь. Аналогичные шипы найдены в Гнездовском могильнике. В. И. Сизов высказал предположение, что это не шпоры, как склонны были думать раньше, а приспособления для перехода по льду или же древолазные путы³⁷. А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков также считают, что эти шипы предназначались для хождения по льду. Шип выявлен на уч. д/36, на глубине 1,20—1,30 м. Квадрат отстоит от профиля на 3 м, так что воспользоваться им для датировки нельзя. Послойные планы в этих участках не дают перекопов. На прилежащих к кв. д/36 квадратах найдено десять браслетов

на глубине 1,20—1,35 м. На площади самого уч. д/36 найдено три браслета на глубине 1,20—1,35 м, поэтому шип датируется 13 браслетами XII—XIII вв.

Пряслице (рис. 4, 9) изготовлено из хорошо обожженной высококачественной глины. Диаметр — 19 мм, высота — 12 мм. Найдено оно на глубине 1,45 м, в районе жилища 3, приблизительно на 1,4 см ниже его пола. Лежало пряслице на максимальной глубине культурного слоя, что может служить до известной степени аргументацией его древности. 38 браслетов, найденных в районе жилища 3, лежали на глубине 1,10—1,50 м, таким образом и браслеты позволяют датировать пряслице XII—XIII вв.

Бронзовая чаша (рис. 4, 10) — диаметром 145 мм, сегментовидная в сечении, высотой около 45 мм. Бронза сильно патинирована. Массивность стенок (около 3—4 мм) свидетельствует о том, что чаша литая, а не чеканная. По форме она близка к чашам от весов, но бортовых отверстий не имеет. При раскопках были обнаружены фрагменты другой подобной же чаши, но, к сожалению, местоположение обломков не зафиксировано, и говорить о комплексе весовых чаш, как это делал автор раскопок, невозможно. В чаше находились четыре кусочка сильно разрушенных предметов, один из которых — медный, превратившийся в окись, три другие — органического происхождения. Чаша найдена на кв. з/48, на глубине 1,45 м вместе с ножом-резцом, описанным выше. Дата — XII—XIII вв.

Крест (рис. 4, 11). Крест-тельник — четырехконечный, изготовлен из листовой меди, толщина его — около 0,3 мм. Концы креста слегка расширяются к краю. На мач-

те припаяно закругленное ушко. Изображений на кресте нет. Он представляет собой упрощенное подражание «корсунским» крестам³⁸. Аналогичные кресты появляются только в XIII в. В собрании Ханенко есть железный крест «корсунского» типа XII в., но более простой, чем дмитровский³⁹.

Крест найден в районе жилища 3, на глубине 1,20 м. Залегал он на границе между слоем XII—XIII вв. и XIV—XV вв., поэтому его можно датировать XIII—XIV вв.

Бусина (рис. 4, 12) битропедиоидной формы (по классификации Ю. Л. Шаповой)⁴⁰, из сине-лилового непрозрачного стекла. В центре бусины идет небольшое кольцевое углубление, разрезающее как бы на две части все ее тело.

Найдена она на кв. к/46, на глубине 1,35 м. Использовать профиль для определения даты нельзя, возможно датировать ее только по залеганию браслетов. На кв. к/46 и соседних с ним и/45, л/47 обнаружено восемь браслетов, при этом семь (кв. к/47) — на глубине 1,00—1,47 м. Такая неточность фиксации заставляет пренебречь им при датировке. Так что семь браслетов датируют бусину XII в.⁴¹

Конусовидный предмет из трубчатой кости (рис. 4, 13), один конец его обломан, сохранившийся имеет заточенные края. На расстоянии 26 мм от верха имеются четыре треугольных отверстия. Внутренняя часть хорошо высверлена, так что стенки ровной толщины 2 мм. Поверхность специально не обрабатывалась, хотя немного отполирована. А. А. Спицын считает, что аналогичные предметы являлись украшениями кос, и относит их к XIII—XIV вв.⁴² Предмет выявлен на кв. ж/39, на глубине 1,35 м. От профиля

участок находится на расстоянии 2 м. Для датировки можно воспользоваться имеющимися планами, которые не дают перекопов в пределах кв. ж/39 и окружающих его участков, а также обломками стеклянных браслетов. Всего здесь найдено пять браслетов и один на кв. ж/39, на глубине 0,95—1,35 м, при этом пять — на глубине 1,20—1,35 м на основании которых костяную поделку можно датировать XII—XIII вв.

Височные кольца (рис. 4, 14). Фрагменты перстевидных височных колец от 7 до 17 мм диаметром, изготовленные из медной проволоки сечением 0,8—1,0 мм. Одно из колец загнутое, коническое. Такого рода кольца встречаются от XI до XIV в. почти во всех курганах севера и юга, центральных областей Руси, имеются они и в курганах Дмитровского района, хотя инвентарь отличается скудностью и однообразием, что связано, по-видимому, с общей в раннее время отсталостью Дмитровского края, ввиду невыгодного географического положения района (несмотря на то, что сам Дмитров находился в лучших условиях и что отражалось с лучшей стороны на его культуре).

Одно из колец (а) найдено на кв. в/39 на глубине 1,35 м. Перекопы здесь отсутствуют, о чем свидетельствует и залегание пяти браслетов на глубине 1,30—1,35 м (кв. 15/39, в/38—40). Так что височное кольцо определяется XII—XIII вв.

Браслеты стеклянные. Всего найдено 253 обломков, из них 200 локализируются. Большинство — ложно-витые, с полукруглыми и заостренными гранями, часть — гладких. Расцветка и техника изготовления совершенно аналогичны многочисленным находкам в древнерусских городах⁴³. Расцветка браслетов

разнообразна: лимонно-желтая, бирюзовая, черная, сине-зеленая. Чистые по краскам бирюзовые браслеты отличаются, к тому же, исключительной прозрачностью. Часть ложновитых браслетов украшена «ниткой» стекла другого цвета, обычно белого.

Что касается ряда важнейших вещей, как-то рало, остроги, топоры, каменная ступа и «кирка-молот», упоминаемых в статье Н. П. Милонова, то они и в описи, и в коллекции отсутствовали.

Вещи XIV—XV вв. Фрагменты браслета. Браслет бронзовый, пластинчатый, шириной 26 мм, толщиной 2—3 мм, незначительно покрыт патиной. Орнаментирован ложносканными концентрическими кругами, соединенными между собой таким же пояском, идущим по центру стенки браслета. Края браслета украшены аналогичным также ложносканным пояском. Между кругами идут сквозные отверстия неправильной формы и гроздевидные полусферические украшения. Браслет литой. Полусферические украшения имитируют чеканку. Сквозные отверстия неправильной формы, без последующей обработки выдают примитивность техники изготовления. Вероятно, литой браслет был изготовлен неопытным мастером с подлинника, украшенного сканью и чеканкой, путем оттиска формы в пластичном материале. При таком объяснении понятен разрыв между сравнительно изящной орнаментацией и грубой техникой отливки. Скань подлинника все же далека по тонкости от изделий домонгольского периода и представляет собой образец явного упадка этой техники. Пластинчатый браслет с ажурными вставками и отделкой крупной сканью, несколько напоминающей

дмитровскую, встречен в рязанском кладе 1822 г. (датируется XI—XII вв.)⁴⁴.

Браслет найден в кв. и/44, на глубине 1,75 м. От ЮЮЗ стенки профиля находятся на расстоянии 1 м. В профиле четко прослеживается перекоп (кв. 42—43/к), идущий из нижней части слоя XIV—XV вв. Перекоп проходит и по матерiku, достигая до 1,70 м. Браслет лежал в этом перекопе. Следовательно, и браслет можно датировать не позже XIV в., а по технике скани — не ранее XIII в.

Перстень (рис. 5, 2) из низкопробного серебра или его сплава. Диаметр — 17 мм, высота — 4 мм. Орнаментация в виде трех полукруглых поясов. Средний несколько выступает над другими и орнаментирован до половины насечкой. Хорошо выраженные параллельные линии боковой поверхности и точность сечения заставляют предполагать, что первоначально перстень был изготовлен в плоской форме с рельефом, а затем согнут на цилиндре и спаян. Найденный в Стрижевке близ Родомысла перстень аналогичной формы⁴⁵, но разошедшийся по шву, подтверждает предположение об этом техническом приеме; концы этого перстня имеют совершенно прямые линии, что не дает возможности считать их подражанием пластинчатым перстням с разомкнутыми концами, которым всегда дана форма, удобная для ношения. Кроме того, все аналогичные ленточные перстни имеют наглухо скрепленные концы и только стрижевский составляет исключение. Перстень найден на глубине около 0,95 м, в жилище 3, на полу, поверхность которого в ЮЮЗ стенке раскопа I—III находится на глубине 0,90—1,00 м, так что его можно датировать одновре-

менно с жилищем 3, т. е. XV в. А. А. Спицын эти перстни относит к XIV—XV вв.⁴⁶

Копоушка (рис. 5, 3) сделана из железа, представляет собой стержень круглого сечения (диаметр — 3,5 мм, длина — 67 мм) с более узкими концами, на которых имеется круглая и четырехугольная лопаточка с заостренными концами. Круглая лопаточка предназначалась, вероятно, для удаления серы из ушей, а четырехугольная — для чистки ногтей.

Найдена она на кв. г/59, на глубине 0,80 м. Участок прилегает к ССЗ профилю, где на глубине 0,70—1,05 м залегает слой XIV—XV вв., датирующий копоушку.

Пряслица (рис. 5, 4) биконические, изготовлены из розового шифера. Оба они найдены на глубине 1,25 м, на кв. к/50, отстоящем от ЮЮЗ стенки профиля на 1 м. Ни в плане, ни в профиле нет перекопов, везде на глубине 1,20—1,40 м прослеживается довольно ровно слой XIV—XV вв., поэтому пряслица, находящиеся на глубине 1,25 м, даже при изменении профиля на расстоянии 1 м не могут попасть в слой XII—XIII вв., так как залегают в верхней части слоя XIV—XV вв. Датировать можно их не ранее XIV в. Пряслица розового шифера, как известно, определяются XI—XII вв., но возможно, что в единичных случаях они доживали и до XIV—XV вв. Впрочем, не исключено, что в местах находок был скрытый перекоп.

«Пинцет» (рис. 5, 5) изготовлен из проволоки в сечении около 2,5 мм. Концы «пинцета» расплющены, образуют полуovalы, обращенные плоскими сторонами внутрь. На другом конце, в месте соприкосновения двух проволок, надето колечко, свободно

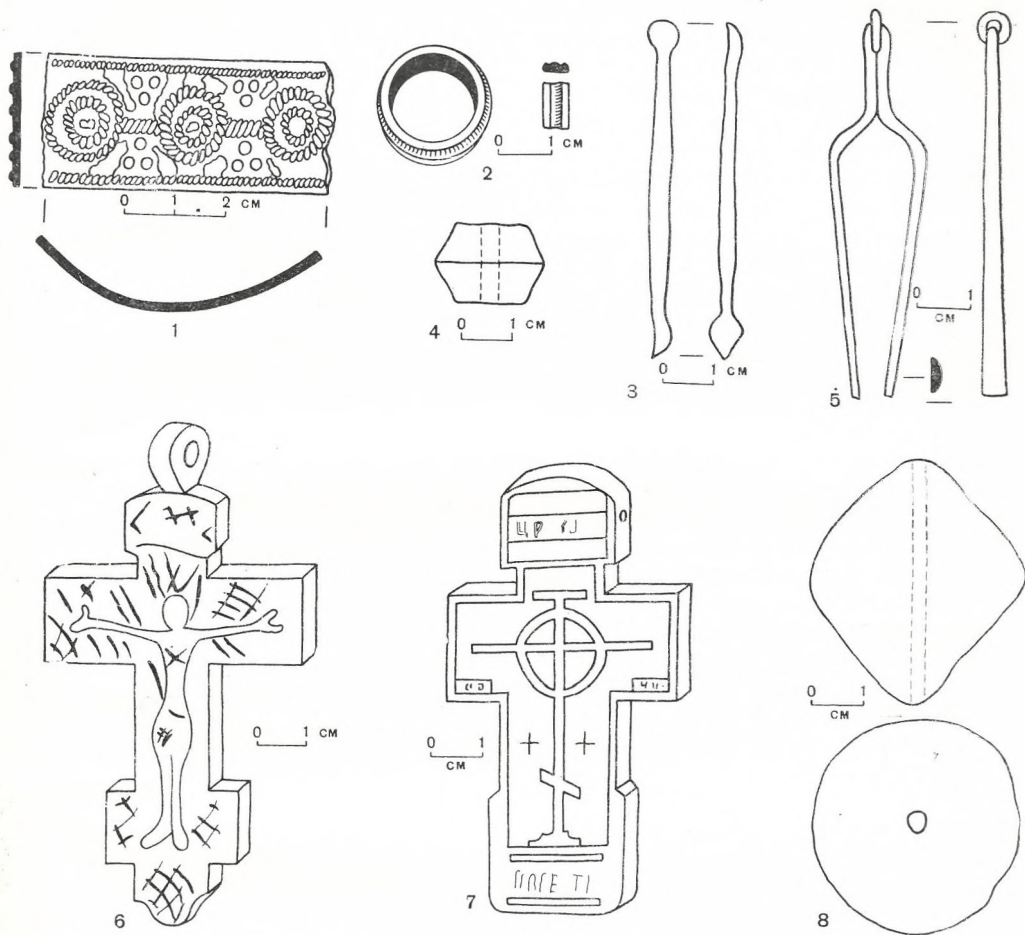

Рис. 5.

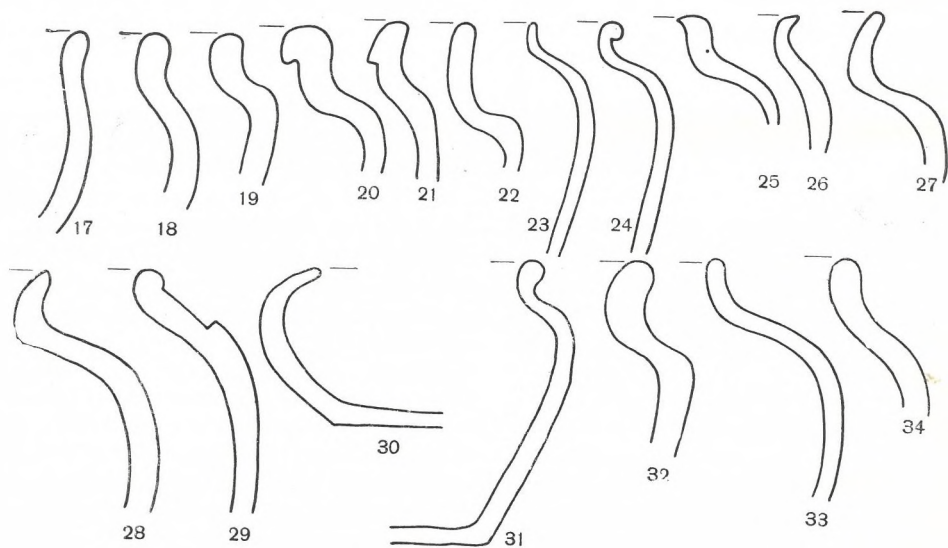
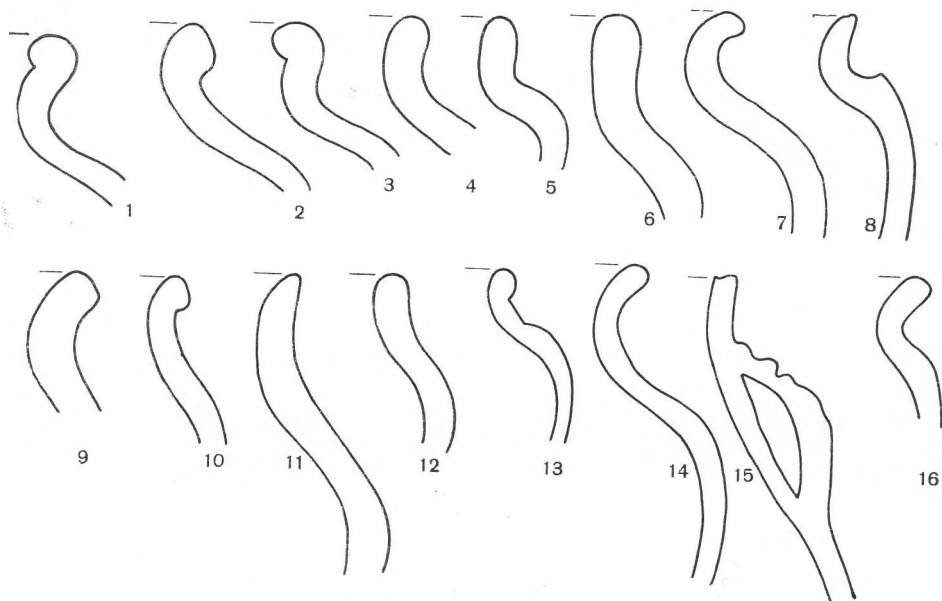
Вещи XIV—XVII вв. из раскопок в Дмитрове

1 — браслет; 2 — перстень; 3 — копоушка; 4 — прислище; 5 — пинцет; 6 — крест медный; 7 — крест костяной; 8 — грузило

вращающееся, вероятно предназначенное для привешивания к поясу. Мог употребляться для выщипывания волос. Найден на помосте жилища XIV—XV вв. Датируется поэтому не позже XV в.

Вещи XVI—XVII вв. Крест (рис. 5, 6) медный, восьмиконечный тельник

(длина — 104 мм, толщина — 3 мм), литой, с рельефным изображением Христа. Надписи нет. Литье грубое, а изображение Христа упрощено до схемы. После отливки крест обработан штрихами, нанесенными резцом. Кресты этой формы довольно широко распространены с XIV вплоть до

XVII в.⁴⁷ Крест найден на кв. к/63, на глубине около 0,59 м. Участок расположен на расстоянии 2 м от ССЗ стенки I раскопа. Относительно ровное расположение слоев и отсутствие перекопов в кв. к/63 дает возможность привлечь для датировки профиль; на глубине от 0,35 до 0,60 м кв. к/63 находится слой строительного мусора XVI в. или верхняя часть слоя XIV—XV вв., поэтому его можно датировать не ранее XV в. и не позже XVI в.

Крест костяной (рис. 5, 7). Крест костяной, четырехконечный (длина — 86 мм, толщина — 5 мм). В верхней части его просверлено отверстие для шнура, диаметр которого равен 2 мм. Большее перекрестье с обратной стороны также закруглено, по контуру проходит обрамление. Внутри изображен семиконечный крест с цатой в форме круга. На большом перекрестии сохранились

прямоугольные площадки со следами надписей. В верхней части имеется еще надпись, первые буквы которой хорошо читаются: «ц р...» — начало обычной фразы «царь славы Иисус Христос». Крест сделан с большой тщательностью. Углубленные части его хорошо отполированы. Детали изображений лежат на различной глубине. Внутренняя поверхность креста ниже, чем обрамление по краям, еще ниже идут изображения с надписями, этим достигается большая пластичность изображений. Крест найден на кв. к/63 на глубине 55 см вместе с медным крестом. Датировается также он не ранее XV в. и не позже XVI в.

Грузило (рис. 5, 8) глиняное, биконическое, овальной формы (диаметр — около 40 мм, высота — 48 мм). Сквозное отверстие — около 4 мм. Обнаружено на кв. 3/35 на глубине 0,75 м, поэтому можно опреде-

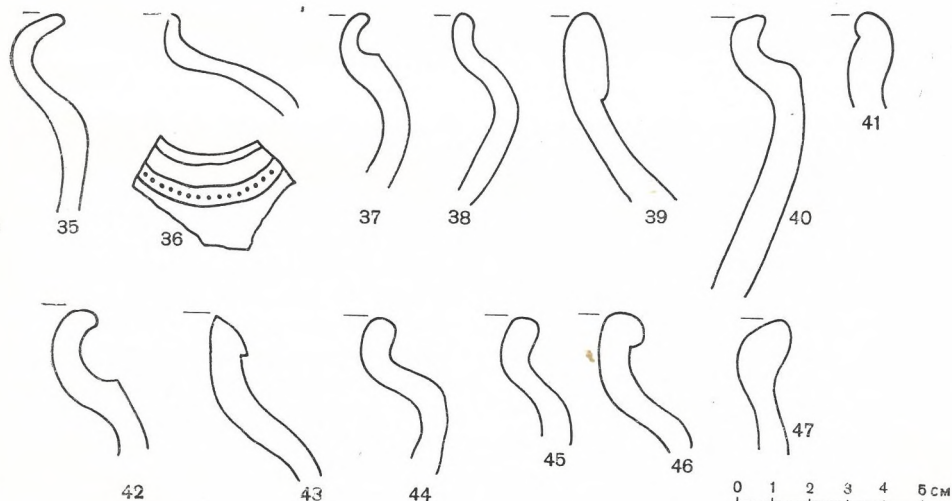

Рис. 6.

Керамика

1—16 — XII—XIII вв.; 17—34 — XIV—XV вв.;
35—47 — XVI—XVII вв.

лить его дату по профилю, где на глубине 0,63—0,90 м лежит слой XVI—XVII вв.: пряслице, найденное в его верхней зоне, относится не ранее чем к XVI в.

Наличие превосходной глины в Дмитрове создало хорошие условия для гончарного ремесла; традиции и техника изготовления глиняной посуды сохранились вплоть до нашего времени — в Дмитровском музее были собраны современные сосуды, по качеству глины и технике изготовления близкие к древним типам XII—XIII вв.

Керамика XII—XIII вв. (рис. 6, 1—16)⁴⁸. Для большей части образцов этого времени характерны толстые — до 1,5 см, неравные по толщине сосуды (рис. 6, 2, 4, 6, 9, 11). Профиль отличается плавностью линий. Обжиг печной; прочность достигалась не высокой техникой обжига, а увеличением толщины стенок. Венчики слабо отогнуты, а иногда почти вертикальны и заканчиваются (в сечении) полуокружностью или полуэллипсом.

Другой тип характеризуется большим техническим совершенством (рис. 6, 1, 7, 8, 16). Стенки сосуда тоньше, толщина ровнее. Профили более разнообразны. Иногда бортик и тело сосуда изящно соединены под углом полуокружностью, обращенной вниз (рис. 6, 8). Венчики сохраняют прежнюю форму, хотя более отогнуты назад. Орнаментация волнистая и линейная с преобладанием последней. Для большинства сосудов характерно отсутствие украшений.

Иной тип сосуда этого времени — тонкостенные, с профилем, в котором часто прямая линия соединяет венчик и бортик сосуда (рис. 6, 13). Такого рода керамика присутствует в слое XII—XIII вв., но она больше распространена в XIV—XV вв.

Керамика XIV—XV вв. (рис. 6, 17—34). Продолжают встречаться вышеописанные типы керамики, хотя толстостенная керамика — явление редкое.

Для слоя XIV—XV вв. характерно распространение тонкостенной керамики с довольно однообразным профилем в виде плавно скругляющихся линий бортика с боковыми стенками сосуда (рис. 6, 23—27, 33). При однообразии профилей венчики имеют много вариаций — от полукруглых (рис. 6, 24) до заостренных, отогнутых под прямым углом к шейке (рис. 6, 25). Орнаментация почти совсем отсутствует. Обжиг у большинства сосудов горновой.

Другие виды керамики (рис. 6, 17—22), по технике изготовления ближе стоящие к XII—XIII в., имеют существенные отличия в строении венчика (рис. 6, 20, 21).

Особо отметим плоскодонную чашку (рис. 6, 30) (диаметр в широкой части — 100 мм, высота — 40 мм) с полуовальными стенками, загнутыми внутрь.

Керамика XVI—XVII вв. (рис. 6, 35—47). В керамике XVI—XVII вв. сохраняются все виды, формы, характерные для Дмитрова XIV—XV вв. Преобладающее значение получают толстостенные большие сосуды, напоминающие керамику XII—XIII вв., хотя по технике изготовления они значительно лучше. Обработка венчиков становится менее разнообразной, они слабо отогнуты, почти под прямым углом к бортику, орнамент линейный и волнистый, только один фрагмент украшен параллельными линиями, между которыми идут точки (рис. 6, 36).

К XVI в. относится появление лощеной керамики, с ее характерным металлическим блеском, хорошим обжигом и линейным орнаментом.

Из своеобразных керамических изделий этого рода встречаются лощеные прямоугольные плитки. Размер приблизительно — 18×42 , по краю идет бортик высотой около 5 мм и шириной 3 см. Обработка поверхности плитки такая же, как и лощеных сосудов.

Керамика из раскопок Дмитровского кремля, как и вся славянская, весьма устойчива по формам, отличаясь местными вариантами только в деталях, важных при датировке слоев среднерусских городов. Сравнительно простая керамика XII—XIII вв. сменяется в XIV—XV вв. разнообразными типами, отличающимися техническим совершенством. В XVI—XVII вв. широко распространяется лощеная керамика. Разнообразие форм, столь характерное для XIV—XV вв., исчезает.

Архесологические работы в Дмитрове позволяют сделать некоторые выводы, хотя небольшой масштаб раскопок, неполнота материала, крупные дефекты и пробелы в документации мешают дать подробную картину материальной культуры города.

Характер древнейшего культурного слоя и его находок не дают никаких оснований подозревать, что Дмитров возник «не на пустом месте», что ему предшествовали какие-то «селения» XI—XII вв.⁴⁹ Ни эта ранняя дата, ни мысль о раннем поселке на месте кремля ничем не могут быть подтверждены. Подобно другим городам-крепостям Владимирской земли — Юрьеву Польскому, Переславлю-Залесскому⁵⁰, основанным Юрием Долгоруким в 1152 г., и Дмитров заложен как крепость тем же неутомимым градостроителем северо-востока безотнositельно к старому поселению.

Находки XII—XIII вв. типичны для древнерусского города с разви-

тым ремеслом, которое сосуществует со значительными элементами сельского хозяйства. Металлические вещи XII—XIII вв. свидетельствуют о существовании в Дмитрове кузнечного дела с разнообразными приемами горячей обработки металла. Долота, серпы, ножи — все эти предметы требовали при изготовлении специфических приемов, доступных только кузнецу-профессионалу.

В находках сельскохозяйственного инвентаря отразились специфические черты жизни Дмитрова. Так косы-горбуши, типа найденной в Дмитрове, употребляются в настоящее время в лесных местностях севера (Вологодская область, Сибирь)⁵¹, где работа косой-литовкой затруднена. Дмитров был издревле окружен сплошным лесным массивом, сохранившимся до XVII в., поэтому вполне естественно, что для косьбы в лесу предпочитали пользоваться косами-горбушами.

Сравнительно выгодное географическое положение Дмитрова позволило ему вести торговлю через Яхрому — Сестру — Волгу с другими областями; поэтому в таком изобилии мы встречаем в раскопе города, как и в других суздальских городах, стеклянные браслеты южнорусского происхождения. Иные находки (четырёхконечный крест, бусы и др.) наводят на мысль о довольно тесных связях Дмитрова с другими областями древней Руси (Москва, Киев).

Отметим попутно одно недоразумение. При раскопках в Дмитрове, судя по описям и отчетам, было найдено три монеты: Василия I Дмитриевича (1389—1425 гг.), Василия Васильевича (1425—1462 гг.) и Ивана III (1462—1505 гг.) или серпуховского князя Василия Боровского (точно установить не удалось).

Между тем в отчете о полевых исследованиях ГАИМК за 1934 г.⁵² сказано, что при раскопках 1933—1934 гг. «найжены монеты, выбитые в Дмитрове местным удельным князем, что для того времени до сих пор не было известно». П. И. Райнов⁵³, ссылаясь на это, говорит: «Изготовление монет встречается в XII—XIII вв. даже в глухих углах, вроде города Дмитрова»⁵⁴. Это утверждение о существовании чекана с XII—XIII вв. является неверным, ибо его не подтверждают материалы раскопок, хотя дмитровские монеты XIV—XV вв. нумизматам давно известны, но только не из раскопок⁵⁵.

Находки XIV—XV вв. не так разнообразны, как XII—XIII вв. Все же отдельные вещи XIV—XV вв. освещают некоторые стороны материальной культуры Дмитро-

ва. Браслет, изготовленный, по-видимому на месте, позволяет говорить о навыках ювелирного дела и литья цветных металлов. Встречаются и кузнечные изделия довольно тонкойковки (копоушки, пинцет). Керамический материал этого периода свидетельствует о значительном развитии гончарного дела на всем протяжении жизни Дмитрова.

Еще более скуден материал XVI—XVII вв. Можно лишь отметить, что среди характерной для всей Руси лощеной керамики здесь встречены лощенные плитки, видимо, местного производства. Мы не знаем, в Дмитрове или Москве изготавливались огромные майоликовые панно, украшающие Дмитровский собор, но не исключено, что к ним причастны и местные гончары⁵⁶.

Примечания

- 1 Н. П. Милонов. Дмитровское городище. СА, IV, 1937.
- 2 М. Н. Тихомиров. Город Дмитров от основания города до половины XIX в. Дмитров, 1925; он же. Древнерусские города. М., 1946; он же. Россия в XVII столетии. М., 1962.
- 3 М. А. Ильин. Успенский собор в Дмитрове. Материалы по истории русского искусства, вып. 1. М., 1928; он же. Подмосковье. М., 1966.
- 4 См.: генплан раскопок; Н. П. Милонов. Указ. соч., рис. 2.
- 5 Н. П. Милонов. Указ. соч., рис. 3. Прилагаемые профили публикуются в том виде, в каком они были сняты во время раскопок Н. П. Милонова. Комментарии автора статьи см. в тексте (прим. ред.).
- 6 Описание 1933 г., № 61—63, 42, 48. До Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. описание хранилось в музее Истры. В настоящее время местонахождение описи неизвестно.
- 7 Н. П. Милонов. Указ. соч., стр. 150.
- 8 Там же, рис. 2.

- 9 Там же, стр. 155.
- 10 Там же, стр. 156.
- 11 Там же.
- 12 Там же, стр. 157, рис. 8.
- 13 Описание 1933 г., № 980—992.
- 14 Описание 1933 г., № 38—39; 54—60; 64—68, 171.
- 15 Н. П. Милонов. Указ. соч., стр. 157, 158.
- 16 Описание 1934 г., № 4130—4135; 2045—2055; 20618—59; 20725—29; 20653—54.
- 17 Н. П. Милонов. Указ. соч., рис. 5.
- 18 Там же, стр. 156, 157.
- 19 Там же, стр. 154, рис. 6.
- 20 Там же, стр. 133, рис. 7.
- 21 Там же, стр. 152.
- 22 Г. Ф. Соловьева и В. В. Кропоткин утверждают, что в отдельных районах Руси, не подвергавшихся татаро-монгольскому нашествию, производство браслетов иногда сохранялось до XIV в. (См.: Г. Ф. Соловьева, В. В. Кропоткин. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов в древней Руси. КСИИМК, вып. 49, 1953, стр. 21—36).

- 23 ПСРЛ, т. I, 1927, стб. 388.
- 24 М. А. Ильин. Успенский собор..., стр. 8.
- 25 Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 108.
- 26 См. например: Ф. Н. Молчановский. Обработка металла на Украине. ПИДО, 1934, № 5.
- 27 В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. СПб., 1903, стр. 58, табл. 6, рис. 16.
- 28 А. В. Арициховский. К методике изучения серпов. РАНИОН, IV, 1929, стр. 29—42; В. П. Левашева. Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. «Труды ГИМ», вып. 32, 1956, стр. 71.
- 29 А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15. СПб., 1905, стр. 125.
- 30 А. В. Арициховский. К методике изучения серпов, стр. 36.
- 31 А. А. Спицын. Древности камской чуды по коллекции Теплоуховых. СПб., 1902, табл. XXX, рис. 6.
- 32 А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20, 1896, стр. 37, табл. XIV, рис. 24.
- 33 П. Н. Третьяков. Костромские курганы. Л., 1932.
- 34 Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения Владимира XII в. МИА, № 11, 1949, рис. 26, 1.
- 35 По имеющимся у нас сведениям, был найден и нижний жернов, но в коллекции Исторического музея его уже не было.
- 36 Б. А. Рыбаков. Жернова Вщижского городища. КСИИМК, вып. 10, 1945.
- 37 В. М. Сизов. Указ. соч., стр. 74—75.
- 38 Н. П. Кондаков. Русские клады. СПб., 1896, стр. 43.
- 39 Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. I. Киев, 1899, табл. V, рис. 73.
- 40 Ю. Л. Шапова. Стекланные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 169—170.
- 41 Ю. Л. Шапова по новгородской стратиграфии относит подобные бусы к XII в. (Ю. Л. Шапова. Указ. соч.).
- 42 А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, № 29, 1903, стр. 19.
- 43 См.: Ю. Л. Шапова. Указ. соч.
- 44 Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 85, табл. XVI, рис. 3.
- 45 Niederle. Slavanska starozitnosti. Praha, 1925, Bd. I, str. 2, табл. XLI, рис. 21.
- 46 А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии..., табл. V, рис. 15; он же. Гдовские курганы..., табл. XXXV, стр. 35, рис. 27.
- 47 Б. И. и В. И. Ханенко. Указ. соч., вып. II, 1899, табл. XXV, рис. 294; А. А. Спицын. Гдовские курганы..., табл. XXIV, рис. 28; он же. Курганы С.-Петербургской губернии..., т. XVII, рис. 21.
- 48 Так как весь материал, в том числе и керамический, погиб, то невозможно дать его детальную характеристику.
- 49 Н. П. Милонов. Указ. соч., стр. 164, 165.
- 50 Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I, М., 1961, стр. 101, 102.
- 51 D. Zelenin Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin, 1927; В. П. Левашова. Указ. соч., рис. 18.
- 52 Полевые исследования ГАИМК в 1934 г. СЭ, 1935, № 2.
- 53 П. И. Райнов. История науки в России XI—XVII вв. М., 1940, стр. 30.
- 54 Там же, стр. 30.
- 55 А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, стр. 154—157.
- 56 Ю. И. Аренкова. О происхождении изразцовых рельефов Успенского собора в г. Дмитрове. СА, 1967, № 2.

Список сокращений

АИ	Акты Исторические
ВВ	Византийский Временник
ГАИМК	Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	Государственный Исторический Музей
ЖМВД	Журнал министерства внутренних дел
ЗРАО	Записки Русского Археологического Общества
ЗВОРАО	Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества
ИАК	Известия Археологической Комиссии
ИТОИАЭ	Известия Таврического Общества Историк, Археологии и Этнографии
КСИИМК, КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАК	Материалы по Археологии Кавказа, издаваемые Моск. Археологическим Обществом
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
МИР	Музей Истории и Реконструкции Москвы
ПСРЛ	Полное Собрание Русских Летописей
РАНИОН	Российская Ассоциация Научно-Исследовательских Институтов Общественных Наук
СА	Советская Археология
СБРИО	Сборник Русского Исторического Общества
СЭ	Советская Этнография
Тр. V АС	Труды V Археологического Съезда
Тр. III МКИИА	Труды III Международного Конгресса по Иранскому Искусству и Археологии, I. М.—Л., 1939.
ЦГАДА	Центральный государственный архив древних актов
ЧОИДР	Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете

Содержание

	Предисловие	5
М. Г. Рабинович	Культурный слой центральных районов Москвы	9
Н. С. Шеянина	Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963—1965 гг.	117
Д. А. Беленькая	Археологические наблюдения в Успенском соборе в 1966 г.	158
В. И. Цалкин	Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы	164
Е. А. Цепкин	Остатки рыб из раскопок древнего Кремля и Зарядья	186
А. Г. Векслер	Палаты Натальи Кирилловны в Московском Кремле (опыт реконструкции по документам и археологическим данным)	193

Г. П. Латышева	Торговые связи Москвы в XII—XIV вв. (по материалам археологических раскопок 1959—1960 гг. в Московском Кремле)	213
А. Л. Якобсон	Художественные связи Московской Руси с Закавказьем и Ближним Востоком в XVI в.	230
Р. Л. Розенфельдт	Инструменты московских ремесленников	253
А. В. Никитин	К характеристике материалов раскопок в Дмитрове (1933—1934 гг.)	268
	Список сокращений	292

**Древности
Московского Кремля**

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор
А. А. Бобринский

Редактор издательства
Н. П. Бобрик

Художник
Г. В. Дмитриев

Художественно-
технический редактор
Т. А. Прусакова

Сдано в набор 11/V 1970 г.
Подписано к печати 19/XI 1970 г.
Формат 70×90^{1/16}.
Усл. печ. л. 21,64+1,9 вкл.
Учетно-изд. л. 23,3
Тираж 17 000. Бум. № 1
Тип. зак. 636
Т-17066

Цена 1 р. 98 к.

Издательство «Наука»
Подсосенский пер., д. 21
Типография издательства «Наука»
Шубинский пер., д. 10

0173956

НАУКА .

Древности
Московского Кремля